

Decoration Disorder Disconnection 2

Перевод с японского: **Каэнс**

LivingFLCL
Редактура: **Rosetau**

Эдит: **Ева**

1.

S.vs.S-1

DD

isconnection

isorder

2

Сет позишн, тэйкбэк. Шаг, выпуск, страйк.

В этот миг тело становится пружиной.

Неважно, кто бьющий, — не дать и коснуться мяча.

Чарующая гладкость движений плоти, кости, воли.

Потерявшие человечность от излишнего повторения движений поясница и локти
воздвигают гору мертвых тел.

Здесь — сковорода, подогреваемая радостными выкриками.

Отзвуки воплей одобрения, греющие намеком на лавровый венец.

Обжигающе-палящее солнце.

Жарящий легкие запах лета.

Свесившая голову женская фигура.

До содрогания холодного цвета синее небо, ни облачка.

Бейсбольное поле, как водянистого цвета космос, а в центре него стою я.

Но все равно — кто сказал, что и это пройдет?

Непригляднейший фол на подаче.

Необратимый «дикий мяч».

Со стороны крайне комичный, театральный даже, выбор филдера.

Под волнами противных звуков я прятала глаза.

И тогда...

Я впервые услышала звук ломающейся кости.

Все планы на лето вернулись к чистому листу.

Мы рассчитывали дни сражений как минимум по первую неделю августа, но в тот же день, как начались долгожданные летние каникулы, дни предали большинство наших задумок и положили битвам конец.

— М-да, как все обернулось-то. Настолько резко, что даже освежает, как вы думаете?

Повернувшись, я спросил двоих человек позади, но ответа не получил.

На следующий день после того случая, в Сикурской старшей школе №1...

До вчерашнего дня такой шумный стадион объяла тишина.

Залитая светом летнего солнца земля цвета заварки черного чая. Синее небо, насколько хватает глаз, притупляется чувство перспективы. Наводящий на мысль о горизонте, без мячей, без команд, без сеток, ровный пейзаж.

Сейчас двадцать первое июля. Школа на летних каникулах.

На стадионе нет учеников, и в здании тоже, казалось, не было ни единого человека. Даже для послепраздничного дня эта тоска была слишком экстремальной.

И вот эту экстремальность мы решили использовать.

— Ничего себе. Это откуда у тебя ключ от задних ворот, Исидзуэ-семпай? Раз решили проникнуть тайком, уж могли бы и через забор. О, ты случайно не думал отомстить после выпуска?

— Не. Прости уж, что не оправдал надежд. Мне не настолько нечего делать, и я не настолько расчетливый. Просто я все время его занимал, и все, без особого подтекста. А, у меня и ключ от клуба есть, тоже откроем?

— Не, какой смысл-то... Однако как местные ребята это допустили вообще? Это, как его, не протекция какая-нибудь, когда смотрят сквозь пальцы?

— Было дело. Если хочешь сам, могу научить, но тебе же этого не надо. А, вон, мартышку надо поймать, Кирису. А то так и в школу вломится ведь.

«Угу», — обескуражено ответил Кирису Яитиро и зашагал вперед.

Да, сегодня мы здесь на незаконных основаниях. Стадион еще ладно, а если лезть в здание, сквозь пальцы уже не посмотрят.

— Э-эй ты, балда-а! А ну стоять!

Большая туша Кирису округлила плечи и вошла в краучинг стайл.

Цель — третий соучастник наглого пересечения стадиона и инициатор всей затеи, Цурануи Михая.

— Ух-хо, горилла! Не жалкая букашка, но жалкая горилла бежит сюда по прямой?! Что же, что же с этим зверем?! В этой жаре вдруг сошел с ума от меня, как я погляжу!

— У-а-а-а, чтоб ты сдохла, макака! Я скорей помру, чем захочу тебя!

Как в старом добром регби.

Кирису со стенобитной дурью врезается в Цурануи, и оба катятся, поднимая пыль. Без преувеличений. Удар был просто убийственным.

— Эх, молодость. Неплохо двигается в такую жару.

А мне просто дышать смерти подобно.

Утирая пот со лба, сажусь в тень дерева, откуда лучше видно.

С уходом из-под солнца температура стала терпимой, но жар от стадиона после полудня стал еще ярней. То ли началось опустынивание местности, я даже миражи увидел.

Зато прямо сверху — визг, высокий, сверлит мозги. Ну, цикады визжат. «Свиристят с хорошим ритмом», — так лучше звучит, но работа без секунды отдыха противоречит ТК,

кончайте уже. Ну же, лето длинное. Подумайте о размерности, подумайте о долгой и спокойной пенсии.

— Или не думайте, седьмой день жары же. Тут впору ленять, пока живой... А-а, блин, что-то тут еще жарче стало.

На стадионе Кирису и сваленная им Цурануи уже успели перейти к исполнению захватов в локоть, обратных крестов и прочего. С легкими слезами на глазах — видимо, потому, что новенькая одежда стала комьями песка. Самое жуткое, что тэкл Кирису нанес ноль повреждений.

Отвлекаясь: когда выяснилось, что эта пустоголовая девица на самом деле выходец из хорошей семьи и всерьез занимается самбо, когда все закончилось, уже наступил две тысячи шестой год.

Это будет сильно позже, а вот сейчас тридцать пять градусов в тени. Осадков всю эту неделю не предвидится. Безжалостное жгучее солнце середины лета не выпускает меня из угла, и только энергия Цурануи бьет ключом.

Городское лето год от года превращается в ад.

Тесно выстроившиеся дома мешают ветру, плюс бездумные люди внутри со своими перегретыми кондиционерами, да еще стены зданий отражают солнце, как огромные зеркала, и земля неплохо так обгорает. Если ты не из тех граждан, что несут бремя кондиционерного греха, и не с такими деньгами, чтобы скрываться в естественных убежищах — семейных ресторанчиках — а простой школьник, то для тебя это тяжелый сезон. Ну, зимой тоже ломаешь голову над всеми прелестями холода, да, можно сказать, круглый год беда, но все равно.

Так-то у нас, не бомжей, есть свои надежные дома, и можно там пересидеть, не напрягаясь. Можно, но, гм, молодость не дает так убивать время. И родители не дают. Отцы выталкивают потерявших боевой дух и предающихся сну сынов на улицу, матери укоряют усердно сидящих в чатах и строящих «хомяки»¹ со стишками дочерей.

Так что вынужденной вести жизнь дорожных бродяг молодежи от скуки приходится сбиваться в ватаги и бесцельно шляться по городу. По такой бессмысленной причине я и познакомился с Цурануи и Кирису.

— О? Вы тоже располагаете свободным временем, семпай?

— Ну так. Меня аж до середины лета вам в помощь приписывали. Теперь планов ноль, думаю подработку пойти поискать, что ли.

— Везет мне! Тогда я покупаю один ваш день!

На этом мне в руку шлепнулся щедрый аванс в десять тысяч иен.

Я помялся, но признал особую выгодность предложения в десять часов утра. Если подумать, мой талант проявился весьма рано.

В качестве участника вечеринки бездельников я и пришел в школу по задумке Цурануи...

— Круто! Цикады крутые! Вы же хором поете! Э, вы где до сих пор были? Под землей? Зомби, что ли? Вообще, так рано встать и сразу так беситься — морпехи обзавидуются! Черт, вы мне по нраву, можете прийти ко мне и фак май братьяс!

Цурануи сидит под той же кроной и подбадривает цикад.

— Э-эй, Исидзуэ-семпа-ай, мне бы воды попить. Не из-под крана, а минералку-у. Может, ненадолго зайдешь и стрясешь немного у них по праву старшего?

¹ Здесь – домашние web-страницы.

Распластавшийся в той же тени, Кирису Яитиро без капли властности лениво помахивает рукой в воздухе.

Натуральный кошмар.

Нас троих видеть было тошно.

Каким образом совсем недавно полные блестящих планов на лето ребята за один день превратились в совершенные тюфяки? Как жестока судьба. Проникшим на спортплощадку троим бездельникам нечем заняться, и мы смотрим на зарождающиеся в небе кучевые облака.

Занятые дни кончились.

И наши планы, и прожекты взрослых, и все-все стало чистым листом.

В рамках префектуры С, но все же битва гениев, так и не сбывшись, пропала, словно морская пена.

— А кстати. Вроде бы сегодня четвертый раунд «Коал»?

— Ага. Ас Комагири и питчер сверхвысшей школы Игурума, Юмия на замене. Не прошляпят. Победа по району точняк за ними.

— У-у. Да, у «Коал» забрал тогда очко только наш хоумран... Обидно. Паршиво. Я бы хотела еще посмотреть на битву наших первых по школам гениев.

— Не дури. Как слагер, Гондо из Котокуин не хуже. Он одуренно дает хитрый мяч, а еще незаметно набрал высший процент страйков, ага? Хотя хоумранов мало...

— Ага, у Гондо-кун сильная левая. Хотя с шутингом Игурумы не ладит. Вот если б у него руки-ноги были как у Кирису, он бы брал...

— Ха. Все эти скучно-хорошие бьющие. Ой-ой-ой, золотой хоумран с дома, золотой возврат питчеру с дома, золотой бег со страйк-аута до базы с дома, золотой дедбол с дома, вся эта любовь к экстремальным бьющим. А, и руки-ноги у Кирису-сан слишком длинные, как у обезьяны же. Хотя я только что это заметила.

Цурануи шлепается из положения «сидя» в положение «лежа». Ей бы хоть чуть-чуть больше воспринимать себя как девушку.

— Ах-ха-ха. Извини, но я-то уже давно заметил... что ты, женщина, не ценишь уважения. Кирису уже давно лежит в такой позе, слушает треп Цурануи, вечно ляпающей на слово больше, чем надо, багровеет, но игнорирует.

Вот ведь дикари. Но одному оставаться сидеть было как-то не то, и я тоже развалился на земле.

Привычный запах земли.

Под тенистой кроной никакого газона, обычное бурдоземье. Тут и там я почти уже три года сижу отдыхаю. Бездумно смотрю в небо.

Стадиончик все так же наводит сон своей скучностью, но в груди покалывает чем-то несбывшимся. Лето слишком жаркое и длинное, чтобы просто существовать. До вчерашнего дня этот жар был другом. Нам, переживающим «весну жизни», небо середины лета чем-то напоминало возгласы одобрения с трибун.

А сейчас поддержки не слышно. Стадион безлюден, и это потому, что занавес нашей истории закрыт. Прошли финальные титры, кому-то из зрителей надоело, кто-то хлопал, кто-то тронут до слез, но все они ушли.

Здесь осталась только маленькая забытая в диком поле сцена.

Только кинопроектор, только треск пустых бобин.

— Ну вот, теперь делать нечего...

— М-м, точняк...

Протягивая руки, мы лениво смотрим в небо.

Шум цикад эхом пилит уши.

— Так. А давайте-ка сыграем в бейсбол.

Никто не против.

«К чему-то такому и шло», — криво улыбаясь, Кирису принес из клуба снаряжение.

Питчером — Кирису.

Я — бьющим... быть не захотел, поэтому кэтчером.

Бьющим — подающий надежды новичок, Цурануи Михая.

Девушка, видимо, радуясь, что может держать биты в руках, солнечно улыбаясь, направляет ее на Кирису.

— Хе. Чтоб вы знали, бездельники, в Сикуре есть и третий гений! Камон, старпер!

Сегодня я отделю зерна от плевел, вы будете кланяться и угощать меня сладостями какими-нибудь!

«Ну, ну», — машет битой непутевая младшеклассница.

Длинные конечности Кирису, рост за метр восемьдесят, замах белым мячиком, грозящий рассечь и не заметить.

— Раз, и, два!

То ли вой, то ли рев.

Прекрасная подача, слишком сильная для девушки-бьющей.

Мяч взлетает, как след от самолета.

«О-о!» — смотрят в небо трое бездельников.

...Такое долгое, тяжелое лето.

Сон о потерянном водянистого цвета рае — ныне утерян.

Итак. Вот история о временах юности, когда в воздухе было чертовски жарко, но внутри — совсем наоборот.

1/Slugger. (Top)

Разрыв черепной кости.

Исход решился вмиг. Затылок с криком убегающей цели пробил демонический снаряд в сто сорок кило.

Не табу на убийство, а экстаз победы возвратил во все тело жар. Иллюзия выжигаемого солнцем «я». При виде мозгов бьющего, разлетевшихся по асфальту, его сознание затянуло в старый пласт.

Самое начало. Я не помнил, почему упорствовал из-за такой мелочи.

Мать говорила, я с мячом в руке под стол ходил, но у меня нет памяти об этом и причин этому верить.

У нас вообще-то не было лишних денег покупать мячи или перчатки, и мать не была так воспитана, чтобы развлекаться бейсболом.

Наш дом был сравнительно бедным, это я сразу понимал. Мать старалась, но в школе разница стала отчетливой. Даже в младшей школе, раздающей всем одинаковые учебники, чтобы изжить разницу в средствах, не могли эту разницу скрыть... Точнее, именно беззлые дети могли и уважать бедность, и посмеиваться над ней.

К счастью, в моей младшей школе было немало детей со схожей средой. Богатые и бедные, верх и низ сотрудничали и держали баланс. Нападки распылялись, а я — большая удача — под нападками не выглядел смешным, даже получал уважение.

Вот только вместе с отсутствием нападков приходило и отсутствие поддержки.

Весьма долгое время я не знал о понятии «друг».

Я от этого не страдал. Мне некогда было испытывать от такого неудовольствие. Тяжесть моей жизни дома была несколько выше.

Как я могу горевать, что мой дом беднее прочих? Были дома хоть и бедные, а все равно не так, чтобы на грани. Крайняя бедность отнимает детство. И матери не пожалуешься.

Наоборот, я думал, что должен сам что-то сделать, однако в свои шесть лет я по-честному не мог ничего. Как вышло, что в среде, где не было денег на бейсбол, я стал им увлекаться?

Сейчас я думаю, что повод к чему-то должен быть мелким. Не нужны ни события с глубинным смыслом, ни детские травмы. Так со смехом собираются обычные, здоровые, толпящиеся муравьями на сахаре соседские пацаны.

Я без всякой причины схватил мяч и начал с ним баловаться — вот, все просто.

Да. Повода я не могу вспомнить, но помню, как в детские годы просто играл с мячом.

На площадке между домов в Нодзу мы каждый день играли как бы в бейсбол.

Красный закат. Закрытое пространство без взрослых. Игра с мячом из питчера, бьющего и кэтчера.

«Привет. Заждался, Синкер?»

Я каждый раз ждал остальных двух, а они каждый день приходили поздно.

Я был невысок и плохо сложен.

Но мы все были обделены чем-то и говорили: «А ведь бейсболист должен хорошо питаться!» — с довольным видом задумывались, потом смеялись и добавляли, что это уж никак.

Мы объединяли свои никакие познания, притворялись, что тренируемся, и продолжали играть до захода солнца.

...И как-то это стало неестественным.

Иногда мы ходили смотреть на матчи юношеской лиги. Пустые трибуны. Нам говорили прийти поиграть завтра, и мы втроем шумно шли домой. Такая ранняя кульминация жизни. Мы верили, что завтра будет солнечным, что теперь все-все получится. Эти легкие, чистые времена оборвались, не прошло и года.

Разница в способностях. Расширяющийся разрыв в умениях. Раньше такие дружелюбные, а теперь глядящие с завистью дорогие друзья.

Кто-то сказал, что если продолжать крутеть, то уже неинтересно. Но тогда бейсбол для меня был всем, и я не мог подстраивать шаг под других.

А ведь беспокойство, что останусь позади, было и у меня. Так почему моя команда одному мне говорила «не выделяться»?

Я не имел права проиграть,
и я не имел права сбиться.

Потому... я этого и пожелал.

Красный блин солнца. Площадка только для нас троих. С нами заговорил какой-то неизвестный мужчина с добрым лицом, сказав среди прочего что-то вроде того, что выполнит наши желания.

«Я хочу пробить золотой хоумран с дома!»
«Тогда я — быть неотбиваемым питчером!»

Дьявольская улыбка из-под шляпы.

Золотое время кончилось.

Потому что после этого бейсбол перестал быть для меня чистым.

...Сейчас и вспомнить-то нечего. Люди, похоже, мечтают обо всем на свете, пока живут, а у меня было две мечты, и их хватало.

Одну из них я взял почти с потолка и потерял навеки.

Мозги на асфальте.

В запахе крови только что убитого человека он пришел в себя. Похоже, ужасные воспоминания воспроизвелись всего раз.

Полночь. Первый, выбранный для пробы сил, был подделкой, бесполезной в бою.

Ожиревшее до предела тело. Расслабленный до предела разум. Ослабленные до предела навыки.

В порядке только бита и шузы, а человек с ними — просто цепляющиеся за былую славу останки.

От разноса головы с плачем молящему о спасении человека он не испытывал ни угрызений совести, ни неприятного послевкусия. Скорее, от прерванной жизни к нему вернулся здравый рассудок.

Борьба с паразитами — мелочь.

Они нужны для развития растений, но по-человечески противны, поэтому смерть. Эта зачистка — другая. Стимул здесь — ярость. Он метнул оружие от простого гнева.

«Вот насвинячил», — самоиронизируют сухие губы.

Вынул мяч из разбитого черепа.

От возгорания коровья шкура выгорела, и обнажились внутренности, волос и нити. Он решил, что при таких повреждениях мяча хватит еще на пару раз, и глубоко вздохнул.

Не от усталости.

Он просто выдохнул воздух в холод.

Белый пар. Обхватив свое дрожащее тело, он отыскал на мертвом мужчине золотистое устройство и забрал его.

Даже на безлюдной трассе государственного значения есть круглосуточные магазины. Тело скоро найдут. Не то чтобы он был против, но шумиха над первым затруднит дальнейшие действия. Подобрал мяч, он ушел в темень, трясясь от холода.

Словно страдающая тропическая ночь.

Городские огни освещали «бокс» дороги, где осталось обезображенное тело, все еще сжимающее битву.

В этот год, как обычно, было страшно жаркое, плавящее лето.

Температура воздуха добралась до тридцати восьми по Цельсию, и прогноз погоды по телевизору скрылся под рыжими смайликами на всю будущую неделю. В перегретом городе на грани плавления, естественно, подсох и поток работающих людей.

Две тысячи четвертый год, шестое августа, префектура С, город Сикура.

В этот месяц, когда Исидзуэ Арика выписался из клиники имени Ольги, в Сикуре расплодилось юношеские преступления.

Молодежная банда, напавшая на Исидзуэ Арику, продающая незаконные медикаменты.

Ее центральный фигурант, Хисаори Синъя, совершивший самоубийство. Ошибочно обвиняемая в убийстве одного носительница синдрома А и исчезнувшая Хисаори Макина.

Трения среди протестующих против судебной системы жителей индустриального района Нодзу, подскочивший по сравнению с прошлым годом процент преступлений,

совершаемых носителями синдрома А. Дорожное представление юношей-подростков расширило масштабы. Возможно, в связи с его задержкой произошел случай убийства.

Даже если просто посчитать, проблем было очень много.

Но с этим ничего не поделать, и прохожие привычно мотают на ус и легко смотрят на эти вещи. В городе и в умах людей сухо и скучно.

— А? Арисима-кун, ты уже домой?

Вот один из углов многоугольника.

Прохладный в сравнении с дневным адом, лениво-теплый вечер.

К «вертушкам» перед станцией прилегает жалкий отрезок общей площади. Огороженная забором баскетбольная площадка наполнена народом в свете множества слепящих ламп.

Этот парк разбит пару лет назад. По ночам этот неиспользуемый зеленый корт весь в суматохе, как на празднике; звучат смех, одобрение и ругань.

— Ну же, еще только десять часов! Давай дальше, пока свет не выключат! Сегодня можно, раз ты в оппонентах.

— Извини, не получится. Где я щас живу, там запираются рано и по часам. Не вернусь до смены суток, меня ночевать не пустят.

Ветренный, но дружеский девичий голос, на который Арисима Сёго отвечает понуро.

Сёго — фрилансер, которому только-только стукнуло девятнадцать. Рост — сто восемьдесят три сантиметра, вес — девяносто пять килограмм. От рождения крепкое тело, тем не менее, не лишено тучности, и к молодому человеку больше подходит «большой», нежели «рослый».

Впрочем, это не значит, что он неводержан. Еще не сброшенный лишний жир — пусть его, но тучный он намеренно. Такое тело часто видишь у спортсменов — важнее внутренние мышцы, чем внешний рельеф.

— Ну почему-у? Сегодня в парке народу больше, чем обычно. Ты же популярный, Арисима-кун? Как-то показаться перед новенькими надо, ну сделай еще удар?

Девушка считает, что Сёго — приличная финансовая поддержка. Никуда не годится, конечно, она этого даже не пытается скрыть, но Сёго все-таки откровенно рад, что на него так полагаются.

Сёго от рождения хорошо сложен, угрюм и, видимо, суров, но внутренне ненавидит драки и идиллически добр. Среди своих на его податливость жулью уже рукой махнули, но в тоже время он типичная душа компании, и его любят.

По сути Арисима Сёго — из той же молодой компании, что собирается в этом парке. Выпустившись из школы и пойдя во фрилансеры, сейчас наслаждается свободой. Ему говорят, какой он лузер и как он разлагается, но что обсуждают потом, то пусть обсуждают меж собой те, кому делать нечего. Счета, что вольный юноша набирает развлечениями, он потом всегда оплачивает, так что давайте сейчас дорогого вина вволю — вот такое кредо у Арисимы Сего.

Поэтому, с его точки зрения, и девушка перед ним, и молодежь, собравшаяся в парке, все они — свои. Кто-то черная овечка, но что поделывать.

«Эй, народ. Сидеть на месте тоже силы нужны, короче, давайте затеем что-нить новенькое, энергию все равно девать некуда. Так, чтоб по времени быстро, но прикольно. И, ну... это самое главное, в общем, так, чтобы заодно кошельки наполнить».

Такую игру предложил их заводила, нечто вроде общего старшего брата для этой молодой прослойки.

Веселье плюс прибыль. Это правильная игра. Последнее время стало много типчиков, которым нужна только прибыль, черных овец прибавилось и среди игроков, и среди зрителей.

Но суть игры особо не меняется. Этот ринг как всегда манит раем таких, как Сего. Игроку со старомодным складом ума, ему в разы важнее наживы сама игра, пути вероятной победы.

— Не, сегодня я пойду уже. И зрители отвлекают.

— Ну ты что, серьезно? Как же без тебя следующий матч? Я не хочу ставить деньги, когда могу проиграть...

Девушка сердито хватает Арисиму Сёго за руку.

Если он не выйдет на следующий матч, шансы будут примерно равны. Похоже, девушку не устраивает сама вероятность проигрыша.

— Не могу, кому говорю. Руку отпусти. Завтра приду пораньше и поучаствую с оглядкой на оппонента, ладно? Лучше посмотри сама на игру-то, Нанами-тян. Интересно же, если внимательно смотреть.

— Фу-у. Ты ледышка, Арисима. Не смешно, блин, где я завтра деньги возьму?.. И кому вообще нужно смотреть на этот мячик, если без ставок? Чего интересного, вообще не пойму. Как дети малые, что я, дура серьезно это смотреть?

— Ну, это да. Сейчас это взрослая игра, бейсбол-то.

Он перехватывает ее руку. Слишком сильно сжал, грубые пальцы Сёго впиваются в тонкую руку девушки.

— Э-э, прекрати, больно же!

— Еще раз извини. Но все равно. Здесь так нехорошо говорить. Потому что ребята в этом SVS все повернутые на бейсболе. Услышит кто, угодишь в караоке-бокс на неделю.

— У... а, прости, т-ты прав, да, нехорошо. Ха, ха-ха-ха, виновата, не бери в голову. Девушка резко бледнеет. Она еще учится в третьем классе старшей школы, но явно слышала про это.

Близкий к городским байкам. Будто бы если кто плохо скажет об этой игре, того затаскивают в караоке-бокс неизвестно где и там долго и жестоко учат уму-разуму.

— Такие дела. Так что давай, до завтра.

Арисима Сёго не хотел пугать ее. Попрощавшись беззаботным, успокаивающим голосом, он поправил сумку на плече и покинул парк.

Пройдя от станции через проспект с рядами магазинов, парень подошел к редко освещенному жилому району.

Одиннадцатый час вечера. По отлогой дороге ко второму кварталу на холме Сикура ему не встретилось ни прохожих, ни машин.

Холм Сикура, где живут старонравные жители этой полуглубинки. В десять часов ночи за час идет два муниципальных автобуса, посему приличные люди и школьники уже вернулись домой.

А главное, никто по своей воле не поперется на улицу в такую тропическую ночь.

Жилой район объят тишиной.

Широкая проезжая часть — как из пушки по воробьям стрелять. Тянущиеся вдоль дороги в два ряда фонари светят больше, чем нужно. Белый свет, как будто от ночного универмага. Прямая дорога чуть в гору — благодать для того самого поединка.

С деревянной битой в сумке на плече, тихо идет Арисима Сего.

Что бы он ни сказал девушке, но он и сам хотел разок сыграть. Нет. Закрытие дверей было оправданием, и если бы он мог, то участвовал бы каждый день. SVS существует, чтобы быть спасением для таких, как Сёго. Он был настолько другим, что его трясло от себя, застрявшего в ленивом потоке дней.

Как говорят — «живет полной жизнью». Он снова занялся бегом, научился поддерживать физическое здоровье по спортивным канонам, да и ментальное понемногу возвращалось в тонус. Совсем недавно пробегала дешевая наркота, но Сёго она совершенно не интересовала. Потому что если она в кайф мозгам, то у них бы появилась еще раньше.

И сегодняшнюю игру он пропустил из-за того, чтобы не дать вступающим завтра в войну ветеранам узнать о себе.

Сегодня в отборочном туре летних местных игр кандидат от префектуры С, академия Котокуин, совершенно неожиданно потерпела поражение. Что в том году, что в этом — лето расстройств планов.

Но они проиграли не в таких простых формулировках. Проигранный бейсбольный матч — трагедия. Время, в которое вложил всю молодость, в один прекрасный день вдруг звучно рушится на твоих глазах — и это они наблюдали в реальном времени.

Вкусив этой обиды сполна, быстренько удрать, пожалуй, никому не удастся. На самом деле, некоторые члены команды, желая продленной игры закончившегося лета, волоклись аж до соседнего города, до Сикуры, и пришли наблюдать за «игрой», которая давно их интересовала, но они не могли поиграть сами.

— ...Отписаться — это будет как костер в засуху. Ребятки из престижной школы тоже без принципов. Хотя да, наша «Коала матер» тоже уныла, четверо лучших, и все.

Этот SVS будет особенным. Видимо, под летний школьный чемпионат игра выросла в масштабах, даже числа в ставках выросли на порядок. Гордость престижной школы — не играем с гопотой, — и та ушла погулять, настолько интересной стала игра.

Чтобы свалить этих новоприбывших, Сёго избегал случайных матчей на виду.

Его оппонент — формальный участник с номерным сотовым. Как человек, связанный с игрой с самого ее учреждения, если он сегодня не останется в тройке лучших, то не сможет смотреть в глаза старшим.

— А все-таки надо хотя бы скоординироваться. Эх, где бы взять неплохого бьющего питчера...

Ночной воздух липнет к коже. От простой ходьбы пот льет градом, но Арисима Сёго раздумывает не о нем, а об оставленной игре.

В ушах еще звенят голоса ребят, нескоординированных, но возбужденных. Этот парк, потерянный меж высоких домов, и освещение, сделанное ими ради игры.

Видимо, дело в том, что оно слишком яркое.

У него, живущего полной жизнью, в обратной пропорции к восстановлению здоровой психики притуплялся нюх на опасность.

Еще одно. Не хватало готовности принимать во внимание тот слух, что шепчут уже несколько дней.

Сейчас потерянная с летом мечта целиком отнимает его неприятие тропической ночи, его чувство негативного.
Он как-то сказал, что заплатит по счетам.
И вот счет предъявлен.

— Хай. Ты бьющий?

Как жаркий зыбкий мираж, как призрак. Под фонарем тремя метрами дальше он появился один.
Имя счету — Синкер. Это прозванный так после множества игр маньяк-убийца.

Арисима Сёго потерял дар речи потому, что появившаяся тень на самом деле была призраком.

Лето — значит, страшные сказки. Что бы ни появилось под ивой, то есть под фонарем, появилось и стояло оно слишком уж странно.

Запах тела — пот и грязь. Местами прорезанные рубаха и штаны. Левая рука выставлена, но правая скрыта в длинном рукаве, не видно даже, что в ней. К тому же капюшон, бросающий на лицо глубокую тень. В этой тропической ночи он крайне странен.

— Ну? Ты ведь бьющий в SVS?

Хрипловатый, приглушенный голос.

По скрытому капюшоном лицу не понять, но вроде бы мужчина. Приглушенный голос похож на стариковский, но тело тянет на человека возраста Сёго.

Но больше всего, больше странности этой личности, Сёго заинтересовала выставленная напоказ левая рука. Не то, что почти четыре месяца не тренированное, вернувшееся к уровню простого человека, его собственное тело. Рука мужчины была тренированной рукой спортсмена. По ее виду можно прикинуть общий тонус всего тела.

Бомжевата только одежда.

«Капюшон» — игрок. Причем высококлассный. В армии он много раз видел, как человеческое тело развивалось только для удара и только для броска, тело в «выбранном стиле», такое, как у Капюшона.

— Что смолк, Арисима Сёго? Я же не ошибся. Ну, заржавел, но движения ног и спина у тебя возвращаются к былому... Ты по-своему крепок. Хоть и отброс, за эти несколько месяцев ты восстановился.

Капюшон кашляюще рассмеялся.

Из его рта пошел белый пар.

Возможно ли? Его тело дрожало. В этой банной жаре, завернувшись в худи², говоря: «Мне холодно!»

— Ты кто?..

Глубокая ночь. Похоже на то, как, сходя в круглосутку, нарываешься на бродягу с ножом. Слишком поздно для ощущения опасности, но еще можно успеть. Расстояние есть, три метра. Арисима Сёго просто развернется и побежит полным ходом.

— Погоди. Я пришел на поединок. Ты сначала дай сыграть, а то неинтересно. И вообще, ну, вот ты побежишь, и останется только убить тебя. Бессмыслица какая-то, скучно. Так ведь, бьющий? Все равно умирать, так сначала сыграй со мной, а потом уж ласты клей.

Голос Капюшона лишен эмоций. Нет, лишен механизма их передачи.

Хриплый голос то ли спокоен, то ли возбужден, то ли радостен. Волна эмоций, которую уже не передать другому. А может быть, и нет. Может быть, его голос рождается из ярости.

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/Худи>

Сёго вспоминает еще один прокатившийся слух.

Несколько дней назад один участник игры был найден мертвым. Место тоже было таким вот безлюдным, на трассе.

Причина смерти — удар по затылку. Предметом, размером с бейсбольный мяч, была разбита черепная коробка. После этого он, видимо, прожил еще пару часов, но никто не оказал ему помощи, и он скончался, а ранним утром был обнаружен каким-то мужчиной. ... Да. Участник игры убит предметом размером с мяч.

Для появления слухов этого достаточно.

Может быть, большие суммы призвали демона, который поселился в SVS в этом сезоне? Женщина-разрезанный-рот, не по эпохе. Или Чудище-в-красном-плаще. Чтобы победить в финале, монстр тайком появляется перед бьющими и вызывает их на игру, где ставка — жизнь.

Откажешься — убьет, за страйк-аут тоже убьет.

Только один способ спастись. Отбить мяч этого питчера по правилам SVS...

— Ты правда тот, из слухов?

Подобравшись, Арисимы Сёго изучает монстра перед собой. Почему-то его голос не дрожит.

Настоящий ли монстр или фальшивый, правдивы слухи, нет ли — ему неважно. Потому что в боязни нет ценности. Глаз Сёго как бьющего дает ему свободу действий.

— Слухов?..

— Ага. Недавно болтали, что появился питчер-маньяк. И одержимый, и крыша съехала, и за три страйка убьет, и кости очевидца съест, все такое. Хотя это фигня. Так что, ты и есть он?

— Пожалуй. Подписал контракт с дьяволом, точно. Скорее всего, тот маньяк — это про меня.

«Понятно», — Сёго кладет вещи.

Вытащив деревянную биту из кейса, он направляет ее на Капюшона.

— А значит, если наоборот, я отобью и пойду себе, так?

Недавнего страха уже нет.

Анализ боевых способностей противника — необходимый навык бьющего, и более того, психика взявшего биту в руки Арисимы Сёго уже принадлежит жаждущему битвы воину. Неизбежно, ведь они — бьющие — именно это и тренируют годами.

— Ух-х... Не ждал. Думал, второй будет мяться... А ты честно примешь вызов?

— А то нет. Если ты убийца, я легко не дамся, и хрен тебе, а не страйк-аут. А, у тебя сотик есть?

Капюшон показывает серебряный сотовый телефон. Это знак формальной записи со стороны питчеров. Арисима Сёго, как бьющий, пользуется золотым сотовым.

Их игра. Игра в одну базу, SVS, — игра за восемнадцать сотовых телефонов. После схватки победитель отбирает телефон у оппонента. Потерявший телефон дисквалифицируется, а когда либо у питчеров, либо у бьющих отбирают все телефоны, матч заканчивается.

Решение о победе выносится по тому, чей лагерь набирает больше телефонов. Или же тот, кто собрал больше всех телефонов, награждается призом самого ценного игрока.

Официальный матч проходит раз в месяц.

Индивидуальное состязание не без примеси королевской битвы.

Вот что организовали молодые горожане, такой рай для игроков.

Народ, собирающийся в парке и играющий в похожее, — что-то вроде второго эшелона, и отличившиеся в матчах, показавшие реальный талант игроки допускаются до официальных соревнований.

Арисима Сёго — золото-3. Сотовый Капюшона — серебро-А (ас). Трудно поверить, но этот убийца открыто участвовал на сборах SVS-ников и заполучил свой сотовый.

То ли никто из игроков не знал, что этот игрок — носитель синдрома А, то ли он заключил свою сделку с дьяволом уже после регистрации. Такие подробности, впрочем, Сёго не интересовали. Может, потому, что он долго жил далеко от общественных условностей. Его неприятие к силовым решениям и преступлениям просто затупилось. В каком-то смысле и сам Арисима Сёго — вне закона и одержим демоном SVS.

— Лады. Оппонент принимается.

При этом Сёго уверен в своей победе.

Рост Капюшона — сто семьдесят сантиметров. С такой статью скорость мяча будет максимум сто десять — сто двадцать километров в час. Из-за роста он должен нажимать на хитрые мячи, но правила SVS допускают просто касание, и Сёго сможет защитить дом. Одного «маньяка-питчера» недостаточно, чтобы бояться. Он просто отобьет мяч нок-аут. Ну а если Капюшон не сдержит слова и накинется, то он просто ему врежет. Все-таки разница в сложении. В драке Сёго не с чего проигрывать, и вообще, у него бита, прекрасный инструмент.

Неприятно думать о бьющем, что был уже убит, но учитывая, что противник — маньяк, можно придумать сколько угодно противодействий. Арисима Сёго — не хлипкий ботаник, а тренированный спортсмен. Он уверен в своих силах, а оружие противника — привычный мячик. Страх не появится.

— Играем по нормальным правилам. Освещение тебе выгодно, так что прости, но я отойду на десятку. У тебя сколько мячей? А то ни кетчера, ни сеток. За мячиком не бегаем.

Вытаскивает из сумки перчатку, надевает.

Двумя руками берет биту, ведет плечами по кругу.

Как условный рефлекс. От этого ритуала он концентрируется, а тело внушается.

Убивающий людей питчер. Неизвестно, насколько верить этому слуху, но в этой ситуации Арисима Сего, специалист-бьющий, — хоть и оторвался от общества, но мастер, достойный хвалы.

— Сойдет. Мне даже слегка дух захватило, Арисима.

— А?

Капюшон радостно смеется.

Это уже не тот безэмоциональный голос. В этот момент он полон благодарности за то, что сейчас испытывает непередаваемый восторг. Гордость и спесь любимчика-бьющего Арисимы Сего. Эта заносчивая готовность порадовала Капюшона — вот так должно быть!

Пар от дыхания и дрожь по телу.

Видимые под капюшоном губы шуршаще-иссушены, и еще одна вертикальная жилка, некрасивый резаный шрам.

Этот шрам задел память Сего, но не заставил ничего вспомнить.

Как летящий на свет мотылек, он небрежно встал в свой последний дом.

Беспокойство достигло апогея, когда оба встали на позиции.

Очерченный белым бэттер-бокс.

Питчерская горка отсутствует, как и пластина.

Только встав на это дешевое поле, Арисима Сёго ощутил, как все волосы на теле встали дыбом.

Ощущение электротока в затылке.

Воздух не нагрет летним солнцем.

Ипускаемая стоящим за девятнадцать метров впереди человеком фанатичная, неподдельная и страшная жажда убийства. Доказательство, что он — закоренелый маньяк-убийца.

Наконец появившаяся у безрассудно вставшего на помост палача Арисимы Сёго неуверенность, впрочем...

Через секунду была полностью выбита совершенно другим ударом.

В бейсболе быстрые подачи зовут «смоук болл».

Сленг появился из аналогии, что мяч не видно, словно дым. Аналогия точна. Арисима Сёго мог не брать быстрых мячей, но не упускать из вида, — однако в эту ночь он впервые в жизни понял, что мяча можно не заметить.

— А... э?

Плечи напряженно застыли.

Нужно бы готовиться к следующему броску, ловить ритм, но Арисима Сёго превратился в камень.

Сконцентрироваться на движениях питчера в паре десятков метров невозможно.

Нет, чем больше стараешься, тем больше сбивается дыхание. В глазах темнеет. В центре головы выбелило чем-то неведомым.

Даже без пластины вставший на горку питчер.

Видимый захват мяча, даже без перчатки.

Поза не для виндапа, когда все тело передает энергию замаху, но для перехода из позиции «руки у пояса» к боковому броску.

Типичный боковой с правой.

С его телосложением мяч наберет до ста двадцати километров в час. Дополнительное расстояние с корпуса даст еще десятку по сравнению с нахлестом сверху, но это все равно только сто тридцать. Не та скорость, чтобы не разглядеть мяча.

Классическая теория гласит — «хорошенько следи за мячом», но это просто подсказка начинающим бьющим. Если глаз наметан, а техника бэттинга отточена, можно подстроиться под первую подачу. Например, год назад в Сикуре был гениальный бьющий, слагер, который с первой подачи брал даже «стояки».

Этот гениальный слагер — как говорят, «сверхвысшая школа», и до него Арисиме Сёго еще далеко, но он бьющий того же сорта, «глаз и подстройка». Он не следит за ситуацией. Его стиль — сбить на лету с первого мяча.

Тэйкбэк питчера за девятнадцать метров. Левая нога поднята, правая служит осью вращения. Реальную силу оппонента он оценил только по этой позиции. Его глаз наметан не хуже, чем у того слагера.

Это то, что в армии подняло его до третьего бьющего, его истинная сила и его самонадеянность — набранный опыт заявил о себе за долю секунды.

Оставь надежду. Ты не возьмешь ни единого мяча этого питчера.

— Что...

Тайм-аутов нет. Как только он встал в бэттер-бокс, пути отхода кончились.

Это было красивое движение.

Замах, сильный шаг вперед левой.

Прямая линия до бьющего, очерченная бедром и носком, острая, как стрела.

Разворот вперед не ногами, а тазом.

Левая ступня ударяет оземь не пяткой, не носком, а всей стопой.

Движение выпускает накопленную силу.

Раскрытое вбок тело складывается в спираль.

Крепкий фундамент ног и таза рождает поток силы. От щиколотки к бедру. От бедра к плечу. От живота к запястью, энергия передается и разгоняется далее к пальцам. Словно человек-праща.

Из правой руки питчера вылетает белый мяч.

Выстрел за 0,46 секунды. Скорость мяча — примерно сто сорок километров в час. Такой скоростной боковой бросок можно увидеть только у профи. Но проблема не в этой безумной скорости. Траектория мяча, не теряя скорости, изменилась на лету.

Первый удар пришел сбоку.

Мяч, выпущенный питчером, был диким. Для бьющего это выглядело как большой промах вправо, в мертвую зону для него, левши, — мяч ушел за правое плечо и пропал, а потом описал дугу и влетел в страйк-зону. Сверху это напоминало знак «больше».

Невозможно? Даже так не сказать.

Тип подачи — видимо, «шут», но напоминающую бумеранг кривую уже и «скрюболом» назвать будет абсурдно.

Мяч после старта менял траекторию от сопротивления воздуха и того, как его касался.

Поворотные потоки и трение порождают различные изменения мяча. Однако.

Пролетевший под прямым углом мяч человеческая подача устроить не способна. А это значит, что...

— Ты вообще-то, по-своему, хороший бьющий.

Монстр в капюшоне вынимает из кармана второй мяч.

Правая рука, скрытая длинным рукавом, извивается, как другое живое существо.

Арисима Сёго не знал. Он слышал, что одержимость — это психическая болезнь, отклонения от здравого смысла. Не зная о настоящих одержимых, он не мог знать и то, что их изменения распространяются и на тело.

— У тебя все с горем пополам. Тренированность, дух и движения такие нормальные, что спать охота. Правда... Скучно. Чернь.

Так вот. Питчер бросал не хитрый мяч и не скрюбол, а откровенный, буквальный демонический мяч.

— Погоди... В каком смысле?

Теперь задрожал голос Арисимы Сего.

Его сознание заволокло пеленой.

Это было ничем иным, как инстинктивным страхом, предвидящим конец дома.

Отобью или умру. Кажется, в этой игре было такое правило?..

— Погоди... Да погоди, говорю!

Монстр в капюшоне сжался.

Вторая подача. Шутбол, скорее похожий на ночной кошмар.

Чувствуя головокружение, он подстраивает бэттинг под форму питчера. Как и говорил Капюшон, Арисима Сёго был хорошим бьющим.

Бита даже не коснулась скрюбола, летевшего на ста сорока километрах в час, но бэттинг, способный отбить шутбол, что летит из мертвой зоны в мертвую зону, награждают кубками.

— Черт, что происходит?!

Его психика была на грани краха.

Невиданный скрюбол. Причем скорость выше, чем у первого. Первый мяч, за которым не уследить, и, да, он не боялся головоломного дэдбола, будучи уверенным, что даже мяч убийцы он сможет углядеть.

Но этот мяч был другой. Он не увидит его. Раздумывая над этим скрюболом, он не заметит, как умрет. Превосходящая сто сорок километров в час резиновая сфера ударит его в голову. И думать не хочется. В этой игре нет шлемов. Что за самодурство. Ведь то, что этот спорт простые люди не примут, сказал не кто иной, как сам Сего.

— Ч... что за бред, это бред, это же бред!

Все тело вмиг покрылось потом.

За долгие годы бешеных тренировок Арисима Сёго выработал сопротивляемость к жаре. Его внезапный пот не относился к тропической ночи, а был воплем холодноватого страха.

— Эх... М-да, смотреть противно.

Сёго осознал, что шепоток говорил про него, но ему не хватило духа огрызнуться. Подавляющая разница в силе. От души брошенное оскорбление питчера не давало бьющему возможности даже рассердиться.

Но реальность была куда трагичней.

Дьявольские способности Капюшона были направлены не против Сего. Это просто такой скрюбол. Это просто такой демонический мяч, которым он смеялся над нелепостью своей необратимо извращенной подачи.

Смотреть противно.

Его собственный мяч не был таким неприглядным.

Обладатель дьявольского мяча неспешно извлек третий.

В SVS нет тайм-аутов. От начала до конца из бокса не выйти. Как только выйдешь, правила присудят поражение бьющему. А что тогда? Скорее всего, то же на то же. Как только Сёго побежит, этот адский мяч проломит его беззащитный затылок. А-а, то есть убитый бьющий, наверно, сбежал среди матча...

— А!.. Нет, но ведь, ведь бесполезно же!..

Не уйти. Необходимо отбить. Психика Арисимы Сёго — на грани краха, но натренированный за десяток лет менталитет бьющего поправляет биту в его руках. Отбей. Просто отбей. Скорости, типы подач, формы питчера ты уже увидел. Просто попасть. Не нужен хит, ну а просто попасть — вполне реально!..

— Ну, ты вообще. Справа — стена, Арисима.

Обладатель демонического мяча, дьявольских способностей, уже никакой не питчер. Правая рука извивается. Медленно.словно весь одетый первым снегом, белый мяч наливается красным.

— А, что?..

Когда это питчер успел пораниться? Или это компенсация за такие нечеловеческие броски? По правой руке демона-питчера бежит кровь.

...На подаче некоторые махинации с мячом против правил. Обработка надфилем — шайнбол, плевки для смазки — спидбол, да еще разные мячи, призванные убрать придаваемое пальцами вращение, с другой степенью изменения траектории и прочее. Все это — нечестные финты, призванные обмануть глаза бьющего, табу, которых придерживаются даже чисто денежные игроки. Но... считается ли против правил кровь? И вообще, настолько залитый кровью мяч будет липнуть к пальцам. Как бэттинг завязан на передачу силы в определенные мышцы, так и питчинг — движение, не позволяющее терять этапы во всей системе, от пят до кончиков пальцев. Смутное беспокойство, мгновенная растерянность, потеря формы портят тонкую моторику, приводят к диким мячам. Ощущения в кончиках пальцев — самая деликатная часть.

Можно биться об заклад. Нормальный человек в таком положении даже просто прямо не смог бы бросить.

— А... А!

Поэтому можно прекратить. Это не тайм-аут. Питчер идет открыто против правил, — почти говорит Арисима Сего, но когда слова добрались до горла, его мысли исчезли. Раненная правая рука. Окровавленный мяч. Несколько воспоминаний, связанных с этой пронзительной жадой убийства. Поднимается старая память. Ах да, это же...

— Так, третий. Сейчас не отобьешь — и конец!

...Стап питчера.

Не будет тайм-аута. Только отбить. Сейчас сделай все, чтобы отбить. Арисима Сёго дышит в такт.

Форма подачи Капюшона понятна. Тайминг совпадает. Осталось лишь совместить траекторию полета с траекторией биты.

— А-а...

Однако же, и это не удастся.

Форма у Капюшона изменена. Рука еще ниже, чем при его прямо боковом броске. Форма прикикает к земле. Ее сложность, перегрузка на мышцы пресса делают ее редчайшей, избираемой немногими.

Нижняя подача. Да. Напоследок она и будет, понял Арисима Сёго секунду назад. Эту подачу, больше похожую на акробатику, он видел уже много-много раз.

Самый нижний выход мяча. Бросаемый снизу мяч поднимается до горла бьющего и...

— К... ха!!!

...резко ныряет перед носом.

Беспощадно мажущая бита и, как молния, уходящий демонический мяч.

Вид скрюбола — синкер. Один из козырей бокового подающего, скрюбол, уходящий из вида бьющего. Этот мяч обладает еще одной превосходной особенностью. Если его подать нижней подачей, он пойдет по специфической траектории взлета и нырка. И все это на скорости в сто пятьдесят километров в час. С человеческими реакциями его не взять.

— А...

Сделав фулвинг и так и оставшись стоять, Арисима Сёго потерял сознание.

Три подачи. Без «смешных» мячей, без подрезок в аут. Дальше тот финал, что в слухах...

Но тогда непонятно. Капюшон ничего не делает. Не вынимает четвертого мяча. Если бы убил третьим, то уже сейчас был бы дэдбол, и бьющий бы скончался. Но этот момент, очевидно, упущен. Тогда слух был уткой, решает Арисима Сего, чувствует облегчение, и сразу же...

— Э?..

Слышит звук фейерверка за спиной.

Из темноты углом несется белый с кровью мяч.

Хрясь.

И в самом конце он... услышал звук своего ломающегося черепа.

2/Антракт

Начался август, но температура воздуха и не думала опускаться.

Пик жары приходится примерно на вторую половину июля — начало августа, но так лето неплохо затянется, отстраненно думал Кирису Яитиро, глядя в небо.

Девятое августа, понедельник, ясно.

Только что наступил полдень. Под таким адским небом хочется сразу расплавиться, чтоб не мучиться; на стоянке по-своему популярного семейного ресторанчика стояло лагерем несанкционированное формирование. Целых восемь человек. Прохлаждающимся в ресторане обывателям вся такая молодежь видится одной шайкой, но те сами вполне ясно разделялись на своих и чужих. Отнюдь не идущая в питейное заведение дружная малообеспеченная гурьба.

Своих было, вообще говоря, пятеро, а чужих — трое.

Позади молодых людей с численным превосходством Кирису Яитиро сонно смотрел в небо.

— Не, Кирису-сан, ты просто побудь тут. Мне невежливо просить о большем. Просто, ну, для страховки, или как это, понятным? Совсем даже безопасно. И вообще, это они напрягают всех, а мы смотрим на вещи здраво. Тут ты меня наверняка поймешь, ты на лету хватаешь...

Подтолкнутый такими словами, он пришел, и пять минут назад начались эти их переговоры. От отвратной перебранки закипела кровь, и трое чужих перешли к самому непосредственному из переговорных процессов.

Пятеро молодых людей решили, что раз словами не утрясается, то делать нечего, закатали рукава, и главный вежливо испросил поддержки у Кирису-сан.

— Блин, вы грязно играете!

И они были совершенно правы. Кирису, третье лицо, и то видел, что так быть не должно.

Три молодых человека владели средствами, выстраданными потом и кровью, а те, за кем прятался Кирису, играя медовыми речами, их обокрали. «Дело выгорит, верняк!» — и они повелись, передали плоды своих подработок за половину летних каникул, а те приняли деньги и растратились направо и налево. Были ли какие-то подвижки капитала, неважно, но эти люди, полностью истратив средства, с улыбкой пришли извиняться — мол, не прокатило. По этому поводу и было сегодняшнее собрание. Конечно, пятеро вообще не собирались ничего возвращать. Естественно, когда не возвращают позаимствованные деньги, без трений не обойтись.

Эта сторона неправа. Но та сторона дураки. Кирису думал, что они почти поровну плохи. И вот, как всегда, начались его односторонние переговоры. Откровенно говоря, это — силовое подавление. Такие подряды на драку сейчас были основным занятием Кирису Яитиро.

Трое чужих — высокие и крепкие на вид парни, но до Кирису им далеко. Рост за сто восемьдесят. Руки-ноги гибкие, как кнуты. Привычные к битью людей кулаки словно камни, плюс вес под сто килограмм. Либо каждый день тренируйся, занимайся драками как работой, либо не выстоишь.

И вот он бил их по лицам, по животам, сгибая пополам. Не прошло и двух минут — их души тоже переломились. Показав настоящее прилежание в деле, Кирису еще раз — чтобы сплюнуть — поднял лицо к небу.

— Не, вот спасибо! Прости, Кирису-сан, они правда уж надоели. Сколько ни говоришь, они не понимают, уже совсем достало. А, обедать будешь? Мы угощаем.

— Не буду я вашу тошниловку. Э, ты с правами? Ах нет, ну так сотовый дай. Быстро. Че ты телишься, ща как врежу еще раза.

Добыв сотовый телефон у держащегося за живот парня, Кирису повернулся ко всем спиной.

— Ну, пока. А вы там, кто мне под кулак попал! Сегодня не жрать. Вернется.

— Ух ты-ы, круто-ой! Чур меня ему попасться! А вообще, Кирису-сан, зачем телефон-то? Темные делишки? Фига-а, чел в натуре по понятиям!

— А то. Больно надо потом получить из-за угла. Я лучше сейчас напрягусь и подстелю соломки.

Даже не помахав рукой озадаченным молодым людям, Кирису Яитиро ушел с ресторанной автостоянки.

Работа была противная, но как будильник самое то.

Дальше Кирису ждал еще более противный разговор. Терки мелюзги в сравнении с ним казались успокоительным.

Ясакадай — район с большим даже для Сикуры населением.

На пешеходном расстоянии от станции располагались две старшие школы и университет, и перед станцией всегда было оживленно. Впридачу, в прошлом году построили новую трассу до столицы, и приток людей в Ясакадай был на пике роста.

Большие тракты полны жизни, и офисный район набирает в суете. Издавна учрежденные старые фирмы и год за годом воздвигаемые небоскребы перепутаны, как пазл.

Пятиэтажные здания, двадцатиэтажные новостройки. И на их вражду горделиво смотрит свысока поставленный у дорожного кольца перед станцией гранд-отель за сорок этажей.

Район жизни, молодости, с трудом укрываемого порока.

Окончив в том году старшую школу, Кирису Яитиро обосновался в этом районе потому, что ему понравилась эта суматошность города, который не спит.

Родители Кирису уже уехали из Сикуры. Долгая погоня за деньгами кончилась, и отец подгадал под его выпускной, чтобы вернуться домой, но Кирису решил остаться здесь.

Славные родители от души поверили в сына и позволили ему жить самому по себе.

После школы Кирису Яитиро не пошел ни учиться дальше, ни искать работу. Со стороны он выглядел типичным недофрилансером, и многие оплакивали пустую трату способностей и времени, дарованных молодостью.

Резонно. На стороне, невидимой для приличных людей, одинокое становление на ноги Кирису радовало других... взрослых.

«Способности» Кирису заключались, понятное дело, в его физических данных. Рост куда выше ста восьмидесяти, прекрасно развитое тело. Взрослое лицо, не скажешь, что девятнадцать лет. Краска для волос, мода и прочее ему не нравятся, но стоит сощурить глаза с приподнятыми уголками, и человек вздрагивает. Вдобавок, не ограничиваясь его отвагой в драке и силой в руке, — не притершиеся к обществу младшие смотрят на него с завистью.

Байки о его незаконной житухе, циркулирующие со школьных времен.

Как с картины сошедший, идеальный, лубочный главарь шайки.

На самом деле Кирису Яитиро начал совать нос в такие драки с осени прошлого года, и менее чем за шесть месяцев стал лицом всего хулиганья района Ясакадай. Сейчас-то он — советник для молодежи, которой некуда приткнуться. Иногда это малолетний преступник в бегах, иногда — девочка-беглянка из отчего дома, кого только не приходилось укрывать. А ведь вечность назад он стал лидером банды байкеров.

Прогорел, как говорят.

И вот что из себя представлял Кирису Яитиро через полгода после школы, в августе две тысячи четвертого года.

Местом встречи назначили кафе с несколько неестественной подвывеской «семейный ресторан».

Полдень, клиентов мало.

Закрытые навесами окна и тусклое освещение. Полумрак салона был подходящим местом для тайных бесед.

Тот, кого ждал Кирису, хотел говорить в забронированной приватной комнате, но Кирису упорно отказывал. Да, он не радовался лишним глазам, но и вовсе без свидетелей не хотелось бы. Вот таков был человек, с которым он собирался увидеться.

Уголок у стойки. За столиком в углу сидел недовольный мужчина в черном деловом костюме. Перед ним было несколько блюд, но он явно к ним не притрагивался. Платить здесь предстоит Кирису. Эта манера «крупной шишки», как бы говорящая — да, я приличный человек и сделал заказ, но в местечке такого пошиба есть не стану, — наверное, небольшой выпад в его сторону.

Мужчине было лет под сорок, и, не дотягивая до Кирису, он все же был широк в плечах. Начисто выбритая голова и небольшие круглые глаза, похожие на птичьи, уверенно выдавали в нем человека, чуждого порядочности. При виде его костюма Кирису не мог избавиться от ощущения разрыва поколений, но это — само по себе обязательная униформа. Для них двоих грубая сила, подавляющая остальных одним лишь присутствием, — насущная необходимость.

— Добрый день, Нисино-сан.

— Здравствуй. Да ты садись, Яйти.

Нисино Харусуми был из низов семейства Седа, крупного силового бандформирования с вотчиной в префектуре С. Как он сам говорил, он старшой Кирису Яйтиро.

Нисино — молодой наследник в седьмом поколении ветви рода Седа, что управляет Сикурой, Нанасэ, и состоит на подхвате в надзоре за наркотиками в Ясакадай.

Согласно присловью, что имя отражает суть, они — силовая группировка, коммерческая организация, поставляющая грубую силу. Обычно считается, что им больше подходит «мафиози, бандиты», но, на удивление, понятие силовой группировки применялось формально в своде законов. Страна признавала их как происходящих от грубой силы, и на самом деле, для общества они были бесполезны. Так, этот мужчина, Нисино Харусуми, любил грубую силу, ведомую рассудком. Он не опускался до запугивания и показательных казней, но и, сидя на надзоре, не допускал распущенности выше заданного уровня. Яд в малых дозах — лекарство. Не знающая о дозировках порядочность может залечиться, поэтому за ней должен следить тот, кто привык обращаться с ядами... так он, видимо, считал.

Насилие не искоренить. А поэтому сколько ни следи, вопрос в контроле. То, что он делал, делал и Кирису. В их случае примитивно различался масштаб — префектурный уровень, государственный уровень.

— Хорошо, что ты такой занятой. Так и надо, жужжишь — значит, еще живой... Ну что, знаешь, зачем я тебя позвал, Яйти?

На словах Нисино был добрым малым, но его глаза не улыбались. «Старшой» только звучит хорошо, но этому человеку Кирису был неприятен. Для Нисино даже просто говорить на равных с каким-то пацаном, которому и двадцати нет, было противно.

Проработав чуть не два десятка лет на подхвате и наконец став наследником, Нисино не мог радоваться за талант Кирису без темной зависти.

— Да. Перевод за этот месяц я отправил. Проверьте, пожалуйста.

Сбор давно выплачен, еще на той неделе. Но он не мог сказать: «Вроде уже платил». В роли старшого Нисино не следовало светиться больше, чем нужно. Вся вина на нем одном. Что бы ни случилось, осрамиться перед вышестоящими нельзя. Таков их стиль.

— О-о, ну-ка. Стало легче, когда ты начал сам собирать пацанов. Не, ты молодцом. А то бы я каждый месяц раздавал щеглам поджопники, чтоб шли собирали... Да-а, факт. Ты малый не промах, волокешь.

— Рад стараться. А еще по какому поводу?

— Ага. Шеф сказал тебя поощрить. Уже год, как ты пацанов пасешь. Угостить, мол, надо, пользуйся случаем!

Нисино громогласно захохотал, но глаза не улыбнулись.

Как седьмая ветвь заметила Кирису — история прошлого года. Приходя на помощь школьным приятелям, давая им советы и ввязываясь в драки, он незаметно поднялся в лидеры и сколотил свою бандочку. Изначально они подбирали молодежь, которой больше некуда деться. Кирису был для седьмой ветви как бельмо на глазу, его схватили и чуть не научили уму-разуму, но он пришелся очень по душе главе седьмой ветви и так невероятно выжил. Была огромная суматоха — «работай на меня», «переселяйся ко мне», «будь моим зятем». Даже брачный контракт подсовывали. Разумеется, он отказался, сказав, что не понимает, что происходит.

А вот юный наследник и вождь седьмой ветви не стерпел. Внезапная палка в колесе вдруг стала новообращенным за подписью лично главы, он не мог даже проучить наглеца, и вообще его место как наследника пошатнулось, когда он стал на подхвате; поэтому Нисино Харусуми в рамках временного решения взял его под свое крыло.

Впрочем, Нисино и Кирису пересекались еще до того, как перейти к нынешним отношениям.

— О, спасибо. За эти слова я уже с лихвой признателен, передайте боссу спасибо.

— Лады. Шеф о тебе балакает с радостью, и мне так проще... Да, вспомнил кстати. Сын директора на той неделе женится. Охота послать ему подарок, но все так внезапно. Будь другом, заготовь лимон.

— За эту неделю?..

— За до завтра. Принеси налом.

Лимон — миллион иен. Это вдвое больше, чем собранный на той неделе налог. В месяц набирается пятьсот тысяч, но это Кирису работать до кровавого пота; сумма-то не из легких.

— Прошу простить. Я только что собрал деньги. Собрать миллион уже как-то...

— Дурак, что ли? Плевал я на твои проблемы.

Взгляд Нисино вперился в Кирису, дав понять, что разговор окончен.

Таковы будни младших. Кирису для Нисино — сплошные плюсы, а Нисино для Кирису — сплошные минусы. Устроено так, что если с Кирису что-то случится, он решит дело, защитит; но, понятно, тогда в первую очередь он же и придет за расплатой. Кирису Яитиро для Нисино Харусуми — сор в глазу, но и кошелек, о котором можно не беспокоиться.

И все же, — на миг вспомнил Кирису, — все же тот, кто был старшим для этого человека, — человек на много ступеней выше.

— Ага. И еще, это, что с теми пацанами, которых в том месяце прижали?

— С этим разобрались. Зачинщик покончил с собой, товар не поступит. Через месяцок и следа не останется.

— Ну вот и ладно. Только знаешь что, Яити. Босс ворчит, что самоубийство это слишком удобно. Ты усекаешь?

— Будет вам. Это правда с нами никак не связано. И вообще, вы же лучше меня разбираетесь. У вас знакомый в полиции.

— Ха. Да я шучу. Ты такой аккуратист, что я подумал тебя поугагать.

Конечно, это не шутка. Нисино будет худо, если у младшего не варит котелок. И будет худо, если он варит слишком шустро.

До того месяца в Сикуре имел хождение дешевый транквилизатор. Сейчас контроль над препаратами — уже не основное русло для седьмой ветви, но это было вторжением на их территорию. Для расширения влияния им пришлось включиться. В такой ситуации именно Кирису Яитиро покончил с этой наркобандой из тинэйджеров. Умник того же

возраста. Акции Кирису для седьмой ветви... а точнее — главы седьмой ветви снова подскочили.

— Ничего опасного я не сделаю. А если что, спрошу у вас совета.

— Мыслишь как победитель. Хе. Добро за добро, держи совет. Так вот, Яйти. Ты, дружок, пахнешь гарью.

Пахнет гарью. То есть — почти в руках полиции.

Острые, орлиные глаза Нисино быстро оценили цвет лица Кирису. Не жажда выявить и обличить слабость младшего. Нисино не волновало падение акций Кирису против семьи. Но в руки полиции ему попадать нельзя. Иначе получится эффект разорвавшейся под лопатой мины.

— Хе... Гусей гонишь. Ну и хорошо. Смотри под ноги, Яйти. Там много намешано.

— Понял. Спасибо за совет.

— Ага, а если будет некуда деваться, заляг на дно. Я как минимум посодействую.

— Ха-ха-ха... Не-е. С братцем Нисино я так залягу, что потом не встану.

— Цыц. Может, я и хотел бы, но меня тогда шеф урочет. Смотри там, ясно? Если кто попадется на глаза — мочи, пока мочится.

Напоследок Нисино Харусуми показал себя правильным старшим и поднялся. Обычно он ходил с двумя-тремя подручными, но на разговор с Кирису пришел один. Кирису этот человек не очень подходил, но, как минимум, мыслил он как старшой.

— Но знаешь что, Яйти? Оно, конечно, говорят, мол, нахальство пацана — монета для пахана, делай что хочешь. Но пока молодой, лучше держись от крови подальше. Опять же, твоя зрелищная халява последнее время очень хороша. Да, сильно. Я вообще не думал, что так можно. В игорном доме главное, чтоб все было прилично.

— Ага... Значит, дальше в том же направлении? Гадость и побои можно бросить?

— Ну да. Все гладко, необязательно ради старшого рвать жилы. Но, Яйти, будь прав. Если они нарушили границы, нажми. Беспредельщика не жалей. Если вчера обещал, сегодня не забывай, я вот о чем.

Будь прав. Присловье Нисино.

Силовая группировка, никогда не трогающая приличных людей. Мафия, гордая тем, что не шерится на тех, кто их уважает. Если взглянуть иначе, это люди, чей знак — кровавая кара проявившим неуважение хоть раз.

— Ага. Но я не собираюсь идти в мафиози.

— Семья ни при чем. Говорю, будь толковым.

Лысый человек в солнечных очках не очень убедил Кирису Яйтиро.

— А. Кстати, братец Нисино. У вас должничков нет лишних?

— Чтой-то ты вдруг. Не, ну я передам, говори.

— Да мелочь, просто есть тут один парень, попал на тупое кидалово. Ну, думаю, нет ли кого, чтоб рожа топорная и мог забрать деньги у еще более тупых малявок.

— Лады, хм... А что, тебе с этого гроши перепадут?

— Не перепадут. Ну, просто хочу побыть правым, как вы и сказали. А то от вида засыпающего в слезах страдальца плохие сны снятся.

Расставшись с Нисино, Кирису пошел от станции к офисам.

От него опять слишком многого ждут, но хотя бы с неприятной частью покончено. Теперь надо только пережить эту тихую меланхолию. Развлекаться с девочками настроения не было, и он решил, что сейчас хорошо отсидеться в обычном тайном месте.

Для контекста уточним, что на самом деле зрение у Нисино Харусуми было не очень. «Яйти. Ты, дружок, пахнешь гарью».

«Сам ты шарик, — зловредно подумал Кирису. — Перед тем как крутыша строить, постригись обратно площадкой». Он и без Нисино знал, что на его территории идет

расследование. Когда Нисино изучающе смотрел на Кирису, тот мысленно тяжело вздохнул и состроил честную рожу. Информация слишком запоздала. Чем важничать и обращаться как с должником, выдал бы не предупреждение, а хоть что-нибудь полезное...

— Прошу прощения, можно на минутку? Позвольте помолиться за ваше счастье.

Вообще не везет. Какие-то странные зазывалы домогаются. «Я опаздываю», — Кирису махнул рукой и свернул в переулок офисного района.

Там стоял старинный торговый квартал. С пуском поездов JR³ станция обросла магазинами, покупатели здесь поредели, и сейчас это был натуральный город-призрак. Аркада, подписанная «Фурэй-доори», улица Прикосновений, открытая дождевым потокам и теперь безликая. Выстроившиеся вдоль нее магазинчики, закрывшие все свои витрины железными шторами.

Как сцена из вестерна. Не хватает только пылевых переكاتи-поле на ветру. Прогулявшись по ней пару минут, Кирису пришел к маленькому кинотеатру. Здание ветшало, но зато атмосфера в нем царил отличная. Фасад, напоминающий западный особняк. Узкий, всего на два-три человека в ряд, вход, за которым, в глубине зала, Кирису увидел спиральную лестницу.

Это даже не кинотеатр, а «кинематограф». Останки эпохи, когда пиком индустрии развлечений являлось кино. Всем входящим даровались грезы, реальность забывалась; нищая и блистающая пора.

— Хай, деда. Можно я войду?

На окошке старик беспечно греб в лодочке. Сунув бумажку в тысячу йен в окошко, Кирису прошел ветхую дверь. Сделал один оборот вверх по спиральной лестнице, открыл двери, ведущие в зал на втором этаже. Порой здесь бывают такие же любители странностей, но в основном весь зал его. Вот и сегодня, как обычно, из посетителей здесь был только он.

— Пф, опять французская романтика! Что ж дед ее так любит...

Расположился большим телом в кресле. Неужоженная софа вся в пыли.

Сцена и меньше пятидесяти мест.

Постукивающий кинопроектор.

Звук порванного динамика и смехотворный, с пятнами чайного цвета серебряный занавес.

С детских лет Кирису ничего не изменилось.

Чуть дыша, заполняя пропасть ностальгии, он оперся на спинку кресла.

... Каждый день интересно.

Кирису Яитиро всем сердцем любил свою новую жизнь.

Человек-переكاتи-поле, кому изначально подходила жизнь якудзы. Соответствующие развлечения и соответствующий thrill. Если есть браток, с которым можно потупить и поржать, не на что жаловаться. Даже если он через десяток лет умрет на дороге под забором: «А почему бы и нет, бывает», — всерьез думал этот антиобщественный тип. Сама мысль жертвовать настоящим ради будущего у Кирису не всплывала. Не «не было вовсе», а «не всплывала». Если он и чувствовал ответственность, то на уровне того, что надо бы родить сколько-нибудь детей. Я, мол, исполню долг воспроизводства, только оставьте меня в покое, — таким было кредо Кирису Яитиро.

— Только да-а. По ходу, скучно... Ну правда, сколько можно смотреть, скукотища!

Заграничный фильм без субтитров.

Фрагментарно доходящий сюжет.

Добрые возлюбленные пугаются в соблазнах злодея, но одолевают — типичная любовная история. «Как можно смотреть такое не зевая?» — удивился Кирису. Он впитывал не фильм, а кинематографический театр. Детство. Время от времени сюда приходили двое

³ Японская государственная железная дорога.

хороших друзей. С тех пор старик выжил из ума, и смотреть фильмы можно было, просто пройдя тайком за так.

— Балда. Чего ведешься на такой... очевидный соблазн? — бездумно ругал он главного героя на экране.

Злодей поет: «В обмен на самое важное для тебя я исполню твое заветное желание».

«Натуральное кидалово!» — цокнул языком Кирису.

Обменивай какое угодно заветное желание на самое важное для тебя, в итоге ничего не изменится.

Детство. «Взрослый», появившийся на той красной площадке, соблазнил Кирису этой фразой. Совсем маленьким он заметил во фразе подвох. Поэтому покрутил головой — «я на такую дурь не поведусь».

Однако. В итоге сам Кирису остался доволен. А посему для человека без чего-либо важного это был беспроигрышный контракт.

Смотря унылое кино, мало-помалу он поддался соблазнам Морфея.

Темный кинотеатр.

Неразборчивая иностранная речь.

По слуху бьет громкий звук, и на экране происходит несчастный случай на дороге.

Сминается капот. Выгибаются болты. Отлетает колесо. Героиня подбегает к возлюбленному. Отлетает голова мафиози. Красная кровь чертит дорожку на шоссе.

И от этого звука — хлюп!

Он вспомнил чувство в руках, как давил уже несчетно раз разнесенную человеческую черепную кость.

С Кирису слетела сонливость. Борясь с тошнотой, он уверил себя, что сейчас все пройдет.

Возлюбленные обнимаются. Пленка минует финальные титры, и из динамиков звучат аплодисменты, в то время как занавес, шурша, опускается, и вот — конец.

— Старье. В наше время кинотеатры с опускающимся занавесом не рулят, дед.

Наверно, это тоже будет классикой.

Давным-давно, когда Кирису был ребенком, его друг пробовал поднять этот занавес.

Наверно, хотел увидеть, что там дальше. У той истории было продолжение, и если поднять занавес, может, история продолжилась бы? Так и думал друг, это точно.

А Кирису — нет. Он знал, что тот занавес и фильм не связаны, и к самому фильму не испытывал сожалений. Он из тех, кто способен понять — что кончено, то кончено.

Потому в старшей школе и учинял скандалы и отрезал пути. И наконец не смог сам себя больше обманывать, бросил бейсбол, но без особых травм.

Сожалеет, но не привязан к прошлому.

Как с этим фильмом.

Просто кончилось время показа, вот и все.

— Да уж. И вообще, занавес же, приличный зритель встает и уходит.

Придя к действительно облегчающему заключению, — «сказано – сделано», — Кирису вышел из зала.

Короткая передышка в кинотеатре сделала свое дело, Кирису с просветленным лицом летящей походкой возвращался в офисный район.

— Позвольте? Помолиться за ваше счастье...

Подозрительная зазывала гнула свое. В такую жару женщина, постоянно улыбаясь, с горячностью вещала прохожим откровения.

Кирису проникся упорством, подумал, нет ли у нее дел поинтереснее, и...

— Так, стоп. Что это было?

Он застыл на месте, словно увидев призрака среди бела дня. Взгляд Кирису Яитиро вперился в какого-то щеголеватого парня. При внимательном рассмотрении это был обладающий специфическим, загадочным силуэтом парень, и все-таки, как ни странно, щеголь.

Кстати, сейчас две тысячи четвертый год, девятое августа.

И говорить нечего; однорукий, беспечно идущий по улице человек был только что выписавшимся из клиники имени Ольги Исидзуэ Арикой.

3/S.VS.S-1

(04.08)

— Арика-тян, тебе пока лучше тут не появляться! Предыдущая Арика-тян дел наделала, до сих пор все копают. Еще бы, молодая, энергии через край. Теперь так и кажется, что налетит и ограбит, правда? — И так далее.

Я выписался из веселой клиники Ольги, с легким сердцем вернулся на свет божий, а встретили меня лето, бурные волны житейских проблем и эта вот ценнейшая тирада Ниидзимы-тян, соседа.

— О? Думаешь, нападут ночью?

— А как же! При предыдущей Арике-тян обычное дело было. Ну, ее квартира на четвертом, так? Так вот, случись что, примчатся на помощь-то не выйдет. И напряжно. И сегодня одетый в багамку и густо намакияженный тридцатилетний мужчина, Ниидзима-тян, — сама любезность. Искренне желаю, чтобы он случайно ляпнул, что вправду думает. Для этого заведения, где не жалеют усилий, чтобы не трогать соседей, я благодарен ему хотя бы за словесную заботу.

Город Сикура укомплектован учреждениями благополучия одержимых пациентов... носителей синдрома А. Это — тринадцатое такое учреждение. Изначально — многоэтажка для пострадавших, неимущих, она с этого года нацелена на заселение такими, как я, выписанными из Ольги людьми.

Шестиэтажная вертикально вытянутая бетонно-арматурная структура. Балконов нет, а все проходы внутренние. Можно сказать, специально сделана так, чтоб снаружи не видно было, что внутри, а изнутри не видно, что снаружи. Огромная темница.

Как и сказал Ниидзима-тян, комната Исидзуэ Арики — крайняя на четвертом этаже. Если нападут, выпрыгнуть в окно и спастись не выйдет. Ну, на окнах вообще-то стоят антивпрыгивательные решетки, но все же.

— Арика-тян, ты слушаешь? Тебе есть где жить? Если что, можешь пока у меня.

Конечно, ни тени умысла в словах Ниидзимы-тян нет. Такие люди — до глубины души джентльмены. Их джентльменство ограничивает натуралов своего пола категорией «Друзья». А, или не джентльменство, а леди-ство, что ли...

— Хм-м. Ну, в связи с переездом могу еще жить в родном доме. К счастью, до сентября он простоит, по настроению буду спать там или на квартире тут.

Разговор неуютный, но нападение во сне — это нехорошо. Я и так уже связан с парнями, носителями синдрома А. Наделай шума больше нужного или просто вляпайся куда, и Мато-сан узнает об этом первой.

— Ну тогда ладно. Ах да, работу нашел? У предыдущей Арики-тян в этом смысле была дельная, а у нынешнего Арики-тян с этим проблемы, верно?

Вновь жаль разочаровывать его, заботливого, но я еще вчера определился. Причем на крутых условиях. Хотя во многих смыслах эту работу со стороны не видно.

Год за годом Сикура осовременивается вокруг железнодорожной станции, но отойди на два-три километра от нее, и не увидишь ничего кроме полей и гор. Полоски аэропорта и столичная трасса оживляют вид, но загляни за занавеску, и увидишь не более чем захолустный городок префектуры С. Аэропорт и тот можно было построить как раз потому, что здесь ширь и никого.

Этот отнюдь не одинокий островок, а целое море земли покрыто лесами, и один среди них — мое новое рабочее место.

Дебри, куда не ступает нога человека.

Так же неизвестный пожарный резервуар с водой.

Это прозвучит как анекдот, но под ним, оказывается, есть подвальная комната, украшенная антиквариатом. Действительно, тайный скрытый дом, который блистал бы на любом аукционе. Нормальные горожане в такие места не ходят, конечно. Совершенно отрезанный от суеты, а также отрешившийся от внешнего мира, замкнутый мирок. Это было частными землями семьи Карё, жившей в окрестности холма Сикура.

Впрочем, в этот замкнутый мир по десятку раз на дню заглядывают посланцы из внешнего мира. То ли случайно, то ли специально — рядом с лесом есть остановка муниципального автобуса, который, как межзвездный поезд, постоит перед лесом да и поедет снова в город.

На ржавой остановке значится, уже еле видно, название: «Торинонори».

Углубившись от остановки в лес, я несколько минут иду по нему. Внезапно обзор открывается, и появляется поляна с резервуаром. Единственный фонарь снаружи.

Пространство, словно кто ложкой черпнул. Огромное кубическое цементное строение.

Сегодня я здесь во второй раз, но чувства реальности происходящего все не появляется.

Не знаю, сколько раз я еще сюда приеду, а только до самого конца, наверное, не привыкну к этому пейзажу.

Над головой сияет летнее солнце — выжаривает запах травы, тот вызывает головокружение, но я протягиваю руку к двери резервуара.

За дверью...

Под землю идет лестничный пролет в чернильной темноте.

Здесь то, что я называю замкнутым мирком, — туманность без света. От одного вида этой тьмы сразу чудится, как твари из ужастиков подбираются сзади.

Передергиваюсь от озноба, страшась посмотреть за спину и проверить; шагаю на лестницу и закрываю дверь.

Свет снаружи полностью меркнет. Только эхо моих шагов по лестнице в темноте. Миную каменный проход наощупь, нахожу дверную ручку.

— Привет. Добро пожаловать, Исидзуэ-сан.

...Прикрываю глаза от слишком стерильного вида.

Вместо неба — набранный водосвод.

Дно резервуара — потолок этого мира. Через стеклянный свод проникает свет выжигающего поверхность Солнца.

Безжалостная тридцатишестиградусная жара проходит очищение более чем десятью метрами голубой воды, покачивается, становится прекрасным сиянием, что освещает подземную комнату.

В центре комнаты — шикарная кровать с балдахином, на которой лежит на боку нечто антропоморфное.

Лет четырнадцать на вид.

Шелк длинных черных волос, глубоко вычерченные, однако притягательные для прощающего наблюдателя черты лица. Кровь неведомо какой страны стала причиной этих прозрачных, напоминающих серебро глаз.

Обладающий в целом идеальными чертами... жестоко искалеченный юноша.

Он и был хозяином этой комнаты, при этом моим теперешним нанимателем.

Его четыре конечности протезированы. Тот самый, обещавший подыскать Исидзуэ Арике подходящий протез, юноша по имени Карё Кайэ.

В окрестном лесу живет демон.

Такие слухи я услышал позже, когда был командирован убираться за больными, но активно творящими дела, вполне энергичными одержимыми.

Поэтому на тот момент Карё Кайэ был для Исидзуэ Арики не более чем загадочным, живущим без мирских забот, прожигающим жизнь нанимателем, давшим легкую работу и обещавшим редкий протез. Единственный сын богача потерял конечности в несчастном случае и теперь живет в прохладце подальше от людей. Что еще тут можно подумать? ... Уход за обездвиженным ребенком.

Это же синекура. Даже однорукый я справлюсь.

Условия контракта — не спрашивать о прошлом и настоящем опекаемого.

Я признателен до слез. Насколько широкая душа должна быть, чтобы нанять только что выписавшегося из клиники имени Ольги? Звучит так, словно ему горит покончить с собой.

Да впридачу, коллекционер протезов.

Как подоспевший вовремя паром, но с красной дорожкой и встречают во фронт. Видимо, потому, что сам Карё Кайэ нуждается в протезах. При всей его коллекции самых разных искусственных конечностей, в речи его — нич-чего нездорового. Странность места, в котором он живет, и вообще, как он до сих пор обходился? — эти вопросы перед лицом таких привилегий пустячны.

Так Исидзуэ Арика связался с тем, с чем связываться негоже.

С демоном подземной комнаты. С другом, которого не остановить без воткнутого в беззащитную грудь ножа, который мог быть истоком многих зол.

Словом, Карё-сан был идеальным работодателем.

Прямой, с вечной дружелюбной улыбкой, ведет себя как красавица такая, что раз в час я горюю — будь он женщиной, всерьез влюбился бы. Не давало покоя, что порой его слова были странно взрослым, с издевкой, но это в пределах изюминки. После дневного приема пищи я записываю в любимый блокнот: «Карё-сан. На долгое знакомство». Это мое ничуть не приукрашенное, даже слишком чистое мнение. Ведь идея в том, что такого идеального работодателя встретишь дай бог раз в жизни.

— Исидзуэ-сан, ты так много пишешь в блокнот. Это привычка?

— Нет, не то чтобы привычка, скорее обязательный предмет. Я то, что было днем, к ночи забываю. Напрочь, ни единой вещи не могу вспомнить. Так что если надо что-то запомнить, приходится записывать, а то совсем плохо.

Зрачки Карё-сан становятся точками.

— Ничего себе дела... Это что, вроде антероградной утраты памяти? Когда запоминается только очень короткое время.

— Нет, пока день, я ничего не забываю. Потеря памяти... ну, которая амнезия, да? Не помнишь контекстов, и вообще свое имя вспомнить не можешь. У меня все не так сурово, но и когда прошлая память лежит как лежала, и не можешь вспомнить только то, что было после начала симптоматики, — это тоже не то... Я просто забываю с заходом солнца то, что было днем. День как бы перезагружается. Поэтому самое важное, то, что связано с будущим, я пишу в блокнот. Тогда все в целом окей. А вечером я просто читаю и запоминаю как положено, так что ты не волнуйся.

— И так каждый день? А то такое забытое часто восстанавливается за день.

И правда, говорят, многие случаи антероградной амнезии сами по себе проходят в пределах двадцати четырех часов. Антероградная амнезия — это функция мозга, связанная с осознанием. Обычно — чаще всего из-за того, что в височной доле мозга, где находятся первичная слуховая зона и прочее, снижается кровоток, — самому мозгу вреда не наносится, и он по мере выздоровления возобновляет активность. То, что есть у меня, когда каждый день в некий заданный момент теряешь память о прошедшем дне, антероградной амнезией не называют.

— А, хотя это не такое уж страшное дело, как ты думаешь. Если понял, что с этим делать, жить можно. Попрошу убедиться в этом завтра... Впрочем, конечно, редкий синдром, можно и впечатлиться.

— Ишь ты. Ладно, мне теперь интересно, что будет завтра... но тут впору удивляться не твоему синдрому, а тому, как ты о нем говоришь. ...А, понятно. То есть для тебя то, что ты не можешь воспроизвести прошедший день, не так плохо, да?

Черноволосый красавец захихикал.

На этот раз у меня потемнело в глазах. Что это он. Что, было над чем так странно хихикать?

— Ага. Ладно, Арика-сан, я отдам тебе поносить вот этот протез.

Карё-сан своей черной правой рукой снял и протянул мне свою черную левую руку.

Рука, имитирующая верхнюю часть руки от плеча до локтя.

Обычно в случае утери руки от сустава говорят об отсечении, а при утере поперек кости, как при переломе, — об отрезывании. Разница в том, оторвалась ли деталь от сочленения или пострадала сама собой.

В моем случае имело место отрезывание, под которое и был рассчитан протез, что протянул мне Карё-сан.

Первое впечатление — статуя женщины.

Без единого сочленения, очевидно гипсовая задняя часть. Красивый, это тем не менее был всего лишь протез, от которого я ничего не ждал — так только, восстановить «человеческий вид», как украшение.

— Вот, держи, можешь сразу примерить.

Черноволосый босс улыбнулся.

Как бы это... Даже узнав его пол, перед этой красотой не исключалось игнорирующее все это падение, — и вот эта красота смотрит на меня снизу полным ожидания взглядом.

Ну да, говорят, что улыбка как цветок. Но в мире существовала и такая улыбка, перед которой цветок потупится.

Хмурясь, я беру подозрительный протез.

Конец протеза был полностью черным. Нет даже устройства для закрепления на теле. В верхней части имеются два неуместных ремешка — видимо, предполагается приставить ее к плечу и закрепить, как гипс.

— Пардон, Карё-сан... Это что, мне надо прикинуться, что я приставил руку?

Карё-сан с улыбкой пропускает мой укол мимо ушей. Ну давай, мол, приставь.

Ну ладно... Что ни говори, на моей культe тоже нет устройства для крепления протезов.

На самом деле мне как раз удобно то, что этот протез сделан в духе «вставь, как детальку фигурки».

Полтора года назад ночью я лишился левой руки. В темноте, проснувшись от шума, я увидел, как сестра залезла на мою постель и вылизывается — такие вот необычные обстоятельства. Отрезанная рука, словно с самого начала такая была, вдруг обрывалась. Обычно, если отгрызают, нервы сообщают дикую боль от рвущихся мышц, ломающейся кости, и кровь хлещет, и умереть недолго, — но место отреза было прекрасно закрыто. Гладко так. Как сваркой.

Этот разрез тела, не оставивший даже шрама, и статуя, плевавшая на свою протезную роль, гармонировали, можно сказать, судьбоносно...

— А...

...и в момент такого точного соединения, будто они были созданы друг для друга, — меня пронизает страх, непередаваемый озноб по позвоночнику.

— Э... а, кх, м...

Зрение отключается. Голову обволакивает свет. Ужас, словно огромные черные тонкие пальцы гладят все тело...

— Хм, так похорошело, что на ногах не держишься? Тогда можешь воспользоваться вон той софой. Да... Я подозревал, что совпадут, но не думал, что это будет настолько приятно. Вот прет-то... Правда, ты такой странный, Исидзуэ-сан.

Экстатический голос... Странная улыбка — словно удав перед лягушкой, словно схвативший муху паука.

В слишком красивом кроется черт. Нормальный человек бы почувствовал существо такого сорта, но, увы, я заодно с рукой лишился и чувства опасности. Это — наибольшее остаточное явление от потери левой руки; с той ночи полтора года назад я потерял способность «чувствовать угрозу» от опасных существ и ситуаций. В Ольге это было психическим повреждением, ну а сейчас числится неизлечимым синдромом.

Так что, да, мальчишка передо мной человеком не был — но не то чтобы его глаза лучились красным; не то чтобы он был уберменшем, как Маруко-тян, с хиханьками-хаханьками разбирающая дома голыми руками; не так все страшно, чтобы бежать, и я опускаюсь на софу.

— Невероятно... В этом мире не может быть такого уютного места!

Наверное, я опьянел от черного протезного яда.

Отпустив замедленную ремарку, я плюнул на все и закрыл глаза.

Так со скоростью света слетаются овечки. Мое сознание безвольно опадает в софу.

— А?... Э, эй, ты чего, ты уж слишком беззащитный! Ладно, весело быть пьяным, но мне охота с кем-то поболтать!

Чуть шевельнув длинными волосами, Карё-сан пытается выбраться из постели. Но, увы, он ничего не может один, и красивое существо грустно корчится на антикварной кровати.

— Нет, не надо, это точно слишком! Да что же такое, держись в сознании, Исидзуэ-сан!

Проснись, пожалуйста-а! М-мне неловко говорить, но я против сна на рабочем месте!..

Похоже, Карё-сан действительно филантроп. При виде того, как долгожданный собеседник уходит в гилбернацию, он всерьез унывает и нервничает. Но я не могу противостоять набегающим со всей страны Мерри с их барашками.

Таков день после заключения контракта на двести тысяч иен в месяц с демоном подземной комнаты. Я, получая опыт совпадающего с моей утерянной левой рукой протеза не от мира сего, провалился в спокойный сон среди маковых полей.

Когда я открыл глаза, состояние подземной комнаты резко изменилось.

Наверху было темно, а небо было очень глубоким. Колыхающаяся масса воды казалась обретшей материальность оседающей тьмой. Словно бездонный мрак крутился в водовороте.

И, танцую в этом вихре, вскоре наплыл блеклый лунный свет. Отсюда планеты кажутся такими далекими. Одна лишь Луна освещает выпавшую из реки Времени комнату в европейском стиле.

— А... кхм.

И в этом тихом и слегка возвышенном пространстве я бездумно подал голос. Все тело вздыбилось волосками. Меня, забывшего угрозу, пинками выгнало из сна шестое чувство, кричавшее: «Здесь опасно!»

Напрягая глаза, во тьме потолка я различил движения огромной рыбы.

А под софой черный пес, сопя, тянул клыком чужую штанину.

И, как на добивание, — внимательно смотревший на меня с кровати с балдахином работодатель.

— Ай, уф. В общем, доброе утро!

Суетливо попытался приветственно махнуть рукой, но не сумел.

Потому что слишком неприятно. Во мраке комнаты глаза Карё-сан были похожи на сверкающие драгоценные камни, половины радужек были словно отсечены морским горизонтом луны, и в левом глазу читалось «ты», а в правом «уволен», настолько недовольно они смотрели.

А почему я здесь?

Как вышло, что это прекрасное лицо перекосило злобой? Я попытался подумать логически и пришел к верному, кажется, умозаключению.

— Э-э... Я не сплю. Точно не сплю, совсем.

— Фу. Как тебя воспитывали, Исидзуэ-сан?

В точку! Ошибки нет, я точно в первый день задрых!

— Мне нечем оправдаться. Да, мне правда стыдно, но нельзя ли мне рассказать, что тут произошло? А, я вообще рассказывал, какой у меня синдром?

— Да, рассказывал. Забываешь, что было днем. Между прочим, Исидзуэ-сан изволили почивать в районе часа дня. А сейчас — девять вечера, и все это время я был сам видишь в каком состоянии, — Карё-сан ехидно улыбается. Ужас, терзавший меня с головы до пят, на этом наконец прошел.

— Мне правда стыдно... Я должен приложить все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы завтра такое не повторилось...

— Да ладно уже. Я уверен, такое будет случаться часто. Если будешь каждый раз так эмоционально реагировать, я сам начну извиняться. Он мне в свидетели, я думаю смириться с этой твоей чертой, Исидзуэ-сан.

— Он?

Опускаю взгляд. У ног — черный пес. Видимо, это он — тот самый «он». И хватит мусолить мои штаны, а.

— Т-то есть я не уволен?..

— Нет. Просто сменю политику. Я за полдня понял, что ты за человек.

Он сделал паузу.

— Да... Перед таким, как ты, ломать комедию — только устанешь. Как цепного пса баловать, без толку. Теперь я буду обращаться с тобой безжалостно и неотступно, считай, что на тебе ошейник, Исидзуэ-сан.

С последним «сан» глаза его, пребывающего в своих правах, сверкнули.

Многозначительно приподнятый уголок рта был улыбкой лучшего собаководы, который раздумывал, как воспитать собаку.

Я бездумно листаю блокнот, где написаны вещи вроде «Карё-сан, хороший». Ну-ну. Ты с ума сошел, я-из-дня.

(05.08)

В общем, с этого началась моя новая жизнь.

Так или иначе, я осяду в многоэтажке №13, а старый дом продам в том месяце, и буду ходить на работу в лес. Лично я не хочу особенно бродить по улицам, но чтобы жить дальше, придется отбросить гордость и выбраться из района. Запереться в подземной комнате и радоваться жизни могут только избранные богатеи.

Безо всякой связи с моими личными проблемами, город Сикура, который я покинул полтора года назад, как и говорил Ниидзима-тян, в чем-то попахивал жареным.

То ли с течением времени, то ли ввиду увеличения числа дел поинтересней, чем сон, но молодых людей, болтающихся по ночному городу, стало заметно больше, а их поведение — раскрепощеннее. В школьные времена я опасался гулять по ночам, но сейчас этот праздник жизни, похоже, стал официальным. Если без драк, зачем ограничивать детишек? — наверное, такая позиция.

— О, Арика-семпай?

В круглосутке я нашел знакомое лицо.

— О-о, круто отбелился! Что, в группе? Ты группу сколотил? Фигасе, ты вроде не такой товариЧТО?! Что, у тебя же руки нет! Как?! Почему?! Чувак, ты сокровище Сакурадзаки, блин, какого черта ты руки теряешь!..

Это был большой человек. Конечно, как только что выпустившийся бездельник, в корзинке он нес овощной сок и тому подобное.

— Знаешь что. Это моя фраза, Поступим⁴. Сам-то не такой был товарищ. И ори потише, ты не на занятиях.

Имея в виду напруг других покупателей, я усмиряю большого младшеклассника.

— А, сорьки. Д-да, угу, без омгпричин такое не бывает. Слушай, извини, я хоть выпустился уже, все равно как пацан.

Младший честно извинился. Наверное, это из-за темперамента атлета у него привычка нервничать перед старшими. Полтора года — нет, даже дольше мы с ним общаемся, а вот...

— Во-во. Вообще не развиваешься.

Я заканчиваю покупки вперед него.

— А, погоди, семпай, стой!

Он вопит и дает деньги кассиру.

Вздыхаю — опять я нарвался на лишние хлопоты... Ну да ладно. Зато отражающаяся в оконном стекле физиономия добродушна и лыбится.

До этого я шел в дом Исидзуэ на холме Сикура, а приятель упустил последнюю электричку. Это судьба.

— Пользуйся любой комнатой на первом этаже. А, ты готовить умеешь, я забыл?

— Могу карри сделать. Ну и всякие онигири.

— Уф. Ты как этот, старик-менеджер.

По грустной въевшейся привычке мы без задней мысли, естественно, решили, что он ночует у меня.

— Чувак, а я тебя последнее время не видел. Ты ездил куда-то?

— Я чуть ли не год лежал в больнице. И до сих пор не очень осознал, что все это время там делал. А ты, Поступим? До чего «Коалы» успели дойти? А то год назад продули в финале региональной квалификации...

— Э-эх, и не спрашивай. В этом году хоть и не финал был... а-а-а, так разнесли нас, до сих пор кошмары снятся.

⁴ Оригинальный перевод Shimashou – «так и поступим».

- Разнесли? С таким-то составом? Ведь ты даже перевелся, потому что с нашими «Коал» не одолеть.
- Угу. Меня в жизни так не разносили. А я-то тоже думал в том году, что «Коалы» круче всех. Аччерт, ну почему так вышло. Вот если Казуми бы хоть чуток лучше соображал! Коалагаока — название одной из старших школ Сикуры, которая соперничает с первой старшей общей школой Сикуры под прозвищем КураКоу. Обе горячо поддерживают бейсбол, и знающий знает, что нападает КураКоу, а защищается Коала.
- Ага... Поступим, а который бьющий-бегущий последний? Дошли до четвертого?
- Не-а, остановились на трех, как ты и говорил. Вообще-то на роль четвертого человек был, но дальние хиты не по мне все-таки.
- Балда. Неужели надо было переходить в Коалу, чтоб это понять?.. Блин. С тобой у нас был бы идеальный набор бьющих. Хоть ты какой крутой четвертый, в бейсболе один не победишь.
- Ха-ха-ха. Народ из других школ уже вообще откровенно засуживали. Особенно на разогреве весной второго курса досталось. Со старшими честно нигде не играют. Я сам видел матч «Коал» с КураКоу, смотрел и думал, что так нельзя.
- Еще бы. Так подкосили их, что сикурские старики-бейсболисты пошли опротестовывать. Спасибо им, летом мы сумели сыграть нормальный матч. Ну, в те моменты, когда бегущий не стартовал.
- Ностальгический диалог. В конечном счете проболтали всю ночь. Из обросшего разными историями дома Исидзуэ слышался хохот. Я понимал, что соседи морщатся и не могут уснуть, плюются, мол, этот массовый убийца вернулся, но пусть хоть сегодня они дадут ему покой. Человек только вышел на волю. Если не давать даже столько счастья, то и жить не захочется.
- Чува-ак, я тебе благодарен очень!
- Словно взявшая нас на три года в прошлое ночь закончилась. Оба сонные, я уже думал поспать и вырубил свет, как прозвучали эти монотонные слова без тени благодарности.
- А? За что?
- Ну как. Я же бросил КураКоу, когда меня тренер терпеть не мог, тоже ведь факт! Со своей теорией характера — стой ровно, шагай мельче, плечи горой, бей лаконичней, задолбал уже.
- А-а. Ну да, наш тренер такой. А что?
- А тогда ты мне и сказал — бэттинг не стиль, он динамика, и что нечего менять движения, которые мне естественней. Когда я у «Коал» это сказал, сразу влился. Вежливый. В таком трепе никакой поддержки нет. Его поставила на ноги только его же воля.
- Да это просто ты талант... Хотя я больше не видел, как ты бьешь, что тут еще скажешь.
- А. Кстати, чувак, ты про SVS знаешь?
- Не, впервые слышу. А это что, бэттинг-центр какой-то? Могу сходить с тобой.
- Правда?! Ура, тогда хоть завтра... А-а... не, забудь. Извини.
- Поступим сник. Понятно... Я уважаемый бьющий. Исидзуэ Арика, которым он восхищался, уже не может держать биты, что до него дошло не сразу.
- Кстати. Насчет того тренера, ты в курсе, что он весной второго курса ушел?
- Ого, этот-то говнопапик?! Который говорил, что будет в деле до смерти, и которого вряд ли убить насмерть можно было, точно он?!
- Ну, там как. После весеннего отсева был мьютинг. Вот именно на лето он решил двинуть в детскую лигу, ну и стал там спартанцем. Я, мол, стану чертом. Для того, мол, отброшу все лишнее, вот, и мальчика с первого курса материл, грозил побить, такой матерый говнотренер.
- О черт, он бы мог... Стоп, а за что?

— А. Когда наш менеджер услышал эту фразу, то покивал и сказал, мол, так и надо! Впечатлился. Подвальсировал так, поднял биту, да как даст фуллсвинг тренеру по задку. Тот — ты чего делаешь! Ну а он что: «Ну, просто подумал, что тренер им меньше всего нужен».

— Кру-ут! Менеджер кру-ут!

Поступим от души ржет, держась за живот.

Как удачно, что это сошло за анекдот. Потому что когда мы стояли рядом, то побелели и совершенно не думали смеяться.

(09.08)

Перед тринадцатым корпусом располагалось кафе «Марион».

Место то еще, непопулярное, но меню толстое и вкус приличный, незаурядное кафе.

Нельзя не упомянуть и тишь заведения на грани разорения, где посетителей в пиковые часы в пределах десяти.

У окна этого самого «Мариона», куда порядочный бургер не зайдет, за лучшим столиком сидела такая красотка, что мурашки по спине.

Лет ей было двадцать пять — тридцать. Лицо полукровки, рост около ста семидесяти, безупречные модельные формы. Величавые, словно тонкой кистью вычерченные брови, под которыми красовался спокойный взгляд им под стать; раскосые миндалевидные глаза смотрели с привычной женщине мягкостью.

Аксессуары выделялись настолько, чтобы остановить взор, но не затмить, ну а если присмотреться, под мышкой виднелась опасная выпуклость кобуры. Волосы до поясицы эротично собирались в хвост на уровне шейной ямки.

— Так вот, Сёдзай. Ты серьезно будешь ухаживать за тем ребенком?

Это воплощение слова «красавица», наша Мато-сан, сделала немислимый с утра заказ — джентльменский лоин стейк обоим — и без заминки расставила тарелки.

Неуместные для такой кафешки совершенные манеры. В то же время мне, сидящему напротив, отбили аппетит эти ох, какие совершенные, красивые, ускоренные, бандитские движения вилки и ножа в ее руках.

— Вы против, Мато-сан?

— Еще бы. Понятно, что если ты с ним свяжешься, либо умрешь, либо уकोкошат. Ты меня вообще поражаешь. Может, у тебя инстинкты выживания после Ольги еще больше атрофировались?.. Блин. Дрочи, что ли, поменьше, инвалидом же будешь.

Вот так. Держу связь раз в четыре дня. Одно из условий моей выписки из клиники Ольги — этот надзиратель, приставленный лично к Исидзуэ Арике с целью оценки «реабилитации в обществе», такая же невероятная язва, как всегда.

Тома Мато.

В клинике носящая белый халат, как доктор, а в миру носящая брендовый костюм, как прожженная карьеристка, неотразимая красавица.

Но ее истинное лицо — облеченная государственными полномочиями работающая женщина, напоминающая старшую сестру. Ну, специально приехавший в префектуру С из госдепартамента большой босс из штаба расследований по делам носителей синдрома А. До этого задания она была безопасником, как сболтнул мне Доктор Айболит, но куда большей загадкой было ее звание инспектора по банд-формированиям. Поскольку нашивка инспектора ей досталась только по прибытии сюда, она как пить дать из карьеристов.

— Ну чего. Не будешь, что ли?

В неведении относительно моих противоречивых чувств, Мато-сан смеривает взглядом еще нетронутую сосиску с косточкой. Эта проглотка не любит оставлять объедки и доедает что положено, как и должно хорошо воспитанной леди.

— Если не будешь, буду я... Черт, обидно. Не хватило. Надо было брать двести грамм. Не дожидаясь ответа, Мато-сан стягивает мой завтрак вместе с тарелкой(!). Воспитанная-то она воспитанная, но вот с каким результатом?

— Ну, знаете... Не знаю, чего злиться, но это ты мне представила Кайэ, Мато-сан! Как человек, ощущающий важность благ соцзащиты, я не могу просто так его бросить, не по-людски же.

— Ответь-ка мне вот на что. Ты это на полном серьезе?

— Виноват, соврал, просто хочу протез. Но, Мато-сан. Что за штука этот его протез? И фантомной боли нет, и двигается, как я хочу.

— Охо. Я знала, что он двигается, но фантомной боли, говоришь, не чувствуешь?
В возбуждении остановив нависшие над сосиской пальцы, она приказала мне объяснить подробнее.

— Ну, я всего два раза его носил и не могу подробнее, но феномена, когда от протезирования болит отсутствующая левая рука, вообще не было.

Левая рука Исидзуэ Арики утеряна полтора года назад. Угрозы жизни нет, он справляется и без руки и не беспокоится о ней, но сам факт безрукости людей вокруг вымораживает. Жизнь с протезированными руками и ногами не только влияет на обыденный моцион, но и отражается на психике. Если у тебя есть протез, то и люди вокруг перестают смотреть сердобольно. Ну а эта протезированная конечность дает плюсы и ни одного минуса, но я что-то ни в какую не могу ее носить.

Странное дело — без протеза культя ничуть не ноет, но как только нацеплю, отсутствующая левая левая рука начинает болеть.

Утерянные конечности, можно сказать, диаметрально противоположны фантомным болям, доставляющим невероятные страдания.

Большинство фантомных болей рассматриваются медициной как невральные реакции, но среди них бывают и беспричинные, вызванные психологической нагрузкой. Моя боль, похоже, именно из таких. В общем, это значит, что все еще хуже, чем даже психогенная фантомная боль.

— А работа как? Насколько она может двигаться, эта его рука?

— Рука двигается так же. Никаких устройств, вроде движения по вольтметрам на оконечных нервах руки, там вообще нет. Но настолько удобно, что страх теряется... Он ведь твой знакомый, Мато-сан. Это что, результаты лабораторных исследований одержимых?

— Вот лабораторных результатов, к сожалению, ноль. До практического применения исследования не дошли. Народ в Ольге от твоей младшенькой много ждал, но последнее время ничего хорошего не происходит. Говорят, с ней почти не управиться, *даже убить уже нельзя*.

М-да. Последнюю жестокую фразу пропустим; на повестке дня «одержимость».

Это не какая-то оккультная штука, а неформальное название вирусной болезни, которая начала распространяться около двадцати лет назад.

Формально это — синдром агониста. Термин в широкой практике означает опухоль мозга, ведущую к «расстройству вегетативной регуляции с сопутствующим интенсивным маниакально-депрессивным психозом».

Действительно, носители синдрома А на ранней стадии развития близки к психическим больным. Расширение или сокращение «эго». Разногласия с окружающими, приверженность к индивидуализму. Слетевшая с катушек мозговая активность, которую в одиночку под контроль не взять.

Загнанная в угол химия эмоций вызывает аномальную секрецию нейротрансмиттера, который является токсичным агонистом и подвергает рецепторы мозга крупному стрессу.

Рецепторы — формант нервной ткани, задающий направление жизненной, телесной активности. От притока токсина, постоянно передающего на них напряженность, рецепторы с целью разрешения ее причины запускают новые телесные контроллеры.

Если больно — к телу без боли.

Если хочешь вернуться к животности — к животному потенциалу.

Эти изменения строго индивидуальны, но в основном в человеческие рамки они не вписываются.

Изменение в результате действий физического тела, останавливающего психический распад. Эту метаморфозу иначе как «одержимый чем-то дурным» и не опишешь. Отсюда кличка — «одержимые».

Ее, причину аномальной секреции материала для возбуждения рецепторов, называют пораженным органом.

А порожденную возбужденными рецепторами «способность для решения проблемы» — новообразованием.

Клиника имени Ольги — спецдиспансер, созданный для этих носителей синдрома А.

Пациенты под присмотром заботливых надзирателей наподобие Мато-сан отправляются в Ольгу и до излечения не соприкасаются с обществом.

Клиника подобна лимбу, но с этого года — видимо, после драки с правозащитниками, — была вынуждена для проформы раскрыть двери для нескольких пациентов.

Вынеся допущение, что можно попробовать вернуть *вот этих* в общество, выйти позволили двоим — мне, Исидзуэ Арике, и Хисаори Макине. Хотя я-то и не был синдроматиком, просто попался под руку. Одержимая родственница в корпусе D, вот эта сестренка меня и заметила.

— Ну, про *это* отложим. Так что, Мато-сан, вы про протезы не в курсе?

— Не в курсе. Не хочу возиться с чем-то неочевидным. И тот ребенок, и твоя сестра в ту же кучу. *Эти* — не носители синдрома А, но, как бы сказать...

То есть — не одержимые.

«То есть сами демоны», — чуть не сказала Мато-сан то, что говорить не в ее стиле. В этом смысле я тоже не хочу задумываться, потому уточнять не стал.

— Но Кайэ все-таки не любит одержимых. В блокнотике написано, что он сказал не говорить при нем об одержимых.

— Ага... Он подделки терпеть не может. Зато и пораженные органы, и новообразования служат ему ценным источником пищи. Сядзай. Ты заметил, что тот ребенок постоянно голоден?

Гм... Кстати, да, у Кайэ даже после ужина, кажется, урчало в животе?..

— Вон оно что. Ну да, вечером, перед уходом, я слышу звуки его желудка. И спрашиваю, не проголодался ли, а он смущается и говорит не обращать внимания... Понял, он у нас вечно голодный персонаж...

Ошибочка вышла. Я думал, раз он маленький, ему и еды надо мало. С сегодня надо увеличить порции.

Я поднимаю глаза и вижу непроницаемый вид и сосиску на косточке в руке Мато-сан, одна штука.

— Вообще-то я сейчас серьезную вещь сказала. Что, тебе так нравится Карё Кайэ?

— Э-э... Не знаю даже. Сам Кайэ — не проблемный, приличный... А, стоп, на самом деле характер у него гнилой. Я в его душе чувствую то же, что и в тебе, Мато-сан. Без денег и хитрого протеза я бы к нему и не заглянул. Но сидеть с ним не напряжно. Как бы, ну, когда слова кончаются, мы просто сидим расслабляемся... если привыкнуть, не так уж напрягает...

— Кстати, ты странно его называешь. В предыдущем звонке ты говорил «Кайэ-сан».

— А? Ну, Кайэ сам так просил.

«Объясни, как к этому пришли», — приказывает Мато-сан, глядя ледяными глазами.

После полуторагодичного натаскивания мой спинной мозг реагирует помимо воли. В конечном счете, человеком правит не разум, но тело.

— Угу... Ну, все началось с вчерашнего вечера.

«Кстати, Исидзуэ-сан. “Кайэ-сан” неприятно звучит, можешь говорить просто имя без церемоний».

Лежа на боку на кровати, работодатель ангельски улыбнулся. Я не помню, но вчера днем, наверное, я хорошо сделал работу.

«Так и удобней. Ладно, тогда с завтра так и буду».

Признаться, добавлять «сан» мне самому казалось неправильным во многих смыслах — он и моложе меня опять-таки, — так что это самое то. И если я буду просто говорить «Кайэ», меня должны перестать каждый раз терзать сомнения, уж не девчонка ли он на самом деле. До заданного момента, семи вечера, оставалось еще чуть-чуть времени, поэтому я ложусь на софу и ничего не делаю.

Подземная комната была окутана какой-то смутно неловкой тишиной, но она перед этой уютнейшей софой бледнела.

« Слушай. В таких случаях не говорят что-то вроде: “Тогда ты меня тоже просто по имени зови”?»

Голос озадачивающе пришибленный.

«Да?»

«Ну да».

«Хм-м», — разговор прервался.

Потом неуютная тишина закончилась.

Слегка высунувшись из-под тени балдахина, черноволосый наниматель промямлил, что было редкостью:

«Арика... ты мне этого не скажешь?..»

— Вот, так и было.

Взгляд Мато-сан причиняет боль. Это по какому, интересно, физическому закону вспоминаемая неуютная тишина так наглядно переехала к этому столику?

— Ну? И ты сказал?

— Не, он меня уже и так стал звать без церемоний, какой смысл говорить?

После этого я стал звать Кайэ «Кайэ», а Кайэ сменил «Исидзуэ-сан» на «Арика».

— Эк вы поладили.

«Ам!» — Мато-сан отъела сразу половину сосиски.

— Ну, лично я думаю, все обычно.

— Эк вы поладили.

Ам. За второй заход сосиска на косточке пропала из этого брэнного мира.

Мато-сан взяла вторую и недовольно заставила пропасть и ее. Это уже не какая-то неуютная тишина. Это — зона ужаса.

— Ч-что-то не так?

— Да нет. Просто поняла, что ты уже ничего не можешь. Если даже в его подzemелье не чувствуешь опасности, недолго тебе осталось. Ладно, так хоть одним подопечным станет меньше, уже хорошо.

— Вот не надо говорить такое! Я и сам понимаю, что та подземная комната опасна и Кайэ

— просто тот, кто платит. А если станет жарко, я готов, сразу побегу к тебе за помощью.

— Ко мне-то почему?

— А кто мне представил Кайэ? Хоть отвечать за свои идеи можно?

— Не, ты сам полез в пасть тигру, Сёдзай, ты и отвечай. Мне нечего встречать. А если и есть, то это чувство долга, потому что представила ведь.

Похоже, болтовня подняла ей настроение — выражение лица Мато-сан чуточку развеялось. Однако не думал, что у нее есть это самое чувство долга.

— Э-э, это как?

— Ну, мы с тобой ели один завтрак. Как минимум я лично сделаю аутопсию⁵.

Долг оказался с презумпцией кончины.

— Ясно... Я буду работать, твердо держа себя в руках. Этого достаточно?

⁵ Посмертное вскрытие и исследование тела и внутренних органов с целью выяснения причины смерти.

— Ага. Тебе вообще-то жить опасно. Это главное, не забудь.
Подчистив последнюю сосиску, она поднялась.
Деловитая Мато-сан — на работу, а вот у меня сегодня выходной.
— Кстати. Мато-сан, у вас живот не болит?
Будь хоть трижды Злым Томатом, а столько косточек так легко не аннигилируются.
— Гм? Не, это немного еще. Эта всего-навсего восьмая. Чтоб я от переедания не могла работать – не бывать этому.
«Ну все, пока», — и Тома Мато уходит, педантично заплатив за себя.
Если в традиции семьи Тома подъедать все, что приготовлено, она даже для них будет исключением.

Только выйдя из «Мариона», я пал жертвой жестокого головокружения.
После полудня того понедельника, когда я освободился от ухода за Карё Кайэ. Вторую неделю, даже в августе, без жалости жарящее минимум на тридцать семь градусов солнце быстро выплавляло желание проявлять активность.
Жар такой, что даже дышишь с опаской.
Блага цивилизации так жестоки, что как только лишаешься кондиционера, переживаешь опыт отчаяния, подобного падению с утеса.
Однако в этом тоже прелесть лета. С пагубным ультрафиолетом, массирующим палящим сверху, стыдно и пикнуть про какую-то там жару, так что если так думать, то и эта топка вполне романтична. Роскошь без стеснения купаться в свете настолько сильном, что глаз не открыть. Хитрость, чтобы пережить психические боли и трудности, в том, чтобы узнать им цену. Утешение из тех, что мог бы сказать один доктор-с-мечтой в клинике имени Ольги.
Поэтому я поплелся в Ясакадай, что за две станции отсюда.
Полдень рабочего дня, пустые вагоны электрички.
Никто не косился на беловолосого однорукого парня, проплывавший за окном город все тот же, что и полтора года назад, и я, сам себе удивляясь, успокоился.
— Однако тут правда ни фи́га не изменилось...
Полтора года назад я каждый день этим путем ездил до школы и обратно. У станции Ясакадай было все так желюдно и не очень чисто, совсем неэлегантный ученический район.
Матроны с магазинными сумками, молодежь с массой лишнего времени. На кольце ожидают таксисты. Сонные раздатчицы бесплатных салфеток, поле раскиданных на дороге флаеров.
Обычная жизнь, можно было бы предаться тихой ностальгии, но, увы, не изменился только сам район, а вот ситуация была совсем другой.
Не так привольно, как в вагоне. Я просто двигался в сторону офисных кварталов и уже успел ощутить разницу температур между мной и остальными.
В общем...
— Пожалуйста, пожалуйста! Пож... а, вы — студент? Пожалуйста!
...и становиться для всех прозрачным — неприятно...
— Позвольте помолиться за ваше сча... Ой.
...и отворачиваться, как только заметила, тоже, знаете ли...
— Говорю же, рассвет в следующую пятницу! Не спать? Не, не спать плохо, хоть отправление...
...и неловко, когда умолкают только что нормально болтавшие люди...
— Слышь, тебе не тяжело?..
...и вот до такого доходить тоже не надо, спасибо большое.

— Тебе не тяжело?

Шепот, я останавливаюсь.

Бесцеремонный голос. Оборачиваюсь — кто это еще? — а там... то ли знакомый, то ли нет, а то ли просто не хочется вспоминать, опасный на вид малый.

— Ну? Не тяжело тебе? Чушь собачья. Как ты можешь так идти себе и в ус не дуть?

Он говорил еще более бесцеремонно, но его одежда выглядела настолько бредово, что я даже не нашелся что ответить.

Парень был одет в парку, в такую-то жару натянул капюшон на голову. Левая рука голая, правая завернута в жаркий длинный рукав. Он был ниже уровня моих глаз, но вызывающий голос и взгляд были направлены из-под капюшона на меня.

— Я что, знаю тебя?

Исидзуэ Арика теряет память о световом дне, и эта фраза для него стала дежурной.

— А-а... Так, напрямую, мы встретились впервые, но я тебя хорошо знаю. Ты меня не помнишь, что ли?

Голос, кажется, приуныл. Впрочем, похоже, он простужен — хрипит и плохо слышно.

— Извини, у меня с памятью проблемы. Но мы все равно встретились впервые, так?

Его капюшон кивает.

«Я тебя хорошо знаю». Он, словно на морозе, обнимает левой рукой правую.

— Странные дела... Не то чтобы я тебя обвиняю, но... с чего все подряд тыкают мне с первой встречи?

— Дык, ты знаменитость. Тебя знают все с нашего поколения, наверное.

Парень под капюшоном не желал зла. Я даже не догадывался, о чем он, но, похоже, так и есть.

— Ну, неважно. Так что, парень, тебе от меня надо?

— Сразись со мной. Рука-то у тебя не заржавела.

Взгляд как стрела. На миг я забыл о летнем солнце.

В его голосе из-под капюшона звучала жажда убийства. Настоящая, я такое сколько-то раз видел в Ольге, трагическая мольба — «мне больше ничего не нужно, только дайте его убить».

— Не. Прости, но, гм...

Как я остался спокоен после этого — ответит моя утерянная способность чувствовать опасность.

— Ну пожалуйста. Сразись. Нужен хотя бы ты, а то мне вообще...

Смертоносная аура человека в капюшоне была искренней, хваталась за соломинку.

Жаль разочаровывать, но я не могу оправдать твоих надежд.

— Ну. Видишь же, проблема даже не в том, что заржавела.

Показываю левую руку. Из-за капюшона ему плохо видно, что ли, или видел, но не задумывался — в общем, взглянув на безрукого Исидзуэ Арику, он пораженно застыл.

— Э, что?..

Нет, минутку. Тогда его первый вопрос был...

— Ничего себе... Это же предательство. Ты разве не такой же? Не может быть. Мы, по идее, одинаковые — и по статусу и по мыслям.

Скрежещет зубами.

Человек в капюшоне смотрел на меня с совсем уж неприглядно-безобразной жаждой убийства.

— Черт... я в печали, семпай. Я думал, смогу хотя бы с тобой быть в команде, — разочарованно выплюнул он и просто отвернулся от меня.

Неуверенная походка.

Человека в куртке-парке затмил летний зной. Он как наркоман.

Думая записать про исчезающую в закоулке фигуру, я потянулся к блокноту, но бросил; фиг с ним. Я все равно не смог оправдать его ожиданий. Без невероятного совпадения и невероятного невезения мы больше не пересечемся.

Переводя на другие рельсы, меня атакует странное впечатление от университета. По сравнению с городом отчуждение слабее, но меня заполняет атмосфера «на первый взгляд здесь все устроено нормально». Термин «кампусная жизнь» у нынешнего меня чуть застревает в горле, давая ощутить чистое, безупречное будущее. Вообще, считается, что я на академическом отпуске, так что в моем текущем физическом состоянии дневные лекции жалки, как если бы я пытался нарисовать картину на песке в полосе прибоя. Если мне всерьез захочется отучиться, придется ходить на вечерние курсы. — Впрочем, какова вероятность?.. Пока что решение — не посещать. Насмотревшись, я пересекаю его широченную территорию. Зелень со свежим видом принимает удар летнего солнца. Иногда мимо проходят студенты, среди которых полтора года назад был и я. Я топаю по дорожкам из красного кирпича, чуть ускорив шаг. И вдруг.

— У-о-о-о-о-о-о!!!

Издали доносится крайне неуместный вопль. Я узнаю этот голос и оборачиваюсь. Поблизости никого нет, но за сто метров от меня — кооперативная столовка, где я ел, когда еще учился. Так вот студенты у ее окна, кушавшие давно не виденный мной рис с рыбой, внезапно повскакивали и закричали. Я ничего не видел, ничего; я спешу к главному входу. А сзади – топ-топ-топ-топ-топ! — разметывая растительность, набегают девушка. — Стойте-е! Человек, похожий на Арику-семпая, срочно остановите-есь! Сейчас где-то три часа дня. Я смогу вернуться в дом Исидзуэ до заката, если выдвинусь через минуту. Нахлебников больше нет, отныне я могу жить в новых апартаментах, как приличный человек. Да, звучит неплохо. — И не игнорируйте меня-а! Это же ты, семпай! Этот на первый взгляд травоядный, а на самом деле холодная рептилия — точно Арика-семпай! Ж-жух! — она уходит в динамичный дрейф по траве и встает на пути. Благовоспитанная девушка в шортиках и с короткой стрижкой. — Не понимаю... Почему ты в моем универе, а? Рядом с промзоной есть женский колледж, ты же туда собиралась. Провалилась, что ли, балбеска? — Пф, гр-р-р!.. Н-но все же легче, когда слышишь такие грубости. И ради спасения лица скажу, что я уверенно прошла куда хотела, но раз ты спросил, почему я не в своем универе... — А я спросил. — Да. Ну, потому что ты так нахваливал здешний сет с рисом с рыбой, он сейчас моя основная пища, можно сказать... «Что за карма такая?» — задумчиво наклоняет голову моя давняя знакомая, бывшая младшеклассница. Пришелица с планеты Ветроголовии, Цурануи Михая, вошла в контакт.

Я проболтался с Цурануи с нашей случайной встречи и до десяти вечера, а потом пришел в тринадцатый корпус, где меня встретил Ниидзима-тян с напряженным лицом.

— Арика-тян. К тебе... пришли.

Только это и сказал ждавший меня на лестничном пролете у третьего этажа Ниидзима-тян, а потом ушел к себе. Предупредить, но не помочь — ее, тьфу, его девиз. Мне бы перенять такой принцип.

На четвертом этаже я самым естественным шагом иду через весь коридор в комнату Исидзуэ Арики.

Решил, что если у входа стоит кто-то с ножом, я быстро смоюсь. Открываю замок. Если же оружие будет страшнее и современнее ножа, значит, не судьба.

Поворачиваю ручку двери. Прохожу в прихожую. Не разуваясь, мимо кухни, иду в зал. Здесь, среди раскиданных коробок с вещами, стоит самый натуральный инициатор незаконного проникновения.

Не веря своим глазам — откуда здесь такой маньяк тренировок? — всматриваюсь. Эта горилла с гантелью в каждой руке деловито укрепляла плечевой пояс.

— О. Хай, я тут зашел, Арика-семпай.

Совершенно не чувствуя вины, мужик приветственно поднимает лапу.

Еще со школьной скамьи покрытая щетиной, суровая рожа. Сегодня, наверно, мне в гороскопе написана встреча со старыми друзьями.

Полтора года я не встречал этого школьного младшеклассника. Выглядевший на своем втором курсе старше меня, третьекурсника, Кирису Яитиро стал как раз таким незамутненным бандюгой, как я и ожидал.

— Давно не виделись. Ты как сюда зашел?

— Как-как, открыл дверь и зашел. Не мне говорить, когда уже вломился, но, семпай, замки тут совсем уж тяп-ляп. Лучше завтра сам поменяй.

— Ладно, такие любители вламываться в подобные заведения — редкость, а защитные меры тут не то что тяп-ляп, а просто смех один. Вахтер на первом этаже вообще делом не занимается, говорят.

«Ну ладно, садись», — хлопаю рукой по коробке. Оба опускаемся на набитые вещами картонки и еще раз здороваемся — йо!

— Ну, с чем пришел? Что, на самом деле живешь рядом и сегодня комнатой ошибся?

— Молодец, язык как всегда острый. Не, я на рамсы пришел. Дело сложное. Но к тебе, Исидзуэ-семпай, это не относится.

Кое-как Кирису заговорил о причине взлома.

По его словам, в Сикуре до того месяца был наркоделец, презревший принципы профессии. И этот парень, в общем, продавал товар по дешевке и не думал о выручке, потому набрал харизмы в кругах опустившейся молодежи, а напоследок развил группировку с несколькими дилерами. Люди, издавна дорожившие общественными торговыми правилами, не вытерпели. Вышедший клин подбивают — и юную группировку подавили и прочее.

Теперь все тихо-мирно, но этот харизматичный продавец звался Исидзуэ Арикой.

— Стоп. Что еще за полный тезка?

Если бы при этом и выглядели одинаково, было бы совсем неприглядно. Говорят, что третий двойниклишний, хочется верить, что больше они не наплодятся.

— Уф... Ну, он фальшивый, да?

— Ясное дело. Я тоже его сам не видел, но когда мне расписывали, прямо сказал, что это не Исидзуэ Арика. Так что подразумевается, что это просто легенда, не верь. Ты ведь такой ерундой не стал бы заниматься, да?

— Совершенно верно, мой славный Кирису.

Прекрасно. Надежный и понимающий лучший друг. Хотя его как-то слишком много.

— Из разговора понятно, что один из тех, кто подавлял, — ты. Теперь пришел сюда доделать дело?

— Ну да. Я-то понимал, что Исидзуэ-семпай ни при чем, но народ не настолько хорошо тебя знает. Считай, что формально я пришел убрать причину бучи, Исидзуэ Арику. Скажи спасибо — если б это доверили какой-нить горячей голове, тебя бы линчевали.

Боги бросают, боги спасают.

Исидзуэ Арика, чьи акции жутко упали без его ведома, располагал верным подспорьем, опять же без его ведома.

— За это спасибо. Но вообще, Кирису...

Я хотел спросить: «Ты занимаешься такими мафиозными делами?» — но проглотил.

У него со школы были связи с дурной компанией, и, не учитывая характер, он был неисправимо талантлив в драке. Как часто говорил тренер, ругая его, — плевать на характер, но если не вкладываешь всю душу, в клубе не нужен.

Ладно. Ему самому нравится, и если получается — кто я такой, чтобы говорить?

— Не, ничего, забудь. Я только что много времени провел с человеком сплошь в минус-ионах, малость расслабился. ...Так что, история закончилась? Некий Исидзуэ на небе или пропал без вести?

— Ага. На небе... ну, не совсем, но дело о притворщике раскрыто. Больше он не будет называться тобой, Исидзуэ-семпай. Какие-то терки идут, но фиг с ними, скоро кончатся.

Если раскрыто, то и копать нечего.

А вообще, мне постоянно неуютно.

— Слышь, Кирису, тебе самому этот «семпай» не мешает? Мы уже не в школе.

Но инопланетянка — исключение. При ее совершенной добродетели и моей личности, во избежание лишних хлопот лучше, если останется безликое «семпай».

— Внезапно!.. Семпай, ты разве из тех, кто такие вещи всегда говорит вслух?

— Не, просто недавно похожее дело было. Я понял, что когда друг добавляет «сан» или там «семпай», — это лишнее. Если тебе трудно, то не надо, конечно.

— Да не, пожалуйста. Ладно, теперь ты просто Арика.

Вот такой он легкий человек.

Его широта души, смывшая трехлетний осадок за секунду, вдруг напомнила детство.

... Кажется, случилось это, когда я только-только познакомился с Кирису.

Уже несколько дней меня приглашали в бейсбольный клуб. Я пришел, и завсегда с третьего курса изъяли из бьющих. Тот, пораженный, что какая-то мелкая деревенщина со второго его сместила, ушел из клуба по собственному желанию. Наблюдая на фоне заката за уходящим со слезами старшеклассником, бывший тогда на первом курсе Кирису не врубился и сказал: «Не понимаю. Из-за такой фигни уходить?» Пораженно схватился за голову, вправду не понимая.

Из-за прекрасного характера Кирису не понял его боли. Людская слабость. Раздражение тем, что его обогнал младший, недолгое время, чтобы быть школьником, разные окружающие его тараканы. С такими вещами этот хулиган не сталкивался.

Услышав, что пробормотал Кирису, я не менее самодовольно отозвался:

— Хочешь, чтобы он поделился?

Что-то непонятное. То, чего у тебя нет — именно поэтому этот наглый первогодка словно завидовал ему.

— Нафиг. Небось дорого обойдется.

— Дорого? Ты даже не знаешь, о чем говоришь, а уже грубишь.

— Ну это да, вообще не знаю, но...

Какое-то время грустно смотря вслед уходящему семпаю...

— Но ведь это ж недешево.

... Кирису Яитиро ответил так, словно это было само собой разумеющееся.

Потом мы с Кирису как-то спелись, и я остался в бейсбольном клубе. Собирался только до летней детской лиги, но пробыл там все лето, не говоря уж о весне. Давно дело было. Тогда лето было в разы жарче, чем сейчас, а вся история — ни о чем, просто о молодости.

— Не в тему спрошу — Арика, ты SVS знаешь?

Так мои мысли, в кои-то веки предавшиеся положительным воспоминаниям, были выдернуты в реальность.

— SVS... Древний аркадный автомат?

— Тот MVS. Но да, тема оттуда идет, тонко чувствуешь. Даже если недавно вернулся, я думал, ты уже видел сколько-то раз. Когда ночью на освещенных трассах или в парках собираются люди. Не замечал?

Тут я подумал, что город стал людней. И что как раз в парке перед станцией тусуют тинэйджеры.

— Издали видел такое. Это и был SVS?

— Ага. Простая игра в один бокс, матч на деньги, сейчас становится обычным делом. Короче, упрощенный бейсбол.

SVS. Игра один на один по бейсбольным правилам. Бейсбольная команда — девять человек, но тут просто бэттер против питчера.

Суть такова: честная дуэль в один иннинг. Три страйка — победа питчера, удачный хит — победа бьющего.

За две минуты, если быстро, а максимум — за шесть определяется победитель; немудреная «спортивная игра».

«Отбил — победил бьющий, аут — победил питчер» звучит просто для тех, кто в бейсбол не играл. Да, так-то наберется куча народу, идущего посмотреть, убить время.

— Опять порядок эпох пошел обратно. Это как бэттинг-центр с человеком на подаче?

— Да. Вообще это придумали отбросы бейсбола, чтобы пар выпускать. Молодежь три года крутилась вокруг игры, не работали, не учились, силы девать некуда. И вот это впервые увидели и вдруг подхватили. Как-то зеваки начали делать ставки, кто победит, и пожалте, стала серьезная игра. Сейчас аж на официальную и неофициальную разбили. В парке сбоку от станции — каждый день играют в неофициальную, только на ставки. Когда-то бывшие в бейсбольных клубах, ребята искали, куда прибиться. Это нормально и родилось, видимо, из желания и после выпуска не напрягаясь радоваться бейсболу.

Где свет, там и тень. После трех лет боев венец берет только горстка спортсменов. В их тени и те, кто вовремя ушел, не оставят саму любовь к бейсболу.

— Хе. То есть неформальное — просто тотализатор. Тогда что формальный SVS? Как он устроен? Ставок нет?

— Не, такие же ставочные матчи. Просто тут игрокам дается призовой фонд. Сначала выбирают девять питчеров и девять бьющих. Тут выбираются ребята, в неформалке популярные или с хорошими очками. В основном цимес SVS в том, как эти две толпы играют в «царя горы». Питчер сделал три страйка, бьющий отбился — с этого момента они не участвуют.

Хм... Королевская битва под именем бейсбола? Система поединков. Без стратегий, без командной игры, примитивная игра в мяч. Мелочи неважны, остался до конца — победил. Быдловство. Низкопробное ребячество, но, хм...

— Йо. Небось подумал, что интересно, Арика?

Кирису радостно ухмыляется. Кирису и сам, похоже, любит игру по имени SVS.

— Ну, да, если организатор сделает гласный контроль, может пойти в народ. Но эти матчи, они определены по времени? И по месту?

— Не, тут игроки сами решают. Потому что есть любители и быстрых мячей, и странных мячей, и левши, и правши, и кто друг друга терпеть не может. Среди них есть и такие, против кого шансы на победу падают на порядок. Обратное тоже верно. Так что, в общем, созваниваются, решают, где встреча, зовут рефери и зрителей, делают матч...

— Или прячутся, пока не пропадет противник, которого не хочешь видеть?

— Да. В официальном SVS первая половина — информационная война, а стойки на боксе, холме, собственно мерка силами — это уже вторая. Восемнадцать игроков получают от организатора особые сотовые. С их помощью и связываются. Так вот, если проиграешь поединок, отдаешь свой телефон победителю. Когда последний бьющий либо питчер выбывает, SVS на этом заканчивается.

— Ясно. А собранные телефоны? Если победители — команды, телефоны работают как очки или что?

— Угадал. Победившей команде раздают призы, а игроку, набравшему больше всех телефонов, — дополнительный приз. Скорее, это с какого-то момента величайшая награда игроков. Опять же, ты известная личность, если приз лучшего игрока выиграл.

Станешь заводилой мальчишек, что ли?

Когда игра набирает популярность, звездные игроки, естественно, привлекают внимание. И невинных фэнов, и прилипал впридачу. Понятно. С вывертом, но и это получается про-ринг.

— Однако кто такую игру распространил? Без ораторской музыки не поднять же. Нужно и уважение парней, и понимание интересностей и скучностей бейсбола, и дар зажечь толпу, и главное — организаторский навык, без него трудно. А, Кирису? Кто, где и когда такую дурь начал?

— Однако хреново как, сегодня опять жарко без меры. Тут кондишна нет?

— Ну и ладно. Это, а судьи кто? Что, есть и профессиональные судьи?

— Вообще есть, но не каждый раз, конечно. Бывает ведь и что просто встречаются и сразу начинают. В этом случае рефери — совесть и гордость игроков. Ну и зрители. Последнее время стало много галерей онлайн-экспертов, и старая ругань про страйк-зону кончилась.

— Сурово... А кэтчер?

— Подбирают на месте. По возможности дублирует судью. Если нет, просто кидают.

После боя собрать только. По этикету бьющие постоянно ходят с битой, а питчеры носят как минимум шесть мячей.

— А бэттер-бокс и питчерский холм?

— Обычно сохраняется формальное расстояние. Но бокс и положение пластины — по обстоятельствам, может и не быть. А по обоюдному согласию можно и расстояние увеличить. Плюс когда что-то меняется, то и зрителям интересней.

— Ну да, — продолжает Кирису, — если по-честному, нормальный холм не сделать, и кучу времени отнимает расстановка позиций перед началом. Это все равно азартная игра с галереей, кому хочется терять время на партии? Хотя, конечно, в официальном последнем бою хотя бы делают правильный холм.

— А дедболы?.. Что с ними?

— Бинбол — ну, если попадет, питчер проиграл. Если бэттер увернулся, можно засчитывать как хочешь, по ситуации.

— А помеха? Без судьи даже тайм-аут не засчитать.

— Тут, ну, соответственно бейсболу в душах обоих... Как правило, когда пошла подача, тайм-ауты отменяются. Все-таки в это дело играют честные игроки. С другой стороны, когда поединок начался, по какой хочешь причине с бокса и холма сходить не позволяется. Если зассал, могут и морду набить.

— Спартанцы, блин... А как решают хит?

— В целом, раз один на один, то отбил мяч за инфилд — победил. Флай — соответственно, аут, в землю — фол. Тут тоже могут быть особые правила по ситуации. Все-таки играют и в помещениях. В неофициалке становится правилом: победа — если

без отскока полетит. А-а, кстати, бита деревянная. Металлические нельзя, отскок слишком хороший. Гандикап хорошим бьющим.

— Ну, я не думаю, что это возможно, но что, если питчер постарается и поймает правильный хит?

— Аут, конечно. Бывают игроки, которые на этом специализируются. Вообще обезьяны. В целом правила ясны.

Наверно, есть правила подробней, но почему они такие четкие? И эта фраза про восемнадцать избранных предназначена возбуждать и участников, и болельщиков.

— Здорово все, да? Пока такого добились, полгода прошло. В этом месяце, по времени к летней детской лиге, игры стали офигенными. На, игрок Арика.

Мне подсовывается золотистый телефон.

На жутко безвкусной позолоте красовалось несчастливое число «4».

— Это чего?..

— Телефон бьющего, я же говорил. Дарю, а завтра пойдем смотреть. Вот, выступишь вместо меня.

— А-а?!

Я совершенно обалдел.

Он что, фаворит?

— Почему? Я что, похож на бейсбольного маньяка?

— Нет, но все равно. Говорят же про лже-Исидзуэ Арику. Я хочу, чтобы ты выступил, для завершения истории.

— Именно это и не в тему! Почему я? Я вообще никак не связан с этими вашими продавцами и SVS-ами.

— Вот ты нудный. Условие такое. Исидзуэ Арика договорился с Кирису Яитиро. В доказательство будет играть в SVS. Вот, если ты на публике проиграешь, даже те, кто не в курсе дела о притворщике, убедятся — команда Исидзуэ Арики проиграла и начисто распущена. Хорошее же дело! Будет меньше дурней, которые держат на тебя зуб по делу о товаре и лезут мстить.

Ну... да. Он прав.

— Ты дебил, что ли? Как я тебе выступлю бьющим? У меня левой руки нет.

— Я знаю. Никто и не говорил показать им всем. Просто нацепи хоть протез, побудь подставным лицом.

Если выходить ради проигрыша, то и битой махать не нужно?

— Ну ладно... Биту с перчаткой ты найди. У меня нет.

— Вот удивил, честно. Ты же так ими дорожил.

Угу. Ведь одна разнесенная Томой Мато серийная убийца со словами: «Твое будущее ушло в нокаут, как видишь», — занесла в палату то, что было битой. Издевается. Врачи в Ольге *это* балуют, небось презентовали из-под полы вещдок.

— Значит, завтра, ровно в восемь вечера перед станцией. Не опаздывай. Протез ты найдешь, да?

— Придется... Расскажу ситуацию и как-нибудь получу разрешение вынести наружу.

— Решено. Спасибо, что быстро договорились.

Поднявшись с коробки, он выходит в коридор. О чем он думает, оставил свои гантели.

— Слушай. Я уверен, что ответ будет «нет», но спрошу, — стоя ко мне спиной, говорит лишнее Кирису. — Ты это, правда не можешь показать им всем? Последнее время протезы пошли функциональные, а?

Правда не могу.

Точный протез, который выдержит бэттинг, вмиг набирающий под сто сорок километров в час и породит стасорокакилограммовый удар, современная медицинская технология не создала. Даже если бы и был, это уже какая-то демоническая штука.

(10.08)

Зеленое всхолмье уходит вверх.

Живой аромат земли и трав.

По обе стороны, насколько хватает глаза, — дикая природа, озаренная солнцем середины лета, бежит волнами в дуновениях ветра.

Среди этой буколки муниципальный автобус едет к остановке в лесу.

Следующий день со встречи с Кирису — десятое августа, вторник.

В этом забронированном на неделю автобусе катим я и один широкоплечий мужчина с побледневшим лицом.

Возрастом, кажется, чуть больше сорока, средне развит, сильно худощав.

В деловом костюме мышинового цвета с теменью и такого качества, о котором даже не разбирающийся в брендах я подумал: «О, ему, наверно, прохладно и уютно...» Цвет-то лица — не очень, но черты породистые, этакий британский лорд. Нечасто такие ездят в муниципальном транспорте в рабочий день в десять утра.

Человек в костюме выглядел уставшим. Бессильно опустил плечи, глаза пустые, весь какой-то увядший. То ли умаялся и едет домой отдохнуть, то ли так умаялся, что едет куда-нибудь поесть; в любом случае, у автобуса в лесу — конечная. Здесь вокруг никто не живет. Поля-леса, конечно, привольные, но зон отдыха под пикник не наблюдается.

У меня плохое предчувствие. Даже я, не чувствующий угрозы, легко могу понять из ситуации: «Я увижу что-то нехорошее».

В конечном счете, джентльмен сходит у Торинонори.

Я заботливо старался выйти после него, но он вообще не распознал моего присутствия.

Спрыгиваю следом, иду к лесу. Мышиный костюм маячит в пяти метрах от меня.

— Черт. Он таки идет к резервуару, эрл грей этот.

Тут и без всякого чувства опасности понятно.

Вдруг это важный гость к Карё-сан? Нехорошо мешать им, и я притормозил.

Джентльмен открывает дверь резервуара и пропадает под землей.

Скрываюсь за старым деревом, слежу, проходит полчаса.

Ничего не меняется. Джентльмен не выходит. Солнце припекает все сильнее. По лбу и спине неприятно течет пот... Да. Кстати о неприятном, это его лицо. Эти восхищенные глаза, когда он увидел уходящий в подземную тьму проход. Бусинки застывшего разума. Как у птицы, неприятные глаза.

— Надо идти. Он сказал, что скинет зарплату, если опоздаю.

Это работа... К вечеру нужно позаимствовать протез. Я не могу удрать. Я ничего не видел. Я правда приду позже на полчаса, я ничего не вижу. Убеждая себя, открываю дверь.

Иду в непроглядную тьму. За несколько шагов — дверь, из-за которой не доносится даже беседующих голосов.

Прохожу сквозь тьму ко дну моря. Кубическая комната в европейском стиле. Квадратные стены с тяжелыми дверями, но открывать мне приходилось только входную южную.

Привычная кровать в центре комнаты, где Карё Кайэ с обычной улыбкой встречает визитера.

— С добрым утром, Арика. Ты сегодня поздновато.

В комнате никаких изменений. Подземелье — как обычно. Черного пса и силуэта рыбы не видно. На Кайэ и без меня надеты четыре черных протеза.

Поэтому все было невыносимо аномально.

— Гм. А до меня никто не заходил?

— Угу, недавно приходил один. Мол, я одержим, спаси меня.

Он довольно улыбается. Ехидная, похожая на серп луны улыбочка.

Ох... Я, крайне толстокожий, не могу от страха посмотреть ему в глаза?..

— П-понятно. А где он?

— Не знаю. Если его не видно, значит, его уже нет?
«Правильно?» — с хихиканьем спрашивает согласия черноволосый красавец... Если присмотреться, его цвет лица куда лучше обычного, он полон жизни, рот пышет здоровьем.

— Вот... как. То есть, в этой комнате его нет.

Скрывая дрожь в коленях, я кое-как доползаю до софы.

— Как сказать. В этом мире его нигде не стало, но в этой комнате он еще может быть. Черная правая рука напоминает журавля, проходит над животом в синей пижаме. Его палец останавливается в районе желудка, мне жутко.

— То есть...

Я весь в мурашках. Ч-ч-ч-что это. Жертва под взглядом змеи? Почему от страшного холода в жилах режет глаза?!

— Так вот. Почему ты сегодня опоздал, Арика?

Горло с жалким визгом сжимается. Но мне совершенно не стыдно. Давление было таким, что даже если бы я сумел не пикнуть, все равно бы пришлось несладко.

— Ну, как бы... Вообще, у родственников с бабушкой несчастье, и...

Внезапно пользуюсь отмажкой из тех, когда, блин, на работу так не хочется. Неважно, сколько у родственников тех бабушек-дедушек. Главное, чтобы совесть позволяла выверты типа «у дюжины людей несчастья, а у меня выходной». Мысленный геноцид как он есть... В общем, я прибегаю к такому аргументу, и работодатель искоса смотрит на меня спокойным глазом.

— Ого, ну ладно. Однако та бабушка хорошо думает о племяннике. Так удачно скончалась. Буквально самоотверженно выручила. Да, и меня, и Арику.

— Выручила?.. В каком смысле?

— Ну, как... Если бы увидел, то заодно бы... пришлось.

Синий силуэт облизывается. Уф, если только на это смотреть — как жена-мегера. На миг я почти восхитился, забыв о страхе... Возможно, именно так нервно-паралитический паучий яд и работает.

— Ладно, шутки в сторону. Принеси мне попить из холодильника, Арика. У меня в горле до смерти пересохло.

Почему у него так пересохло в горле, специально не спрошу.

На непослушных ногах иду к холодильнику, беру фруктовый сок.

— А все-таки странное свойство — обычно невезучий, а в решающие моменты везет. А-а, наверно, это «злая судьба».

Ему самому понравилось, хозяин на кровати довольно скрывает улыбку.

Почему везет — и спрашивать незачем.

Поскольку у случайного свидетеля сцены убийства трагическая судьба, полчаса прятаться снаружи резервуара было мудрым решением... Только самоуверенности, что проживу каждый день на краю пропасти, у меня хватает, но когда перед глазами открывается-закрывается тигриная пасть — это как-то не очень.

Солнце зашло, и рабочий день подошел к концу.

Я попросил протез, Кайэ позволил взять, только на день.

«Я-то хотел, чтобы ты его использовал, когда есть ясная цель, и мало-помалу привыкал. Но ладно уж, сегодня я в настроении, разрешаю. Пользуйся по возможности аккуратно, для как можно более опасных дел».

Что он вообще хотел сказать? Видимо, чтобы я не портил протез, но сам заходил за черту. Невзначай сверился с блокнотом, где набросано, что Мато-сан не зря сказала «к следующему разу купить что-нибудь для самозащиты». Причем мелким текстом.

Неряшливый, кричащий о поспешности почерк, будто босс постоянно наблюдает. Я в туалете втихаря начеркал.

— Не хотелось бы ломать голову о том, что бывает днем, но...

Похоже, я больше не выдержу. Слишком долго я отворачивался, забывая все происходящее днем, но пора уже всерьез задуматься о своих отношениях с этим барчуком.

— Ого, что это? Однако, суровый протез.

Станция Сикура, восточный вход.

Кирису пришел строго ко времени, в восемь, и скривился при виде меня.

Можно понять. Летом без изрядного личного кредо длинных рукавов не носят. А у меня такого кредо нет. В результате левая рука торчала из тонкого полурукавчика, а мрачнейший, черный как смоль протез сильно бросался в глаза.

— Гм-м. Я понимал, что народ будет шарахаться, но чтобы ты отворачивался... Мне, может, хотя бы левую руку сунуть в длинный рукав?

— Не, это не надо. Забей, это как новые наколки, вполне может прокатить.

Кирису бросил мне чехол с битой. Чуть не протянув за ним протез, быстро принимаю на правую.

В это время парк перед станцией Сикура становится меккой SVS.

Небольшая толпа шумит, около сорока человек впритык смотрят на дуэль на мячах. То ли нет хороших мест, то ли хотят прикоснуться к этой атмосфере — на некотором отдалении от поля боя, по скамейкам и дорожкам, болтаются еще сорок. Яркое освещение над полем боя довершает картину, меньше всего похожую на мирную ночь.

— А тут патрульные не гоняют?

— Вообще-то поначалу заглядывали. Но разрешение на использование парка есть, да и патрульные тоже не более чем скромные трудяги. Будут сутки напролет таскать сотни ребят в участок — развалятся.

Плюс собираются, похоже, не только здесь. Ну да, если нет прогнозируемых происшествий, полиция не закатывает рукава.

— Но сегодня поменьше стало! Сама игра телефонщиков заявлена час назад. Обычно официалку объявляют за полдня, и набираются толпы.

Вот оно что. Сегодня регулируемые состязания, слишком много людей — помеха. Значит, здесь только та молодежь, что каждый день ходит за деньгами и адреналином, — бездельники и любители.

На поле идет игра.

Бьющий, питчер, обоим на вид лет по восемнадцать.

То ли изучают друг друга, то ли высчитывают время издали, забавно смотреть.

Перебранка между первым бэттером и питчером радует любого любителя бейсбола.

Смотрящая вплотную галерка тоже это ощущает. Нет, они собираются кольцом вокруг особого места, наискось позади бьющего, скорее как раз потому, что понимают.

Наверное, популярный игрок — у особого места одни девушки. В руках билеты на скакуна, тьфу, бэттера. Видимо, то, что фэны играют на деньги, — вопрос другой.

Питчер-правша замахивается для верхнего мяча. В SVS нет бегущих, и норма — виндап, но он все время подавал без виндапа.

С осознанием, что это последний бой, бьющий чуть не ломает наработанный тайминг. В его руке с поднятыми в победном жесте указательным и средним пальцами зажат мяч. От пальцев очевидна форма подачи. Вилка. Скрюбол на десятке оборотов в секунду внезапно теряет скорость перед бьющим и падает. Говорят, если бьющий попадает, он выигрывает, но большая часть поля отмечена крестами как зона падений. При отскоке из поля — аут. Цель подачи — страйк-аут не от пропущенного мяча, а от холостого бэттинга в недолет.

Однако смертоносности оборотов не хватило. Наверное, для питчера вилка была неиспытанным оружием. Мяч не сделал достаточного нырка, чтобы обмануть глаз бьющего, и с приятным звоном исчез между шорт-стопом и третьей базой.

С особого места донеслись унылые вопли. Похоже, любимцем девушек был отбитый сейчас питчер.

— Пошли? Скоро выход.

Кирису подтаскивает меня к полю.

Перед оранжевой мачтой — недавние наблюдатели.

Среди них — профессионального вида букмекер с билетами на бьющего в руке.

— Душераздирающая картина! Вот почему нельзя верить красавчикам на подаче... И вообще, как можно в такой важный момент делать вилку, когда не умеешь, приятель... э-э, м-м, семпай?

Хочется прикинуться, что не видел, но уже поздно, что уж теперь.

Одежда дает понять собравшимся тинэйджерам разницу в кошельках — на первый взгляд простая, но дорогостоящая казуальная. Выделяющаяся, но как раз указывающая навязчивым парням их место высокогородная манерность букмекера... Нечего и говорить, это была возбужденная ставками Цурануи Михая-сан.

— М-м... Короче, мне слишком много хочется сказать...

Надувшись, Цурануи исподлобья смотрит на нас с Кирису. Она явно не хотела гулять именно с нами.

— Цыц. У нас тут серьезное дело. Ко всяким азартным дурам не относится.

— Я тоже тут всерьез. Кирису-сан, ты год не виденной знакомой сказал «дура», еще больше постарел, что ли, на всю свою курью голову? Как столетний маразматик.

— А! Ну, уж ты-то точно не меняешься, да... Так и дал бы пинка, кабы не люди вокруг.

Гордись, Цурануи, ты и есть баба-дура, на которую я впервые поднял руку.

Хихикая, они с радостными улыбками сверлят друг дружку глазами. В школе говорили, на Кирису с Цурануи лежит проклятие пожизненного взаимного поношения. Оно еще действует, но, похоже, эти двое не виделись со школы.

— Ну что, я пошел, Кирису.

— О! Угу, помнишь, о чем говорили? Давай там.

Шатен на питчерском холме уже заждался оппонента.

Он с энтузиазмом пришел на официальное мероприятие, и то, что против него будет не Кирису, а какой-то новичок с замены, да еще то, что он болтает с девушкой с галерки — все это его, конечно, раздражало.

— Уаэ?! Семпай, ты пошел?!

— Ага. В общем, пойду сделаю аут.

— Что же это!..

Глаза Цурануи засияли.

Наверное, она догадалась, даже не зная ситуации, что у нас с Кирису есть какой-то коварный план. Она по прямой рванула покупать кучу билетов на бьющего. Ну а я пошел в круг следующего бьющего с битой в правой руке.

Цурануи заложила мертвую петлю к особому месту, вернулась:

— Семпай, я не знаю, что вы задумали, но давай! От души, ну, чтобы дух захватило... сделай его!

Осыпала меня поддержкой с исполненным ожиданий лицом.

Что она пыталась сказать в паре мест, я не стану думать...

С прямой спиной стоя в круге следующего бьющего, поддвигаю левую руку к бите. «О-о!» — это Кирису с Цурануи. Удивляются — вот до чего дошли протезы! Немного помавав на публику, иду в бэттер бокс. Шатен-питчер понял по моим свингам, что я ему не враг, и сменил раздражение на ухмылочку.

И вот игра началась.

Матч кончился быстро, за три мяча.

Шатен был типичным правойшей по верхним мячам. Что есть верхний мяч? Ты поднимаешь руку вверх для замаха и бросаешь, форма подачи большинства питчеров. Предназначена для быстрых мячей и вертикальных скрюболов. Также известна как базовая позиция.

Шатен не выбивался из ряда вон, умело подавал быстрые мячи. Попадание его в официальную часть значило, что скорость мяча ошеломляющая, с легкостью сто тридцать километров в час. Предположительно, максимум у него бьет сто сорок. Из-за этой уверенности, не пробуя почву, он пробил подряд два страйка.

Третья подача. Без виндапа он, ухмыльнувшись, выставляет ногу вперед. Осевая нога не дрожит — свидетельство накопленных тренировок. Туловище, ось тела — непоколебимо, поясница, ключ к подаче, — внутренние поясничные мышцы тоже хорошо развиты.

Угу. Вправду неслабо.

Поднятая нога ступает вперед. Раскрытое вбок тело раскручивается пружиной. Мощь зарождается из лодыжек и доходит до кончиков пальцев. Мышцы человека, все физические способности сосредотачиваются на семисантиметровом мячике.

Прекрасно. Ни в чем не расходящееся с первой и второй подачей движение. Питчинг совершенно без колебаний. Исполненный уверенности и мощи прямой в нижнюю часть мертвой зоны. Курс мяча шатена — идеальный, про такой говорится, что если правильно сделал, то просто не отобьют.

Шаг в такт с вылетом мяча, без напряжения центр тяжести в тэйкбэк.

Минуточку. Действительно, прилетающий за полсекунды спидбол — хлеб и масло питчера, но ты же не машина в бэттинг-центре, так что если твой неизменный незамысловатый бросок отобьют, жаловаться не на что...

— М... Оп.

И да. Уж на третьей подаче можно как-то прицелиться.

Тум-м! — смачно прозвенела бита.

И вот дуэль была решена.

Отбитый в лайн-драйв, пораженный шатен.

Кирису присвистывает.

«О-о!» — бурлит галерка.

— Найбэ-эч!.. Вот это был резкий удар, семпай! — разбрасывая не отыгравшие билеты на бэттера, загадочно возглашает та, кто смеется последней.

— Всегда так! В последний миг Арика-семпай обманывает любые ожидания!

Мы перешли в питейную поблизости.

В дайнинг-баре «Звезда и облако» мы решили отпраздновать подвиг.

— Ну, виноват, виноват. Оппонент попался слишком уж зеленый, руки сами пошли, ну, это, бог любит троицу... Да он мне сам рефлекс тренировал... А, девушка, мне еще улун!

И потом, эта холодная паста по-итальянски со свининой, она с помидором? Без? А, тогда мне одну... Так вот, Цурануи, это была просто случайность, я совершенно не хотел тебя разорять.

— Лжешь. Зато, вон, Кирису-сан поставил на бэттера!

— Что, правда, Кирису?

— М? А-а, ну да, так, положение обязывает. Раз ты за меня вышел бить, на тебя я и ставил, считай за извинение.

— Ага... Ладно, никто ничего не потерял, на том и порешим?

Есть к чему прицепиться, но в присутствии Цурануи атмосфера не допросная.

— Потеряли-и! Тут жертва большой потери-и! Требую утешения-а. В денежном эквиваленте. ...Слушайте, я серьезно вбила все месячные карманные деньги... в это...

Грустнеет посреди фразы и унывает. Хотя она сама напросилась, я частично в ответе. Или не в ответе.

— Кирису. Ты не можешь ей подсказать, где подработать?

— Не-а. Эта баба со школы ни хрена не делает. Если такую подать в общество, то какой-нить пожар случится. Хотя баланс она держит.

— Ну извини уж, мне просто не разрешают работать, воспитывают. Ну и ла-адно, бе-бе, займу карманные деньги авансом. Не буду просить гопников вроде Кирису-сан.

Этот аванс уже десятилетней давности, как гласит городская легенда, но правдивость ее неопределена. То ли Цурануи наглая, то ли ее родители души в ней не чают. Скорее всего, все сразу, угу.

— А ты сам что, Арика-семпай? Подрабатываешь? Если нет, могу найти.

— Я заколебался уже быть твоим репетитором! И вообще, да, работаю.

— О-хо!

Черт... Стоило вспомнить адский домашний арест в особняке Цурануи, и я взял и ляпнул то, чего не следовало.

— А кем? А где? В Сикуре? Много платят? Суббота выходной?

И теперь все гораздо хуже — Цурануи заинтересовалась моей работой. Она не отпустит, пока не упьется вусмерть.

— На полдороги от холма Сикура до аэропорта, где поля, знаешь? Вот там нянькой.

Вопросы?

— О-о, нянькой. Ага. Вон чего. Ты искал такую человеческую работу... Женщина?

«Фигу там», — чуть не вырвалось у меня, но погоди-ка, а на самом деле-то что? Я затыкаюсь. Вот он я, неспособный сам себе сказать, что мой босс мужик, да и вообще сомнительно, человек ли.

— О-хо-хо!..

Глаза Цурануи блестят. Уже вторичное излучение за сегодня. Она монстр?..

— Ты меня во что бы то ни стало представишь. Ладно. Семпай, ты ведь сумел махнуть битой. Былая форма, впрочем, пропала.

— Точно! Я тоже обалдел. Ты ж вчера говорил, что не сможешь.

Взгляды на не-мою левую. Я не могу им сказать, как на самом деле, поэтому на этот раз решаю замутить воду. Ведь я и сам ничего не знаю о протезе.

— Да какая разница, лучше ты скажи, Кирису, почему «Коалы» этим летом облажались? Вроде они оторвались на десяток баллов на предварилровке.

На той неделе я краем уха такое слышал и перевожу беседу в это русло.

Насколько я знаю, команда бейсбольного клуба КураКоу была сильнейшей в том году, как и команда из Коалагаоки. Коалагаока даже построила новое помещение клубу, такая у них была сила. Но...

— О. Арика, ты прошлогодний матч не видел, что ли?

— В клинике телек нарасхват, не сумел вот так взять и посмотреть один. Хотя не очень-то и хотелось. Так что случилось?

— Хрен его знает, что в их школе за дела. Разве что, вот, стартер сменился.

— Ас ушел с холма, причем внезапно в день матча. Тогда на холм встал второкурсник, но его подачи отбивали только так.

— Второкурсник — то есть для меня первокурсник? А, это, Сэкура Юмия, да?

— Вот, точно, маменькин сынок Сэкура. Он, вообще-то, неплохим питчером был. Но когда его вдруг взяли из запасных да в стартеры — конечно, настрой пропадет. Мы с Кирису хмыкаем.

Говорят, с тех пор клуб Коалагаоки будто прокляли, и в этом году они остались только в четверке лучших.

А вот наша альма матер, КураКоу, успокоилась и сейчас, как когда-то, вернулась к пасторально-неспешной бейсбольной забаве. Ведомая единственным гениальным лидером команда пришла к логическому завершению.

При разговоре про альма матер все погрузились в воспоминания.

После недолгой паузы Цурануи тихо, как про себя, сказала:

— Я еще не знаю... Почему ты бросил бейсбол, семпай?

— Ну, я не бросал. Просто не мог больше. Вообще-то после выпуска случая все не находится.

— Да, но все же. Ты не думал пойти в профессиональный спорт?

— Брось. Наша команда была из людей другого сорта. Скажи, Кирису? Ты вот играл в бейсбол, целясь в профи?

— Не-а, нет.

Кирису крутит головой.

И я, и Кирису любили бейсбол, но такого вот желания у нас было почти ноль. Особенно последовательно мыслил Кирису, который часто конфликтовал со спартанцем-тренером. «В спорте ведь главное — была ли схватка правильной. Как они еще до этого считают победы-поражения, я вообще не понимаю».

Это после тренировок после школы до притыка. Кирису слегка недовольно пробурчал так. Нам хватало просто уметь играть в бейсбол. Ну а победы-поражения — потом. Думаю, именно при этих словах Кирису Яитиро Исидзуэ Арика и взял в руки биты.

— То есть бейсбол только в школе? Ты тоже, Кирису-сан?

— Наверно. Потом играть уже сложно. И вообще, в наши времена не получается только про бейсбол. Куча других интересных дел.

— Пожалуй. Но все-таки — ведь было весело?

Цурануи как всегда права. Даже подвыцветшие, те дни не пропали зря.

Кирису, сказавший, что развлечений еще полно, в школе занимался бейсболом не потому, что не было других веселых дел. Он не был гениальным до уровня профессионала, но он до глубины души любил бейсбол, отчего и бросил другие забавы и поставил на него свою юность.

— Но знаешь... Короче, кончился сон.

Уходы с сохранением лица, — одна из сильных сторон Кирису Яитиро.

Вправду незамутненный, заставляющий задуматься, откуда эта отстраненность в его годы, девятнадцатилетний старик.

Мы провожаем Цурануи до входа в промзону и поворачиваем назад к станции.

Мне в общагу, у Кирису еще остались дела. Мы не разговариваем. Как-то вдруг нас поразил вопрос Цурануи.

— Скажи, Кирису...

— Что такое, Исидзуэ-смпай? Не хочу про всякую фигню говорить.

— Шестое чувство развито, но брось ты этого семпая, блин... Просто я тоже хотел спросить. Ты спокойно бросил бейсбол?

Прошлым летом я был в клинике имени Ольги. Я не видел, как все завершилось для друга, который сказал, что сон кончился.

— Ну бросил. Балбеска верно говорит, в клубе было офигенно. В профи я не метил и таланту не имел, но все же думал, что было бы здорово всегда продолжать в таком духе...

Но я, ну, другим был. В бейсбол я умел играть и понимал, что это только пока мы в школе... А скрывать получалось еле-еле.

— А-а. Но сейчас есть SVS, да?

— Ну есть. Но вообще-то я решил, что не буду участвовать. И сейчас бывает, я внезапно стою на замене, но за меня постоянно кто-то играет. Я не стоял в боксе с лета третьего курса.

Для него бейсбол только в школе?

Почти клиническая прагматичность.

— А какая-то причина есть? Как бывший член клуба, на ставки не играешь?

— Не в этом дело... Честно сказать, для меня бейсбол кончился на втором курсе осенью. До лета третьего я дотянул, если подумать, от дури.

После таких слов уже не подступишься.

Я вдруг понял, что мы уже у «Мариона». Мы останавливаемся у входа в корпус №13.

— А-а. Но ты — другое дело. Раз ты сегодня отбил, то официально записан в участники. Насчет закрытия дела я сам разберусь, ты, главное, радуйся игре. Золотая четверка — знак короля. Если вызывают, не откажешься. Чтобы биться где угодно, биты от себя не отпускай.

— Тьфу. Напомнил. Но ты уверен, что хочешь мне ее дать?

— Да этих бит навалом. И вообще, я же сказал, что мне не нужно. Питчеров в этом сезоне трое. Ас скрывается, но в свое время вылезет... Да. Раз все равно бьешь, так побеждай давай, Слагер.

Пока! — с этим Кирису Яитиро все же уходит.

Пристально рассматриваю порученный мне чехол с битой. Для ненужной бита оказалась весьма помятой и ухоженной.

Первая неделя августа закончилась без происшествий, вторая тоже мирно прошла наполовину. Но ситуация, презрев обманчивое спокойствие, понемногу развивается где-то вдалеке от меня. Как всегда, крутятся страдальцы-светила за москитной сеткой, предвещающая лучшее, и вот в этом ключе Исидзуэ Арика неизменно чувствовал себя прекрасно.

4/Sinker. (Top)

Тридцатиградусная с лишним жара.

Сегодня он снова проснулся от пронизывающего озноба.

Такое сбитое дыхание, что смотреть больно. Поднялся, как тяжелобольной, хватая ртом воздух, чуть не свалился; чтобы удержать истаивающее сознание, рванул грудь правой рукой.

От боли раздираемой ногтями плоти сонливость перестала липнуть к нему каменноугольной смолой.

Он в каком-то городском парке, посреди неухоженной рощи. Грязный настолько, что люди отворачиваются. Среди спящих бродяг, он наконец пришел в себя.

Поднял лицо к небу, вновь головокружительно синему и высокому. Небо августа. Белые лучи, окунься — и расплывишься, пропадешь. Глубокий — если долго смотреть, потеряется чувство перспективы, — водянистый цвет, протяни руку — плеснет.

В этом сиянии, этом воплощении лета он всерьез ежился от холода.

Хриплые выдохи. Неровное дыхание. Температура тела, так взлетающая при подачах, сейчас упала донельзя. Словно сверхморозный ад. Но это началось не только что. Для него синева августовского неба была ужасающе-холодной еще до того, как он стал таким. — Расслабился... Черт, надо... быстрее... домой... — шепчет он и отчаянно пытается вспомнить, где его дом. Спросонья у него нет личности. Он не может вспомнить, куда идти, даже собственное имя ему неизвестно.

Только холодно, чадно горит ярость. Расстроенное «я», точно как у наркомана. Кто он такой, что должен делать — он не знает и сам.

Все, что он точно знает, — он повернут на питчинге.

Его, только что проснувшегося, составляет не опыт человеческой жизни, а развитие спортивного тела. Человек-машина, выметывающий мячи за счет внешнего и внутреннего вращения живой труп. Он давным-давно ответил себе — он не человек, он одно-единственное действие.

Да... Он неустанно продолжал тренировки.

Какое там приличествующее человеку времяпровождение — он без сожалений отодвинул на второй план даже жизненно необходимые функции.

Кручение, накопление и выпускание; вложение жизни в белую сферу.

От бесчисленных повторений потерявшие человечность бедра, спина, плечи и поясница, запястья, пальцы возводили гору из трупов.

Гладкое сцепление плоти, кости, воли.

Прочащие лавры крики болельщиков из голосов становились еще одним шумом, проходящим мимо сознания, взвинчивающим все тело.

Он в сверхморозном аду, что вынуждает побеждать.

Перед затмившими небеса голосами болельщиков он стер свою личность, вложил в подачу мысль об убийстве.

Поэтому на вопрос, кто он такой, он ответил:

«Это — пружина», — и гордо улыбнулся.

— Следующий... Плевать, кто, быстрее, следующий.

Он храбрился, это дало ему, стылому, достаточно жара на то, чтобы встать. Этот неестественный мороз испарится, когда он встанет лицом к лицу с бэттером. Над головой его — безоблачное, насквозь промерзшее синее небо. Неизменно. Ничто не изменилось с тех пор, как год назад он потерял так много всего.

Лето длится.

Потерянное, лето все еще длится.

— Еще шестерых... Еще шестерых уложить, и я смогу вернуться домой...

Поправив капюшон, напихав в парку столько мячей, сколько смог уместить, мастер демонического мяча вновь завел свой пульс.

Чтобы заработать прозвище «Синкер», ему потребовались четверо жертв.

Первый и второй даже не видели собственно демонического мяча. С третьим присутствовала рефери. Она видела, как последняя подача случайно раскрошила голову бьющего, и честно рассказала всем про этот момент. Те, кто слышал эту историю, посмеялись над ее киношностью, но в любом случае пополз слух о маньяке-питчере, только там он был известен как мастер демонического мяча снизу.

И вот сейчас — четвертый игрок созвал сколько-то друзей и принял вызов Синкера.

— А-а, так вот ты какой, северный маньяк. Никогда бы не подумал. Пыжишься молодцом, ага. Только это ничо, что у меня сотика нет? Ну победишь, а толку?

Синкер выбрал игрока не из официального SVS, а бьющего ради денег. Но по умению он запросто мог быть в официальной части. Просто его мотивы не подходили для официальной, так что он из выборки выпал.

— Ну хорошо, мы таки давно знакомы, поиграю с тобой. Покажи-ка свой фирменный мяч, рулящий под прямым углом.

Вызов он принял благодаря своему разболтанному характеру и неказистому виду мальчишки в капюшоне. Мастер демонического мяча, который ненароком зашиб аж троих бьющих, оказался натуральным бомжом, стоит, трясется весь, как от страха. Вообще не выглядит демоном из слухов.

Насколько четвертый бьющий верил слухам?.. Когда Синкер остановил его на ночной дороге, он назначил арену гипермаркет поблизости.

Автостоянка, рассчитанная на сто машин. Одиннадцать часов ночи. В скрытом от случайных глаз углу освещенного лишь уличным освещением квартала уже ждали шестеро зрителей.

— Не сказать, чтоб я верил слухам. Но на всякий случай надо зрителей, ага?

Бьющий и зрители подленько ржут.

Все шестеро — знакомые бьющего, которых он позвал, пока перемещались к арене.

Семеро линчевателей на одного молодого человека. Выиграл, проиграл — сторона бьющего владеет преимуществом. Убийца пришел за целью, но сам попал в ловушку. По ничем не огражденной стоянке гуляет сильный ветер. В развевающемся капюшоне, Синкер достал из кармана первый мяч.

Зрители в замешательстве.

Окруженный семью ребятами, Синкер не боится. Наоборот, та комичная дрожь в его конечностях исчезла, что им следовало бы заметить.

Игра началась со смехом и закончилась с пятым мячом.

Нет, вообще-то она закончилась с третьим. Не пришлось даже подавать снизу, он сделал три боковых. Но зрители со смехом присудили тип, и о четвертой заорали так же.

Фаул-бол — когда мяч коснулся биты, но либо из-за превосходящей скорости, либо из-за недобоя мяч улетает в сетку за бьющим. Обычно он считается страйком, но после двух страйков не засчитывается как таковой. То есть: пока идут фаул-болы, страйк-аута не наступает.

А четвертая подача... Бита даже не тронула мяча, но зрители громко кричали «тип».

И вот — пятая подача.

— А-а... Так вот как ты предпочитаешь умирать.

Траектория подачи, как они и настаивали, сделала прямой угол сбоку от бэттера. Мах битой впустую. Нетронутый мяч. Но белая сфера подлетает, словно по ней попали. Мяч вгрызся в грудь бьющего и навсегда раздробил его спортивную жизнь.

Бьющий валится.

Зрители одурело застыли.

После наступившей тишины они гневно взревели, как бензин от искры, и набросились на Синкера.

Начинается линчевание.

Для выхода из окружения Синкер отступает назад и с тачдауна делает бросок.

Два крика. Возможно, из-за плохой стойки скорость подачи падает примерно до ста километров в час. Но удара все равно вполне хватило, чтобы жесткие мячи подскочили к двум парням. Мячи были нацелены не в лицо, а в челюсть, и безжалостно поразили их шейные позвонки. Оба парня падают, из глоток выходят вскрики. Обеими руками сжимают неприглядно обвисшие челюсти. Из-за попадания в челюсть не сотрясение мозга, а боль в отошедших костях и страх, что без поддержки челюстные мышцы растянутся, лишают их воли к бою.

Так Синкер разобрался с двумя окружавшими его со спины. Осталось четверо.

Набегающие со стороны бьющего люди — не более чем глупые цели для мастера демонического мяча. Пинбол из людских тел. Человек, не могущий выжать больше пары десятков километров в час, никак не обгонит превышающую сотню адскую сферу.

Три удобных подачи. Скосив шестерых тремя мячами, мастер демонического мяча медленно выдыхает белый пар.

— Неудачники, дерьмо... Третье звено, а только время терять умеют. Я ж теперь домой опоздаю.

Обхватив себя, дрожа, маньяк-убийца в капюшоне растворяется в летней ночи.

На стоянке остались только невнятно пищание, корчащиеся парни.

Вторая неделя августа. В охваченном летней жарой городе Сикура случилось несколько происшествий со смертельным исходом.

Падение насмерть из-за сутолоки в час пик, смерть в результате столкновения при невнимательном вождении, пищевое отравление молочными продуктами некоей фирмы, смерть от истощения в результате бытового членовредительства, в одном районе — массовое самоубийство благодаря распространяемому подстрекательству.

На день в среднем приходится по смертельному случаю. Смерти от руки Синкера шли особым делом, но вчерашнюю стычку у гипермаркета на востоке Сикуры восприняли как драку малолетних отщепенцев с ранениями. Однако дело не сочли настолько серьезным, чтобы создать штаб расследования.

Четвертая жертва — юноша А — остался жив, но находился в тяжелом бессознательном состоянии. Молодые люди, его сообщники, получили серьезные травмы шейной области и засвидетельствовали преступную деятельность юноши В, присутствовавшего там же; дело задерживается до прихода в сознание и дачи показаний юноши А. Двенадцатое августа: отдел обеспечения безопасности юношества признал состав как непредумышленные тяжелые ранения, постановил отыскать и изолировать юношу В. Также ожидается его самостоятельное появление.

— Вот дурак... Развел шумиху.

Кирису Яитиро узнал обо всем этом в полдень двенадцатого. Он поговорил с подручными юноши А, как его назвала полиция, и заткнул им рты. Это было вчера, за день до того, как в полиции оторвали от кресел зады.

Кирису разъяснил ситуацию доверенным товарищам, остановил поиски преступника и бессмысленные слухи на игровых площадках, создал и распределил источники выдумок среди рядовых членов общества, а сам какое-то время отдохнул в попугном кинотеатре и вот сейчас идет по ночному офисному району.

Уже день прошел со времени детерминантного происшествия. Для слухов нет закрытых дверей — от прохожих гопников часто слышалось «Синкер». Третья и четвертая игры прошли, убийца набрал интереса и почтения и стал заодно известен как Синкер.

Мастер демонического мяча в капюшоне.

Мяч, летящий прямым углом. Скрюбол, дважды меняющий траекторию. Вызванные на поединок бьющие либо терпели страйк-аут и были убиты, либо бросались наутек и были убиты. Выжить можно, только отбив демонический мяч...

Кирису вздыхает — блин, и то, и другое невероятные сказки. Но история складная. В набор летних страшилок Сикуры добавился персонаж, радоваться надо. Кирису Яитиро должен отвечать за нарушенный из-за этого маньяка-убийцы порядок финоборота.

— Завтра братец Нисино начнет меня шпынять, бл-лин.

Разумеется, срочным требованием распустить игры дело не ограничится.

Наверху хорошо помнят, как ловко Кирису управляется со здоровым и новым видом ставочного бизнеса. Нисино Харусуми тоже не захочет понапрасну прикрывать лавочку.

Он боится одного: что Кирису Яитиро будет фигурировать в следствии. Пусть букмекерство пытается выжить сколько хочет, пусть мелюзгу убивают сколько хотят, ему это побоку.

— Но все-таки. Нельзя же именно бейсболом взять и начать убивать.

Бейсболист, способный убить.

Когда-то под такое определение подходило два гениальных игрока Сикуры.

Питчер из высшей школы Коалагаока.

Бэттер из высшей школы №1 Сикуры.

«Способный убить» — слухи только среди спортсменов. Даже когда скажешь, что питчер «Коал» — гений, зрители не увидят особой гениальности. Все великолепие его poznали только те, кто стоял против него в бэттер-боксе.

Он не так хорош, как Синкер, мячи которого поворачивают под прямым углом, но бэттер видит его бросок именно так. Его непобедимая сила когда обманывала расчеты бэттера, а когда и, действуя в пределах расчета, побеждала.

И — поистине жуткая для бьющего иллюзия, запуск бинбола.

Гениальный питчер Коалагаоки в официальной схватке ни разу не подал дэдбол, но все противостоявшие бьющие утирали пот: «Я думал, мне крышка». Среди спортсменов бегал слухок, что он вправду морально готов убить бьющего. Нередки были случаи, когда бьющие смеялись, мол, тут вам не манга, но после страйк-аута молча дрожали на скамье.

Форма того питчера — боковой. И рост такой же, как у Синкера, о котором шепчутся на районе. В то же время нет, наверное, никого, кто бы в разговоре об одержимых бейсболом при упоминании Синкера не вспоминал о том питчере.

Пока неясно, пойдет ли полиция вынимать из него информацию по этому делу. Юноша А с пробитой Синкером грудной клеткой без сознания, а что до его приспешников, тут Кирису успел заткнуть им рты с разрывом в полдня.

С Синкером Кирису с ребятами расправится. Передавать дело полиции не хочется, поэтому они скрыли, каким питчером он был, — и, имея должок к Синкеру, поддерживают линчевание от Кирису, а полицейское расследование до сих пор блуждает впотьмах.

Разумеется, если они и расскажут об особенностях Синкера, направление расследования не изменится.

— Пожалуй... В полиции тоже не дураки сидят, такого решения не вынесут... Ну, может, ради общей картины сходят послушать байки...

Вышеупомянутый гений-питчер в прошлом августе, в переломную для него середину лета, ушел с холма и мяча не держит. Причиной тому называют травму локтя. Со времен Детской лиги он делал массу скрюболов, рукой не дорожил. Замешанные люди жалели его талант и горько вздыхали: «Так он все-таки доломал локоть?» За ушедшим из бейсбола гениальным питчером не последовало никаких постскриптумов. Просто ушел из бейсбола — таков анализ ситуации профессионалами того времени.

Гений-питчер, который бросал и бросал, пока не сломался.

Был ли у него редкий менталитет, заставлявший его подавать до повреждений?

А может — его техника подачи превосходила разумную нагрузку на тело?

В любом случае, он играл в бейсбол даже против себя, чего Кирису не понимал. Даже печально, насколько не мог посочувствовать, ни капельки.

Бейсбол для Кирису Яитиро — радость.

Свалиться на пределе усталости тоже в радость, и чисто по-человечески злиться на товарищей по команде тоже имеет свою прелесть. Раз бейсбол — командная игра, то и личная радость с командной неразделима. Если говорить об организационном поведении, то внутриобщественные узы Кирису принимает как прелесть бейсбола.

Но боль — уже другое. Раненый играет? Это Кирису кажется уже не спортом, а боевым искусством. Причем косвенным. Если уж хочешь сражаться, при прямом обмене ударами решения приходят проще и быстрее.

В общем, такой игрок должен что-то ставить превыше радости. Иметь причину для полной отдачи бейсболу. Почти у всех идет ради себя. Так проще и здоровее, по мнению Кирису. Но попадаются и спортсмены, старающиеся ради кого-то еще. Гений-питчер из Коалагаоки был именно такого сорта.

Что ж ты так много на себя взял... Если бы ты играл в бейсбол просто для себя, было бы хоть немного легче. Прокручивая про себя такие бесполезные мысли, Кирису тем временем добрался до места.

Десятиэтажное здание чуть поодаль от станции в Ясакадай. Четвертый этаж здания, полностью перекроенный под караоке и неспящий, как и сам район, был «подростковым коррекционным центром» в пользовании Кирису и его команды.

Караоке-комнаты — прозрачные и туманные запертые коробки.

На вид раскрытые настезь, но замкнутые. Из коридора видно, что происходит в них, но из комнат не понять ситуации в соседних — такое мрачное соглашение защищает их. Кирису забронировал четвертый этаж этого здания и пользовался как отелем. Всего на этаже двадцать комнат. Были среди них и такие, где сидели юные беглецы и беглянки из дома, а также по разным причинам скрывающиеся личности, желающие остаться анонимными. Пройдя фэйс-контроль в приемной на первом этаже, поднимается на четвертый.

Характерный для караоке, единственный длинный, узкий, герметичный коридор. Он петлей охватывает этаж с внешней стороны здания, и Кирису за три угла добирается до самой дальней комнаты.

— Сэкура, это я. Я вхожу.

Кирису вошел, не дожидаясь ответа.

Большая, на десятерых, комната в сумраке приглушенного освещения, с кондиционером перестарались — холод по коже.

На столе раскиданы тарелки с объедками.

В углу комнаты сжался, обхватив руками колени, тинэйджер в худи.

— Так, ты поел, хорошо... Эй, не занижай кондишен-то. Раз с меня деньги берешь, не вздумай очокуриться тут, а то последнее доверие потеряю.

Кирису сделал свет поярче, убрался на загаженном столе. Все это время парень трясся не переставая, обхватывал себя словно на морозе.

Его имя — Сэкура Юмия. На третьем курсе частной старшей школы Коалагаока, капитан бейсбольной команды, ас боковой подачи.

— Эй, Сэкура, ты слышишь? Кондишн сделай потеплей.

— Не слышу... Я такого не слышал. Чтобы такое, чтобы я, чтобы одержимый, что поэтому силен, что я не хотел ему проиграть, но не слышал, что «если отобьет — умрешь», я такого не слышал, не подписывался!..

Кирису смотрит на парня в углу комнаты. Лицо Сэкуры Юмии под капюшоном было страшным.

Одним словом — иссушенное. Пергаментная кожа. От шеи до скул вздулись сосуды. Красные глаза дают понять о многодневном недосыпе, а спрятанная в плед левая рука бьется в спазмах помимо воли владельца.

Кирису знает — рука Сэкуры Юмии трехжильная, и вот третья мышца сокращается, как гусеница. Когда он согласился на просьбу Сэкуры Юмии и приютил его здесь, тот рассказал о своем «синдроме».

Обычно человеческие мышцы могут только «расслабляться» и «сокращаться». Есть еще возможность растянуться, но этого без внешних сил не сделать. Мышца никак не может растянуться по своей воле. ...Рука этого парня воплощала собой невозможное.

«Хочу бросать скрюболы, которых нельзя даже коснуться». Таким желанием порождено это его курьезное тело. Превосходящий способности человека новый орган извивался, словно желая обрести свободу.

Сэкура Юмия и Кирису Яитиро, как говорится, не то чтобы чужие и не то чтобы дружили. Каждый из них знал о другом, но, как ни странно, лично они не виделись.

Кирису — один из ответственных за создание SVS.

Сэкура — харизматик, что поднял пошедший было под уклон SVS на новый уровень.

Друзья Сэкуры Юмии горячо поддерживали SVS как азартную игру, но, видимо, сам Сэкура любил SVS как спорт.

Собственно, вес игре придал бейсбольный клуб Коалагаока, к которому Сэкура приписан. За полгода выстроив SVS-миф о непобедимом школьнике-питчере, он и в этот сезон удостоился официальной серебряной единицы в знак мастерства.

Юноше повезло и с родовитостью, и с талантом. Не было того, что Сэкура Юмия не мог при желании получить, однако — сейчас он просто дезертир, бежавший от общества.

«Я одержим демоном».

Сэкура Юмия шептал это в телефон, моля о помощи, и Кирису ему не доверял.

— Э, ты серьезно?.. Это не та болячка, какая прилипнет к такому, как ты.

Кирису знал о легких случае одержимости... синдрома А и решил так пошутить.

«Умерли. Это он убил. Мой мяч, черт знает сколько людей».

Услышав такое признание, он решил согласиться на это неблагодарное дело. Сэкура прячется в этой комнате почти неделю. По наводке Кирису Сэкура Юмия укрылся тут и беспорядочно, бредово рассказал странную историю.

Сбор для определения команды питчеров SVS этого сезона. Место встречи — площадка приостановленной стройки. Там материализовался странный мужик и вот как высказался: «А что, занятно. Найдете старику местечко?»

Мужик был без особых примет, только начал сесть.

Он сам назвался Демоном...

«Если возьмете меня, я исполню ваши желания».

Выдал, словно на театральной сцене.
Что было после — Сэкура Юмия не рассказывает.
Только то, что стал одержим демоном и сбежал.

— Сэкура... Насчет того мужика, который сказал, что он демон. Как его имя?

— Хрен его знает... Я не помню, да обычное имя... А-а, черт, что еще за «отобьют — умрешь». Это же как жизнь? Как это — это как жизнь?!

Сэкура Юмия вцепился в левую руку.

Он не в себе, но рассудок еще остается. Нет, этот парень вообще не переживал раны, которая бы его сокрушила. Сэкура Юмия страдает от сделки с демоном. Самозванный Демон сказал ему вот что: «Тогда я подарю тебе чудесный новый орган. Но берегись! Если твою подачу теперь хоть раз отобьют, тебя ждет смерть. Твоя рука, что победит бьющего, поглотит тебя самого...»

И так рука Сэкуры Юмии переродилась.

Эта сюрреалистичная левая рука — доказательство сюрреалистичных слов Демона.

— Черт... Я же так не смогу вернуться домой... И вообще, что за «если отобьют, умрешь», это ведь значит то же самое, что «больше не подавай»!..

Для него, до вчерашнего дня аса, идея невозможности подачи — почти пытка. Наверное, ему было бы даже проще смириться с проклятием вроде «ты умрешь». Но его рука обрела демонический мяч, способный одолеть любого. Он больше не проиграет. Его невозможно отбить.

Но есть случайность.

Риск случайности заставляет все его тело цепенеть. Эта дилемма загоняет в угол Сэкуру Юмию.

— А-а, но если всех... если я... всех, то вылечусь... когда всех, всех... не останется никого... но если отобьют? Если отобьют, тогда я?

Сэкура Юмия говорит сам с собой и наконец договаривается до этого.

Объявившийся самозванный Демон полностью овладел разумом Сэкуры Юмии.

— Демон, исполняющий желания, гм... Слышь, Сэкура. А он шляпы не носил?

— Э... а? Да... но откуда ты?..

— Я с ним тоже когда-то встречался. Иначе поверил бы я этой чепухе...

— Т-тогда... ты тоже... с ним?..

— Больно надо. А вот друганы да, трепанули желания у меня на глазах. Всегда страйкауты и хоум-раны... Дурачье. Надо ведь, ну, реалистичнее, безопасный процент защит или отбоя бы выбрали, и все хорошо. И вот результат.

Такой, подобный проклятию, финал.

Отобьют — умрешь. Страйк-аут — умрешь.

Такой бейсбол вообще неинтересный. Такого состояния сознания, когда играют в бейсбол аж на собственные жизни, Кирису не понимает.

— А-а, но тебе-то куда легче. У тебя справедливый обмен. Раньше было хуже.

Только потери. В памяти Кирису взрослый, назвавшийся демоном, был каким-то недоделанным демоном, который только забирал у ребят.

— Кирису... Что стало с теми двумя?

— Кто знает. Люди все живут до смерти. А ты вот не сбежал, похоже. Два дня назад умер Синохара. Вы были знакомы, так?

Сэкура Юмия гнусно ухмыляется. Уже зная, что это значит, Кирису не стал уточнять.

— Ну и ладно. Это место тоже долго не протянет. На этой неделе полно контрактов. Через четыре дня ты уйдешь. Потом попадайся полиции, помирай в канаве, ни в чем себе не отказывай.

— Ну-у... А д-другие места? Ах да, Нодзу? По слухам, там есть нычка для одержимых.

— Брось. Иллюзорная многоэтажка — это так, байки. Это не может быть правдой...
Предупрежу как знакомый — не выделяйся, вернись домой. Носитель синдрома А даже за пределы префектуры не выйдет. У тебя удача кончится.
Приглушив свет, Кирису Яитиро равнодушно поднимается и уходит из комнаты.
— Черт... издеваетесь, почему только я... Нет, все нормально, я спасусь, я еще спасусь...
Да... если всех их, всех убью...
В погруженной во мрак комнате одинокий замерзающий одержимый повторял привычную фразу, болезненно, снова и снова.

5/S.VS.S-2

(13.08)

— Доброе утро-о.

Вторая неделя августа подошла к финалу, десять часов утра.

Я обычным порядком пришел на работу в подземную комнату, и меня встретила неведомая сущность, вся обернутая в цветастые ленты.

Как бы сказать... как только я вошел, через минуту мне показалось, что сработала часовая бомба. На черно-белых плитках пола одиноко приткнулся шестидесятисантиметровый сверток.

— А, вот и ты наконец. Ну, надень протез, Арика. Тебя со вчерашней ночи ждет.

Вот и восторженный взгляд и нетерпеливо машущие отсутствующие руки — надевай, надевай! — черного силуэта на кровати. Под софой — черный пес, на потолке грациозно плавают тень рыбы.

Ну, в этом каждый день, сколько раз ни приходи. Наводящая тоску в момент открытия двери атмосфера комнаты сегодня превратилась черт знает во что.

В общем, я надеваю протез, на чем утренняя работа кончается. Потом просто реагирую на случайные просьбы Кайэ, а когда заходит солнце, снимаю протез и возвращаюсь. В этом заключается мой труд, однако...

— Ну что ты стоишь как не родной, открывай, открывай же, вот. Ты удивишься, Арика. Я сорок тысяч ниток потянул, пока ее не доставили вчера вечером!

Кайэ чуть не прыгает, как ребенок, которого возьмут в луна-парк. Меня это зрелище почти умиляет, но я трясусь головой и собираюсь.

— Что-то дурное предчувствие. Там хоть не голова профессора Доуэля?..

Осторожно разворачиваю.

— Что. Что за бред... Что это?!

Сам, словно глупец, не верю глазам своим.

Что за чудо случилось? В обертке была такая Затерянная Технология, что в наши дни днем с огнем не отыскать!..

— Чем это вы занимаетесь?

И вот, через час, в одиннадцать с лишним, в комнате без стука появилась Тома Мато и холодным, глубоко разочарованным взглядом и словом, как скот или раба, пришила нас, сходящих с ума на кровати.

— Гхе, М-М-Мато-сан?! Блин, я понимаю, вы всегда неслышно входите, но не надо в такой момент и без спроса! — вырывается у меня. Голос странный.

Потому что Мато-сан впечатляет меня крайне клевым видом и колючим взглядом.

С жакетом на плечах, с прямой, как струна, спиной... а скорее даже выпятив грудь и глядя сверху вниз во властной позе, излучая давящую, слепящую элитарность. От одного этого вида среднестатистический налогоплательщик мог бы пасть ниц.

Пес и рыба, похоже, испугались Мато-сан — под софой больше никто не лежал, над головой никто не плавал. Летнее солнце в нашем аквариуме процентов на сорок стало темнее.

— О. Эй, доброе утро, Мато-сан. Давненько ты не заглядывала. М? Ой, ты же опять немного расплнела! В талии пошире, чем раньше. Ну что ж ты. Ты уже в возрасте, надо думать, что ешь.

Вот так, совершенно не ощущая ауры Мато-сан, с обычной улыбкой ее нейтрализует наш супербосс. Такое с кондачка не сумеешь.

— Ага, доброе. Сам-то не меняешься, Карё. Как всегда интерьер и вид — смотреть не на что. И этот балбес — ну, главное, слушает, что я говорю... Так вот. Вы чем тут занимаетесь? Ишь, распалились.

— Да вот этим же. Ты не в курсе?

«Вот», — Кайэ демонстрирует прогрессирующую на кровати Затерянную Технологию. Отбилась от откровенно пребывающей не в духе Мато-сан с улыбочкой, не то что игнорируя, а вовсе не замечая. Черт, на него хочется положиться...

— Э... что это? Какая-нибудь пластиковая модель... бейсбольного поля?..

— Ого, ты ее слышал, Арика? Должны же быть пределы неординарному мышлению!.. Не верится даже. Ну брось ты, Мато-сан. Кто родился в семидесятых, уж про настольный бейсбол должен знать.

Помощник инспектора Тома молчит и еще больше хмурится.

В подzemелье и так был какой-то чужой мир, а теперь он поднялся на новый уровень и стал не просто существенным, а сверх-. Мне бы когда-нибудь левелапнуться.

— Ну, гм, Кайэ-сан... Не стоит доводить Мато-сан...

— Пожалуй. И еще стоит над душой, отвлекает. Мато-сан, может, присядешь пока? А, софа для Арики, туда прошу не садиться... М-м. Ну же, дальше атакую я. Шестикратный победитель Карё Диваз меняет питчера!

Напряжение было таким, что почти слышалось «ура» болельщиков.

Мато-сан молча закрывает дверь и, определив, что, кроме софы, сесть можно разве что на пол, немного поколебавшись, садится на софу. Мне почудилось?.. Вот сейчас не скорчила ли Томато-тян на миг щенячью рожицу: «Он не рассердится?..»

— Ну же, Арика, соберись! Ты же помнишь, я сказал, что дам временной бонус, если выиграешь. Так ты до самого конца не обернешь игру в свою пользу!

— И то правда. Для вящего улучшения своего пищевого положения я должен был разнести в пух и прах новичка, не знающего правил бейсбола. Кайэ, свежие питчеры — до шестого исчезающего демонического мяча, смотри не ошибись.

Мато-сан расслабилась на софе, подперла подбородок рукой, а другую забросила за спинку лежака... Я подумал, что если я дальше буду на нее смотреть, меня пристрелят, отвел от сестренки глаза и вернулся к игре.

Так. У нас настольный бейсбол.

Приобретенный Кайэ всеми правдами и неправдами, делюксный настольный бейсбол — последний спинофф-пустоцвет, когда культурный пласт настольного бейсбола почти разрушен.

От настольного бейсбола — одно название: один в роли питчера бросает блестящий шарик, один в роли бэттера стучит по нему. Один-на-один, детская пустышка, игра в игру в бейсбол, при этом, для конкуренции поднимавшим в то время голову домашним компьютерным играм, она местами цифровая.

Позиции полевых игроков, ловящих шарик после отбоя бэттером, произвольно меняются, сила свинга бэттера тоже отличается для каждого игрока. Более того, в игру внесены данные о семи командах, у каждой команды свои тонкости. Развели ерунды.

Выбор Кайэ — команда с шикарным питчером и уклоном в защиту, а моя — с как бы харизматичным бьющим в замене, которого вводишь на один иннинг — и хоумран обеспечен, такая одноразовая пушка.

— Хм? Ты сейчас не будешь проводить замену? Надо же хоть одно очко вернуть.

— Ты не понимаешь. На кой сразу ходить со слагера? На то и клинап, чтобы шел четвертым. Бейсбол не так примитивен, чтобы для победы питчеру нужно было только выбить страйкаут, а бьющему — только отбить. Тут потихоньку двигаешь пешки, вот так. Бэттер со звоном бьет по шарiku.

«Гм-м», — недовольно сжимает рот Кайэ.

Он думает, хоумран и страйк-аут — основное оружие атаки и защиты. В частности, он заблуждается в том, что подачи берутся с потолка и просто без толку гоняют счетчик

бросков, уходя «в молоко». При подаче разделяют внутренний и внешний угол, но, в конечном счете, стараются попасть в страйк-зону. Отбивай — не хочу... До сих пор я проигрывал, чтобы поднять ставки до серьезных.

— В боле, промахе, тоже есть смысл. При любой хорошей траектории, если не выбить из равновесия бьющего, все равно отобьют. Бол — тактика, которой хотят сбить внимательность и предвидение бьющего с настоящего броска, а никак не намеренный бросок мимо страйк-зоны, чтобы «промахнуться»... Ну, вообще, бывают и просто проблемы с контролем.

Дзынь, дзынь. Черда отбоев фаултипов.

Счет показывает два страйка, три бола. Если страйк, то аут, если бол — переход на следующую базу, фулл-каунт.

Питчер Карё подает с безмятежным видом.

Блестящий шарик проскальзывает прямо в страйк-зону... Впрочем, в настолке большинство мячей страйки. В момент, когда можно было махнуть битой и получить хит, шарик со стуком исчез в земле.

Тридцать лет тому назад, в золотые семидесятые...

В настольном бейсболе случилось эпохальное открытие. Доселе летевший прямым, чтобы быть отбитым, металлический шарик обрел повторяющую фокбол способность — появился исчезающий демонический мяч.

Грубый прием, кнопка забрасывает поданный шарик под поле, и команда на отбое никак не может его отбить, впустую машет битой и получает страйк — крайне нечестная функция. Впрочем, он не попадает кэтчеру, откровенный бол, и если не бить, бэттер побеждает.

— Оп, бол. Бэттер продвигается на базу. Хи-хи-хи, ты такой простой, Кайэ-кун.

— Арика жадина!.. Даже если простой, мог бы из приличия махнуть... погоди, исчезающий демонический мяч — это бол? Что, фокбол не попадает в страйк-зону?

— М-да, ты вообще не разбираешься в бейсболе... Да, фок уходит со страйк-курса в бол-курс, но это не значит, что он обязательно бол. Я же сказал, основа питчинга — сбить с толку бьющего. Что скрюбол, что прямой — одним только названием не обхитришь. Быстрый, невидимый глазу мяч — разумеется, вундерваффе. Но единственный козырь захватывают на ранней стадии.

Какой угодно бэттинг и питчинг — не более чем «доступные телу движения». Они — отражения друг друга. Брошенный человеком мяч встретит выполненный человеком отбой в соответствующей форме. Скрюболы нужны, чтобы сбить этот общий фокус.

— Хе... Тогда и другие скрюболы по сути все равно входят в страйк-зону.

— Ясное дело. Вообще-то даже прямая подача — скрюбол. Потому что мяч падает вниз. От обратного вращения, бэкспина, получается трение, давление снизу от мяча повышается. Мячу придается вращение, обратное его движению, срабатывает подъемная сила. Вот эта подъемная сила делает искажение вращением мяча, а в другие стороны его двигают другие скрюболы. Помнишь, в мячике — не в этой железке, а в настоящем — есть швы? Из-за них мяч нельзя назвать сферой. Используя мелкие выступы и углубления от швов, питчер воюет с сопротивлением воздуха.

Пока я делюсь своей эрудицией, матч двигается дальше. Уже восьмой круг, очки Бродячих псов Исидзуэ набегают.

— Хм-м... Но и скрюболы ведь бывают разных видов? По кривой там, по прямой. Или боковые и вертикальные скрюболы, что насчет них?

— Простой боковой — не скрюбол. Я уже сказал, что мяч падает вниз. Никому от этого правила не уйти... По кривой — скрюболы с высокой степенью свободы, но они уходят в сторону, сильно падая. А по прямой — для правши-питчера и правши-бьющего — врезается книзу внутреннего угла. Верхний неудобно подавать, поэтому это любимая техника боковых питчеров... Слайдер — наоборот, с прямого соскальзывает влево.

Скорость у него тоже близкая к прямому, так что это одноразовый дуэльный бросок. Этот тоже рассчитан на бокового питчера, вот.

— Сплошные боковые... А я слышал, что верхний — путь королей. А, так у верхнего питчера есть быстрые подачи? Вообще какие-то формы для прямых мячей?

— Ага. В бейсболе верхние питчеры заметнее. Вот эта «вилка», которую ты уже затыкал, — их фирменный прием. Еще SFF, каттер.

— Каттер? Звучит как-то не по-бейсбольному... Оно что, при попадании режет?..

Я давлюсь от сдерживаемого смеха. Какое, м-м, умильное сравнение.

— Никто ничего не режет. Ну, его называют каттером, потому что бросают, как будто разрезают, но полностью он «кат фастбол». Еще для смеха обзывали «слейт», раз он такой стрейтоватый слайдер.

У «кривых» мячей много видов, много форм, но их все приводят в движение локтем, запястьем и пальцами. Особая нагрузка приходится на локоть и запястье, поэтому скрюболеры легко повреждают локти.

— Ого, сколько всего. Я думал, есть только сворачивающий и падающий мячи. Но если у питчера такая свобода действий, у него разве нет преимущества? Бэттер только и может, что защищаться.

— Если идет только против вида подачи, то да. Но питчер — человек. По форме подачи и хвату все становится понятно сразу перед подачей. Хват у всех индивидуальный, но есть какие-то общие черты, так что если без учета траектории, то спрятать вид подачи не получится... Если смотреть со стороны питчера, то для кривой и прямой пальцы как бы закручиваются. Так вот, для этих самых каттера со слайдером пальцы как бы режут. Так, что еще... Ах да, демонический мяч.

— Что? Демонический мяч правда существует?

— Существует. По-простому так называют наклбол. Подают его, хорошенько подавив вращение, и он болтается в полете влево-вправо. Две итерации в секунду, между прочим! Остальные скрюболы дают три итерации в секунду, так что можешь сравнить, насколько велико сопротивление воздуха. Разумеется, при этом скорость мяча падает, но даже сам питчер не может предсказать, куда этот «трудноотбиваемый» гад прилетит. А более быстрые — это слайдер, прямой и... а-а. Забыл одну важную вещь сказать.

Козырь бокового питчера.

Вид, не воспроизводимый верхним питчером, дающий два поворота по вертикали.

— Я сказал про демонический наклбол, когда зажимаешь костяшками пальцев, так? Он с беспорядочным курсом и его трудно отбить, но зато его легко увидеть. Козырь, как в этом настольном бейсболе. Не тот мяч, который можно потерять из вида. Ну а в бейсболе есть и такой скрюбол, который называют исчезающим демоническим мячом.

...Еще в школе, помню, столько раз видел броски одного питчера. Нижняя подача, припадает к земле. Выпускает с высоты фактически питчерского холма подобный летающей рыбе волшебный мяч.

— Это — синкер... буквально тонущий мяч. Сначала он на миг взлетает, крутясь, как прямой, а потом падает из-под рук бэттера, и если хорошо подать, он правда исчезнет из вида.

С софы послышался стук. Мато-сан, до этого сидевшая в неуютном молчании, вдруг приподнялась.

— О-о, и такой мяч есть. Однако Синкер — знакомо звучит, а? Как имя чудища, — глаза Кайэ загораются. — Интересно.

Как человек, посвятивший час бейсболу, я не могу скрыть радость от такой реакции.

— Отнюдь, Кайэ-сан, имя «синкер» не раскрывает всей сути! Сказывают, левша может сделать синкер скрю!

— Ух!.. Н-ничего себе, что «каттер», что «скрю», все так круто звучит! А что бэттер? У бэттера какой-нибудь «гильотины» или «скрю» хитрого нет?

— Ну, гм... Увы, никаких особых хитростей, чтоб остались в учебниках с формами, нет. Каждый придумывает какие-то свои названия для форм, но звучит это все не как удары в каратэ. Хорошо питчерам. Прикинь, им дают прозвища типа «Мастер Скрю» или «Зе Каттер»! Уберменши, — сам прыскаю.

Забросив настолку, мы с Кайэ болтаем с горящими глазами.

Ну, в голове Кайэ, может, вертится образ трехметрового питчера, который, злорадно хохоча, расстреливает бэттера, не знаю, но я рад, что он радуется.

И вот сидим мы, впали в детство, а вот сидит сестрица под тридцать, холодным взглядом нас изучает.

— Гм, Мато-сан, вы с нами? Тут места мало, вряд ли захочется, но ты знаешь, это по-своему забавно.

— К черту. Такое не по мне. Скажите, когда закончите.

Что «такое»? Это же просто игра, где тык кнопку — бросил, тык — отбил.

— Да нет, Арика. Мато-сан не нравится дизайнерский дом. Она постоянно, постоянно все ломает.

«Это забавно, сил нет», — слегка улыбается черноволосый юноша. Тома Мато, ничего не ответив, как под нажимом отвела глаза от кровати.

— Кстати, Арика, откуда ты столько знаешь про бейсбол? Разговорился как никогда. Ты что, прожженный бейсбольный болельщик?

— Хм...

Черт. Он прав, я забылся и разболтался.

— Ну, не то чтобы болельщик, просто, ну, понемногу набрался...

— Он был в бейсбольном клубе. В старшей школе до лета третьего курса участвовал как бьющий на замене. Хотя совмещал с другой активностью.

Внезапный удар откуда и думать забыли. Тома Мато подалась вперед и сказала такое, о чем бы хотелось забыть навсегда.

— Ух. Так ты был в клубе, Арика. Но совместительство... звучит как «спустя рукава», что ли... И ты так справлялся? В старшей школе бейсбол не детские игрушки, да?

— Да, не детские. Но даже за короткое время при старании можно заполучить роль бьющего на замене. Ведь количество практики не равняется силе.

Не то чтобы мне не нравилось спортивное прошлое, но я не сумел взять от юности все. Дело в том числе во времени.

— Тоже не так. Практика равняется силе, болван. Куда ты пойдешь, если в период роста не будешь себя пинать. Эффективная тренировка? Ха! Ты сначала голову на плечах займай... Слушай, Сёдзай. Таким людям, как ты, которые сами себя не знают, надо четко, безжалостно, до рвоты, не давая пощады даже в полусмерти, с волей подчинить себе тело и душу, десятки тысяч раз себя пинать — вот самая эффективная тренировка. Если головой не запоминается, пусть тело запомнит.

— Гхе.

— Уй.

Два слабака на кровати синхронно подали голос.

Наверно, нужно хвалить свою фортуна? Будь она тренером в КураКоу, мы с Кирису точно сдохли бы при исполнении прямо на бейсбольном поле.

— Мато-сан, это называется «перерабатывать». Ну сломаешься, и что тогда? Тело запомнит — это такая теория воли, зашедшая слишком далеко.

— Я говорю по фактам... Ох. Я-то думала, это общее понимание всех спортсменов. Но ты у нас такой бредовый спортсмен, который без фундамента построился, да?... Знаешь что, Сёдзай. Чтобы отточить технику движений, необходимо повторение. Делай одно и то же, колебайся как маятник, и ЦНС с периферией выучат эти импульсы. Найдутся короткие пути, ты замостишься, чтобы по тебе легче курсировать. От повторений нервная система выстроится, поднимет КПД, и ты быстрее мысли сможешь подсознательно делать верные движения... В школьном спорте достаточно просто инструктора, чтобы понять телесные

техники как знание. Спортсмен не запоминает головой, а вбивает технику в нервы. Запоминает телом — буквально значит обучает физическое тело.

— П-понятно... Но, Мато-сан, это получится не спортсмен, а собака Па...

— Что? Есть что возразить?

— Нет, совсем ничего. Вот оно что. Когда профессионал специализируется на конкретной технике, это он проходит через Спарту. То есть кто угодно может до смерти затренироваться до рефлексов...

Жуть. Вероятно, среди подручных Мато-сан есть такие, что натренированы по знаку от нее становиться живым щитом.

— Не. Кто угодно — это, к сожалению, не получается. Развитие нервной системы заметно лет этак в десять, и если до тех пор не утрясти базовые техники движений, начинает вылезать индивидуальность. Повторение эффективно, но по-настоящему эффективный период проходит слишком быстро. То есть если хочешь стать специалистом, до десяти лет перестрой нервную систему повторениями, так-то. Говоря наоборот, если спортсмен добивается успеха без особых усилий, его можно спокойно назвать бредовым, как думаешь?

«Ведь так?» — опасно смотрит на меня. Что-то она последнее время на одного меня нападает.

— Стоп, но тогда тем более нет необходимости устраивать себе спартанство! Одурачивающие репетиции проходят завершающий этап в десять лет, верно?

— Что ты вот так уползаешь на отдых и лень? С десяти лет просто меняется то, что тренируешь. Порядок вроде обратный, но все-таки после техники налегай на развитие мышечной силы. В отличие от развития нервной системы, общее развитие ускоряется при половой зрелости и дальше. Мощь обычно тренируется в этот период. Очевидно же, что от средней школы до универа тело растет быстрее нервов.

Гм, а ведь и правда. Короче, спортсмен строит основы до десяти лет, получается.

Немного отвлечемся — нервная система, общее развитие и заодно половое развитие ярче всего с десяти до двадцати лет, то есть в период полового созревания. Полученные за это время травмы легко не изведешь именно поэтому. Если довести до серьезного, начнутся всякие домашние побои, домашние смертоубийства, домашнее обжорство, потому за этим надо следить. Впрочем, слежением предотвратить нельзя.

Жаркая дуэль завершилась на девяти иннингах. С восьмого Бродячие псы Исидзуэ обратили ситуацию в свою пользу, а Карё Диваз не смогли сравнять счет, и на панели подсчета красовались издевательские крестики.

— Фуф, в горле пересохло. Арика, сделай попить. Миксер в кухне есть.

«Так точно!» — весело отвечаю и иду на кухню, что рядом с ванной. От неожиданного бонуса колотится сердце, но я возвращаюсь к реальности с холодной мыслью — со мной такое, я выколачиваю деньги через игру из младшего на вид ребенка.

— Так с чем пожаловала, Мато-сан?

А вот Кайэ — видимо, радуясь, что хоть и проиграл, но провел час с удовольствием, — спокойно обращается к Мато-сан, лежа на спине.

— Я сюда только за одним прихожу. Буду просить тебя изгнать демона.

Наклонясь вперед на софе, с серьезным видом скрестив пальцы рук, Тома Мато сказала странную фразу.

Изгнание демона. Нечасто такое услышишь, но не особенно странные слова.

Странно то, что это — Тома Мато, специалист по одержимым. Их — носителей синдрома А — нельзя вылечить. После полутора лет, проведенных в клинике имени Ольги, это было моим единственным заключением, а не чем-то оброненным Томой Мато.

— Откуда это? Это формальная заверенная просьба о содействии?

— Нет. В общем-то, личная, неудобная просьба. Я хочу уничтожить следы преступника.

Моя рука застывает над недорезанным яблоком. Что? Мато-сан разве не верная собака государственного права?!

— Что, связано с родным домом?

— Ага. Дед попросил передать, я передаю. Около двух недель в окрестностях Сикуры орудует маньяк-убийца, слышал?

— Слышал. Хотя в такой форме, что уже что-то около четырех трупов. Преступник и есть одержимый?

— Очень вероятно. Пусть он будет юношей А. Этот юноша А участвует в так называемом SVS — дорожном перфомансе на открытых магистралях... что такое, Сёдзай, чего пицишь? Разрезал червяка в яблоке?

— Я попрошу! Это невозможно, я слежу за едой, и все червивые давным-давно распроданы. Мато-сан, продолжайте.

— А, угу. Родня юноши А попросила деда, чтоб нашли их отпрыска и вернули домой, пока история не всплыла... Так вот, А перестал появляться дома еще до того, как начались эти дорожные убийства. Родные, как услышали о маньяке, почти подали на беглеца, но что-то внезапно поняли.

Не знаю, что и думать о родителях, которые, только заслышав о маньяке, понимают: «О, да это наш сын!» — но, видимо, было достаточно сходных пунктиков, чтобы так решить. Меня эта тема не касается. Мешаю нарезанное яблоко и естественную воду в адскую смесь и, как заправский официант, преподношу работодателю.

— Вот, Кайэ, попить. Так что, Мато-сан, прощайте. Я смотрю, тут важное дело, а я пойду.

— Ну-у. Ладно тебе, все равно ведь забудешь, побудь тут, Арика.

— Во-во, Сёдзай, не вилай. Кто тебя знает, куда ты отсюда пойдешь... Кстати. Ты ведь знаешь, что такое SVS?

Зыркает на меня. Надо было недавний вскрик хотя бы яблоком заткнуть. Как только Мато-сан сказала «SVS», страх неизвестности, что со мной будет, если узнают, выдавил из меня невольное «ай».

— Ага, знаю. SVS — это что-то типа легкого бейсбола.

— Ага, в документах такое есть. Маньяк в этой игре питчер, высматривает, когда кто-то из участвующих бэттеров остается один, вызывает его на поединок и под конец убивает. В полиции еще не знают, кто он, и очевидцев недостаточно. Кличка — Синкер. Каждый раз он сначала бросает страйк-аут, а потом убивает... Ну и странные хобби у некоторых. «Непрямые», — выплевывает Мато-сан. Она из тех, кто зря патронов не тратит, и мысль сначала захватить, а потом поразить, не приходит ей в голову.

— Хм, странные хобби? Но у каждого есть хотя бы одна черта характера, о которой другим не расскажешь.

«Да, Мато-сан?» — Кайэ делает самый страшный пас в мире. Можно такого не говорить, пока я в пределах досягаемости Мато-сан?

Ну да, он прав.

— Интересный вопрос. Если говорить о скрытой черте Мато-сан, то, наверно, это садизм?

— Че? — поражается Томато-тян. — Вот не надо так о людях говорить. Я вообще-то это не скрываю.

Ну да, по возможности скрывай, ладно?

— Короче. С его появлением SVS стала игрой на краю смерти. Официалка, да? Синкер сосредоточен на девяти официальных бэттерах, и оставшимся участникам ночами плохо спится... Ну, Сёдзай? Что еще ты скрываешь?

— Ну, не то чтобы я что-то особенно скрывал... Просто я сам, как бы, не заметил, как вступил в официалку...

Больно от этих взглядов. Этих лиц, совершенно согласных и сдавшихся перед несчастливой звездой Исидзуэ Арики. Этих глаз, полных смиренного понимания — опять он по уши в том, с чем никак не связан.

— Так, оставим этого несчастного парня в покое. Мато-сан, что родители Синкера... юноши А хотят с ним сделать?

— Просьба состояла в том, чтобы раньше нас изолировать сына, а если в его теле обнаружится необычное, желательно вылечить. А также, если будет известен источник заражения, его желательно убрать... Ох уж эта родительская любовь. Сам по себе он не может стать одержимым, это его кто-то заразил, пусть этот кто-то ответит...

С точки зрения Мато-сан, понятно, тут дело в родительской любви. Ведь синдром А не передается от человека к человеку. Так не бывает, чтобы побыл рядом с одержимым и сам стал одержимым.

Неважно... Зато эти двое явно подразумевают, что «вылечат».

— Э-э, Мато-сан. Одержимость теперь лечится?

— Нет. Так что, Карё? Надумал?

— Если фальшивка, я всегда готов, но сам я не могу к нему пойти. Может, ты сможешь его сюда привести, Мато-сан?

— Не могу. Я знаю, где он, но там люди. Если я пойду, потом начнется головная боль. Желательно, чтобы экзорцист лично пришел и на месте провел процедуру.

— Ага. Тогда пойдет мой представитель. Да, Арика?

«Ну пожалуйста», — беспечным и вместе с тем полным мольбы голосом.

— Да-да, принеси пользу для разнообразия. Ты все слышал, Сёдзай?

«Пожалуйста», — грубоватым и вместе с тем с намеком угрозы голосом.

— Эй, я ничего не понял! Ни в одном слове вашей беседы не выходит, что меня как-то можно задействовать!

— Не волнуйся. Достаточно, чтоб ты с ним встретился, надев протез. Если разговор не заладится, просто ничего не делай и вернись. Мато-сан, насколько они нам будут благодарны?

— Гм? А-а, ну, где-то настолько.

Мато-сан спокойно вынимает из кармана чек.

Лучше бы я не видел... Эта сумма отодвинула на второй план внезапное представительство, опасность переговоров с маньяком-убийцей юношей А и прочее.

— Ну, мне-то не надо, но давай пополам, Арика. Мато-сан, занесешь, как кончим?

— Естественно. Смотри не показывай его никому, кроме меня.

Ух, уф-ф... «Кончим» он зря сказал, но деньги мне нужны.

— И потом, Арика, если хорошо пройдет, я в тебя, наверно, поверю и отдам протез в пользование. Не нужно будет каждый раз просить разрешения и возвращаться отдавать. Если ты сможешь функционировать как мой посыльный... в порядке эксперимента эта левая рука — твоя, — невероятно нежно улыбнулся черный силуэт.

Деньги на три года жизни и черный протез, который мне так нужен. ...А-а, я точно об этом пожалею. Я отлично вижу этот киношный знак скорой кончины, но от такого соблазна сейчас отказаться не могу.

Получаю от Кайэ протез, мужественно надеваю.

— Удачи. Это первый шаг, постарайся не влипнуть и справиться в легком темпе.

Напутствуемый нанимателем, ухожу из подземелья.

У освещенного летним солнцем резервуара — вышедшая на шаг раньше Тома Мато. Когда я согласился представлять, мне в целом разъяснили суть работы. Я знаю, где скрывается юноша А, а также где он живет. Моя работа — просто связаться с А и передать «тебя родители ждут домой». На душе неспокойно, но если это все, я просто это сделаю и получу что причитается.

— Сёдзай. Насчет бейсбола. Это, мячей, поворачивающих вбок, правда нет?

Мато-сан заговорила, как ни странно, не о работе.

— Нет. Часто выражаются, мол, вбок или под прямым углом, но как мяч ни крути, так его не повернешь.

— Вот как. А такого, чтобы он один раз повернул, а потом еще раз, совсем в другую сторону?

— Это даже не вопрос новичка, Мато-сан... Такой бред даже говорить неприятно, но — этот ваш Синкер что, бросает такие мячи?

Это уже не бейсбольный питчинг.

Это — буквально одержимая демоном подача.

— Ага. Мяч пролетел мимо убегающего бэттера, два раза повернул под прямым углом вбок и раскроил ему череп. Если смотреть сверху, траектория будет что-то вроде равнобедренного треугольника. Есть мысли?

— Слишком идиотично... Еще какие-то бредовые особенности?

— М-м... Это пока не в моем ведении, я точно не знаю, но вбитые в тела жертв мячи вроде обожженные, и видно, что внутри.

Мяч повернул из-за обжигающей скорости вращения? Да ладно, так тоже не может быть. Вообще, даже если допустить, что каким-то неведомым хватом можно заставить мяч повернуть под углом, это еще не дает возможности поворачивать два раза. После пуска мяч меняет направление вращения и с вертикали переходит в горизонталь? Это в НФ называется телекинезом.

Одержимые меняются телом. Таких вздорных способностей — физически двигать что-то оторвавшееся от тела — нет. Разные «мозговики» вполне бывают, могут обманывать взгляд наблюдателя... еле-еле укладывается, ладно, но когда есть третьи лица, это тоже маловероятно.

— М-да, пока что место действия — комната. Вряд ли он внезапно станет кидаться мячиками. А что, Мато-сан... SVS ведь стала проблемой? Почему полиция не ловит?

— Хотелось бы, но, к общему раздражению, они не нарушают законов. Они предупреждены и даже не мешают проходу.

Ну, естественно. Максимум проходу ночных патрулей.

— М-м... Стоп, а что, если не останавливать, а побивать? Слышь, Сёдзай, я не могу пойти питчером? Руку натренирую, и...

— Не можешь. Ты вообще стреляешь не теми шариками.

Отмел со скоростью света.

«М-м», — сожалеюще умолкла Мато-сан... Она иногда говорит такие милые вещи.

— А-а, но вообще в этой игре бьющие безнадежно перевешивают, может, и пригодятся детоубийственные подачи а-ля Мато-сан. Говорят, питчеров мало.

— Почему бьющие перевешивают?

— Бьющие носят оружие. В нужный момент бита — сильная штука. А если серьезно, бросать сложнее, чем бить. И тренировки нужны. Бьющий развивается сравнительно легко, поэтому их больше.

Прощаюсь, иду на остановку.

Может, стоило проехать на «мерседесе» AMG SL55 Мато-сан, но нет настроения.

— В общем, я позвоню, когда поговорю, подождите поблизости. Мато-сан, вы даже на работе ездите куда бог пошлет. Бросайте вы это — я звоню, а вы в Мышином царстве или где еще.

— Знаешь что. Мне в такие места одной не хватает смелости ехать. На вот, возьми с собой. На всякий случай. Не раздумывай. Я представлю как самозащиту.

Тома Мато вынула из багажника страшного вида ножище и всучила мне — на!

Спасибо ей за моральную поддержку, но мне это напомнило вновь, что у нее работа состоит в обращении с подобными штуками.

— Черт, я поторопился...

Хоть я и сказал так, но в отсутствие чувства опасности — ни мурашек, ни капли пота. Смотрю на золотой сотовый, сверяю время. Сейчас как раз полдень. Дата — жаркая солнечная пятница, тринадцатое число.

Несколько минут ходу от станции в Ясакадай. Я прибыл к цели — десятиэтажке.

Издали — ничем не примечательное офисное здание.

Вблизи заметен холл, в гостиничном духе на весь первый этаж.

Но на самом деле здание занято под ставшие обычным делом караоке-комнаты. Что ни говори, а все здание — искусственный рай, сотворенный только ради караоке. Это чудесный иной континуум со вместимостью в восемьсот человек, каждый из которых может держать микрофон. Что это, как не воплощенная песня?

Юноша А должен скрываться на четвертом этаже этого здания. Комната №20. Он занимает самую дальнюю и широкую комнату — вот уже третью неделю кряду.

На входе в здание приветствуются все, и стар, и млад, мужчины и женщины. Повторюсь: это — опустившийся рукотворный рай. Если скажешь: «Сегодня же рабочий день!» — тебе с твоей чопорной правдой здесь не место.

Быстро, самым естественным образом миную приемную, зазывающую сверкающими голосами и атмосферой.

Добро пожаловать. Вы один? Нет-нет, встречаюсь с другом. Приятного отдыха. Да, спасибо.

Лифтов в заведении два. Захожу и сразу нажимаю восьмерку. В момент закрытия дверей жму четверку. Беспокоился, что не сработает, но лифт честно подсветил кнопку 4.

Несмотря на бытность тайным прибежищем для маргинального юношества, охраняется местечко из рук вон плохо.

Приятно, что сделано умно. Правда же, если бы не ладящий с законом владелец поставил на кнопку пароль или ключ-карту, общение с таким любителем тайных баз было бы вдвое безнадежнее и вчетверо больней.

За какие-то секунды я выхожу на четвертом. Освещение темнее, чем на других этажах, еле слышны звуки радио.

Коридор узкий, длинный, спиралью закручен от лифта. Одноколейка какая-то.

Представьте себе гоночное кольцо, где финиш на старте, но прямо перед стартом стена.

Как круг к концу человеческой жизни, аж тошно.

Вход, где лифт, — в самом центре южной стены, и проход тянется на запад, врезается в стену и виляет на север, в следующую — на восток, опять упорно врезается в стену и ломается к югу, а под конец изгибается к западу и кончается у последней комнаты. Чтобы дойти до комнаты №20, придется сделать полный оборот.

На полу коридора расстелен красный ковер, обои целиком черные. Так неудобно, что случайный человек просто не войдет. По-настоящему сумрачный коридор, как в доме с привидениями, проплывает мимо меня.

Я знаю, что в глубине скрывается маньяк-убийца, но эта неудобность — самая малая для Сикуры. У Исидзуэ Арики нет детектора опасности, да и если бы я такого боялся, мне бы только присниться могло, как мне снится, что я решил подремать в подземной комнате Кайэ.

Поворачиваю за первый угол.

В стене по левую руку выстроились заклеенные солнцезащитной бумагой окна, по правую — двери караоке-комнат. Очень тихо. Я миную седьмую дверь.

Поворачиваю за второй угол.

За углом, с лицом как лепешка, стоял ужасный убийца.

Хрясь.

— Эй, поосторожнее!..

Я с криком отбегаю назад.

Вообще не дают отдышаться. За углом стоял ужасный убийца — это я перегнул, но ужасный безработный диснеевский виннипух, и он без лишних слов накинулся на меня с кулаками!

Собравшись и сделав невинное лицо, гм, третьего лица, свернувшего за угол, я решаю, что это была зажигательная комбинация из трех ударов.

И что виннипухом был Кирису Яитиро.

— Эй, ты че увернулся?!

Сам накинулся, да еще и недоволен.

Видимо, медвежий суперудар был привычным, основным. Только вывернувшей из-за угла цели влепить раз-два по физиономии, обезопасить и добить в живот — возможно, до отлета в теплые края.

Но ввиду бредового поведения цели все удары ушли в пустоту.

— Да пофиг! Ну, я сам не очень понял, но плевать! Потому что днем ты еще больше намахался!

Я стал орать в том же тоне, что Кирису... точнее, просто моя рассудительность куда-то сбежала.

Это было как налетающий из-за поворота самосвал, а в смертный миг человек бессознательно уворачивается.

И вот мы, даже не подумав о вариантах вида «ты что здесь забыл» и «о, знакомый, надо поболтать», набычились друг на друга.

Кирису, в подсознательном боксерском стиле, и я, в «выставил правую руку вперед стой давай поговорим» стиле.

Несколько секунд изучаем друг друга. Кирису с угрюмым видом поднимает руки.

— Ишь. А ты в этом стиле, оказывается, умеешь, — говорю. Ура пацифизму. Все-таки разум — это сила.

— Чего бы я умел... Просто вид такого робкого торчка дает противнику плюс к наглости, и все. Не делай так больше.

С этими словами Кирису совершенно теряет волю к драке. Не думаю, что он из таких, кто опускает руки перед знакомым лицом, и его сдача без боя меня напрягает.

— Не похоже на тебя. Ты точно Кирису?

— Ну, блин, я же случайно убить могу.

— Я даже нарочно не хотел бы убиться... А что, ты за полтора года привык так?

— Вот кто страшный, так это ты, когда такие темы всерьез поднимаешь. Если бы я не перестал, ты бы небось подхватил тему. Ну и дошли бы до предела. Хрен нас знает, кто бы первый слажал, но по-любому оно бы того не стоило. Так что завязали. Да и я свою обязательку отработал.

Видимо, Кирису хочет сказать, что раз провалил свою рабочую атаку, теперь что раздавать, что получать напряжно. Такому стилю жизни надо учиться.

— Ну, и? Ты к гостю дальней комнаты, да?

— Ага, попросили тут домашние. Дескать, убеди его вернуться, мы не сердимся. Мне бы самому быстрее передать и домой, но приказано лично поговорить... Ну, как бы. Я не стану спрашивать, почему ты здесь, так, может, пропустишь наконец?

— Уф... Давай, я понял, иди-иди. Я пойду уже. Делай что хошь.

Передав мне эстафетную палочку, Кирису испарился.

Вдалеке слышится «бзыньк» лифта.

Зачем накидываться на меня, посетителя, — могу себе представить, но раз Кирису молча ушел, видимо, в этом деле он умыл руки. Дело на четыре пятых сделано. Теперь осталось просто поговорить.

«Ура-а», — я облегченно поворачиваю за третий у...

— А...

Рука не успевает.

В темечке врывается белое оружие со скоростью сто сорок километров в час.

В конце коридора — фигура бокового питчера-левши.

Форма «подлодки», когда рука, чуть не касаясь земли, выпускает мяч по растянутой кривой.

Но, в отличие от скрюбола, мяч не нырнул, а впился мне в череп прямым ударом.

На этот раз я не отболтался, не увернулся хитро, а вырубился на красном ковре.

(↓)

Для боли перерождения нет описания.

Это опыт вне человеческого знания, истина, что не должна быть в нем. В здоровом уме такое не переварить. От зверского воя, от боли, разламывающей мозг, я открываю глаза.

Конечно, это метафора. Мозг не чувствует боли. Просто мозг пересчитывает полученные телом повреждения и трансформирует их.

Боль по большей части исходила из левой руки.

Управляющее левой рукой правое полушарие скрипит.

От парадоксальной боли «нигде» человеческое сознание кричит.

Живет. Живет. Живет.

То, что умерло, живет.

Боль — знак существования, и эта несвобода дает тошнотворный кайф.

Неоднозначность плоти дает иллюзию всемогущества.

Бога нет, поэтому есть это всемогущество.

Дьявол есть, поэтому оно так жалко и бессильно.

Оригинал рождает фальшивку, фальшивка создает оригинал, оригинал поглощает фальшивку.

Дьявол топил мозг.

Ничто дало мозгу переписать правила реальности.

В миг перерождения...

Я видел крик новорожденного — комка черной ненависти.

(↑)

От культи до головы пробило искрящей кочергой, и я пришел в себя. Конечно, это метафора. Меня пробудила боль без раны.

Я лежу на спине на красном ковре.

Бытийная боль из левой руки, ставшей плавящейся земной корой.

Конечно, это факт. Протез, охвативший левую руку, жидко сочась, вытянулся вперед на десятки метров. На конце — нечто бесформенное, собаковидное, чудовищное со вкусом,

удовольствием грызет нечто в форме конечностей и торса — с вгрызающейся пасти летит мелкая грязная пена, с плачем теряет сознание, — что через несколько секунд станет очень вкусным педигрипалом.

А-а... собаковидное ест человекоподобного.

— ████████ !..

Голова человекоподобного бьется в стороны, он орет. Голова стучает в пол, отлетает, и опять — бом, бом, шмяк, хрясь. Он так разобьет голову еще до того, как станет вкусной едой.

Человекоподобное отчаянно стряхивает с себя собаковидное, но его левой руки уже нет, да и тело, пока я безучастно смотрю, похоже на размешанную кашу.

Проблема в том, что это собаковидное тянется во-от сюда, к моей левой руке.

— Э... Так, стоп.

Еще несколько секунд, и собачий обед кончится.

Только такая штука могла подождать это, но объедки собираются и тут. Проходящие по руке трудноусвояемые остатки вторгаются в мое тело.

— Э, стой, собачка, фу!

Хрум, хрум, хрум. Наш песик такой игривый. Совершенно не слушается.

— А ну брось, голову, голову не жри, умрет же, оно умрет же!

Собаковидное не бросает.

Загадочный протез стал загадочным монстром и бесится как хочет.

От этого вида я на самом деле не занервничал.

«Понятно, вот оно что», — где-то в глубинах сознания что-то знает, что происходит. Надо думать, он мне подошел. «Моя рука была именно такой штукой», — осознаю я.

— Не, все равно стой, псина, это же, наверно...

Во всех смыслах невкусно, совсем не надо такое кушать.

— Ах да, нож...

Я отмеряю две культы по левой руке и с нажимом втыкаю туда нож Мато-сан.

Вот теперь все. Временное чувство всемогущества отрезано. Понимание устройства протеза исчезает. Черная лава втягивается в собаковидное и вмиг пропадает.

Человекоподобное перестало проситься под телемозаику и вернулось к невредимости.

— Кх...

И меня неприглядно рвет. Я всего лишь ткнул в протез, но отсутствующие ощущения взяли и облили мой мозг болью ампутации.

— Уй... ё-о...

От боли в левой руке, которой не должно быть, и чего-то противного, что извивается в груди, с меня градом полил пот.

То ли беспокоюсь о таком представителе хозяина, то ли что, черный пес притопал ко мне и, сопя, потыкался носом. Поправка: он не беспокоится. Похоже, просто подошел на вкусный запах. Кстати, кажется, у пса в доме Кайэ не было глаз.

— Эй, песик, ты...

Поднимаю голову.

Ни признака чего-то живого. На ковре — один только сорванный протез Карё Кайэ.

Парень, вклеивший в чужую голову жесткий мячик, был тем самым юношей А, которого предстояло убедить.

Сэкура Юмия. Третий курс высшей школы Коалагаока, ас бейсбольного клуба этим летом.

Перед караоке-зданием стоят два патрульных автомобиля и «скорая помощь». Санитары тащат Сэкура Юмию, который еще в сознании, но не реагирует. Полицейские, с целью расследования и улаживания ситуации, на какое-то время останутся в здании.

— Молодец. Уладил, в общем-то, по заказу. Ну, половину.

Мато-сан, под плавающим жаром летнего синего неба, пила себе эбиан.

Положение дел таково: гипермаркет поблизости от караоке-здания. На крыше его объемной стоянки мы смотрим на центр событий.

После происшествия... Подторможенный болью в левой руке и неприятным видом вокруг, я быстро подобрал свою рвоту, убедился, что юноша А дышит, и позвонил Мато-сан. Та выдала указание через полчаса ждать подведомственных ей полицейских на крыше гипермаркета, а через час появилась сама.

Причем Мато-сан уселась на капот «мерседеса», а я держу ногу на тормозе. На цементе передо мной все так же брошен черный протез.

— Что стало с Сэкурой Юмией? А то я посмотрел только, дышит ли он. Подумал, что не стоит мерить пульс.

— Жить будет. Рука, конечно, ужас что, но ладно, под пресс попадают так же.

Пользоваться ей он больше не сможет, но необычных для человека мест там нет. Вполне человеческий тяжелораненый.

— Ага. Я всего секунду видел, но у него левая рука растягивалась.

— О. Но последствий такого у него не было. Я говорю же, все по заказу. Отсечение пораженного органа выполнено. Угрозы жизни нет. Ну, сможет ли он дальше жить как Сэкура Юмия — вопрос другой.

В клинике имени Ольги ампутаций пораженных органов и новообразований практически не происходило.

К каждому пациенту — свои, новые экспериментальные процедуры и тесты. Даже если бы родилась совершенная теория, для нее не было бы технических возможностей и оборудования.

Нельзя спасти пациентов в последней стадии, для которых ампутация равняется смерти. Забавно даже — для них спасение заключалось вообще в том, чтобы забросить процедуры и кончить жизнь в палате. Много раз пытались делать операции «легким»... пациентам корпуса В... но они потом совсем переставали демонстрировать реакции на события внешнего мира. Люди-овощи. У большей части дисфункция мозга.

Исключением была женщина, которая пришла в норму после избавления от бесов и замкнулась в себе под бременем собственных грехов, но это крайне редкий случай. О ней никто не вспоминает сразу.

— Не парься, Сёдзай. Чем оказаться в Ольге, лучше пусть он впадет в детство от народных целительств. Опять же нет повода не реабилитироваться.

— Да мне-то что. Я все равно забуду.

Да. Я не вижу своей вины в том, что юноша А, одержимый маньяк-убийца, Сэкура Юмия, стал овощем, — я не такой добренький. Гораздо больше мне хотелось спросить:

— Мато-сан, а вы знали?

Я смотрю на брошенный на земле протез.

То, что излечило синдром А. Буквально изгнало демона из одержимого. Этот метаморфный черный протез.

— Ну да... Я хорошо знаю одно — этот ребенок не человек. И несколько раз видела, как эти протезы превращаются в неведомую дрянь. Оно небось их жрет.

— Да. То, что вы говорили в «Марионе», было никакой не фигурой речи.

Ну правда. Протез,двигающийся от неведомой технологии — не то, от чего стоило дергаться.

«В окрестном лесу есть демон, который убивает одержимых».

Такие слухи до меня доходили, но я не слышал, чтобы одержимых ели. Тут уже не улыбнешься, мол, Карё Кайэ загадочный, но филантропический наниматель.

До моего общего ресета еще остается около пяти часов. Если ничего не делать и не думать, с завтрашнего дня моя жизнь вернется в прежнее русло... Ну вот.

— Кстати, Сёдзай. Кроме Сэкуры Юмии там никого не было? Ну, просто беспокоит кое-что. Уже развивший новообразование носитель синдрома А не может так тихо сидеть.

— Например, кто-то помог ему укрыться?

— Дурак, это уж наверное. Даже если Сэкура Юмия был слегка дезориентирован, в одиночку он бы не спрятался. Ладно, если захочешь, можешь рассказывать, я посмотрю сквозь пальцы. В подарок, что ли, за то, что из тебя вышел прок. Не стану в эту сторону дальше допрашивать, пожалею.

— Что?!

С небес спустилась дивная Мато-сан! Она что, по поводу лета успела поплавать в бассейне или источнике?!

— Просто надзор за подростковой преступностью — не моя работа. Против детишек тебя одного за глаза.

— Во-о! Беспричинно добрая Мато-сан — не Мато-сан! Ура, камень с сердца.

— Любишь ты говорить больше, чем надо. Я спросила про Сэкуру Юмию, его состояние как носителя синдрома А. Если он при новообразовании оставался в здравом уме, может, с ним был специалист?

— А-а, вот в вы о чем. Ну да, без профильного медика за неделю-другую они обычно проявляют агрессию... Гм, кстати об этом. Можно я без доказательств скажу, наблюдающий врач Тома?

— Да. Разрешаю высказаться. Не знаю, о чем ты, но дурак не знаком с интуицией.

— Ну-у и ладно, ну и проживу с пятью чувствами. Так вот, мои чувства говорят, что Сэкура Юмия-кун вел себя как-то не так, как пациенты в Ольге. Вместо «загнанный» — «загоню», что ли... не комплекс жертвы, а мания величия, как-то так.

«О-о», — Мато-сан задумывается. Мой подвиг и опыт полуторалетнего общения с носителями синдрома А в клинике имени Ольги, а для Мато-сан — поверхностное впечатление Исидзуэ Арики она решила принять как своего рода доказательство.

— Я поняла так — с твоей точки зрения он не казался особенно больным?

Такой критерий, как болезненность с точки зрения Исидзуэ Арики, явно имеет большое значение для Тома Мато. Речь ее становится серьезной, как когда она в халате.

— Да, получается так. Он недостаточно... на нервах, что ли. Если от такой мелочи развиваются новообразования, одержимых будет больше. А вообще, вдруг число носителей синдрома А год от года растет?

— Это нет. Есть считанное число болезнетворных формаций, вызывающих синдром Агониста. Их не становится больше. Это, конечно, бредовый народ, от которого всего можно ждать, но уж это решено изначально.

— Не может быть, они посчитаны? И сколько же носителей синдрома А?

Так ведь можно было бы изолировать их еще до новообразований. Например, наше домашнее *это*. Пока она не насолила всем, связать ее по рукам и ногам титановой проволокой!

— Я бы так и сделала, но мы знаем только цифры. Каким окажется каждый носитель синдрома А — до фазы проявления не понять... Стерилизация возбудителя закончилась в девяностом году. Притом даже, что в то время заразилось около двухсот тысяч человек, вероятность развития синдрома — лишь у малой части. Число таких тоже посчитано. Тех, кто может развиться, — максимум пять тысяч. Может, меньше.

Максимум пять тысяч человек...

Между прочим, на данный момент носителей синдрома А обнаружено примерно четыре тысячи. Из них умерло где-то три тысячи пациентов. С учетом умерших и безвестно заключенных в Ольге, стадия уже пройдена, наверное.

— Ну, все-таки одержимость ведь болезнь. Значит, от первого поколения может родиться второе, гм, и вообще возбудитель тоже может размножаться, верно?

— Да говорят тебе, нет. Не для синдрома А. Для расчета силы такого возбудителя есть три основы. Долговечность — сколько он проживет до перехода к человеку; заразность — насколько быстро после перехода он может проявить свой эффект; и, наконец, воспроизводимость — насколько элементы возбудителя могут продолжать умножаться и расширять заразность. По результатам исследований в Ольге, тела, считающиеся возбудителями синдрома А, фатально теряют воспроизводимость. Долговечность их возможности скрываться во внешнем мире, заразность их тем, как они влияют на людские тела, сильнее любых существующих возбудителей, но вот как раз воспроизводимость в категориях CDC — по ранжиру ниже С.

Одержимые не могут множиться сами.

Если проявленных синдроматиков больше, чем в прошлом году, это значит, что в криз вошел какой-то невероятный носитель, который выбивается из статистической категории. Когда Мато-сан спросила, не было ли специалиста, она такое и имела в виду.

Однако, Мато-сан. Ты так говоришь, как будто синдром А — не естественно зародившаяся болезнь.

— Ну да ладно. То есть танцуем от того, что одержимые сами не приумножатся, и находить их тяжело, но надзор возможен? А, статистика — она по префектурам?

— Ага, в префектуре С их больше всего. В том числе поэтому с девяностого года граница префектуры превратилась в такую вот. Мы извещаем, что симптом А не заразный, но не объявили публично, что их уже не станет больше... Ну, были, наверно, и другие причины, но они ухватились за эту. Наверное, единственная польза от синдрома А этой стране. В результате на данный момент дороги в соседние префектуры — считанные шоссе и железка. Слухи говорят, что ни один одержимый личными силами не пересекал границы префектуры... Трудно поверить, но, по одной из теорий, кругом минные поля. Куда мы катимся.

Итак.

В мире много вещей, о которых нельзя знать.

Например, как мирно в голове Цурануи, или что довело Синкера до одержимости, или секрет, что ни говори, нечеловеческой психической и физической силы Мато-сан, — если закралась такие вопросы, дай им прокрасться транзитом для твоего же блага.

Кем является Карё Кайэ — тоже подшито к этому делу. Надо поставить первым пунктом.

Когда в детективах добропорядочный горожанин понимает, кто убийца, то, хоть он и не входил в черный список, его все равно убивают, чтобы не мешал. Таким образом, смекалка великого сыщика путается от внезапного трупа, дает сбой и делает гиперпространственные скачки. И так невезучий до случайной смерти человек, он даже после продолжает мешать окружающим, что нехорошо.

Потому этот случай я забуду.

Не запишу, сделаю лик кирпичом и закончу на сообщении работодателю о судьбе юноши А — Сэкуры Юмии.

Или я собирался закончить, но...

Возвратившись прямиком в подземелье, я бросил ухмыляющемуся в постели нанимателю протез и враждебно набычился на него.

— Что это значит? Из-за этой штуки чуть было не случилось худшее.

— Ах, какой ты добрый, Арика. Теперь без этой штуки худшее случилось, он жив.

Красивый силуэт разочарованно качает головой.

Излечение — только слово, это зачистка. Или контрольный. Кайэ ни на миг не думал спасти юношу А или там помогать тем, кто в беде... Нет, ну, он с полуслова взялся за работу и ему явственно было плевать, что там у юноши А за ситуация.

— Ты не в духе, Арика. Если есть что спросить, я отвечу.

Уф, дьявольский соблазн, но терпи, Арика! Нельзя спрашивать, что он такое и что такое его протез. Если я это узнаю, эта тайна будет стоить мне жизни. Я буду стараться оттягивать, насколько и если смогу.

Так что надо разогнать гнев вопросом на грани дозволенного.

— Только один вопрос. Ты меня отправлял убить юношу А? Типа одержимых естественно убивать?

— Гм, не знаю даже. Добра я ему не желаю, но и убивать тоже, кажется, не хочу... Ты, Арика, и сам вряд ли желаешь убить еду.

Кайэ всерьез задумался и выдал вот это. С лицом невинной, чистой девочки.

— Угу, точно. Речь не о том, чтоб убить или не убить, а просто не простить. Это что-то фальшивое, извращенное. Если такое будет разгуливать, настоящему проблемы.

Ни единой эмоции к одержимому человеку. Просто, как сказке, он рад разрушенной человеческой судьбе. Как конфетке... Съеденных этим протезом одержимых покатают на языке, раскушают и украдкой переварят.

— Ясно... А я-то думал, у тебя неожиданно филантропический характер.

Черноволосый демон озадаченно и серьезно смотрит на меня.

— У тебя забавное заблуждение. К сожалению, ты меня переоценил, Арика. Я от рождения ни разу не пытался приносить людям пользу.

Вот что вносит путаницу, так это его человеколюбие. Однако любить тоже можно по-разному. Если нравится, это еще не значит, что души не чаешь.

Нечто, что к человеку ничего не чувствует, но при виде людей от радости не может ничего с собой поделаться.

Знающее о человеческих трагедиях и радостно улыбающееся им чудовище.

Я наконец понял. Сущность этого мелкого засранца — неподдельный, истинный демон.

Однако меня не обманывали. Я впервые узнал, что он монстр такого сорта, еще в тот лунный вечер.

— Ладно, я все понял. Поэтому пойду. Прошу отпустить сегодня пораньше.

Он застывает. Карё Кайэ смотрит на меня с совершенно огорошенной физиономией. Даже спина напряженно вытянулась.

— Арика, ты продолжишь работать на меня?..

— Ясное дело, продолжу. Такой синекуры больше не найдешь. Но сегодня — никак.

Завтра все будет нормально, сегодня отпусти меня пораньше.

— Угу. Это заберешь? — про протез.

— На сегодня воздержусь. Мне его хочется, когда я забываю.

«Ну все, до завтра», — я ухожу из подземелья.

Хочется сказать: «Черта с два я таким воспользуюсь!» — но не могу, что печально... Я понимаю, что сам наступаю на все мины. Но, елки-палки, как же клево его носить.

Записывая события дня, пока не забыл, в блокнот, я жду живительного заката, что избавит меня от мутности на сердце.

Что стоило промолчать? Зачем я специально расспрашивал Кайэ? Почему потом, услышав ответ, мое сердитое раздражение превратилось в недовольную муторность?

Превращение всего этого потока эмоций в слова, мне показалось, приведет к еще более неприятному результату, поэтому я пошел в кино убить время.

Находящийся в гипермаркете перед станцией кинотеатр государственного масштаба за каждый фильм берет плату, поэтому отпадает. Еще выживший в Ясакадай старый добрый,

где по одному входному билету можно сидеть до закрытия, кинотеатр дал мне восемь неспешных часов. Когда вместе с закрытием меня извлекли на улицу, время уже было десять с лишним вечера.

Возвращаюсь пешком, не электричкой, до Сикуры. Со скоростью в какие-то четыре километра в час, но какая-никакая разминка.

Попутно захожу в фаст-фуд и забираю с собой джанк-фуд на обед, он же ужин.

Грызу картошку, которую, если остынет, уже едой не назовешь, иду по ночному сити.

Отходящие в стороны улицы темные, но безопасные. Уже за десять часов, и людей вообще-то мало, но свет проезжающих машин раз в пять минут разгоняет преступников. Пройдя полпути между Ясакадай и Сикурой, я услышал привычный уху металлический стук-звон. На зов звука сворачиваю с тротуара и вижу собрание двадцатилетних на вид ребят. Это неофициальный SVS, о котором говорил Кирису.

За офисным зданием, в отдаленном от магистралей углу — стройплощадка.

Позади питчера — стена десятиэтажки в роли сетки. Даже если хорошенько отобьют, залетный мяч не окажется на дороге или в чьем-то доме. Реально заинтересованы игрой шестеро, и еще около десятка случайных зевак.

Не питая горячей любви к SVS, а скорее с приязнью к убиванию времени, я остановился посмотреть издали.

Присаживаюсь и опускаю пакет на подвернувшуюся ограду из блочков. Замечаю других, так же издали наблюдающих за боем.

И вот. Вгрызаясь в уже остывшую жареную картошку, развлекаюсь азартной игрой...

— Вот ведь бестолковый пацан, а! Врежь, ты ж можешь, такой слоубол!

Прямо рядом со мной болел очень громкий мужик, с которым я встретился взглядом.

— Уй...

Короче, он был не в себе.

Во-первых, в такую страшную жару — в длинном черном плаще. Под воротником он явно голый. Вдобавок в черных кожаных штанах в обличку. Ему не жарко... да нет, точно жарко, и вообще сними эту хрень, молча воспротивился я. Плюс длинные, до пояса, выцветшие волосы. На него смотреть было жарко — градуса на два.

Ни в чем не уступая жуткой одежде, его вид... выделялся. Глубокие неапонские черты лица (красавец), глаза скрыты за черными очками (ему не темновато?), на тыльной стороне ладони и не только — толстые шрамы от ножа (ой); в общем, эпичный тип.

То ли известная группа вернулась для лайва, то ли модель для журнала. Неуместный на стройплощадке мужик, тем не менее, почему-то сидит в позе гопника и орет бред, теряя последнюю внушительность внешности.

Что при изучении естественно, мы с ним встретились взглядами.

Вот так.

Волосатый мужик в черном плаще ловко, но не выходя из присева, подбирается вплотную. Ты краб? Ты что, краб? А тем временем, схватка мальчишек с яркостью и весельем продолжается. На данный момент питчер успешно победил троих.

— Это что? Это сейчас страйк?

Он заговорил со мной.

— Точно. Хотя почти в мертвую зону.

— Да промазал же. Такой мяч отбей, он покатится по инфилду.

— Это не такая игра. И вообще, строго говоря, такое — одни болы.

— А, вот как?

— Ну да, этот мелкий ампайр все-таки великоватую страйк-зону сделал.

Страйк-зона — от колен бьющего вверх до середины отрезка между поясницей и плечами... в общем, до локтя бьющего... по вертикали и в ширину «дома».

Этот ампайр явно решает, что все мячи, на вид как будто коснувшиеся «дома», — страйки. Даже в официалке мелкие уточнения решает ампайр, и здесь вина еще и на бьющем, не заметившим привычки судьи.

— О. Следующий бьющий отлично держит форму. Может, так страйк-зона станет поуже?

— Одно и то же, потому что страйк-зону определяет телосложение бьющего. Даже если бэттер сожмется, ему же хуже.

— Хе, манга не помощник, да? То есть сильно склониться вперед ничего не даст? То есть этот бьющий...

— Просто дурак, да. Напрашивается на страйк-аут. И отойдите от меня.

Отмахиваюсь рукой. Но мужик в плаще, проникшись кратким диалогом, растянул и так-то ухмыльчивую пасть как трехдневный месяц.

— Да ты забавный малый. Что, живешь тут рядом? Хорошо тебе, а один? В универе учишься? А, не посещаешь? Еще лучше, да-да, а волосы красил? Ну, натуральные — уже страшно. А почему руки нет? Однако тело у тебя хорошее. Спортсмен? ...Эй, хорош меня так откровенно игнорировать, тебе меня не жалко-о? Это ж судьба, давай дружить! Опять ко мне липнет бог весть что.

— Какой чопорный джентльмен, однако. Как тебя зовут, малый? А, или ты старше?

— Не знаю, как надо смотреть, чтобы не видеть, что вы старше. И у меня нет привычки говорить с людьми, которых я даже в лицо не знаю.

— О, это тот самый случай, когда если я хочу узнать имя и так далее? Ах, как давно я не общался с такими приличными людьми. Я — Хиномори Сюсэй. Ну что, теперь ты можешь хотя бы назваться сам?

— Хиномори?..

Знакомое имя, а может, и нет.

В любом случае, раз он представился, я тоже представляюсь.

— Охо. Пишется Сёдзай, читается Арика, так и обернулось! У тебя молодое имя, мальчик!.. Гм? Стой, но странно же как-то. Получается... Э-э, разве так можно, не понимаю, ну я безголовый. Ну и ладно, это все равно твоя проблема, наверно!

Проблемный человек, но выражение «молодое имя» — редкость. Видно, потому, что «Сюсэй» — старое. Может, есть что-то яркое в нынешней манере прикручивать другие чтения к именам.

— Так вот, малый. Похоже, ты рубишь в бейсболе, так что я спрошу, в этом городе пару лет назад были круглые питчер с бэттером? Про них говорили еще, что человека убить могут.

— Ну, были. Два игрока, их звали гениями. А что?

— Ну, просто интересно же, когда такое говорят. Типа — что за, как это бейсболом убить человека? Что, питчер любил дедболы, а бэттер любил их отбивать?

— Это уже не гениальная игра, а без правил... Хотя они на самом деле не стояли лицом к лицу. Мне рассказали, что питчер бросал с желанием убить бэттера, а бэттер чувствовал, что если питчер бросит слабый мяч, будет убит.

Этой истории уже два года. В Сикуре были двое игроков, которым нормальные школьные игроки в мячик завидовали — они-де в натуре гении.

Один из них, бэттер, — четвертый бьющий КураКоу.

Питчера и так-то боялись как оппонента, а с какого-то времени бэттеры начали со слезами говорить, что не хотят никогда больше с ним играть. Что-то непонятное еще было про то, как в момент отбоя чувствовали, как рвалось что-то важное.

— Хотя сейчас их уже нет. Но убийца-питчер и бэттер — это вообще как? Бейсбол не такая игр... э, ты че жрешь?!

— М-м? Ты чего, малый? — набивая щеки терияки-бургером, тупой красавчик поднимает заторможенную физию. Когда успел подобраться и развернуть мой пакет? Сидит и без удовольствия ест себе мой обед, он же ужин.

— Это мое! Ты что, нищий?!

— Ну-у. Ты же до сих пор не ел, я подумал, мне можно-о. Но ты это зря, Арика-кун.

Будешь такое есть — способности упадут. Смотри не увлекайся джанк-фудом.

— Сам разберусь. Я решил до смерти остаться всеядным.

— М-м? Джанк-фуд и всеядность — разные вещи. Всеядность значит без придинок. Но ладно, на, пожалуйста.

«Дарю-у!» — взвыл идиот-красавчик и вернул полусъеденный бургер.

— Нет, спасибо. Доедай.

— Ну-у. Давай наполола-ам!

— Нет! Я не люблю делить надвое. Дарю, ты только сгинь, пожалуйста.

— Ух, эт твои принципы? Или кредо? А, одна фигня же. Хм-м, детская травма? Он уплетает вторую половинку терияки-бургера.

Хиномори Сюсэй-сан на первый взгляд изящный и хрупкий, а на деле, если присмотреться, выглядит самую малость как боец.

Рука, державшая бургер, большая и, как от длительных тренировок, словно сделана из камня. Рука настоящего боевого мечника постоянно ранится эфесом и раздувается в дисбаланс с телом — его рука и пальцы выглядели именно так.

Прозорливость, с какой он уписал бургер за секунды, выстроившиеся пилой неправильные акульки зубы, он вполне тренированно... минутку, я сейчас ничего откровенно нечеловеческого не описал?!

— Э-эй, не смотри ты волко-ом. Давай дружи-ить. Ну. Тебе не кажется, что мы похожи по настрою? Давай будем похожи-и. Дай еще еды-ы.

Нет, наверное, нет... Уже совсем нет. Этот человек — просто дебил. Точняк.

— Мне уже пора. Можете забрать остатки, только сделайте милость, не ходите за мной, ладно?

— Ну-у... Ладно, что уж тут, раз пора. Ну, я-то только-только вернулся, и сейчас у меня напряженка. Старые друзья все, как один, попереезжали, и мне прибиться некуда.

Хреново возвращаться домой через десять лет.

Видимо, г-н Хиномори местный.

Десять лет назад — это девяносто пятый. Если считать, что он зажил отдельно в двадцать, то ему сейчас около тридцатника?

— Я чего по городу-то хожу — я человека ищу. Может, ты знаешь. Имя — Гичири-гичири... нет, Гацури-гацури, тоже нет... такое имя, как звуковой эффект. А-а, Цукири-цукири, как-то так. В общем, я думал, это парень, но вроде нет. А Исидзуэ-арика — не как звуковой эффект.

Черный плащ поднимается из позы гопника. Однако и здоровый он... Я посмотрел снизу вверх. В плечах он на Кирису не тянет, зато похож на какого-то злого духа в ночи.

— Ну, будет судьба — свидимся. Осторожней по ночам, малый. Все-таки в этом городе многовато убийц.

Машет рукой и уходит. Со спины — ни дать ни взять героический силуэт. Если бы не нес пакета с джанк-фудом.

Не иду к дому Исидзуэ, что на холме Сикура, а возвращаюсь в дом Исидзуэ, что в кооперативной многоэтажке. Я слишком задержался, время — уже около полуночи. Нагулявшееся летней ночью тело сую под душ и сваливаюсь без сил на кровать.

День был долгим. Даже в этом банном воздухе я засыпаю.

Закрыв глаза, очищаю сознание, и еще раз словно слышу голос недавно встреченного человека. Что ни говори, мужик шумный, но временами выдавал действительно неудобные фразы. Но лучше бы я его днем встретил.

— Однако... гений-питчер, убивающий людей, гм-м...

Бейсболом я занялся не по своей воле, но если припомнить, большая часть воспоминаний о старшей школе — это тренировки на поле.

Ностальгическая, сверкающая юная пора... Конечно, еще вопрос, вправду ли все было так сияюще. Я старался не думать о таких вещах. Это было моим правилом в те времена — не интересоваться делами дня.

Но все же полевая игра под названием «бейсбол» была мне по-своему дорога. И наблюдал за SVS, и проделанную днем, если верить блокноту, работу делал я не потому ли, что это было связано с единственно милым сердцу бейсболом?

— Как знать. Может, по ситуации занесло, со мной бывает.

Прервав сонное спокойствие, перечитываю блокнот за прошедший день.

В нем — информация о маньяке-убийце по прозвищу Синкер и особенности юноши А — Сэжуры Юмии... одержимый, левша, боковой питчер, рука растягивается... такие напоминания, да под конец запись про Карё Кайэ.

О Кайэ было написано что-то тягучее и длинное, но я, видимо, в процессе заметил нестыковку и залил чернилами три страницы, потом лаконично подытожил: «Засранец.

Демон как есть. Не ведись на сладкие речи, сожрет с костями. Как быть?»

— Однако, проблема... Чего это я так спустя рукава записываю?..

Последнее откровение было слишком невнятным, как быть с этим?

В любом случае, портящий игру SVS маньяк-питчер был оприходован Мато-сан. Или даже арестован. В записках указано, что Кирису укрывал Сэжуру Юмию, о чем его следует в свободное время расспросить.

Убийца SVS-игроков Синкер как-то скомканно ушел со сцены.

— Гм?..

Записки не стыкуются, я чешу в затылке. Погоди-ка. Ведь прозвище «Синкер» откровенно не подходит?

(14.08)

На следующий день, в десять часов двадцать семь минут.

Я устало сидел на черной софе в комнате ожидания отделения полиции Сикуры. С утра пораньше Мато-сан выпинала меня из постели, и два часа кряду я подвергался допросу.

Суть выяснения крайне проста. Произошедший с полуночи до двух утра новый удар маньяка. Вроде бы пойманный вчера маньяк Синкер совершил шестое преступление, и все жаждали информации.

— Да ничего я не знаю. У непричастности есть пределы, да, но мир слишком строг...

Юноша А — Сэкура Юмия по-своему виновен, но оказался непричастен к делу Синкера. Его вчерашний арест оказался бесполезным. К тому же из следов крови на телах жертв пришли к выводу о высокой вероятности зараженности Синкера синдромом А, вызвали только что выписанного из Ольги Исидзуэ Арику как самого потенциально причастного, и вот я сижу.

— Уныние... Что, меня и дальше будут вызывать, как только носитель синдрома А что-то сделает?

— Хай, ты тоже все? С утра не везет.

Рядом плюхается знакомая личность.

Человек, причастный в другом смысле... сведущий в SVS, Кирису Яитиро тоже оказался здесь.

Обоих муржили допросами два часа, но хотя и отпустили, посидеть в отделении — святое дело. Пусть теперь расплачиваются прохладой своего кондиционера за то, что вытащили с утра пораньше.

— Ты слышал, Кирису? Вчера ночью Синкер уложил Гондо-кун.

— В натуре? Гондо — это который из Котокуин?

— Ага. Говорили, он был уже почти про, но получил мячом по локтю и свернулся. Беда. Для него локоть был на вес жизни, наверно...

Ну, понятно. Поэтому он и не забрал его жизнь.

В любом случае, со сломанным локтем Гондо-кун почти что мертв. Значит — старания Синкера направлены все на то же.

— Ты знаешь про скрюболы Синкера? Похоже, его мячи поворачивают дважды.

— Похоже на то. Человек такое не отобьет, — роняет Кирису. В голосе не слышно обычного спокойствия.

— Хм-м. Может, ты сам видел?

— Случалось. Знаешь, по торговому кварталу в Ясакадай висят камеры безопасности? В записях было. Качество паршивое, еле видно, но да, зло.

«Зло» — видимо, с точки зрения бейсболиста. Почти под прямым углом, да еще два раза виляющий мяч — такое увидишь, грязными трусами не отмашешься.

— Кстати. Кирису, ты же знал, что Сэкура Юмия — не маньяк.

— Ага. Сэкура — левша. Скрюболера Синкером не назовут.

— Точно. Так что, есть мысли, кто настоящий Синкер?

— Почему спрашиваешь? И вчера тоже — занялся чем-то мокрым?

— Работа это, работа. Хотя она к случаю пришлась. Вчера меня родители Сэкуры Юмии попросили. Дескать, похоже, наш пацан заболел чем-то дурным, вылечи его, пока полиция не узнала. Но тот, кто бы это мог, не может выйти из дома, и я его представлял.

— Стоп. Одержимость лечится?!

Вдруг, с налитыми кровью глазами, он схватил меня за плечи.

Черт. Я совсем не подумал, что говорю. Это явно колдовство кондиционера. Опасные вещи века. Вся свежесть прохладного бриза. Но ладно, в блокноте не было записано «секретно», да и Кайэ-кун не обидится.

— Н-ну, не знаю даже, что и думать. Вылечил не я, и вообще, спокойно, Кирису-кун.
— Не могу спокойно... Ты же говоришь, Сэкура перестал быть одержимым. Что ты тогда после меня сделал?!
— Что... даже не знаю.
Кирису не отступает.
Проблема... Я не могу вспомнить то, чего не помню, поэтому не могу по-хорошему ответить ему.
— Значит, придется так... Слышь, Кирису. Ты серьезно хочешь знать?
«Ясное дело», — отвечает не ведающий страха герой древних времен.
Ну раз так, то делать нечего.
Мне упорно кажется, что я тащу лучшего друга за собой в ад, но тут уж пусть его переубедит серьезный человек, который разбирается.

В тот день воздух в подземелье был туманным.
То ли вода в резервуаре загрязнилась, то ли что, но проникающий снаружи свет летнего солнца стал зимнего, свинцово-пепельного цвета.
Кирису Яитиро вошел в подземную комнату и, я почувствовал кожей, на несколько секунд полностью лишился сознания. Это не синкопа. Просто в этом мире есть виды, от которых мысли полностью останавливаются.
Каждый реагирует по-разному: опьянение красотой, ужас гротеска. Первое впечатление Кирису от подземной комнаты было ужасом.
Владелец комнаты знал, что я приведу гостя.
Думал, он откажется, но он сходу согласился рассказать, как было.
«Надо же, сам приведешь человека поговорить! Ты иногда дельный, Арика».
Весьма радостный нюансовый отзыв. Ну, а о том, что «человека поговорить» звучит, как «новая добыча», умолчим.
Знакомство прошло кратко.
Кайэ культурно представился Кирису, тот даже имени не назвал.
Точнее, не смог и рта раскрыть. Я его понимаю, поэтому сказал за друга: «Это — Кирису Яитиро».
Кирису напряженно застыл. Почти замерз. В результате разговор не продвинулся ни на миллиметр. Силуэт на кровати, не вредя настроению Кирису, тихо и безмятежно, как всегда, сказал:
— Да. Кирису-сан, вы могли бы вылечить одного одержимого.
До невозможности мерзко начал разговор.
Замороженный продукт оттаивает.
Не в силах игнорировать слова Кайэ, Кирису наконец вновь стал человеком.
— Не об этом... Я услышал, что ты можешь лечить одержимых и специально для...
— Специально для этого добрался до безлюдного леса, да? Что ж, я рад. Но «лечение одержимых» — здесь тема сбита. Виноват, но вы ошибаетесь в главном.
Кирису мельком направил упрекающий взгляд на меня. «Арика, ты же вчера поленился записать память».
...Вот оно что. Ошибка Кирису проистекала из проблем моей передачи информации.
— Но я имею дело с одержимыми; здесь ошибки, кажется, нет. Я спрошу еще раз. У вас ведь есть знакомые одержимые, Кирису-сан?
— Ну-у... Еще неясно, одержимый или нет. Просто, как бы... То, что в просторечье одержимый и настоящий одержимый — разные вещи, я знаю.
Кирису укрывал Сэкуру Юмию. Он своими глазами видел уродство его левой руки.
— Вот как. То есть вы знаете действительно изменившегося человека. Насколько он изменился? На человека был похож?

— Не похожих на людей одержимых я не знаю и видеть не хочу. Я видел только Сэкуру. Левая рука у него раздулась, как от яда.

— Сочувствую. Но взамен он смог стать практически убийственным питчером.

— Ага... Хотя мячи Сэкуры не могли убивать. Но к такому и пришло. Одержимые все так изменяются?

— Да. Способности, которых они страстно желают, но не могут обрести. Изменение, компенсирующее подавляющий недостаток сил и возможностей. Такова воля одержимых. Но это необратимое саморазрушение, возврата нет.

Кирису болезненно морщится.

Нелицеприятный ответ.

Он тяжело роняет вопрос, ответ на который не хочет знать.

— Тогда, вот у нас питчер уходит на покой... сломал локоть и пальцы, не может даже мяч бросить; он может вернуться? В той же форме, как был до переломов.

— Да. Одержимость делает это возможным.

Разумеется, вернувшееся нечто будет в лучшей форме, но его тело не будет таким, как раньше. Те, кого зовут одержимыми, больны тяжелой степенью синдрома А. Взамен восстановления былых способностей пострадают его тело и душа.

— Эй. Я еще раз спрошу. Ты можешь вылечить одержимого?

— Конечно. Если иметь в виду возвращение тела в здоровое состояние. Но вернуть его как человека не по моему профилю. Все-таки такое лечение разума — работа приличных людей. Впрочем, конечно...

Добившихся такого чуда людей в этом мире не существует.

— Правда, такие смешные и умильные вещи говоришь. Вылечить одержимого — это мечта... Говорящий о ней тоже, конечно, того, но верящий в это... Да, братишка? Черный прекрасный силуэт хихикает, насмехаясь над тупиком Кирису.

Кирису скрипит зубами и разворачивается на пятке. Без слов показав, что приход сюда был ошибкой, уходит. Солнце добралось до зенита, подземная комната переменялась, свет снова стал летним. Тень на кровати многозначительно провожает Кирису взглядом...

— Ничего себе. Этот человек уже десятки других убил битой, Арика.

...и снова выдал крайне жестокий отзыв.

— Ты знаешь что... Конечно, ты злишься на гостя, который даже не представился нормально. Я, как его друг, и то думаю, что некрасиво. Но еще больше некрасиво обращаться с ним как с киллером. И вообще, что Синкер, что *эта*, — у нас тут рай для убийц, что ли?

— Я понимаю. Это аллегория. Синкер и Кирису-сан — противоположности. Кирису-сан одержим более по-человечески. Совершенно другое дело, нежели одержимый фальшивкой маньяк. А, но Кирису-сан знает Синкера, да? А ты знаешь, кто Слагер?

— Ну да... Потому что в этом ключе я и Кирису приводил. Я подумал — если Кирису знает, то я его тоже где-то встречал. А когда Кирису спрашивал, то вспомнил. Если включать ушедших на покой, то был один питчер, готовый убивать.

Незачем даже становиться одержимым.

Два года назад. Второкурсник в бейсбольном клубе старшей школы Коалагаока. Прошлым летом сброшенный со счетов по травме на областной квалификации, после чего ушедший из спорта, лишившийся цены гениальный питчер.

— Игурума Кадзуми... Игрок с таким прошлым, что, когда он повредился, несколько инструкторов сожалели о потере талантливого игрока, а большинство спортсменов вздохнули с облегчением.

— А, знаю такого. Когда-то был одним из гениальным спортсменом Сикуры? В Коалагаоке Игурума, а в КураКоу... Э, как там его имя? Арика, ты помнишь?

— Вообще-то он только что тут был.

— Что?

— Ну, вот этот бандит, который тут только что стоял. Всего сорок пять процентов отбитых подач. Не имеющий равных четвертый из КураКоу, Слагер, Кирису Яитиро.

2.

S.VS.S-2

isorder
isconnection

Синхростеп, тэйкбэк. Мув, топ, импакт.

В этот миг все тело становится пружиной.

Какой бы финт ни летел навстречу, разнесу одним ударом.

Следующее промыслу телесному, горизонтальное вращение бедер и вертикальное — плеч.

Свинг с минимальной нагрузкой разгоняется за мгновение.

На скорости в 40 метров в секунду кончик биты подхватывает белый 7-сантиметровый мяч.

Прошедшая сотня однообразных дней сгорает за один бэттинг.

Развившееся лишь в направлении удара тело, трепеща, заявляет о себе.

Это — современное поле боя.

Жаркий Колизей, где не лишают ни крови, ни плоти.

Здесь ставят только на страсть к спорту. Рай середины лета, что упивается голосами множества болельщиков.

Чтобы защитить это, сам осквернил все.

Пропустил отбой.

Бессильно-жалкий взмах.

Словно застывшее время — дедлайнер к третьему периоду.

Пораженно ощущаю, как наношу удар, к которому готовился.

И тогда...

Я впервые узнал, как звучит перелом кости.

6/Slugger. (bottom)

«Круто. Может, пусть он у меня поживет?»

Так сказал дед Кирису Яитиро, сам бейсболист до войны, глядя на шестилетнего мальчика.

Можно с уверенностью сказать, что здесь и проявился шанс. Невзирая на безрадостный семейный бюджет, родители купили Яитиро биты и погладили его по голове, приговаривая, что если он всерьез полюбил бейсбол, то пусть всерьез и займется. Мама и папа были неторопливые, без особых выдающихся талантов, но ими можно было гордиться.

Видимо, его никогда не хвалили, и потому он не стал слушать советчиков со стороны и не окупился в бейсбол с головой.

Детские годы. Огорчая деда, он жил в свое удовольствие, не соприкасаясь с бейсболом. Хотя и поигрывая в начальной школе в любительский бейсбол с одноклассниками, он не готовился к этим встречам. Купленная бита казалась ему сокровищем, и он расхаживал с ней, но не как с игровым снаряжением, а просто чтобы потешить детскую тягу к приключениям.

Кирису Яитиро столкнулся с настоящим бейсболом через два года. Будучи во втором классе, осенью он всерьез взял в руки биты и махал ею каждый день после того, как встретил одного из своих будущих друзей. Однажды он направлялся в Нодзу с целью найти новое место для игр и вдруг увидел мальчика на год младше, который бросал мяч в стенку.

Мелкий, щуплый мальчик долго-долго бросал и бросал свой мяч.

Начал, когда небо еще не покраснело, и продолжал до тех пор, пока солнце почти не зашло.

Мальчик был сосредоточен, но не увлечен.

Бросок, еще бросок, каждый с силой, но без интереса. Ему было противно. Никем не стесняемый, он продолжал бросать мяч, под конец вздыхал: «Лучше бы не начинал», — и шел домой. Яитиро наблюдал это несколько дней, а затем отвлеченно заговорил с ним.

«Можно с тобой? Ну, если я буду бьющим, получится бейсбол».

Почему он заговорил с парнем? Что-то его подтолкнуло, но в памяти не осталось, что именно... Впрочем, теперь он и не вспомнит. Причина была достаточно незначительным умозаключением, но таким, от которого не отмахнешься.

«Ты еще кто?»

Мальчик с сомнением смотрел на старшего с битой, но от усталости даже не мог его прогнать и согласился.

С этого дня для Кирису Яитиро начался бейсбол.

Мальчика звали Игурума Казуми. Первоклассник из другой школы, известный в Нодзу, безотцовщина.

«Что, Яити? Занялся бейсболом, хоть самому и не нравилось?»

Выдержанный отец, радуясь рвению сына, мягко поддержал его решение, чтобы не стеснять.

К этому времени дед уже расстался с мыслью усыновить Яитиро, но вот мать была захвачена привлекательностью этой идеи и питала некоторые надежды на его талант. Она

предложила ему пойти в Малую лигу, «раз уж занялся бейсболом», но он не захотел — неинтересно. Дети там незнакомые, зато рожи у взрослых больно нахальные. Ведь для него бейсбол стал игрой особенной, где соревнуются закадычные приятели.

«Хай, Игурума. У меня новый мячик есть».

Они сошлись в индустриальном районе Нодзу, в парке-дворе безлюдного строения. Их игра в игру в бейсбол, что началась с мелочи, меньше чем за неделю превратилась в ежедневное занятие. Были ли неординарными подачи Казуми? Был ли неординарным бэттинг Кирису? Не зная даже мелких правил бейсбола, они просто играли в «брось мячик — отбей мячик», день за днем оттачивая технику и соответственно поднимая сложность. Будь у них зритель, он был не поверил, что это ученики начальных классов. Не только из-за их техники: не детской была их сосредоточенность. Это были два предельно серьезных, бескомпромиссных дуэлянта.

«Тут деда говорит, что без кэтчера не бейсбол. И что бэттер — это когда против питчера и кэтчера. И что питчера оставлять одного вообще бохснаетшо».

Их сверхнапряженная игра стала казаться почти смешной. Для более правильной игры нужен был кэтчер. Кирису внутренне не хотел этого, но, вопреки его ожиданиям, Казуми обрадовался третьему другу.

«Ладно. Если ты его привел, Кирису, я ему верю. И вообще я часто лажаю. Надо освободить голову, а то так и не выиграю у тебя».

Питчер нуждается в умном кэтчере.

Радуюсь уже тому, что его друг с тяжелым характером ему доверяет, Кирису отбросил мелочную настороженность и стал искать в товарищи кэтчера. Вызвался друг по бейсболу «на траве». Он любил бейсбол, но родители не могли пустить его в Младшую лигу, и ему была интересна игра Кирису и Игурумы.

«Ну да, и все, кто любит бейсбол, дунули в Младшую. Ты ведь будешь отбивать? А то я уж забыл, когда последний раз мяч не долетал до меня. Если да, буду рад с вами».

Третий мальчик был как бы точно посередине между Кирису и Казуми. И по умению, и по характеру, и по семейным обстоятельствам. Говорят, что трое естественно балансируются. И вот они — только питчер, кэтчер и бэттер — играли в неприятзательную игру, которую звали бейсболом, пока Кирису не пошел в пятый класс.

Когда при командной игре один игрок выделяется, суммарная мощь команды резко подтягивается вверх.

На движения выдающегося спортсмена смотрят вплотную. С ним могут невзначай соревноваться; а может, отдают ему беспрекословное доверие и могут надеяться, что в будущем, пока он с командой, никаких неприятностей не будет.

Рост команды, у которой есть явственная надежда, поразителен. Скорее всего, потому что, не колеблясь и не волнуясь, все участники душой и телом сливаются в единый организм. Это и называют «тянуться за талантом».

Каждый из трех мальчиков в парке полного укромных уголков района был по-своему выдающимся спортсменом. Данное от рождения телесное преимущество. Воспитанная средой сила психики. Чисто детская чистота веры в гений остальных.

У них был необходимый минимум, чтобы превзойти техническую часть, и в закрытом мирке без доступа взрослых они трудились изо всех сил. Собирая свою неэрудицию по крупичкам, изучали насколько могли игровые техники и проверяли их друг на друге.

«Для бейсболиста важен тазо-бед-рен-ный сустав. С сильной базы бросаешь хороший вброс и делаешь хороший свинг... Но как этот самый сустав тренировать?»

В бедную на тренеров эпоху дед Кирису Яитиро добился больших спортивных успехов, и тщательно выхватываемые у него поучения были даже не фактами, а чем-то близким к «нюху». По счастью, маленьким детям больше логики и хитрых медицинских теорий подходили вот такие уроки с личного опыта.

«Надо тренировать не видимое тело, а внутреннюю... м-м, ось. Деда сказал, что питчер, что бьющий — вроде витка пружины, и когда поворотная опора не держится, то и поворот кривой. И, э-э, надо развивать какие-то нутримышцы...»

Они узнали от деда только то, как развивать туловище, ось тела.

К этому времени, как говорят, если не научиться под тренерским началом формам подачи и бэттинга, потом не исправить. Но их тренировку направляли не тренеры, а лишь свобода движения, естественно присущая телу.

При одном выходе ноги вперед и пружинном вращении бросаешь мяч, разгоняющийся до ста километров в час.

Меньше чем за секунду машешь конечностью — рукой и битой, разгоняющимися до ста километров в час.

Все это — движения, естественные для живых существ, совершавших их с эпохи охотников, «чтобы выжить». Ничего особенного. Если ты человек, твои движения может повторить еще миллион.

Бэттинг и питчинг, грубо говоря, стремятся направить движения на естественный сгиб руки согласно поворотам плеча и бедер. Дальше заставляешь свое тело запомнить формы, естественные, как их видно со стороны, после чего сбрасываешь лишнее мясо, о котором и сам не догадывался, и возвращаешь индивидуально наиболее подходящие движения — вот как тренируют технику... В то время они еще в таком не нуждались.

Базовая форма исследуется индивидуально. Даже не прививая телу рожденные из былых уроков «общеприменимые способы подачи и отбоя», хватает психики и глаз, стремящихся к более подходящей форме, чтобы в этот период без каких-либо тренеров поднимать навыки бросания-отбивания мяча.

Они изучали такие индивидуальные техники, и все. Все-таки это был бейсбол только для троих. «Стратегии», направленные на победу всей команды, запоминать нужды не было.

«Я попробую кинуть боковой. Пусть скорость плавает от размера тела, но крученые зависят только от тренировок».

Игурума Казуми ощутил пределы верхнего броска, и ему требовалось перейти к боковому.

Если в бейсболе, где оттачиваются только индивидуальные навыки, кто-то будет отличаться по силе, игры не получится.

Питчер, больше не соответствующий бэттеру, тренировался именно в эту сторону. Так, чтобы не оставлять позади выручивших его друзей. Он не только освоил боковой, но даже взялся за козырь, нижний бросок.

Кирису Яитиро до самого конца не понял, что это было не только одержимостью чарами мяча, но и страхом потерять друзей.

...Увы.

Беспокойство и скрежет зубов его друзей затмевались радостью, что он мог отбивать ранее невозможные скрюболы.

У Кирису Яитиро было много приятелей, знакомых, но всего двое, кого он мог называть друзьями.

В его случае можно сказать только «совпадение». Ему было весело в атмосфере своих одноклассников, но бейсбол в парке был так чрезмерно интересен, что он опомнился, только когда смог назвать друзьями лишь двоих.

С другой стороны, Игурума Казуми был одинок потому, что ему подложило свинью окружение.

Это тоже давало повод затаить злобу. Но эти гады были не кем-то конкретным, это было все общество, и с этой проблемой не могли сладить ни Казуми, ни Кирису... да и вообще, наверное, никто не смог бы.

У Игурумы Казуми не было отца. Родители развелись, не успел Казуми появиться на свет. Его мать была заурядной женщиной, без академического профиля, работу найти не могла — а то и вовсе не была к ней привычна. Условия жизни были стесненными с рождения, и Казуми даже не мог подумать, что здесь что-то не так.

И все же он не хотел мести обществу, ведь его мать отчаянно, по-своему отважно растила сына. Она не смогла работать, как нормальные люди, но отдавалась целиком любой, даже самой неприглядной работе. Стремясь защитить сына от невзгод, она уставала в разы быстрее, не знала радости, и Казуми при виде ее, торопливо стареющей, не имел права завидовать миру.

Да только вокруг были одни враги.

Общество не протянет руку слабому. Не то что не протянет — не постесняется напасть на тех, кто нарушает их правила. Мать и сына считали не только слабыми, недостойными сочувствия, но вовсе «жалкими уродцами», а значит — годными для атаки.

Казуми презирали взрослые соседи, а дети смеялись, подражая родителям. Даже если ему доводилось сдружиться с детьми, которым не было дела, рано или поздно их родители не давали им видеться с Казуми. Даже обязательное образование, что так воспевают равенство, с постоянными неплатежами за столовую и учебу просто махнуло рукой и перестало считаться с парнем как с учеником. Ведь учительскому составу тоже не было надобности вставать на защиту ребенка родительницы, не живущей по правилам, и ни один взрослый не был за него.

Классрук Казуми, чистюля, не терпела в своем классе грязного пятна, и решила, что раз нельзя устранить загрязнение, надо хотя бы эффективно его использовать.

Такая удобная жертва. Классрук официально сделала одного слабого козлом отпущения, мишенью для раздраженности.

Не было утренней переключки без нападков на Казуми в виде мелких наказаний за вчерашнее поведение по возвращении домой.

«Учительница, Казуми-кун опять играл за пределами школы!»

То, что он помогал матери с работой, знали не только ученики, но и классрук, однако...

«Игурума, выйди вперед. Что ты скажешь? Не стыдно?»

В тот момент, когда он почти высказал настоящую причину, ему влепили пощечину.

Чуть слышный приглушенный смех. Для детей — шоу, чтобы развеять скуку урока.

Классрук смотрела на руку, явно желая немедленно ее вымыть, и сквозь зубы послала его на место.

«Учительница, Казуми не стыдно, вы с ним слишком добренькая!»

«Кто не слушает, тот ничего не услышит. ***-сан, оставьте его, ему хватит».

Эхом по классу — до глубины души веселое хихиканье. Люди, осуждающие притеснение, стремятся притеснять. Классрук Казуми, как женщина с сильным чувством справедливости, не думала ничего плохого. Для нее и прочих взрослых слабый уже выглядит не иначе как преступник. Начальная школа была для Игурумы Казуми великим чистилищем.

Сколько для Игурумы Казуки значили те, кого он обрел, — они не осознавали и сами. ... Кирису Яитиро сумел заметить это, когда их игра в игру в бейсбол подходила к концу. В событиях пустых и почти пустых дней он осознал свое недомыслие и проблемы друзей. В конце недели, после игры, Кирису приглашал Казуми к себе домой и поделился с ним немало ужинов. Ужин с другом был Кирису в радость, да и Казуми было приятно, что мать Кирису старательно устраивает им небольшие пиршества.

В школе Казуми вообще не мог нормально поесть, и ужины у Кирису он принимал с неловкостью, но в то же время радостно.

Вот только здесь крылось небольшое недопонимание.

Для Игурумы Казуми это было чем-то вроде очередного мероприятия — «хорошенько накормить чужого ребенка». ... С осторожностью, выработанной выживанием, он понимал, как нужно «стараться хорошо выглядеть». Казуми считал особенным угощением тот ужин, что на исходе каждой недели готовился для него, гостя. Он радовался, но в то же время ощущал свою вину за это гостеприимство.

Потому он сдерживался за этим пышным столом.

Именно из-за особенности происходящего Казуми сдерживался перед особенным.

И в этот день — не под конец недели, а в случайный рабочий день — Кирису пригласил Казуми к себе. Мать изумилась неожиданному гостю, улыбнулась ему, мол, прости, у нас из еды только постное. Через несколько мгновений... посмотрев на пустой стол, Игурума Казуми наконец понял.

Этот ужин, подобный вечеринке. Обычная семейная еда, которая, он думал, без гостей будет попроще.

И с этим он осознал то, что обычному ребенку достается именно такое.

«А-а... Ясно. Так это нормально».

Без удивления, без грусти. Он просто тихо принял эту реальность. Просто впервые за годы бедность его дома, о которой он старался не думать, накрыла его глаза влагой.

Кирису увидел это.

Лицо, как маска «Но». Лицо ребенка, увидевшего теплое счастье и познавшего отчаяние, Кирису запомнил навек. Его дом тоже был небогат, но никогда больше он не мог сказать, что его дом был беден.

Это бы запятнало одного главного героя, которого он уважал.

Кирису Яитиро, каким бы он ни казался окружающим, сам себя считал обычным человеком.

Он верил, что не станет главным героем «истории». Родился в обычной семье, ведет обычную жизнь, и в таком духе и проживет ее всю. Он никак не станет героем.

В нем нет истинной силы. Урожденное телосложение — это не собственная сила. Он не находил в себе, человеке, нечеловеческой силы, достаточной, чтобы сражаться с напастью.

Кирису Яитиро смутно понимал это и видел в Игуруме Казуми силу нереальную, видел в нем главного героя и почитал его.

До боли.

«Здоров! Как сам, Синкер?»

С тех пор, как Игурума Казуми перешел на боковые броски, Кирису стал называть его Синкером. Со всем уважением и дружелюбием к герою и другу, идущему путем, какого не выбрал бы сам.

Бейсбол втроем становился, как говорят в шахматах, патовым. Они уже тысячи раз сходились в дуэли. Неловкость шагов на холм, неудобство в правом плече при стойке в квадрате. По одним таким мелочам было видно, каков в этот день их настрой. Боевой счет идет один к одному. Нет, по природному дарованию у Кирису Яитиро был перевес, но питчер с кэтчером соединили усилия, чтобы противостоять ему, и весы победы сбалансировались.

Однако решающий мяч Казуми — другое дело.

Нижний бросок, и демонический мяч устремляется почти к нижней границе мертвой зоны. Вылетевший из чуть не царапающей землю правой руки мяч тянется кверху, где, повинаясь приданному вращению, прямо перед зоной бэттера «тонет» в нижней части мертвой зоны.

Потом, от бокса бьющего, мяч как будто сворачивает под прямым углом и падает; таков победоносный мяч Казуми, «синкер». Когда мяч достиг верхней точки своей траектории, даже Кирису замешкался с граундером.

Их счета не сведены. По конечным очкам победил Кирису, но все-таки хитрость этого мяча так и не была разгадана,.

«Слышь, а нам можно с вами? А то какой втроем бейсбол, а?»

Играй в бейсбол больше трех лет подряд — поползут слухи.

Об их игре втроем как-то слышали любители бейсбола, и товарищи начали понемногу прибавляться.

И Кирису, и Казуми набирали друзей. Под предлогом бейсбола, но все же радость для Казуми. Никто его не шпыняет. Мальчик, которого до сих пор тыркали только за то, что он есть, впервые в жизни получил право влиться в большую компанию.

«А вы, парни, в какой Младшей состоите?»

Напоследок появился менеджер из Младшей лиги. Обходительный человек, узнав, что трое нигде не состоят, горячо порекомендовал им присоединиться.

...Как и многие виды спорта, бейсбол — ставочная игра. Поэтому же он не распространен в бедных странах.

Вступительные взносы, ежемесячная плата за обучение, униформа и дизайн. Совершенно не под силу ребенку, и у родителей не выпросишь... Кирису мог бы, но для остальных двоих это было неисполнимой мечтой.

«Ладно. Если вы с нами, денег у нас предостаточно. Может, еще что-то нужно?»

Блестящая мечта вдруг надвинулась, поманила.

Весь следующий год был для Кирису золотым временем.

Больше, чем активности в Младшей лиге, больше, чем прогрессу от новых знаний, он радовался тому, что все трое могут играть в бейсбол толпой.

«Кирису, ты в будущем году идешь в среднюю, да? Так мы, наверное, окажемся в разных командах».

Настоящий бейсбол с новыми товарищами. Шикарность схваток под взглядами зрителей и выходящее на первое место чувство нервозности наравне с питчером.

Все с трудом сглатывали, когда бьющий в последнем, девятом иннинге переворачивал счет с ног на голову.

На холме питчера и в боксе бэттера сходятся самые разные взгляды. Это чувство единодушия. Враги и друзья, хоть и разбитые на «лагерь их» и «лагерь своих», синхронизировались на движении единственного мячика; он обожал этот миг.

Казуми — тоже. И потому сказал:

«Слушай, только не ржи, ага? Я буду таким питчером, что никто, кроме тебя, не отобьет. И ты тоже стань таким бьющим, чтобы ничей мяч, кроме моего, не пропустил. И давай мы в один прекрасный день...»

«В один прекрасный день сведем счеты на большой сцене», — сказал он. Словно говоря о несбыточной мечте, почесывая щеку. Эту же наивную детскую мечту всегда вынашивал и Кирису. С тех пор, как они вдвоем начали играть, будто играют в бейсбол, он хотел показать уйме народу, как бросает мяч Игурума Казуми. Младшая лига — неплохая опора. Каждый раз, когда Казуми признавали годным питчером, он радовался за него, как за себя. ...Поэтому слава и овации — в третью очередь. Кирису Яитиро даже случайно не хотел быть оцененным как какой-нибудь гений.

«Спасибо, Кирису. Все спасибо тебе».

В Младшей лиге прошло полгода. Казуми чистосердечно благодарил Кирису. Лицо измождено, плечи и локти еле поднимаются после постоянных тренировок, а выражение лица по сравнению с играми в парке совершенно не заинтересованное, но он с признательностью склонил голову.

«Знаешь, последнее время мама улыбается. Рада, что меня все хвалят...»

Видимо, она винила и себя в том, что он долго жил так тяжело. Мать Игурумы Казуми тихо радовалась занятиям сына. Друг Кирису Яитиро, самый подходящий ему противник, оставил его позади и решил считать бейсбол своим единственным маяком. Не в радость от соревнования. Он отдал все бейсболу, как средству спасения. «Именно с этим он герой», — кисло улыбнулся Кирису и благословил друга в путь.

Но и задумался краешком сознания. Что было бы, если бы тогда... в тот день, когда Казуми раскрыл свое сердце от недоужина, он хоть чуть больше побеспокоился о себе? Что было бы, если бы получилось не загонять в угол дорогого друга?

Пути неразлучной троицы понемногу разошлись. А может быть, это Кирису неординарно подходил к бейсбольным матчам. Спортсмен с большим, чем у всех, талантом меньше всех чувствует очарование победы. Этот стиль жизни был слишком ярок для тех, у кого нет природного таланта. Он давал ошутить, что есть черта, которую не переступить одним только старанием. Поэтому — вот так.

«Веселитесь, детки?»

Поддались соблазну от такого подозрительного взрослого с мягкой улыбкой. Мужчины, что вдруг соткался из закатных сумерек.

Они попали в Младшую лигу, обрели большую команду, но и после этого их ежедневное занятие продолжалось. Они уже не могли отдавать ему столько времени, как раньше, но

проводили матчи, проверяя форму, указывая на узкие места, с хохотом хлопали друг друга по плечам. Кирису перешел в шестой класс, а на следующий год он перейдет в среднюю школу, и у него не останется времени приходить сюда.

Эдем с видом на изгнание.

Нет — уже пережиток рая, почти утративший сияние.

В их раю стоял улыбающийся взрослый незнакомец.

«Дяденька тут играет в дьявола... Что думаете? Вы вроде хорошие мальчики, дяденька исполнит вам по одному желанию. Но — в обмен на что-то важное для вас».

Речь его говорила об одном: в голове разболтался винтик.

Кирису нацелился было выгнать «дяденьку», но его младшие друзья, похоже, не ощутили в этих словах ничего опасного.

«А ты любишь бейсбол?»

«Люблю, конечно. В моем возрасте нет таких, кто не любит. Что ни говори, развлечений нашему поколению не хватало».

Тембр голоса был мужественным, но мягким. В отличие от Кирису, с Казуми никогда не заговаривали взрослые, и одно то, что «дяденька» говорил с ним на равных, уже радовало. Возможно, немалую роль сыграло и то, что он рос без отца.

В конечном счете, они согласились на предложение «дяденьки».

Дьявол улыбнулся и спросил, чего они изволят.

«Я хочу отбивать хоумраны во всех иннингах!»

«Тогда я — быть неотбиваемым питчером!»

Кирису не ответил ничего.

Он не был настолько ребенком, чтобы подыгрывать этому бреду; в то время у него не было таких желаний, чтобы ради них расставаться с тем важным, что у него было.

Но остальные ответили тут же.

Их ревность к талантливым друзьям, их нервозность оттого, что проигрыш им стал непозволителен, невинно вырвались из их уст.

«Хорошие желания. Что ж, как и договаривались...»

Мягко улыбаясь, «дяденька» взял их за руки.

Сухие большие руки, через прикосновение передается пульс.

«Дяденька» медленно отпустил их. Изменений совершенно никаких, и дети недовольно упресли его, а Кирису вздохнул с облегчением — все как он думал...

«Нет, вы изменились. Теперь, если его мяч хоть раз отобьют, он умрет. И если он хоть раз не пробьет хоумран, то тоже не выживет».

Дьявол засмеялся — рот ехидно изогнут, как молодой месяц.

Сумерки сгущаются.

Красный воздух липнет, как кровь. Это отнюдь не смешное, вздорное проклятие пустило корни в их сердцах.

«Ну, дяденька же дьявол. Дяденька не может исполнять желания как-то иначе. Но вот что, дети: мечта и жизнь у человека должна быть одна. Если идти на компромисс, если думать о них независимо, радость станет пустой».

Дьявол улыбнулся: «Останьтесь живы!..» Жизнь. Вот самый простой и необходимый кайф.

«Отобьют — будешь убит. Не отобьешь — будешь убит. Как удачно — то, что вы, ребята, любите больше всего, стало самой вашей жизнью».

То есть — *проигравшему не стоит жить*».

Вместе с заходом солнца исчез и незнакомец.

Словно его вовсе не было — исчез, выйдя из поля зрения Кирису и его друзей. Чокнутый бродяга. Они посмеялись — обдурил неправильный взрослый! — и разошлись.

Все хотели как можно быстрее забыть это улыбчивое лицо.

Проклятье проявилось в двоих друзьях на следующий день.

Следующий день. Занятия кончились, и в бейсболе «на траве» их третий товарищ не смог пробить хоумран. Разумеется, ничего ненормального. Позабывшие вчерашнюю встречу друзья отыграли, вернулись в привычный парк, попрактиковались втроем и распрощались.

«Ребята, послушайте. Случилось несчастье».

На другой же день. Голос менеджера утонул в шуме бегущей вдоль реки электрички. Кэтчера нигде не видно. Того, кто любил бейсбол так же, как они сами, друга, который не отдыхал ни дня, не было... Прощлой ночью он скончался у себя дома. Да что он — всей семье не повезло. Вроде, побывал взломщик-убийца, но преступник неизвестен. Соседи слышали перебранку, пошел слушок — уж не домашнее ли насилие?

«Это потому, что он нарушил договор...»

Казуми не то чтобы купился, он и после исчезновения друга не поверил.

Просто в нем назрело смутное беспокойство.

Если отобьют — умрет. Лишь беспочвенное внушение, но на самом деле это было и личным решением Игурумы Казуми.

Если его самосознание, сущность бытия — в том, что он превосходный питчер, то именно тогда, когда он станет третьесортным питчером, он вернется в прах, из которого вышел... Сама эта мысль, он понимал, ведет к разрушению. Казуми был не чужды сомнения в своем пути как питчера, но пути назад у него уже не было.

Он не мог предать ожиданий матери и окружения. Его признали полноправным членом общества именно с тем условием, что он — питчер. Перестав быть питчером, он станет прежним, слабым, которому остается только терпеть.

«Если отобьют, умру... Моя жизнь — в этом мяче. То есть, отбитый мяч значит...»

Неотбиваемых вбросов не существует.

Не было взрослого, который бы научил Казуми этой основе основ; да и для него, изначально одиночки, питчер был тем, кто может играть в бейсбол один. В результате он стал еще более одиноким, спортсменом-затворником, и...

«Ты, значит, *хочешь меня убить?*»

Его фальшивое проклятие обернулось реальностью.

Жажда убить, порожденная самозащитой. Стоящий на холме Игурума Казуми по-настоящему готов убивать. Вброс для него означает не что иное, как смертная дуэль в каждой подаче.

Казуми, упорный и талантливый, стимулированный страхом и мстительностью, оттачивает свою правую руку.

Он делал выдающиеся скрюболы своей базовой техникой, и его питчинг был ближе к рилифу, а не к старту. Игурума Казуми теперь стал питчером, который выходил на холм с седьмого иннинга и далее не отдавал ни одного хита, который мог похвастать поистине дьявольским, рекордным счетом очков.

А компенсация за это была такой, что он и в команде был одиночкой. Человеку, который и в командной тренировке готов убивать, никто не открывается.

«Ну и ладно. Все равно мой бейсбол был именно таким. Пусть бесталанное быдло кучкуется. Мне никто не нужен».

Даже предупреждения лучшего друга не достигали цели.

Гора трупов все росла.

Игурума Казуми стал королем в пустыне.

Кирису не знал, как остановить это извращение. Что мог сказать он, не замечавший многолетней нервозности друга? Не заметивший, как за спиной Кирису в команде у друга создавался отвратительный имидж...

Если подумать спокойно, им с Кирису в команде радоваться не могли. Тепло принятые менеджером новички. Менее чем за полгода его выбрали стартером — младшеклассника, что нахально и словно бы хихикая обошел старших питчеров.

Казуми изначально выделялся из команды.

Просто Кирису не замечал.

«Слышь, Кирису, ты помнишь, как я тогда ляпнул ту дурь?.. Если помнишь, давай забудем о ней...»

Самый распроданный, кто угодно перед таким забудет, как дышать. Это уже не так интересно и весело, как было раньше.

Казуми должен ненавидеть бьющего так, что хочется пристрелить, а Кирису, думая о нем, не может беспечно взяться за биты. Это не было их личной, тысячи раз повторенной, дуэлью.

Стало заметно, как естественно они не ладили.

Изначально потерянный и удовлетворенный не поймут друг друга.

С течением месяцев, лет их дорожки расходились все дальше.

Они никогда в жизни не пересекутся в понимании.

Любимый Кирису бейсбол — не то, что
необходимый Игуруме Казуми бейсбол.

Вот и вся история.

Юный Кирису огорчался, считал, что именно такому человеку следовало бы родиться с уйма гениальности, и один раз побурчал вслух о так несправедливо устроенном мире.

Так закончилось детство Кирису Яитиро.

Со средней школы он шел, куда велит сердце, свободно наслаждаясь бейсболом.

Игурума Казуми обрел имя Мастера синкера, добился больших успехов как первый в префектуре скрюболер.

Через шесть лет им двоим представился шанс еще раз свидеться. На третьем году старшей школы Кирису Яитиро принял последний и решительный бой лета...

Кирису Яитиро обрел имя как первый в префектуре слагер, начиная с первого года старшей школы.

В общей старшей школе г. Сикуры №1, куда он поступил, имелся бейсбольный клуб с потенциалом выше среднего, там был неформальный, но гениальный бьющий, и менеджер клуба тоже жаждал побед своей команды. Случайность за случайностью, и застрявший на уровне развлечения бейсбол для него стал вновь полноценным.

В первом классе все кончилось построением базы команды. Битвы — со следующего года.

Кирису Яитиро стал второклассником, команда стала сотрудничать с возведением четвертого бьющего, и наконец не за горами стали региональные отборочные матчи.

Команда развивалась под флагом гениального бьющего Кирису Яитиро.

Но — в тот самый второй год он внезапно обзавелся сомнительной привычкой.

По неизвестным причинам его тошнило, когда он пробивал хоумран. Причем серьезно: его тошнило по три раза за матч, нередко он терял сознание.

Товарищи по команде и менеджер спрашивали, нет ли у него хотя бы догадок, но он не отвечал, и даже директор школы беспокоился о его психической проблеме. Учителя просили о внимании лучшего ученика, которому странно доверяют, но тот...

«Против его воли лечить? Не знаю... Если он сам хочет, чтоб его рвало, — да пусть его рвет».

...ответил весьма холодно.

И вот Кирису Яитиро страдает, но его способности бьющего ничуть не увядают, и по префектуре гремит слава гениального слагера.

Впрочем, бейсбол не так прост, чтобы можно было выехать на одном слагере, и Сикурская №1 проигрывает первую игру на весенних отборочных и в летней региональной «лучшей четверке».

Следующий, две тысячи второй год.

Последнее для Кирису Яитиро лето.

Именно в этом году им, возмущенным, путь загородила соперничающая школа Коалагаока. Обе школы по очереди победили в двух играх, а перенесенная на несколько дней позже третья была воспета в народе как битва с судьбой. Да. Сикурская №1 выставляет супер-бьющего — что ж, в Коалагаоке есть свой гений. Не только ас-питчер с третьего года поддерживает Коалагаоку. Питчер на рилифе аса, второклассник Игурума Казуми, вновь вышел на спортивную арену города Сикуры.

За день до их состязания. В доме Кирису, намеренно избегавшего встречи, раздался телефонный звонок от его бывшего друга.

«...Пожалуйста, отбей, во что бы то ни стало».

Сразу сказал в трубку самую суть.

Жутко усталый голос, ничего не осталось от его давешнего.

«Для меня бейсбол — пытка. Но бывало и весело. Правда, я уже не помню».

Поэтому он хочет избавления?

На этом он положил трубку, и эгоистичное желание было передано.

В день соревнования Кирису Яитиро взял у стартера целых два хоумрана, быстро стащил аса с вершины, за что поплатился потерей сознания. Он открыл глаза только после поражения Сикурской №1.

Шанс снять проклятие был навеки упущен.

После этого Кирису Яитиро отказал массе лестных предложений работы и ушел из бейсбола. Отрезав, что он-де не такой герой, чтобы идти в профессионалы. Какая в глубине его души шла война, никому не узнать.

Между тем — еще через год.

Ас-третьеклассник выпустился, и Коалагаока с новым асом Игурумой Казуми проигрывает летнюю региональную квалификационную игру. В решающий день ас Игурума Казуми сослался на травму и ушел с холма. Молодой капитан-второклассник, Сэкура Юмия, выступил на замене, но, увы, проиграл.

Четыре месяца спустя. Игурума Казуми исключен из высшей школы Коалагаоки по причине ухода по собственному желанию. Никто не искал беглого гения, не жалел о его уходе, и никто не знает, какую он впоследствии вел жизнь.

7/S.VS.S-3

(15.08)

Закончив длинную повесть о былых временах, Слагер тихонько ругнулся: дурацкий вышел рассказ.

Комната с брошенными деталями переезда. Сидя в квартире Арики между набитыми вещами картонками, Кирису Яитиро сравнительно нормальным тоном дорассказал о своих юных годах.

— То есть вы были знакомы.

— Только в детстве. Потом ваще не виделись. С друзьями детства всегда так, ага?

— Так-то оно так. Но ты, дружок, представь себе эту историю в старшей школе.

Репортеры бы совсем озверели.

Два гения одной эпохи. «Гений» — не более чем любительская оценка, удобное словцо для похвалы.

Но существуют и монстры, которых практически искренне признают миллионы. В мире спорта они особенно заметны. Ведь рекорды ставятся в строго определенной правилами игре. «Чутье», «яркие движения» и прочие метафизические оценки – все это пустое.

Только выдающиеся рекорды — истинная мера; математика не приемлет субъективного наблюдателя и подчиняет его.

С этой стороны, Кирису и Игурума Казуми были игроками, без ложной скромности коронованными именем «гений».

Эти двое — друзья, что соперничали с детства. Их история настолько последовательна, что для нас, простых людей, на уровне не поучительной байки, а уже чего-то такого, что берет за душу.

— Потому то я никому не рассказывал. Больно кому-то нужны старые сказки. Взять тебя — начни я копать в твоём прошлом, ты бы велел мне заткнуться.

— Гм... Ну, да, если подумать. Но что-то не так. Обычно же всплывает именно это. Что насчет рекордов в Младшей лиге? Старая команда не рекламировалась, что ли? Ну, какой-нибудь спецобзор про тебя сляпали. Через какие-нибудь интервью старые.

— Это да. В этом самом... в расцвете-то каждый говорил, что со мной играет.

— А-а... Честно преклонялись перед заведомо недостижимым, а к такому гению, что почти в пределах досягаемости, питали откровенные черные чувства?.. Наверно, это стандартная реакция.

Даже это — один из путей причинения неудобств Кирису... Много чего рисуется в воображении, но лучше не буду думать, в каком одиночестве приходилось Игуруме стоять на вершине. И Кирису вряд ли для того мне это рассказал.

— Однако «отобьют — умрешь» — это же... как если бы каждой подачей играть в русскую рулетку! Шесть лет подряд. Без послаблений. Это уже какая-то страшная сказка. Игурума Казуми. Даже для чистого рилиф-питчера ноль защит — дар свыше. Видимо, он вставал на холм где-то на седьмом иннинге, но понятно, почему Коалагаока при участии Игурумы не давала противнику ни одного очка во второй половине. Я и тогда думал, что они круты, но не настолько, чтобы не то что проигрышного счета, а вообще хитов не было... Если бы он выходил сразу, была бы перфект гейм.

Стаж, внешность, биография — ничего неизвестно. Несмотря на это — серийного маньяка-убийцу называют просто «Синкером», и все.

Понятно. Для Игурумы Казуми более подходящей клички просто не найти.

— Но на третьем году старшей школы повредил локоть и ушел. Переработал?

— Кто его знает... В любом случае, его стиль вбрасывания не заглядывал вперед. Кто что ни делай, травму невооруженным глазом можно было проследить. Все-таки мы с ним учились в одиночку. Тренер инструктирует на эффект, но прежде всего учит, как

подольше продержаться. Но Игурума не любил тренеров. Говорил, что эта медлительная учеба пусть достается тем, у кого бывает резерв. Что ему это не нужно. Наверное, это было бессознательное сопротивление родившегося социально слабым. Жизнь без уверенности даже в завтрашнем дне. Нечего терять — именно поэтому с таким напором идти к разрушению. Бейсбол не нуждающегося в учителях Игурумы Казуми был опасен для него самого.

А в конце пути
его правая рука проиграла всему.

— Получается, он берет реванш через синдром А... став одержимым? Я на 99% уверен, но как бы убедиться?

— Убедиться? Ты серьез... а-а, ну да, это же днем было. Ерунда, забудь.

— Что?

Кирису машет рукой, будто отгоняя комара.

Гм... Не хочется думать о таком, но я что, лично встречался с нашим маньяком? А вдруг

— только вдруг — я то и дело почти натыкаюсь на разных психов? Ужас.

— Ладно, это я потом в блокноте найду. Слышь, Кирису. Что ты хочешь сделать с Синкером? Понятно, что одержимого не вылечить. Значит, хочешь либо поймать и отволочь в участок, либо просто сделать его городской легендой?

— Да не. Если полиция его сцапает, пусть. Он мне весь SVS портит, но уже так разубивался, что полиция должна приложить реальные усилия. Плевать, что будет с таким фриком, который для удовольствия и без толку кладет подряд всех бьющих.

— Ага. Ладно, как ценитель неповторяющихся событий, думаю, это к лучшему. Но мне не кажется, что он убивает «для удовольствия».

— А ты думай. Это он сам себе в голову вбил, что если отобьют, он умрет. Но нельзя же свое правило навешивать на бьющего.

— Ну, это да, но «если я умру, когда отобьешь, то и ты умри, когда не отобьешь» — это что, логичная причина убивать бьющих? Действия Синкера во многом бездумные, но нечто кредообразное есть. Захватить цель; не забрать ничего, кроме жизни. Кошельки — и те на месте, и с трупами он не забавляется, так? То есть у Синкера есть какая-то цель, помимо убийства. Может, месть или душевная тоска — или сильная привязанность, не знаю, но тем не менее.

По велению Мато-сан я не просто так завожу контакты с носителями синдрома А. Они, что называется, в руинах, но развалились не без причины. У них есть какой-то корень, причина делать так, а не иначе.

— Месть или привязанность, говоришь...

Кирису нахмурился, видимо, найдя в моих словах отклик того, что знал сам. Я понял так, что он еще не все выложил.

— Слушай. Мне вообще-то не хочется говорить... — а то и вовсе не хочется связываться.

— А может, хотя бы предупредишь его по-дружески?

— Нет. Я ж сказал, нас ничего не связывает.

«Тогда на фига ты впутал меня?» — съязвить бы, но не стану. Кирису старается остановить Синкера, но лично встречаться не хочет. Потому что при встрече скорее всего начнется дуэль.

— Вы не связаны, и ты не будешь с ним биться. А-а, точно, ты у нас вообще-то не можешь быть бьющим, да?

— Ага. Я ушел из бейсбола, и жизнью раскидываться неохота, спасибо. И вообще, этот мяч человеку не отбить.

— Угу. В этом, значит, основная проблема...

Смертельная игра, где проигравший умирает.

Демонический мяч Синкера явно настоящий, а следовательно, незачем идти подставляться... Нет. Кирису до смерти страшно того, что это может оказаться даже не дуэлью.

Не отобьет — не спасет. Найди он противодействие — отбой все равно будет смертельным.

Жестокое правило. Эта игра к Кирису изначально несправедлива.

— Ладно, будем ли участвовать в играх Синкера — другой вопрос. Вот просто для примера: вот ты оказался бьющим, как ты будешь действовать?

— Да никак, как... Против синкера второй ступени я не совмещу... Ну, если по логике, то любой скрюбол, попадающий в страйк-зону, можно отловить. Но свинг — это мир в секунду. Просек вид скрюбола, выполнил поправку — и если потом, после броска, будет еще смена траектории, уже не среагируешь.

Страшные вещи говорит, да спокойно так.

Вот поэтому другие бьющие говорили про Кирису Яитиро, что так просто нечестно.

Главное, чтобы мяч попал в страйк-зону — зону, куда может попасть свинг, — и этот парень точно попадет в любой скрюбол. Экстраординарные статический глазомер и скорость реакции, взрывная сила белых мышечных волокон и точечная концентрация уходят в технику... Тип скрюбола понятен, но тягостное отвлечение нормально мыслящего бьющего о том, что бита не попадет по мячу, Кирису Яитиро не испытывал ни разу.

Если удалось определить тип скрюбола, то мяч отбивается, как в воображении. Вот нормальное мышление этого гениального слагера.

— Это уже не бейсбол, если второй раз меняется. Первое изменение можно отследить, но второе... не среагируешь. Второе изменение — когда я уже оценил тип и траекторию. Скрюболы, изменяющиеся, когда уже среагировал, не подходят прежнему бэттингу — отбою в ответ.

— Все так. То есть либо надо сбить второе изменение, либо вообще не выходить на бой. Но мячи Синкера правда поворачивают под углом, знаешь? Даже если бы всего раз поворачивали, все равно ведь не усмотришь?

— Нет, если питчера впервые видишь... Чувак. Сколько раз мы с Игурумой играли, как думаешь? Против него — хоть он под прямыми углами крутит, хоть что — шансы поровну. После одного вброса я уже смогу подстроиться с отбоем.

Вот как... Не только бейсбол, любой спорт оттачивает интуицию в схватке.

Питчер и бэттер — предельные примеры тому; бэттер, потеряв синхру, ни отбиться, ни даже просто попасть по мячу не сможет. Питчер и бэттер — самая синхродоступная связка. И эти двое с детства проделали это тысячи раз, состязаясь.

Кирису знает все привычки Игурумы.

Хоть из-за одержимости Синкера к нему не могут подойти многие бьющие, для Кирису Яитиро он — самый легкий противник в мире.

Вывод: проблема все-таки во втором изменении. Это и то, из-за чего Кирису Яитиро вроде как бросил бейсбол.

— Однако же тут мы подошли к неприятной теме. Ну и дела, правда как параллельные прямые.

Сдаюсь, говорю и поднимаюсь с коробки.

Спрашивать, почему ушел, постороннему совершенно не стоит.

Парень, не знающий слова «крах», без каких-то указаний сам сломал биту. Словно птица в небе взяла и самовольно сбросила свои уникальные крылья. Мне не понять этой горечи, и грешно пытаться узнать ее.

Впрочем, да.

— Но ты выручил Сэкуру Юмию. Зачем?

Как приятель, я обязан спросить.

— Это по работе. Взял деньги и спрятал его. У меня сейчас служба такая.

— Понятно. Ишь, поумнел за полтора года. Как все хорошо запоминаешь!

Хотя прилипло то, как жить взрослому. Кирису досадливо щелкнул языком, заметив иронию, и встал.

— Хватит об этом. Забудь про SVS, ладно? Просто отдай Синкера полиции.

«Ну, пока!» — сказала его спина, и Кирису по прямой двинулся в соседнюю комнату. Там он брякнулся на единственную кровать.

— Ась?..

Что, разве не все шло к тому, что он задолбался и сваливает?

— Ну, понимаешь... Караоке, где я ночевал, прижали копы, теперь жить негде. А у тебя еще родной дом есть, одолжи мне эту квартиру, а?

Нахлебник. Не дожидаясь ответа, напрямик дунул в страну снов.

— Ну, я не против... Что ж ты толстый такой.

Гм. Наверно, я перемудрил, когда думал, что он по душевной травме все бросил.

(sink)

Болят правая рука. Вчера ночью без жалости прибил седьмого игрока.

Было холодно. Словно посреди вьюги, *это* тряслось под летним солнцем. Пробуждение всегда одинаково. Толстые, как стрелы, мурашки и першашее горло выдергивают из сна.

Едва проснувшись, *это* мало похоже на человека. Смерзлись сам рассудок, само сознание. Бредет по грязной стройке, покачиваясь, как привидение, обливается с головы из водопровода на моечной площадке, наконец приходит в себя.

В замыганном зеркале отражается маньяк-убийца в капюшоне.

Это ощупывает свое лицо, перечисляет сбитые мишени.

Первый — вроде разминки. Убрал, чтобы проверить свои возможности.

Второй — из закрепленных целей. Приоритетность низкая, но раз попался на глаза, последовательность можно перестроить. Этим летом холодно, что ли? После расправы показалось, что стало значительно холоднее.

Третий — не по существу. Просто чуть-чуть заигрался. Перерасходовал кровь, перенапряг локоть. После матча тот весь день оставался сломанным.

Четвертый уже привычно был найден и быстро убран. Чтобы вернуться домой хоть на день раньше, разнес его, забавляясь. Только вот почему это делает — иногда загадочно переставал понимать.

Был пятый,

был шестой — вдруг пропали разные звуки. Локоть лечился долго. Раньше он если и болел, то только после матча. Сейчас больно с каждым мячом, открывается старая рана.

Не проблема. Сломался, но пока подает, стыкуется. Да. До сих пор стыковался.

Седьмой. Заметил, что дело сделано, когда увидел разлетевшиеся мозги. Важный матч окончен, посчитал мячи — осталось четыре — и наконец вспомнил тот день.

— А... А-а...

Глубоко вдыхает, выдыхает.

Да что за фигня с этим летом? Кислорода так мало, что дышать невозможно. Заморозки такие, что кожу корчит. Город тих, словно вымер, на чайном столике — длинноволосая, с перехваченной шеей куколка, что накликает дождь, если повесить в окне.

Мотаёт головой, сдерживая тошноту. Холодное лето — ладно. Уже давно лето для *этого* — холодное время. Трудно дышать — тоже ладно. Лето — оно раз в год. Не будь оно таким жарким, какая в нем прелесть?

Но безмолвие невыносимо. *Это* любило, когда шумно. Когда бессмысленная суэта, какофония. Больше всего обожало яростный шум трибун: волнами накрывает все тело. Сейчас ничего не слышно. С началом матча становится холоднее. И больней. Но, странное дело, чем больше матчей, тем глуше звуки внешнего мира.

— А-а...

От всего одни страдания, не может вспомнить, зачем все это. Правая рука задвигалась, гнев привел ее в движение. Кажется, когда нашелся первый, череп, как крематорий, заполонила ярость. Плавающему даже кости жару отдаться было легко. Вернулась былая горячность. Но — уже даже бросать невесело. Слух ничего не ловит. «Где то беспощадное лето, когда хотелось закрыть эти глаза?» — фигура в зеркале протягивает руку и насмехается.

А нигде нет.

Может, никогда и не было!

— А...

Нет веселых воспоминаний. Их не стало заранее. Бейс-боль одна. Только боль была наградой. Упрямо держась на этом шесть лет, *это* — он — стоит здесь и сейчас.

С этим умозаключением сознание наконец пробудилось.

От холода мозг застыл. Да, да, ничего не весело. Весело только на матче. Весело только на деле, вздергиваются губы под капюшоном. Но — а как же пятый? Было ли весело?

Пятый...

Пятый — непредсказуемый противник. Не собирался навязывать ему матч. Ведь тот бьющий ничего не знал. Но ему было скучно, а попавшийся бьющий был великолепным противником. Откровенно не хотелось биться. Но в результате пришлось убить. Сейчас его бейсбол даже без желания стал таким, что раз начал, то в конце убей.

— То... чно... Быстрее... следу... ющий...

...Что-то сломано, разрушено. И ментально, и телесно.

Но что разрушено — он не знает.

Почему? Потому что рассудок возвращается к нему только в бою. И даже он уже на точке замерзания с этим холодным летом.

Мяньак — Синкер — тянется к серебряному сотовому телефону. Светящаяся точка выбирает восьмую жертву. Встроенный только для асов игры GPS показывает место.

■

(16.08)

Согласно отчету, жертв маньяка насчитывалось семеро.

Штаб расследований изолировал Сэкуру Юмию как подозреваемого, однако на другой день шестая и седьмая жертвы получили травмы, несовместимые с жизнью, и вектор расследования стал широким сектором.

Помощник инспектора Тома Мато стала начальником штаба расследования, и было решено считать дело специфическим случаем, имеющим отношение к синдрому А.

Полиция еще не установила личности уличного серийного маньяка-убийцы Синкера, но с созданием следственного штаба это было лишь вопросом времени. Полиция обязательно придет к Игуруме Казуми.

Конкретно — еще через день личность установлена, еще день на подготовку облавы. Наконец, еще день — начало дьявольски неотступной и форсированной проработки сценария захвата.

С немалой долей субъективности, но это дело поручено Мато-сан, и успех через три дня стал фактом, подтвержденным ее прежними победами.

■

— И тут до меня дошло. Только четвертый не был официальным бьющим в SVS! Меня осияло. Это было откровенно подозрительно. Так что я поискала и обнаружила вполне себе крепкую связь. Честное слово, неправильно, когда клюет так хорошо.

Под блистающими солнечными лучами, с материалом для рапорта, обстоятельно вещает Цурануи Михая.

— Э, Арика, надо ведь не «осияло», а «озарило»?..

Возможно, не желая травмировать вознесшуюся до небес девушку, Карё Кайэ перешел на шепот.

— Если каждый раз поправлять, солнце зайдет, так что не ведемся. С этой только так и надо, чтобы гладко.

Ну а я, из-за оккупации софы, вытащил трубчатый стул и, заняв позицию у изголовья, слушал сообщение Цурануи.

— Четвертого, к слову, звали Синохарой. Он в старшей школе был членом бейсбольного клуба «Коал». Так вот, я поискала, оказалось — больше половины прочих жертв из «Коал». И можно сказать, у всех SVS-ников есть бейсбольный опыт, но не многовато ли вас, дорогие коалы на лоне природы?

— Да уж. И вообще, само по себе пахнет уже то, что текущий бейсбольный ас, Сэкура, подписался на SVS. Узнали бы Коя и иже с ним, в Коалагаоке бы всем второклассникам участие запретили.

— Именно так! Хоть и говорят, в этом году одна мелочь, но когда из клуба даже капитан играет в азартные игры — бред. Так что я слегка пообщалась с бывшими «Коалами»... Говорят, Сэкурочка уже остыл к бейсбольчику. Всерьез бейсболят одни дураки, летом можно спустя рукава, как-то так. А-ха-ха... Этот блудный сын случайно не скукожился от проклятия?

— Его и так небеса вполне наказали, оставь его в покое, пожалуйста. Опять же, в случае Сэкуры Юмии это все шуточки. Без какой-нибудь такой позы он бы не продержался.

— О? Откуда ты такие вещи знаешь, семпай?

— Потому что стал одержимым. Если бейсбол ему до лампочки, его не загонят в угол так, чтоб аж рука изменилась.

Скорее всего, Сэкура Юмия в своем духе был верен бейсболу. Просто его потенциал не дотянул до идеала.

Все-таки предыдущий ас, Комагири, пришел после страйкаутера «Доктора К» Игурумы. Груз направленных со всех сторон ожиданий — тяжесть не средней руки. Выкованный Младшей и Старшей талант перед невообразимым гением — очередной обычный человек. Сэкура Юмия бежал от этого и спрятал голову в SVS.

Мир бейсбола старших школ, как и другие состязания, был весьма суров. В команде все игроки тренировались столько же или больше, чем ты. Приложенный пыл, доступные таланты и прочее, как само собой разумеющееся, наготове и у соперника. В результате в одной префектуре состязаются тысячи человек по клубам, проигрывают, отсеиваются. Среди них побеждают лишь сложившие воедино талант, старания и помощь небес — избранные люди. Сэкура Юмия верил, что он из таких. Но он сообразительно понял, что это было самодурством, и старательно искал путь к бегству.

В мире бейсбола старших школ он не пробьется. Не сможет воцариться асом. А раз так — где бы он все же смог быть в эпицентре, как раньше?

— Тю. То есть блудный сын Сэкура не мог победить в бейсболе старших школ и перешел на SVS?

— А что, разве не так выходит? Ведь он блудный сын? Денег у него было много, зачем ему ввязываться в ставки всерьез?

— А-а.

Деньги ему еще с детства приелись. Больше всего Сэкуре радовало душу не что иное, как зависть окружающих.

— У-у... Тем более не хочется его понимать... Может, он-таки как-нибудь проклят? Например, лысеет...

— Как ты строга к Сэкуре-кун, Цурануи. Это имеет отношение к тому, что большинство жертв — игроки из Коалагаоки?

— Имеет. Хм, можно я кое-что неприятное скажу?

Она замешкалась, выбирает слова. Скорее всего, для соответствия Кайэ.

— Пожалуйста. Я привычный, не стесняйся. Ты так добра, Михая-сан.

А Кайэ, тихий, как вороватая кошка, и галантный, как принцесса, улыбался ей.

Цурануи с непривычки к похвале покраснела и застыла.

— С-спасибо большое!.. А-а-ау, янененетохотеласказать, с-с-семпай, какой же Карё-сан хороший! О нет, этот блеск! Он слишком ярк для меня! Черт, до чего хорош, я истаю!

Ах ты, пережиток языческого мира.

— Стоп, если от вида Кайэ таять, значит, он вообще святой?.. Ладно, неважно, давай дальше, Цурануи.

— О! А-ах да, сейчас. Карё-сан, нехорошо так мутить воду!.. Имейте в виду, это не точно, но... В прошлом году в бейсбольном клубе Коалагаоки был случай агрессии. Со стороны школы все замяли, похоже, но в клубном помещении произошло подобие суда Линча, и ответственность была возложена на капитана Игуруму Казуми. Его исключили.

Помните, что в финале отборочных прошлым летом ас Игурума Казуми сошел с холма? Вот тогда это и случилось.

— А я слышал, он локоть травмировал. Возложена ответственность, говоришь? Звучит так будто линчевал Игурума.

— А, ай, семпай, у тебя страшный взгляд! У-у, вот поэтому я не хотела говорить, но пусть теперь... Э, да, все как ты и сказал. Говорят, линчеван был сам Игурума-сан, а линчевали мальчишки в клубе со вторых, третьих классов, с Сэкурой Юмией во главе. Сказали, не подходит бейсбольному клубу, навалились и локоть, того... Но школа сочла Игуруму-сан зачинщиком... или нет, но через какое-то время, в декабре, Игурума-сан пришел в класс Сэкуры Юмии посреди урока и набросился на того с кулаками, да учитель удержал... И — по форме ухода по собственному желанию...

Рассказ Цурануи был местами неполным. Она замазала некоторые события, о которых было бы неприятно слышать нам с Кайэ.

— Вот такая история... Что мыслишь, семпай?

— Чего тут мыслить. Цурануи, просто дай сюда отчет.
— Ай?! Н-не-ет, семпай, то-только без ру-ук!
Девушка защищает невинность бумаг от меня, я изымаю.
— А, я тоже посмотрел бы. Арика, давай сюда.
Демон, учуявший запах котенка, тянет лапы.
Я присаживаюсь на кровать и листаю материалы.
М-м, какие круглые милые буковки с примесью утонченности.

Коллективная агрессия к Игуруме Казуми предположительно имела место за день до прошлогодних квалификационных матчей.
Материалы не были формально пригодными, но так как считается, что такого дела нет, мелкие подробности не выйдут за заданные рамки.
В изложении этого дела Игурума Казуми повредил локоть и пальцы правой руки.
Причина кары — личные чувства.
Что Игурума Казуми один играет в бейсбол.
Что совершенно не полагается на команду.
И... эта причина считается более всего оттянувшей их злые действия... что семья Игурумы Казуми была несчастлива. Со стороны уровень жизни выглядел откровенно низким, а его одежда и родная мать — грязными, что и послужило поводом.
Фактически, семейная обстановка у Игурумы была напряженной. Счета за учебу ему, как подающему особенные надежды бейсболисту, простили, но до среднего уровня жизни старшеклассника он не дотягивал.
Кроме того, его мать не имела постоянного места работы, день за днем собирала пустые банки и бутылки, сдавала на переработку и так кое-что зарабатывала.
Площадь ее активности в переработке была крайне широка. Центр — станция, оттуда два жилых квартала, а то и три, где она продолжала ходить, собирая посуду, иначе не набирала достаточно денег. Сбивала за день ноги, подбирая банки с плесенью жидкостью, топчась, складывая в пакеты, относя на пункты приема. Кому угодно доступная, однако трудная и болезненная работа. Только этим и занималась, в день получая одну-две бумажные купюры.
...Мать Игурумы Казуми тихо совершала этот труд, что со стороны может выглядеть сбором мусора.
Юной выйдя замуж и разведшись, она не имела образования, на ее внешности отпечатались мытарства, да и сущность ее хорошей назвать было трудно. Она не могла устроиться на работу, даже если бы хотела, и для нее такой труд был тяжким, но необходимым.
Однако окружение в подробности не вникало.
Соседи и ученики, должно быть, считали вид ее, собирающей банки и бутылки, смешным.
Ученик второго класса старшей, из бейсбольного клуба, второй ас сразу за Игурумой Казуми — как он воспринимал то, что старшеклассник с такой мамочкой стоит выше него?
«Нищета же, так почему он там же, где я?»
Будучи второклассником старшей школы — а это предпоследний класс из двенадцати, — Сэкура Юмия все еще был натуральным ребенком. Такие не ведают жалости к тем, кто слабее. Они обращаются к насилию не от житейской ревности, а по приглядности и справедливости, поэтому им было невыносимо, что старшеклассник ниже них самих — ас.
Происхождение, талант, поддержка школы. У Сэкуры Юмии все это было, и Игурума Казуми для него был не более чем что-то, что «можно и удалить».

И вот — день перед финалом региональных отборочных. Игурума Казуми подвергается агрессии восьмерых товарищей по клубу, среди которых учащиеся первого, второго и третьего классов, и выбывает с соревнований с травмой. Сэкура Юмия на целый год раньше получил столь желанный трон аса... Это желание выльется в разгром на матче, но не стоит и уточнять, стало ли Игуруме с этого легче.

Через четыре месяца после того, как школьный персонал замял дело, в декабрьские заморозки, в класс зачинщика самосуда Сэкуры Юмии ввалился Игурума Казуми, но попытка была подавлена ошугившими неладное учителями, и трагедии удалось с трудом, но избежать. Прижатому Игуруме — строгий выговор. Учителя не видели в нем, потерянном как питчер, такой ценности, чтобы оправдывать, и «его ушли».

С той поры никто его не видел. Часть учеников шептались, что его замечали среди придорожных бомжей, но никто за это не ручался.

Отчет был подогнан весьма доступно.

Слухи тех лет, рассказанные выпускниками. Безответственность работников школы, имевшая место в декабре внутришкольная агрессия к Игуруме Казуми. Только с этим уже нетрудно представить себе, что тогда произошло.

Если и есть неясный и неестественный момент, то это пустота между августом и декабрем... Почему надо было ждать четыре месяца — материалы этого отчета не говорят даже между строк.

— Понятно. Люди, устроившие этот вот самосуд над Игурумой-сан, — это те, кого убивает Синкер...

Имена жертв Синкера и имена бывших тогда в бейсбольном клубе сходятся.

Осталось, включая задержанного полицией Сэкуру Юмию, — двое. Значит, Гондо-кун, пятый, не имевший к Коалагаоке никакого отношения, попал под раздачу и даже подачу... Поневоле задумаешься, относить ли это к бездумному кровопролитию. Как притесненный человеком может благоволить человеку? Выходит, для Игурумы Казуми становится не так уж критично, стоят ли против него те, кто испортили ему жизнь, или вообще непричастные.

— Слышь, Цурануи. А Кирису знает об этом?

— Мне показалось, знает. Ведь он и рассказал мне, где жил Игурума-сан.

— Тьфу, — я прищелкнул языком.

Так вот зачем он так кружил вокруг да около. Он из вторых рук знал и кто такой Синкер, и что им движет. Он втянул меня в SVS, желая, чтобы я сбил Синкера. Кирису в курсе, на что способен Игурума Казуми. Видимо, он думает, что Исидзуэ Арика сможет его сбить! Вот спасибо, что ценишь меня... хотя и немного льстит, но здесь появилась непредвиденная проблема.

Да. Маньяк — не Игурума Казуми, он уже обратился в Синкера, в одержимого.

Мяч, посланный Синкером, поразил Кирису, смотревшего запись камеры. Дважды сворачивающий демонический мяч. «Даже я, видевший многое, не смогу ничего противопоставить», — хладнокровно оценил он.

— И вот теперь умываем руки?.. Так получается потому, что этот дурень пользуется мозгами для разнообразия.

«Молодец!» — возвращаю Цурануи отчет.

Я был занят другим вопросом и попросил ее исследовать Игуруму, и девочка превзошла мои ожидания.

— Сэнкс, полезное дело. Извини, что пришлось день напролет бродить, ничего не делая.

— Н-ничего подобного-о, просто скажи спасибо! Ибо я... женщина, которой можно довериться.

Цурануи ухмыльнулась и прогнулась в пояснице, как секретарша из кино. Ей в чем-то даже идет, но, увы, недостает очков и объема груди.

— Ты понял, Арика? Этот человек немного не похож на одержимого.

Смотревший через плечо в отчет, Кайэ сказал свое непонятное слово.

— Чем это? У него же починился сломанный локоть? Двухуровневый синкер же?

Скрюбол на ста пятидесяти кэ эм че же? Натуральный монстрик же?

— Да я не о том. Не в смысле того, как он изменился, а в смысле почему. Я про стартовую точку. У него слишком очевидные мотивы, а главное — он не так слаб, чтобы стать одержимым. Он ведь еще до того, как сломаться, сам приходил мстить.

— Гм...

А ведь правда, тут что-то неладное.

Большинство причин одержимости — боязнь «неконкретного врага». Давление со стороны, которую не можешь воспринять. Некие общие представления, с которыми признаешь, что не справишься.

У человека, которому такое сломало душу и который крутит в голове идею изменить положение, рождается то, что называют одержимостью.

Но это не про Игуруму Казуми. В том числе и со слов Кирису — его душу не так легко сломать. Даже с учетом шока от перелома локтя, потом он пусть неудачно, но по своей воле мстит Сэкуре Юмии. Психика у этого парня крепкая. Его голова устроена не так, чтобы там все порушилось от перелома локтя.

— Ну да. Наверное, странно считать стимулом мести. Он либо убивает потому, что вызов брошен, либо бросает вызов, чтобы убить. Если мечь — то второе, но тогда нет причины играть. Просто бросил бы эти экивоки и всех перебил. А Игурума Казуми обязательно играет. Должна быть причина, о которой мы даже не подумаем... Понимаешь, Арика? Пока эта причина не устранится, он не остановится.

Кайэ хочет сказать, что даже убив по списку мести, Игурума Казуми продолжит бросать мяч.

Но почему?

Слишком ясно. Если не мечь, то увлечение. У одержимого по имени Синкер есть причина куда важнее мести тем, кто лишил его бейсбола, и ради этого он упрямо остается питчером.

— Вряд ли потому, что ему в радость. Игуруме Казуми бейсбол очень давно не в радость. Он сказал: «Пожалуйста, отбей, во что бы то ни стало». И еще признался: «Бывало и весело, правда, я уже не помню».

Значит, осталась всего одна причина. Игурума Казуми все еще застрял в том красном парке. Играя в бейсбол в одиночку, ждет того, с кем надо биться до поражения.

— Казуми-сан ждет Кирису-сан, — не стесняясь, мягко шепчет Цурануи. Вот в такие моменты птички в голове поют в лад. — Этот дурак-переросток. Пошел бы отбил уже.

Увы, Цурануи как всегда права.

Как питчер, он хочет биться с лучшим слагером префектуры. Если это и есть мотив Синкера, ночным смертельным играм не будет конца, и, как всегда с такими делами, через трое суток его ждут арест и ад в лице Мато-сан.

— Что?.. Арика, ты на стороне Игурумы Казуми, одержимого?

Демон на кровати странно улыбается.

— Ха-ха. Честно — меня эта история бесит. Умрет он или выживет — мне с того ни холодно, ни жарко.

Я не шучу, не лгу. Никакого сочувствия и быть не может.

Существо, которое не для самосохранения, а по ментальной причине «должно убивать, чтобы жить», не заслуживает ни капли жалости.

Не будь некоторых причин, я бы даже в заметки не записывал этого Игуруму и забыл вообще, но...

— Вот и славно. Кстати, Арика. Ты знаешь, что твоя работа не закончена?

Да-да, в этом-то и проблема.

Суть задачи отражена в блокноте. Каким путем я согласился — в памяти нет, но очевидно и то, что ничего не закончилось, и чувствую, что надо за следующие три дня сделать все, что в моих силах.

Вообще-то и денег хочется, и никто меня не убьет, если не добьюсь успеха. Я думаю стараться поме-е-едленнее, однако...

— Мне все не дает покоя вот что, Цурануи. Почему ты здесь?

Цурануи и Кайэ обменялись озадаченными взглядами.

— Ну, семпай. Я пошла отдать тебе отчет, и тут как раз ты вроде идешь на работу. И, ну, поддалась соблазну и как-то само так вышло, что немножко села тебе на хвост.

Новоиспеченная маньячка явно думает, что телега прокатит. В полицию ее, что ли...

— М-гм. Ты ничего не сказал, и я так понял, что она тоже, как Кирису-сан, пришла по своей воле. И Михая-сан не дергается при виде меня. А-а, вообще я подумал, ты ей уже рассказал...

«Не рассказал, что ли?» — взглядом спрашивает мой наниматель.

Ну, если Кайэ все устраивает, то меня тоже. Цурануи слишком задумывалась про моего начальника, и рано или поздно они все равно бы встретились. Тому, что здесь начались такие беспокойные времена, радоваться надо.

— И? Как впечатление?

— М-м. С одной стороны, легче оттого, что это мужчина, но с другой стороны, если хорошенько подумать, какое-то неоднозначное ощущение не то чтобы не складывалось...

Так сразу и не скажешь, но, м-м, этот бандерлог стремится, босс?

Сколько в тебе шизоидов, а?

«Иди отработывай», — сказал с улыбкой Кайэ и вытурил меня из подземелья.

Отдал мне левую руку: «Арика у нас на работе горит! Так что возьми на всякий пожарный». С неоднозначными чувствами, но подумав, что ждет меня дальше, я решил ее позаимствовать. Мне же идти расследовать, и если заранее предупредят, что, мол, какой-то левый однорукий шныряет, то мне конец. Уж на этот раз Мато-сан осуществит свой давно лелеемый план казнить меня через помещение в боксерский мешок, так что лучше я по возможности прикинусь ветошью.

Цурануи все мало, она увязалась за мной; но перед станцией Сикура я снял ее с хвоста и сел в муниципальный автобус.

Конечный пункт — недалеко от промышленного района Нодзу. Это такое местечко, что даже в Сикуре выделяется, как островок на материке, к которому приближаются только местные.

Нодзу состоит из промзоны, что раскинулась на три километров от края и до края, а также спальных кварталов — жилого района ее рабочих; ничего такого, к чему могло бы тянуть чужаков.

В жилом районе организован рынок продуктов и быта, и мало какие семьи отовариваются где-то еще. Нас, живущих вне Нодзу, это тоже касается, и, не являясь работягами, мы ничего там не забыли. Что-то вроде еще одного города внутри города Сикуры. Имеется открытое коммунальное хозяйство из трех тысяч квартир, в которых целые восемь тысяч человек живут как в пятом измерении; впрочем, конечно, в бытийном плане они от мира не отделены. И автобусом за полчаса доберешься, как вот я, и недавно открылась станция метро «Индустриальный район Нодзу». Эта зона зовется островком на материке ввиду того, что в ней не было даже полустанка.

По моему личному мнению, показательнее «островка на материке» был бы термин «крепость на холме». Ведь промзона Нодзу находится на возвышенности, окрестные пейзажи хорошо просматриваются, а сама она похожа на выброшенный на сушу и оставленный на милость ржавчины военный корабль.

Я еду в пустом автобусе, как барон, и схожу у остановки «Запад промзоны».

На меня вмиг обрушивается безжалостный летне-солнечный свет.

— У-у. О, о-о, мозги-и, — бездумно завыл я.

Больше чем тридцатиградусная жара выбивает из тела желание что-либо делать.

Дорога тянется неспешно и неуклонно. Или уклонно, в гору. По обочинам — похожие на огромные костяшки домино многоэтажки коммунального хозяйства. Небо высокое и синее, а рассаженные во имя расточения ментальной гигиены зеленые деревья объединенным натиском уже вгрызаются в кварталы.

На первый взгляд — дивный курортный городок. Но трезвому взгляду заметно отсутствие люда, легкий привкус руинистости из ужастика, а на закуску — будто надзирая из окон за чужаком, порой очень любопытно и подозрительно смотрят местные кумушки.

— Да, такое и пишут в городские байки... Вон дом, где линчевали патрульного... а, ура, там местная сударушка.

Согласно установленному у дороги плану местности, этот западный вход — если в терминах горных троп, — где-то второй этап подъема.

Дело о линчевании патрульного — в некотором роде городская легенда, что имела место в июле. Жители соседнего квартала пожаловались дежурному патрульному, что «в том здании люди странные», и офицер — туда, с рвением свежеприписанного новичка и боевым кличем. На другой день он пропал без вести, а через неделю водитель мусоровоза нашел его выброшенным в мусорный бак, как неудобь сказуемые отбросы. Полиция начала следствие с престижем на кону, однако крепких зацепок — ни одной. За жителями грешков не замечено, и дело как бы зашло в тупик.

Это здание — ㄨ-13⁶. То ли карта старая, то ли что, но по ней зданий в категории ㄨ значит не более двенадцати... Нашей благотворительной обители присвоен столь же откровенно несчастливый номер, но это и неплохо, легко запоминается.

— Так. Ходить по кварталам не стану.

К счастью, дело у меня не в жилом районе, а в соседнем с ним заводе. Я хотел посмотреть, что это за парк, к которому Кирису и компания питали столь нежные чувства, но взглянул на карту и сходу плюнул.

Иду вниз по дороге шириной в три полосы. Ни одной легковушки не видно, только раз в десять минут пронесется грохот большого грузовика. Наблюдая за ними краем глаза, прохожу из иномирья иллюзорных многоэтажек Нодзу в страну нормальных людей.

Если выйти со всхолмья в город, обнаружится вполне здоровый промышленный пояс.

Когда невзначай поднимаешь глаза к небу, то, не будь этих многоэтажек, и Нодзу выглядит приличным городом.

Начинаю то, зачем и пришел, — поиск объектов.

Замороженные производства, простые для проникновения территории, строящиеся здания... вот бы магазин найти... в общем, осматриваюсь. По предварительной ориентировке, отвечающих требованиям объектов — четыре штуки. Обойдя все, я заодно забежал к дому Игурумы Казуми.

Дом Игурумы Казуми — на отшибе Нодзу.

Перед каналом, прорытым как резервуар промышленных вод, особняком стоял одноэтажный доходный дом во всей красе стиля двадцатых.

— Простите-е, есть кто-о?

⁶ Адреса в Японии назначаются не по системе улица — дом, а квартал — группа домов — дом.

Открываю раздвижную дверь без звонка... ну, нечем позвонить. Сразу не из дома, а из сада ответил женский голос:

— Ах, гости? Как редко молодые заходят!

Живой, радостный голос спутывает мне карты.

— Добрый день. Я бы хотел побеседовать с вами о Казуми-кун.

— Ох. Ну, давайте побеседуем... Ах, это у вас бита? Вы, юноша, тоже изволите играть в бейсбол?

Она с готовностью подхватывает разговор.

Похоже, правильно я разгуливал с битой в чехле. Потенциально неудобные вопросы проскочили гладко, и мои заготовки оказывались на удивление тщетными.

Как бы то ни было, после почти двухчасового диалога события четырехмесячной пустоты прояснились. Записав в блокнот только факты, я распрощался и ушел.

— Надо же. Еще так рано, — я сверился с часами в золотом телефоне и приуныл.

Еще час до заката. Мне лично хотелось, чтобы солнце зашло прямо сейчас.

Солнце зашло, температура упала с тридцати четырех до тридцати градусов. Жить стало куда легче. К тому же я напрочь забыл все плохое и в хорошем настроении иду искать объект. Когда наконец нашлась соответствующая площадка, уже перевалило за десять вечера.

Как обычно, возвращаюсь пешком. Сочетаю экономию мелочи и легкую тренировку.

Человеческое тело — капитал, если однорукую тушку не развивать соответственно, в нужный момент уподобишься воздуху, что присутствует, и все.

Назад, из Нодзу, нехоженными тропами.

Мимо проплывают непривычные городские виды; но и здесь виднеются молодые бейсболисты. Около двадцати, стоит деловитый, но забавный гвалт. Корректно огородив жердями безлюдную дорогу, так, чтобы не мешать соседям, весело и натянуто проводят ставочные бои. То ли приличные ребята, то ли сомнительные, очень трудно сказать.

— А хотя... в этом и смысл игры.

Неуместная сентиментальность, но, каюсь, даже заулыбался.

Для заинтересованных лиц это развлечение, достаточное для времяпрепровождения, а для наблюдателей — не более чем смехотворный фарс. И вот с ним — человек, что изначально хотел всегда быть участником, сейчас связан только как с фарсом.

Выпускники выкладываются так, словно опьяненные последними днями лета, а тот, кто сам все затеял, отворачивается, чтобы не видеть.

Прошлые двоих гениальных спортсменов.

Кирису Яитиро отбросил его от себя, а у Игурумы Казуми его отняли те, что вокруг.

Разными путями, но их лето прошло, финал, занавес.

Отбросивший человек полностью сошел со сцены, потерявший спортсмен — превратился в фантома, сейчас убивающего бэттеров на дорогах.

— Блин, ниче не изменилось.

А если бы летом два года назад Кирису играл против Игурумы Казуми... нет, если бы он хотя бы не бросил бейсбол — до такой истории бы не дошло.

Я не могу винить его. Потому что мы не настолько ловкачи. Что выгорело — не собрать, не найти новой страсти: слишком тошно.

Да к тому же почти невозможно поверить, смириться, что то, что ты настолько любил, на самом деле так легко примет тебе замену.

— Ах да... Замены не найти. Можно только подобрать похоже. Ну так и все нормально же! Нечего ломать хребет в поисках совершенно одинакового.

Человек, которого называли гением, напрочь отбросив чувство любви к бейсболу, тем самым защищает чувство любви к этой игре. Незаменимо-невозвратимое он тщательно оставил корректно невозвратимым.

Он не хочет в слезах цепляться за потерянное, принижая цену того. Если постоянно держаться, то и сам бейсбол, и сам он, когда-то ведомый духом бейсбола, обесценятся. Поэтому — напрочь, со словами «да, и так бывает», он только обернулся. Лишенной сожалений фразой он отдает почести сиянию утерянному к сиянию теряемому.

— Игурума — противоположность. Конечно, у них и не клеилось никогда.

Этот момент наложился по какой-то ошибке.

Спортсмены, не ставящие победу во главу угла.

Гениальный бьющий, сказавший: «Бейсболу можно быть просто интересным».

Именно от этого все решили, что у него недостаточно таланта для профессионала. Кирису машет битой не ради себя, а ради бейсбола. Эта искренность, должно быть, показалась страданием тем, кто ее лишен.

Оторвав взгляд от захватывающей игры, снова двигаю ногами.

На пути к Сикуре электричек нет. Как назло, нет и параллельной трассе дороги, что дала бы ночную безопасность.

Я шел по четырехполосной дороге государственного значения, и передо мной оказался разъезд, расходившийся вниз и вверх.

Пешком, понятно, понизу, мимо опоры перекрестного моста.

Под разъездом было мрачно, безлюдно. Единственный длинный путь, сделанный под мостом. Над головой с эхом грохотали двигатели и колеса, но внизу было одиноко, словно в ином мире.

Вытянутая и незанятая автостоянка.

Голубоватый свет и узковатая, но прямая, просматривающаяся полоса асфальта.

И вдруг — эхо вскрика электрического звонка.

Левую руку пронизывает импульс резкой боли.

Вынимая золотой телефон, я впериваю взгляд вперед.

Как раз за восемнадцать метров под фонарем — фигура монстра в худи. Рывком открываю телефон и принимаю звонок.

— Это ты, бьющий?

Хриплый голос через динамик.

Недоумевая от собственной расслабленности, я понятливо запомнил, что так и происходит подбор противника.

— Синкер...

Останавливаюсь, кладу чехол наземь.

Выдыхая клубы пара, перед девятым появился незнакомый юноша под капюшоном.

Так Исидзуэ Арика попался маньяку-убийце.

В золотой трубке у уха слышится нечеловеческое дыхание.

Лето — пора страшилок. Отнюдь не призрак под сакурой у ворот, но фантом под синеватым фонарем — стоит так, что чуть не падает, смеривая меня сосредоточенными глазами. Его вид перешел ту грань, где начинается жалость.

— Ну так что... будешь бьющим?

Голос, близкий к белому шуму.

Мольба на грани гибели с примесью терминальной стадии ненависти.

Порешивший уже восьмерых спортсменов, «безжалостный маньяк» совсем не таков, каким я его представлял.

Это Синкер?

Конечности дрожат от холода.

Это мне бы надо бояться.

Его глаза жалко наблюдают за мной.

Когда-то бьющие ощущали себя его мишенью и хотели удрать.

Сейчас все до боли наоборот. Он не тот, кого молят о жизни, а тот, кто жаждет помощи.

Голосом не повергателя, но госпитализируемого убийца Синкер повторяет:

— Пожалуйста... Ты же бьющий?..

«Сразись со мной».

Как наркоман, зацикленный, ничего другого не надо.

На миг промелькнуло — если я сейчас рвану на полной, то смогу удрать, — но через две секунды — нет уж. Закрытая длинным рукавом правая рука Синкера уже давно держит мяч.

...Не обманись этим ноющим от жары голосом. Его нельзя жалеть. С давних времен фантомы с мольбой о помощи утаскивают живых в ад. Это просто мертвяк и ищет своих. Бежать нельзя. Увидел привидение — все, отбивайся, иначе не спасишься.

Сжимаю битую. Как там моя левая? И проверять незачем. Черный протез с момента появления Синкера просто пылает.

— Черт... Вот это ни фиги себе совпадение.

А ведь я не все успел узнать о том, как Игурума Казуми дошел до такого, да и отнюдь не горел желанием, если бы не протез. Сейчас моя кровь бурлит, сам не ожидал. Черный протез руки придает Исидзуэ Арике отваги. Ага, хочешь смертоубийств — что ж, изволь. С чего эта левая рука вообще активизируется?..

— А может, и ни фиги себе фиговый момент.

Взяв битую в обе руки, широко вздымаю ее строго вверх.

Двигаю над плечом назад, расслабляя плечевой пояс.

Тело готово. Психика малость подрагивает, но как еще играть насмерть?

— Ладно, смертоубийство так смертоубийство. Поехали, одержимый.

Красивым жестом отвечаю на белый шум фантома.

Синкер изогнул рот под капюшоном в улыбке, закрыл телефон и поднял правую руку — рукав затрепыхался, как крыло.

Нет сигналов на старт.

Очень грубый, но гладкий питчерский мах.

Боковой шутбол, грозящий вгрызться в грудь бьющему мне. Невыполнимый для среднего спортсмена крученый на ста тридцати километрах в час.

...Доносится отрывистый звук. Отбитый мяч отлетает совсем не туда, куда я думал.

Зацепившись о битую, он не попал на игровую территорию, а слетел с дороги и исчез под разъездом. Фолбол, что называется. До двух страйков считается страйком, а потом — не учитываемымся недобитым хитом.

— Ч... что?

Лицо питчера за восемнадцать метров от меня явственно исказилось в изумлении.

Первая подача кончилась ничьей с потерями. Счет — один страйк. Очевидно, мой промах. Чуть протормозил в приведении себя в нужное для бэттинга состояние. Здесь не квадрат, а жесткий асфальт. При чуть лучшем упоре для задней стопы можно сопоставить скорость мячу.

Все с тем же одурелым взглядом маньяк-убийца бросает второй мяч. Опять шутбол. И вновь сочувствие нерешительно посещает меня. Два раза подряд одинаково... Как

бессмысленно. Что, до этого его противники были такого уровня, что исполнялись самодовольства от таких наигранных бросков?

Слабый отрывистый звон.

Чуть более заметный, чем в первый раз, фолбол отскакивает на асфальт.

— Блин. Не зелени меня, а то щас в рожу отобью.

Счет — два страйка. Но да, я уже подобрал тайминг. Если опять зафигачит шутбол, игра окончена.

— Чего ты удивляешься? Ты не знаешь, что на Сикурском холме есть два гения?..

Впрочем, про меня только зря болтали. Пока Кирису, паршивец, не показался во всей красе, гениальным Сикурским бэттером звали меня, ага?

Я крутанул битой и расслабил плечи.

Требую от ошеломленного двукратным задеванием питчера третьего броска.

— Хей, питчер. Если следующий не бросишь всерьез, умрешь, ведь так?

— Х... х-х!..

В глаза Синкера возвращается свет.

Третий мяч — слайдер, не попал в страйк-зону. Разумеется, пропускаю. Четвертый.

Прикинулся, что будет шутбол во внешний угол, а послал во внутренний. Курс — по краешку страйк-зоны. Беспомощный фолбол. Пятый. Этот тоже фол. Шестой был напряженным, но фол. Седьмой, и этот фол.

— Тьфу...

Так это я был самодовольным. Уже начинаю замечать — с каждым броском Синкера его скорость и качество крученых растет. Давление не только в этом. Неестественный мороз заставляет забыть о летнем жаре. В пронзительном взгляде — ярость, сконцентрированная на убийстве цели. Тошнота... словно армада кузнечиков, брызги отвратительного ощущения.

Счет — два страйка, два бола.

Уже седьмой мяч.

На лбу выступает пот. Противник поднимает передачи, следом накаляются нервы.

Бэттинг — совместная работа с питчером. Концентрируешься на его малейшем движении, с каждым началом движения синхронно делаешь свое.

Бэттинг — не бой с питчером. Это равнение на него. Единство с его мыслью, дыханием, движениями. После этого совмещаешь битку и мяч. Неизбежно. Сейчас Исидзуэ Арика уловил состояние бросающего, как свое, и...

— А... ха, ха!.. Хорошо, наконец-то проснулся!.. Ты способный, когда возьмешься!..

...ощутил жажду убийства Синкера, который от возбуждения пробудился.

Образы совпали.

Уже нет той ослабленности.

Живые глаза. Властная поза. На губах — улыбка победителя, уничтожившего многих бьющих.

Карё Кайэ спрашивал, почему Синкер так ухватился за бейсбол. Дело ясное. Для него питчинг — как дыхание. Как он умер бы, перестав дышать, так для этого убийцы бейсбол — не что иное, как незаменимый для выживания *символ жизни*.

Извращенная навязчивая идея носителя синдрома А. Этот демон — воплощение глубинного заблуждения, что он не может *просто жить*. Это не то, что у Сэкуры Юмии, а настоящая одержимость.

— А, кстати...

Я говорю намеренно спокойно, но сейчас и я попал в колею прежних его жертв.

Не видно и пара дыхания из-под капюшона. Чем больше накаляется матч, тем больше к нему возвращается рассудок?.. Стоящий передо мной в отдалении маньяк уже перестал быть питчером, с каким Исидзуэ Арика мог бы скрестить мечи.

Все верно. Я еще могу попадать битой по мячу. Следующий мяч я, кажется, предскажу, но вряд ли смогу взять второй. Однако это только при условии его привычных скрюболов. Легендарный двойной синкер. На демонический мяч с двумя ступенями кручености я и отреагировать-то не успею.

— Ага... То-то я думаю, знакомое лицо, так ты же Исидзуэ-семпай!

Убийца, не знавший даже, с кем играет, наконец-то сообразил.

— Мы что, знакомы?..

Особо растрепываться ресурса недостаточно, но я на автомате среагировал.

— А? Ты чего это? Даже я тебя помню, хоть и давно дело бы... а-а, все, я понял. Ты говорил же... Черт, хреново как. Тебе, похоже, тоже нелегко пришлось.

Синкер сердито сплевывает. Похоже, он не может терпеть вида моего увечья.

— Но, вишь, ты в конце концов каким стал? Тогда-то и *речи не шло*, а сейчас речь *идет*... Рад за тебя, Исидзуэ-семпай. Сокровище Сикуры оказалось не подделкой. Да, будь у тебя обе руки живые, мы бы на втором мяче закончили. Ты что, не станешь оправдываться и объясняться, что ли?

Факт. Если бы обе моих руки были как раньше, я бы не опоздал за мячом.

Но если бы я такое и сказал, положение не изменилось бы.

— Ишь. Ну ладно, к следующему броску желательно бы собраться, да?.. Хорошо смотришь! Мне уже неловко, семпай. Ты же мне во всех смыслах семпай и пример для подражания, и я бы мог начать тобой восхищаться, если бы вдруг что... Но, если честно, это выглядело бы не как уважение, а как черт-те что.

Берет восьмой мяч.

...С правой руки стекает кровь.

То ли поранился, а то ли у него с самого начала была рана, которая теперь открылась. В общем, правая рука Синкера, словно протестуя против постоянно жестокого обращения, издает трескучий звук.

— Но и этому конец. Ты отмучаешься... Правда, хорошо, что ты участвуешь, семпай. А то все не было и не было... У меня что-то уже голова кругом идет и туманится как бы. Но один раз, пока чего не вышло, я бы хотел с таким бэттером, как ты, побиться всерьез. Маньяк-убийца готовится бросать.

Через две секунды предчувствие краха смягчает исходящее из левой руки чувство.

Ощущения опасности у меня и так потеряно.

Страх стирается протезом.

Я спокоен.

Поэтому даже перед его лицом, перед смертным приговором его броска...

— Разве?.. Ты же с другим хочешь сразиться, Игурума Казуми.

...я холодно бросил разительную фразу.

Движение останавливается. Жажда убийства, что была как стрела, прерывается.

Естественно. Игурума Казуми не может проигнорировать мой полувопрос. Несколько секунд молчания. Синкер открыл было рот, но помотал головой — «нет», избавляясь от сожалений о былом. «Это никак». Словно убеждая себя — «нет уже другого».

— Вот как. Ну да, да. Верно. И речи быть не может о тех, кто бежит от дуэли с соперником так, что бросает бейсбол. Все верно, Синкер. Он уже давным-давно спекся.

— Не спекся...

Жажда убийства возвращается, как огонь.

Это уже не та грязная ярость. Это гнев, рожденный при виде того, как поносят тех, кому веришь, праведный гнев живет в правой руке мастера демонического мяча.

— Он и сейчас лучший бьющий.

Да я что, не знаю?

В настроении ли он, нет — без связи с этим в нем живет богатырь. Может, он и покрылся паутиной, но ударь разок — и благородное золото его лат блеснет вновь. Это тот, кем ты, да и я тоже, восторгаемся так, что даже не завидуем, гениальный игрок.

— Вот каков Слагер... — отрезает маньяк-убийца.

Питчер и сейчас ждет бэттера.

Отрицает, что тот предатель, и верит в него.

Как это смешотворно. Я так еще до мячика от ржаки двину копыта, хоть и не конь. Что-то меня повело с этой левой рукой. Я же с самого начала понимал. Не я должен отбить его мяч.

— Прости, что отвлек, Синкер. Но раз уж разговорились, еще один вопрос. Когда все кончится, что ты будешь делать? Продолжишь, как всегда?

Если так дальше пойдет, за лето он прикончит всех бьющих. Пусть он перебьет всех, кто отнял у Игурумы Казуми бейсбол, а дальше что? Просто продолжит свой бейсбол смерти так же естественно, как дышит?

Он что, вообще не задумывался?.. Синкер опустил взгляд на окровавленный мяч в руке.

— Нет. Я. Я, когда закончу, то вернусь домой... Да. Там мама одна. Надо наконец вернуться и успокоить. Ради этого... я всем им заткну рты и вернусь к бейсболу.

— Игурума...

Слова, что мне не следовало слышать.

Это не моя роль. Эту одержимость должен остановить другой человек. Понимая это, я впервые всерьез подумал о своей работе экзорциста.

— Вернешься к бейсболу — то есть сейчас это не он?

— Каким местом это бейсбол? Я вернусь на холм. Ради этого я убью всех, кто в курсе дела. Заткну рты тем, кто поломал мой локоть, кто знает, что я *уже не оправлюсь*. Тех, кто понял, что я одержимый, я всех без исключения убью.

Хреновое кредо.

Ну да, те, кто бил Игуруму Казуми, знают, что он уже не может быть питчером. Что они подумают, увидев, что он вернулся?.. Странно. С таким локтем невозможно оправиться. Должен быть какой-то нечестный трюк. То ли допинг, то ли еще что-то. Полученные от синдрома А новообразование и новая жизнь как питчера.

Поэтому — убивать. Не чтобы мстить, а чтобы после продолжать игру в бейсбол за кулисами, он и будет убивать всех, кто знал, что он не мог вылечиться. И это...

— Кто знает, как все на самом деле... и ты, который знает, что я — Игурума Казуми... то же самое, что и они.

Мастер демонического мяча заносит кровавый восьмой мяч.

Форма — нижний бросок.

Запущенный мяч показал, что говорить больше не о чем, и, взрывая воздух, исчез из поля зрения бэттера.

Мячи не делают второй поворот.

Скрюбол, крученный, падая, изменяет траекторию. Какой неподражаемой рукой, какими силами бы он его ни бросил, мяч не полетит по прямой. Он всегда падает. При этом мяч может свернуть влево, вправо, может уйти еще ниже — это и есть скрюбол.

Свернув влево, повернет вправо?

Упав, подскочит вверх?

Так не бывает. Нижний бросок дает такой крученный, что дуга машущей понизу руки придает мячу движение вверх, а потом заданным поворотом сворачивает при падении.

Изначально мяч взлетает не поворотом, а от взмаха руки.

Но мяч на моих глазах оказался таким вот сюрпризом.

Вообще пропал из вида. Ушел от моего левого плеча и дальше влево, разбрасывая кровавые цветы, свернул направо, а в момент попадания в страйк-зону подскочил прямо вверх, целя в челюсть бьющего.

Полусекундное мгновение.

Не махая битой, еле отдернув голову, я спасаю себе жизнь.

Вот он как... Гарь в носу и то, что случилось прямо перед ним, ошеломило и просветило меня.

— Думаю, ты понял, но я нарочно, семпай. Я уважаю тебя и сейчас специально промахнулся. Теперь — два страйка, три бола. Что будем делать, Исидзуэ-семпай? Дальше пути нет, счет полный!

Что будем, то и будем.

Я примерно, но понял, как работает его скрюбол.

«Вон оно что, вот какая хитрость!» — нахваливая себя и сердясь на себя же, не могу придумать противодействия.

И вообще, по условиям этой дуэли 99% не отбиваются. Можно закрыть глаза, махнуть битой от балды, и если по случайности мяч окажется там же, где по такой же случайности окажется бита... это уровень чуда. Носители синдрома А — кто их знает, но нормальный человек такое не победит.

— Последний. Дальше не отобьешь — умрешь, ага?

Синкер хватает девятый мяч.

По условиям уже все кончилось. Сейчас побегу на Синкера — не успею, побегу от него — по затылку влепит.

— Х-х!..

Похоже, жаркий яд от левой руки поступать перестал, потому что мир дергается и пропадает от ужаса перед смертью. Чувства опасности у меня нет, но ужас есть. В условиях неизбежного убийства Исидзуэ Арика наконец возвращает себе обычный человеческий страх.

Слишком запоздалое сожаление.

Ага, корю себя, все-таки схватился за что не надо, а правая рука Синкера подносит мяч к груди. Входит в сетап-моушн, движение начала броска.

И в этот момент, за секунду до гибели...

— Э-э, запасной, запасно-ой! На замену Унылому Малому приходит Огненная Рука Успеха, бьющий Хиномори Сюсэй. Поприветствуем!

...гордо, как стена какая-нибудь, появился мужик в черном плаще. Защищая меня, застывшего перед лицом фигуры в капюшоне с косой, то есть мячом. Этак всхлопнул плащом, словно расправив крылья. Плачевная, но милая сердцу сцена появления героя.

— Ты...

— Йо, парень. Это называется пинч-хиттер, да?

Лицом вполоборота ко мне, Хиномори Сюсэй медленно ухмыляется. Мастер демонического мяча смотрит на внезапную помеху одурелыми глазами.

...Хотя это неважно. Причины причинами, но это — боук, дорогой Синкер.

✎

— Йо, братишка, хочешь поиграть? Ну так вперед, дяденька с тобой поиграет! Тебе отнюдь не будет скучно. Определенно веселей, чем затырживать приличных, здоровых, из хорошей семьи, а посему можешь разок расслабиться, улыбнуться и сдохнуть!

Мужчина в зеркальных солнечных очках и плаще.

Он, ранее назвавшийся Исидзуэ Арике как Хиномори Сюсэй, дружески заговаривает с маньяком-убийцей.

В его руке — палкообразный сверток. Тоньше и длиннее, чем бита. Видимо, длинный меч, замотанный в тряпку, тренировочный. Кажется, он считает его битой. Он вытолкал Исидзуэ Арику в запас.

— Э, ты чего...

— Да ладно, ладно. Арика-сенсей, где-нибудь в уголке сиди дрожи, обхватывая дланями чело. А, только по возможности болей за меня, мне будет приятно... Поддержка зала меня странным образом восхищает. Угу, вот так хорошо, как бы, ну, когда этак тщеславно и вы-

надоели-молчать так и прет, то разве это болельщик, но раз уж делать нефиг, лучше дома сидеть пазлы выкладывать. Время терять лучше веселей, как-то так, ну, когда все прижимает и разгорается упоение в бою и бездны мрачной на краю, скажи!

Хиномори Сюсэй, сухо хохоча, горизонтально взрезал воздух длинным мечом. Исидзуэ Арика округлил глаза, зрачки в точку, и ретировался... Может, от вида страшного клинка, а может, не желая больше слушать такую околесицу.

— Пинч-хиттер... ты вообще понимаешь, что он такое?

— Еще бы. Маньяк-убийца, про которого слухи, да?.. Ну. На вид малость не подходит, но где-то наполовину не могу пройти мимо, так что... немного слямзю софитов у героя. Я не тебя спасаю, так что можно не чувствовать себя обязанным. А если уж о-очень охота считаться, то думай, что это сдача за джанк-фуд.

Взметываются длинные волосы и плащ; Хиномори Сюсэй встает — меч в обеих руках — против Синкера как бэттер.

— Не знаю, что ты затеял, но... — Синкер перевел взгляд с Исидзуэ Арики на новоявленного монстра, отступил на шаг. — Раз встал на изготовку, то теперь ты моя добыча.

В глазах маньяка-убийцы светится гнев.

Синкер раздражен тем, что прервали его выигрышный мяч, который решил бы дуэль, и вызывающей беспечностью этого мужчины. Для него эта игра — серьезный бой до смерти. Естественно, неинтересно, когда кто-то ржет и все портит, но более всего его решительно злит поведение мужчины.

Мужик без слов говорит: это, может, и смертельная игра, но все равно бейсбол. Такие детские забавы нечего принимать всерьез.

— Три мяча... Что ж, если повезет, не умрешь, Черный плащ.

Грозный убийством взгляд мастера демонического мяча уперся в молча ухмыляющегося Хиномори Сюсэя.

Противостояние маньяка-убийцы в капюшоне и монстра в плаще.

Зловещая, гибельная атмосфера, не подходящая летней ночи — да что там, не имеющая права на существование в мирном городе.

От разезда вверху доносится рокот машин, но ощущение отдаленности куда большей, чем на самом деле. В стороне от дороги, перед автоматом с напитками, Исидзуэ Арика следит за развитием событий, и в его душе что-то скребется.

— Ого. Уф, тут автомат по сто иен.

Попивает баночный кофе.

Однако — вопреки уверенным ожиданиям, Хиномори Сюсэй не поднял ни руки, ни даже ноги навстречу Синкеру.

Первый мяч, второй мяч, оба пропустил мимо. Всего за две минуты набрав два страйка, он и сам озадаченно — такое не отбить — насупился.

— Ты че, новенький, только языком чесать здоров? — подтрунивает Синкер. — Ты бы хоть рукой махнул, а то все впустую.

Мужик в плаще, напротив, ничуть не напряжен. Хоть и встал на место бьющего, но не двинул своей импровизированной битой... Нет, он даже надобности двигать мечом не чувствовал.

— Ну, блин. Мне казалось, реально стоять на квадрате клево...

Позевывает... И гадать уже нечего. Скрюбол на ста сорока километрах в час. В обстоятельствах грядущего страйк-аута и расставания с жизнью он очень скучал.

— Гм-м. Вообще-то темновато, плохо видно. Честно сказать, так драйва ваще нет. Слышь, браток. Как одержимый одержимому — может, добавим скорости?

Реет черный плащ.

Бывалое ли дело? Хиномори Сюсэй чуть присел на месте и высоко подскочил.

— Кха?!

Брызги баночного кофе Исидзуэ Арики.

Высота — полных шесть метров. Лунное сальто, которому судьи могли бы дать 10-10-10-10, слишком безупречное — мужчина описал баллистическую кривую высоко в небе.

— Так, так. Дальше нужен супермощный спотлайт-прожектор, да!

Черный плащ исчезает.

Смотрящий снизу, с дороги Исидзуэ Арика не видит, что происходит потом. Только воображение подсказывает, что что-то случилось.

Жалобно вскрикивает звук тормозов. Водитель перепугался, наверное: на скорости под семьдесят в свете фар внезапно появляется нечеловек. Дал по ручнику или не успел? За эхом пронзительного визга шум продолжился, как в анекдоте.

...На разезде над головой разверзся ад.

Одно за другим — вторичные столкновения. Мост запылал. Постоянные вскрики тормозных колодок. Скрежет и вой металла. Вопли людей. Хаотический оркестр. И опять высовывается причина всех бед.

— Для импровизации отлично, а? Ладно, поднимайся, юноша. Тут хоть чуть-чуть повеселее, поиграем с тобой.

Мужчина улыбается, на фоне мечется пожар.

Более двадцати тяжелораненных, каким-то чудом нет смертельных исходов — так записано в этом деле о бильярдном столкновении на трассе Сикуры, которое до его вторичного появления будут считать несчастным случаем.

Его имя — Хиномори Сюсэй.

Два года назад разыскиваемый с крупномасштабной облавой по всей южной границе префектуры С, установленный виновник серии убийств с особой жестокостью. Бежал по дороге в клинику имени Ольги и с тех пор затерявшийся, прозываемый в слухах Вампиром одержимый.

Что увидел Синкер в этом мужчине на фоне пожара?

Он, как макака, взобрался на столб освещения и спрыгнул на полосу. Как Хиномори Сюсэй, одним прыжком взобраться он не смог, но все равно продемонстрировал весьма поразительные для обывателя физические качества.

Поднявшийся на сцену Синкер встал напротив одержимого на фоне пожара с волей убивать и еще большей враждебностью.

— А ты мальчик, вон как пришел. В награду оставайся на своей стороне. А мне и на этой весело.

За пару минут разезд превратился в ад, но разбитые автомобили пылали на левой стороне дороги, а правая не претерпела изменений. По ней проехала машина, любящая на горящие следы происшествия в зеркало.

...Посредине этой правой стороны стоял черный плащ. Среди не летящих пуль, но надвигающихся на скорости в семьдесят километров в час груд железа, он улыбался, держа длинный меч наизготовку.

— Хей, юный бейсболист, это последний мяч. Я тут кое-как уворачиваюсь, так что можешь кидать в страйк-зону. Не парься, это все-таки просто игра в мячик. Нужно же зрителя побаловать зрелищем, а то обидится!

Хиномори Сюсэй не в своем уме.

Но и Игурума Казуми тоже давным-давно выжег свой здравый смысл.

— Игра в мячик, говоришь...

Не победить. Этому мужчине никак не победить, кричит одержимая правая рука. Не победить — значит, вывод ясен. Брошу — отобьют. Отобьют — умру. Стоит третьему мячу подняться в воздух, его жизни конец. Но Синкер не остановится. Он не успокоится, пока не уничтожит этого человека, поносящего бейсбол своим «игра в мячик», этой же самой игрой.

— Ха-а!..

Подавляя агонию сухожилий, взмахивает правой рукой.

Скорость и траектория молниеносны.

Демонический мяч, который не отбить человеку, пляшет зигзагом над трассой, направляясь к цели.

Цель — не тело, но страйк-зона.

Маньяк-убийца Синкер — тот, кто сбивает спесь с бьющих. Сначала — страйк-аут, иначе жизнь бьющего не забрать. Пусть даже его охватило предчувствие, что отобьют, это правило неизменно... А в итоге:

— Уть... н-ха-а?!

Хиномори Сюсэй просто, изящно промазал по демоническому мячу Синкера. Свинг был устрашающим и пустым. Необсуждаемый промах. Элегантный, как фанера над Парижем, такой не стыдно и людям показать.

Так закончилась дуэль, и Синкер без колебаний сжимает наказующий мяч. Цель — затылок Черного плаща. Демонический мяч, уносящий жизнь добычи, пропустившей страйк-аут. Атас, человек-черный-плащ Беги, человек-черный-плащ. Если бы рядом был Исидзуэ Арика, он бы наверняка со всей мочи орал Хиномори Сюсэю: «Ну ты ламер!» — Ох е... М-да, такое поди отбей. Это ж не какой-то двухступенчатый крученный. Он не только направление, а еще и скорость меняет! Ясно, ясно, вот как можно управлять еще, ишь...

Нет желания слушать отмазки Хиномори Сюсэя. Синкер, словно равняясь с проезжающей машиной, выпустил демонический мяч вбок от цели.

— О?

Демонический мяч промчался мимо Хиномори Сюсэя, пропал во тьме, а потом, искрясь, налетел на незащитную цель.

Все как обычно, траектория, впрямую, ни сантиметра ошибки — атака, пробивающая затылок. Но...

— Не, так не пойдет.

Как и при предыдущем страйк-ауте, Хиномори Сюсэй просто увернулся от пущенного из мертвой зоны демонического мяча.

— Угу. Отбить тяжело, но уж увернуться-то кое-как можно.

Фигура в плаще выходит из стойки бьющего.

Перехватив длинный меч в одну руку, подносит палец свободной левой ко рту. Из щели между нечеловечески кривыми зубами к пальцу высовывается длинный язык.

— Хорошо, хорошо, ты победил, юноша.

Черный плащ колыхается.

Свесив руку с длинным мечом, вампир наконец сбросил свою личину живчика...

— Но сам понимаешь... Удача выжить с этим не связана.

...и жестоко ухмыльнулся, как играющий с добычей волк.

Вьется по ветру черный плащ.

Ненавязчиво сделанной первый шаг.

Почему-то Синкеру это не показалось даже началом наскока на добычу.

— Кх!..

В два счета сожрет. Такое интуитивное заключение заставляет Синкера взять первый мяч. Он на полной скорости отталкивается ногами и отпрыгивает назад. Вынув левой рукой из-под парки мяч, он пасует его в правую, одновременно быстро сжимаясь, скручиваясь. Скаля неправильные зубы, Вампир одновременно с шагом подвергается атаке безотказным демоническим мячом.

Достойно восхищения.

Отпрыгнув назад и закончив прыжок на крыше одного из потерпевших аварию автомобилей, он одновременно на одной опорной ноге поворачивает тело вбок. Если

смотреть сверху, его боковой похож на красивый правильный круг, как по циркулю.

Выдав мяч на ста тридцати километрах в час, он не прекратил поворот.

За какие-то две секунды три оборота, как юла. С машинной правильностью выпускает целых три демонических мяча. С разрывом в полсекунды они устремились к цели.

С точки зрения цели — слева, справа, и практически точно сверху. Мячи, призванные поймать Черного плаща, через секунду свернули под прямым углом, каждый в свою сторону, и метнулись под невероятными углами к цели.

Вмиг перекрывшие три стороны, незримые снайперские удары. В щели между этими необратимыми ударами Вампир захохотал.

Если серийная атака Синкера — филигрань от руки человеческой, то Вампир — на уровне стихийного бедствия.

Окруженный с трех сторон, Черный плащ побежал к Синкеру. На скорости, когда остается размытый силуэт, вертясь и приплясывая, превращаясь в воронку смерча, оставляя ямы на асфальте. Если Синкер — машина вращения для испускания демонических снарядов, то и этот мужчина — бешено крутящаяся юла. Балетными движениями он усиленно избегает мечущихся пуль.

Как это понимать?.. Это не были случайные отклонения от обстрела. В миг поворота демонического мяча траектория замечалась и минимальным движением избегалась, что и привело к такому итогу.

У Синкера — три мяча. Каждый из них свернет дважды — получим диффузные, неоднозначные отражения суммарно шести атак. Черный плащ бешено пляшет, без труда избегая их.

Ни один не попадает. Синкер больше, чем бешенством, что его демонические мячи бессильны, ошеломлен пронзительным страхом. Не то... В скорости этого мужчины что-то не то. Критериями «быстрее того-то», «медленнее того-то», «круче того-то», «резче того-то» — такими... счетными критериями — его скорость неизмерима. Со всей определенностью явствует — его скорость качественно отличается от нас. Даже если мяч быстрее по скорости, в этом нет смысла. Не достанет, даже если будет двигаться быстрее *этого*. Что-то неправильное для живого существа. «Пока это непонятно, такого врага не повергнуть, от него не убежать!» — кричит все тело...

— А...

Подавляющий запах смерти. Подгоняемый ужасом, что через секунду придет *это*, он лишится головы с одного маха, Синкер вспомнил по ассоциации о чем-то очень похожем. Фактически — дурная история, но Черный клубок, что надвигается на него сейчас, был неотличим от выпускаемого огнем боевой машины вьющегося по земле фейерверка.

— Ну и!..

Стряхнув воображение, он бросает четвертый мяч.

Расстояние между ними — уже менее четырех метров. Занимающим менее секунды питчерским движением, не имея возможности достаточно раскрутиться, он не может многого ожидать и от скорости, и от контроля.

— ...что с того-о!..

Он бросает обычный быстрый мяч. Прямой, в лицо, он был избегнут. Однако этот мяч обладает доступной только для Синкера особенностью. Истинная суть двухступенчатого синкера: пятнистый демон, заставляющий мяч свернуть под прямым углом, уж на этот раз снесет голову цели!..

— Ну блин, я что, не вижу?

И Вампир легко разгадал трюк.

Как адская птица, Черный плащ взлетает. Опускается на капот, держа страшный меч в левой руке на уровне пояса, и демонический мяч, летящий из явной мертвой зоны, возвращающийся, сыпля искрами, сзади, пролетает мимо из-за легкого движения шеи.

— А... А...

— Однако ты, юноша, головастый... За долю секунды зажигаешь налипшую кровь, пользуешься ей как реактивным движком. Сзади, опять же по приказу, скрюбол меняет направление и ускорение. У тебя, юноша, новообразование — не какой-то там локоть. Сама кровь, горящая с искрами, — истинная способность Синкера... Ну и ну. Надо же, есть и кроме меня сорвиголова, который жжет эту шпуку как горячее. Без дружелюбности. Несмотря на содержание слов, голос Вампира крайне холоден. Синкер не может двинуться. Меч в руке черного плаща. Нет, даже не меч, а копьё. С силой сжатое в руке страшное оружие сейчас почти бросается на него. От такого страха, какой дает угроза быть пробитым крупнокалиберным снарядом, не работают ни ноги, ни голова.

— Ну что вы, не удивляйтесь, коллега. Такой фокус один раз увидишь, и вся соль пропадает. Даже тот малый, что внизу, заметил!.. А-а... Но да, это правда только твое, уникальное. Такое не повторить, если изначально не крутиться, как бог питчеров. При размерах бейсбольного мяча два поворота — предел, я полагаю? А то будешь делать больше, и все прогорит! Но эффективность ни к черту. Если так вот выкладываться, то и недели не протянешь, ну?.. Ладно. Бережешься ты или нет, все равно здесь тебе ■■■■■■. Лицо вампира приближается.

Подходит вплотную, словно чтобы впиться в шею.

— А...

«Не хочу умирать. Спасите».

Глаза Синкера вопят об ужасе.

И в этом ничего удивительного. Они стоят лицом к лицу. Под зеркальной поверхностью очков он увидел глаза Вампира.

Глаза без зрачков. Словно у демона безумного гнева. Глаза льда, выдавливающего жизнь из всего, что видит их.

— А...

Левая рука Вампира взмывает вперед.

Длинное оружие врубается в шею Синкера.

Пропавшие перед лицом смерти мысли бесполезно приходят к умозаключению. Что за извращенный сюжет. Оружие этого мужчины — не меч, не копьё. Это же старинное средство уничтожать вампиров — *огромный осиновый кол...*

Цвет красящего ночное небо пламени сулит беду.

Почти четыре минуты я смотрел вверх от автомата с кофе на разворачивающуюся трагедию. Все, впрочем, происходило на шестиметровой высоте надо мной, и только и были слышны смачные звуки катастрофы, но и это буйство перегорело.

Звуки сирены издали. Если остаться здесь, допросят из-за подозрительного поведения, и в нашем с Мато-сан романсе наконец может подняться флажок трепетной беседы в КПЗ.

Собравшись удалиться, я опускаю банку из-под кофе в мусорную корзину, и тут...

— Э-эх, незадача, незадача. Ну не сходится с такого стиля «настоящим» обмениваться тычками, пинками и огоньками... О, вы еще здесь, юноша? Ваше стремление воспитанно досмотреть представление до конца zelo радует.

С разезда прыгнул бредящий Черный плащ.

Деревянный меч в руке... или даже железную трубу... а то и вовсе нечто, как железная труба с косым концом... в общем, он это вновь оборачивает в тряпку и с потрескиванием поводит плечами. Его движения как бы говорят: «Сделал дело — гуляй смело».

— Гм?.. Чего, мотай быстрее, а то слопаю! А, если будут мурыжить, про меня ни гу-гу, ага? А то время потеряешь на разное, опоздаешь вернуться домой. Если придется, то рекомендую восхвалять. Но да, как человеку было бы желательно к часу двадцати быть дома!

— Пардон, но даже если попросите, я ничего не расскажу. Так что с ним, отбили?

— Ты в меня верь, достойный страйк-аут.

Черный плащ смеется без причины. Верный признак.

— Не понял... Такое там устроить – и страйк-аут?

— Ну, гм, это ж представление, так? Все равно под конец драчка насмерть, да? Вот, так что надо было в первой половине красиво проиграть умельцу. Согласись, бросить в конце цветы — минимум приличий для взрослого.

Мужчина снова изгибает губы. На сей раз к его улыбке примешаны настоящие мысли, она гармонирует с его грозной внешностью, жестокая, беспокоящая.

— Цветы в конце — то есть Синкер, того?..

«Убит?» — не сумел выговорить я.

Пламя происшествия где-то над головой, левый протез болит больше, чем когда играл с Синкером, звук сирены совсем близко. Все эти разные компоненты сдвинули сознание куда-то к неповседневности, но я заколебался сказать безвозвратное слово.

— Не, не убит. Потому что нет нужды. Когда прижало, у него на лице написано было желание удрать, и я дал ему удрать. Это зазывальный бизнес? А, тьфу, строго наоборот. Э-э, зазывально-отпускальный? Тоже как-то не так...

Ну и что это? Разнес все к чертям, а в результате ранил и отпустил?..

— Ну-ну, не делай такое лицо, юноша. Говорят тебе, пусть бегаёт. Это уже — в ауте. Он хочет сам себя уничтожить, ну и отпустим. Опять же, он только кажется, что жив, но у него правая половина тела уже отмерла.

Правая половина тела уже отмерла. Нюанс, что не от его руки, а так и было... Разрушение Синкера явно не только ментальное.

— Вот как... И сколько, думаешь, ему до самоуничтожения?

— Сколько ему осталось? Не скромничаем, юноша! Даже если он почти мертвец, думаешь, я прозеваю, если в нем останется жизнь?

Он радостно смеется. Мужчина в черном плаще приятельски положил мне руку на плечо и выгнул рот легкой улыбкой.

— Послушай. Тот одержимый уже самоуничтожен. В нем не осталось жизни. Он давно мертв. Он как механизм, в котором еще осталось топливо, и он не желает останавливаться. Жаль его, но когда огонь в нем выгорит, его судьба окажется на свалке.

Опускает руку. Хиномори Сюсэй легким шагом удаляется.

— Стой. Заодно можно еще вопрос? Ты здесь случайно пробежал?

— М-м? Смеешься, так удобно никогда не бывает. И я до этого кое-кого искал в Сикуре. А сюда пришел потому, что почувал атмосферу боя, подумал — о, весело! — и вклинился вот.

— Ага... Атмосфера боя — это ли не самый удобный сюжет, Хиномори-сан?

Как бы, блин, у нас тут не комиксы.

— Угу. Понимаю. Да, понимаю твою реакцию. Я тоже хоть и обожаю героику, но этот момент сомнителен. Но знаешь, существуют те, кто на самом деле ее чувствует, куда деваться. Вообще, столько трудов, но в этот раз наполовину попало, а наполовину нет.

«Ну ладно», — говорит Черный плащ и уж на этот раз удаляется.

Сирены наконец заполонили воздух, полицейские машины одна за другой вставали вокруг места происшествия.

— А. Точно, я тоже хотел спросить.

Хиномори Сюсэй останавливается, не оборачиваясь.

Человек, способный вмиг убить, несмотря на то, что между нами больше пяти метров и что он стоит спиной, задал...

— Скажи, а где такой протез купить? Ногу я видел, но руку — впервые!

...безразличным голосом вопрос, который нельзя пропустить мимо ушей.

После расставания с ни в каком месте не строгим «братцем» Хиномори Сюэем. Вокруг закишевшего зеваками места происшествия все фактически устаканилось, и полиция даже не стала расспрашивать присутствующих, а я сумел спокойно вернуться. Между прочим, я молча проигнорировал последний вопрос. Если смотреть шире, Хиномори Сюэй стал моим спасителем, и я хотел бы, чувствую благодарность или нет, ради приличия ответить, но ответа просто нет. Я пришел в свою комнату в благотворительной многоэтажке, где Кирису с хозяйской мордой паялился в телек.

Никто не говорил о всего час назад имевшем место ДТП. В местном телевидении префектуры С, наверно, разгильдяи, а может, трассу перекрыли... Наверно, второе. «Трупов не было, юноша. Хоть без кошмаров посплю. А? Проблема не в жизнях? Починка? Возмещение ущерба? Дуралей, в наше время без автостраховки ездят только те, кто еще и без прав, док Арика. Спокойно, на камеры все записано, так что всем все застрахуют. Небось еще новые машины канючить станут!» Вот что натрепал мистер Хиномори. В полиции, может, уже увидели в записях камер наблюдения подозрительного мужика и сейчас ломают над ним головы.

— А, вернулся? Поздно ты, вроде собирался к семи назад?

— Сегодня было что расследовать, где только не побывал. А, и еще по пути домой Синкер напал, так что...

Особенной реакции не последовало.

Прохожу перед Кирису и к ванной. Умываюсь теплой водой из холодного крана, смываю пот. Наверное, нервы успокоились — отклик от левой руки крайне слабый. Полдня с протезом ходить устал, поэтому снимаю.

Обратно в комнату, там как раз Кирису скучающе протикивал каналы.

— Слышишь, на меня Синкер напал.

— Два раза сказал... Че пристал, я же сказал, меня не касается.

Отбалтывается. Реакция в категории предсказуемых. Я тоже не от большого счастья пытаюсь спустить его на грешную. Просто выполняю долг информатора.

— Да, ага. Действительно не касается. Все равно он сам помрет. И полиция создала следштаб, не сегодня-завтра поймают.

Завтра — это, конечно, я загнул, но да, речь о Мато-сан, ей самоуничтожающийся одержимый — дело безотлагательной важности. По ощущениям столько и получается.

— Э... Погодь, в смысле — сам помрет?

Заглотил наживку.

— Да так. Просто он на грани развала. Большой синдромом А в тяжелой стадии... то есть одержимый, который не лечится, а просто живет как овощ — таких случаев много.

Новообразования — правда средство исполнения желаний, но одновременно слишком большая нагрузка на обычные ткани. Если им слишком часто пользоваться не «чтобы выжить», внутренности отмирают и приводят к смерти... А Синкер совсем чуть превысил скорость своей маниакальной деятельности.

Что ни говори, это по человеку за два дня. Если он для всех их пользовался той правой рукой, то, как и сказал мистер Хиномори...

— Впрочем, с моей точки зрения, у него это не столько соматика, сколько психика. У многих пациентов с синдромом А психические осложнения... Одержимые — в основном те, у кого началось с психики, но много и таких, кто уже обзавелся новообразованием и только тогда заболел психически. Синкер из таких. Впадение в детство, частичная утеря воспоминаний. Короче, незаметное даже самому человеку нарушение памяти.

Синкер до начала игры даже не понимал, кто перед ним. Нет, в том состоянии он, наверное, не знал и кто он сам.

Он начал матч, схватил мяч, бросил несколько, и только тогда наконец проявил сознание «Игурумы Казуми». Вопрос в том, сколько потребовалось мячей, чтобы это сознание проявить. Недавно, видимо, сразу с начала игры возвращавший себе сознание молодой человек перешел в состояние, когда одного-двух мячей «не хватает». Это конец. Как зависимый наркоман, он так и после матча... даже после соответствующего правилам убийства бьющего, не получая удовлетворения, останется потерявшим самого себя убийцей-фантомом, пустой оболочкой.

— Очевидно, после этого — финиш. Игурума Казуми становится верным имени маниакальным серийным убийцей и продолжает убивать, пока его не отобьют до смерти. Впрочем, убийца он неподдельный. Преступление по любой причине, при любых воздержаниях — преступление. Наверняка то, насколько убийца в Синкере истинный или временный, самому Синкеру безразлично. Каким он был в конечном счете?.. Это заключение может как-то поддержать не его и не жертв, а только нас, наблюдателей. Все равно нет реакции. Кирису явно твердо решил.

— Ладно, тогда проехали. Больше не буду сыпать соль на раны. Лучше вот что скажи, Кирису. Говорят, ты ради денег на все готов?

«Вроде того», — следует бездумный ответ.

Это радует, что он не возражает.

— Тогда мне надо кое-что подготовить по мелочи, что скажешь?

Кирису есть Кирису, я есть я. Нельзя до бесконечности лезть не в свое дело. Я должен работать, чтобы жить своей жизнью.

— Че-е?.. Что-что, диаметром три метра?..

Кирису скорчился от странного заказа.

— Сделаешь? Если да, затаскивай сюда. Разумеется, оплата, как положено, по получении.

Так.

В этом деле моя возможная роль исчерпана.

Мастер демонического мяча Синкер. Беспричинно бросивший бейсбол гениальный бьющий. Старое обещание не выполнено — разминулись. Цепь событий, что никак не может быть историей Исидзуэ Арики.

Спуск занавеса — роль аса команды Западного блока.

Третье лицо, что просто стояло рядом, только и может, что безответственно распалить игроков, дергаться и смотреть на историческую схватку.

Совершенно очевидно, что решимость и исход — дело участников. Как спортсмена ни поддерживай, ты, в конечном счете, за москитной сеткой; такая наша жизнь.

8/Sinker. (bottom)

Исидзуэ Арика сказал, что Синкер и сам не замечал регресса памяти. Это факт, но неточный. Ведь его память сама по себе уже развалилась больше полугода назад.

Год две тысячи третий, лето.

Как раз закончилась районная квалификация, и деятельность бейсбольных клубов подошла к небольшому перерыву. Игурума Казуми, как всегда, стоял на «холме» и в одиночестве тренировался в бросках.

Нет и следа недавних крученых мячей. До кэтчера мячи вообще не долетали, но он раз за разом пытался.

С тех пор как он по причине травмы локтя ушел с финала отборочных, прошло несколько недель. Не знавшие о внутриклубных тренингах одноклассники думали, что он на реабилитации, но в глазах знавших факты одноклубников его действия были не иначе как соринкой в глазу.

Возможно, под «крышей» родителей Сэкуры Юмии дело рук членов клуба замаяли. Школа озвучила это так: с точки зрения воспитания не дело для молодых людей с хорошим будущим иметь темные пятна в досье.

Эту историю не разгласят. Жертву побоев, Игуруму Казуми, умаслили тем, что доучат бесплатно.

Члены клуба, отделавшиеся чрезмерно легко, сами чувствовали, насколько велика справедливость всего этого, но сам Игурума не был заинтересован туманным грядущим. Важным для него было только одно — станет ли его собственная правая рука прежней.

Неизлечимое раздробление кости. Какой там камбэк в питчеры, с таким переломом трудно просто жить. Отмахиваясь от этого факта, он окунулся в тренировки с головой.

Члены клуба смеялись над неприятием Игурумы Казуми его проигрыша;

Игурума Казуми день за днем вставал на «холм» и день за днем продолжал бросать мяч, который теперь не летел дальше нескольких метров.

Вид старшеклассника, играющего сломанной рукой, у членов клуба вызывал только смех. Дурак, что ли, не знает понятия «сдаться»! — они продолжали издеваться над его жалкими бросками.

Что бы ни случилось, с любой точки зрения — восстановление Игурумы Казуми невозможно. Сам Казуми знал это лучше всех. От Синкера, что заставлял многих бьющих трепетать, не осталось и следа. Он понимал, что теперь проиграет и младшекласснику, но все равно бесконечно повторял тренировки.

Игурума Казуми был в психическом смысле одержим.

Причина заходить так далеко? У него была мечта, перед которой он никак не мог сдаться. Зима, декабрь того же года.

Игурума Казуми, как всегда, закончил тренировку и уборку, которую младшие спихнули на него, и вернулся домой.

На следующий день он ворвался в класс, где занимался второклассник, капитан бейсбольного клуба Сэкура Юмия, и попытался учинить над ним расправу, но учитель его переубедил и отвел в так называемую комнату направления учеников.

Школа оценила психическое состояние Игурумы Казуми как «слегка» возбужденное, с чем направила его в полицейский участок Сикуры, где попросила помощи отдела юношеского воспитания. В тогдашнем протоколе отмечена крайняя степень психического расстройства парня.

Три дня спустя.

Выйдя из камеры предварительного заключения, Игурума Казуми выслушал решение об исключении из школы, под чем подписался. Домой он не возвращался, а был замечен примкнувшим к лицам неопределенного места жительства. В отделе юношеского воспитания же его записали в беглецы из дома и в этом качестве объявили в розыск, но ни один офицер не обнаружил и не задержал его.

Полгода спустя, июль две тысячи четвертого года.

Прошло целых шесть месяцев, и летняя жара как раз вступила в свои права, когда среди лиц без определенного места жительства обнаружился юноша, похожий на Игуруму Казуми.

Однако это всего лишь гипотеза. Неподтвержденная. Сознание этого юноши было нестабильным, и он был в таком состоянии, что не мог назвать собственного имени.

Бродяги в возрасте беспокоились за него и поддерживали его существование.

Спрашивали, где его дом, а он отвечал, что не хочет вспоминать. Порой юноша с умоляющим видом неуверенно бормотал: «Простите, я бы хотел стать питчером».

И каждый раз бродяги отводили взгляды. Ведь правая рука юноши — даже им не хотелось смотреть — была выломана под неестественным углом.

Поводом послужил очень жалевший его бомж.

«Если так уж любишь бейсбол, тебе надо это видеть», — сказал он и отвел его к молодым людям, игравшим в недавно начавшую набирать обороты игру.

Разумеется, они не могут участвовать. Дозволено только просто стоять поодаль и смотреть.

Но, кажется, он все равно почувствовал что-то.

С тех пор юноша стал лениво смотреть на SVS, и понемногу к нему вернулась минимальная ментальная активность. В этой игре противостояли питчеры и бэттеры, группы которых собирались каждая в своем месте.

Питчеры избрали вотчиной промышленную полосу посреди холма Сикура и Нодзу.

Многие здания из долгостроя внутри просторны, как супермаркеты, и не сильно загажены.

По разным причинам — то ли строительство в них заморожено, то ли просто в какие-то дни там никого нет — они пустовали и неплохо подходили для тренировок питчеров.

Он проскальзывал на стройплощадки мимо взглядов всего собрания и мутно смотрел на их практику.

В его сердце гнездились восхищение и ностальгия. А еще — огненная боль.

Эмоции — электрические пульсации. Неизвестно, что именно вновь пробудило его когда-то разбитую психику, какой напор чувств позвал его помраченное сознание обратно.

Он сжимает уже недвижимой правой рукой мяч и все смотрит расслабленно, шурясь на летнем солнце, на питчеров-погодков. Словно спросонья смотрит кино в отрешенности — «к ним» мне не попасть. И вот однажды...

...Фух. Внезапно вернулась его старая память.

Такой же, как сейчас, летний полдень.

Он, совсем маленький, сжимая мяч, бежал долгой дорогой в гору.

Перед глазами — старенькая тележка с грузом, которую везет одна женщина.

Тонкая женщина. На тележке — арматура и брусья, подкинутые от щедрот городскими заводиками. Такое никак не может и не должна тащить одна женщина.

Мало-помалу женщина уставала. Уклон дороги был почти что горным. Асфальт, где не ездят машины. Со стороны подъема — пышная зелень. С другой стороны — вид сверху на рощами торчащие дома.

...Женщина упорно волочит тележку. Она отвезет этот груз на другой завод, что за холмом, и продаст там за не самые маленькие деньги.

Все так неприглядно и смешно. Эта женщина не имела возможности зарабатывать иначе, чем таким старомодным путем.

Кажется, маленьким он помогал ей. Только и думая поиграть, он недовольно становится позади тележки. Ему хотелось выкинуть это все и пойти играть, но женщина одна не может тащить тележку. Он подавляет недовольство и толкает. Мяч в его руке — минимальное волеизъявление.

Но в конечном счете их сил не хватило.

Тележка остановилась посреди холма, как вкопанная, и они ничего не могли больше сделать. Как нищенство застряло на обочине. Автомобилей нет. Сдвинуть не получается. Да и если бы кто-то проехал, вряд ли бы протянулась рука помощи. Захотелось взять и сбежать, но тележка заемная, и ее даже бросить нельзя.

Слишком тяжелое, жестокое лето.

Среди мира, сияющего под солнцем, они распластались грязным черным пятном. Таким ничтожным ему себя еще никогда не приходилось чувствовать.

Синее-синее небо над головой холодно.

Летние лучи солнца палят макушку.

Уже не зная, как дальше быть, он почти заплакал.

Он понимает, его дом беден. Он понимает, женщине в работе необходимо помогать.

И все же это было уже слишком. В заношенной одежде, таскают всякую дрянь, прохожие ржут. Так жалко и уныло, он почти сорвался в злобе на невезение.

Но до этого он видел нечто по-настоящему тяжелое.

— А...

Точно!.. — вернулось ускользавшее сознание.

Он был беден. Он был обижен.

Та ерунда, о которой он в тот момент думал, бесчисленное количество раз поднимала его дух; вот и теперь она дала ему силы воспрять снова.

— Ух. Ты — тот самый малец?

— Ага...

И вот он вспомнил, каким был.

Перед ним — мужчина средних лет, в шляпе. За окном веселятся питчеры. Совсем не похожий на прошлого, вообще незнакомый, дьявол заговорил:

— Ты хочешь к ним?.. Так давай. Прошлый раз получилось не очень. Не то чтобы я в возмещение ущерба, конечно...

О том, что взамен на нечто важное для него он исполнит его желание.

— Но, может, не стоит? Это не то, что тогда, на этот раз все по правде. Если отобьют — ты на самом деле умрешь. Ставка меняется. И если отобьют — конец, и прервать поединок ты не сможешь. Коли устраивает...

С доброй улыбкой дьявол говорит.

«За эту мечту стоит разменять жизнь?» — спрашивает он.

В давно усохшей правой руке собирается сила.

Снова. Он сможет бросать мяч снова — а если так, то какая разница, что это за тип? И Игурума Казуми кивнул.

Стоит ли поставить на кон все?.. А то. С того дня его мечтой было посвятить этому жизнь.

Начало игры.

Мужчина в шляпе сделал его одержимым демоном.

Для него, и так имевшего пораженный орган, оказалось не так долго сформировать как его, так и новообразование.

...С другой же стороны — может, в расплату за то, что так долго не тренировался, — его правая рука и половина прилегающего тела жестоко выгорела. Можно сказать, осложнения от воскрешения конечности. В результате он надел худи, укрывая тело и правую руку, и стал инкогнито.

— Дальше только уладить подготовку. Ну да. Ты хотел к этим вот...

Мужчина заговорил с группой питчеров, собравшихся на стройке. А он смотрит на происходящее издалека.

— Ну что... Если возьмете в компанию его, я исполню ваши...

Театральный голос.

Несколько помрачневших молодых людей, а также взглянувший на него, сидящего на развалине, и затаивший дыхание Сэкура Юмия.

Может, в голосе мужчины было что-то гипнотическое? Собравшиеся там питчеры в конце концов закивали... Он вдруг попытался вспомнить. Семь лет назад. Два мальчика, кивнувших в ответ на слова мужчины, — смотрел ли на них их друг таким же холодным взглядом?

Питчеры — с легкостью, подыгрывая шутке, а Сэкура Юмия — с неприятием смотрящего издали юноши в худи заключили с мужчиной контракт.

Странность появилась, не прошло и часа.

Наверное, он был особенным. Как сказал мужчина, поначалу все, не зараженные синдромом А, ведут себя неадекватно. Игурума Казуми не был зараженным, но уже был чем-то одержим. Поэтому он преобразился в сравнительно адекватной форме.

Когда молодежь стала жаловаться на сильную боль от изменений в теле, внезапно один из них укусил соседнего питчера. Как в фильме про зомби.

Тут же двое питчеров упали, все еще цапаясь, кусая, убивая друг друга. Безумие передалось остальным, которые стали устраивать такие же сцены с индивидуальными отличиями.

Может, было бы легче быть вместе с ними, но Сэкура Юмия остался не у дел. Как первый очнувшийся от кошмара. Здесь здравый ум — грех. Среди безумия самый простой и легкий путь выжить — облечься в еще большее безумие.

Если одержимость иллюзией — причина выживания, то Сэкура Юмия в целом был слишком усталым. Давай дружить! — брызгая кровью, его атаковали тени былых друзей, но Сэкура дал им отпор со слезами на глазах. Вылетающими из левой руки мячами он дал четверым питчерам по головам, сходил с ума, а когда очнулся, то уже бил товарищей битой как попало.

Аплодисменты с эхом. Весь покрытый кровью, в себя приходит ас-питчер.

— Превосходно. Я думал помочь ему, проредить ряды. А ведь и ты достаточно предрасположен. Совсем не то, что раньше, когда одни промахи... Вот наконец-то и последние дни этого города.

Мужчина нахваливает Сэкуру Юмию, Игурума Казуми же слышит повтор такой привычной подтасовки призов.

Отобьют — смерть. Отойдешь от схватки — смерть. Теперь, одержимый демоном, он не знает другого пути выжить, кроме победы. Сэкура Юмия взвыл, мол, ты не так нам говорил, и бросился на мужчину в шляпе. Прекращая это безобразие, из руки Игурумы Казуми вылетает крученый на скорости в сто сорок километров в час.

— Ч-что ты...

Голос Сэкуры Юмии дрожит, он оборачивается. Перед ним — глаза питчера, обдающие холодом из-под капюшона.

— Ты достал... Если не будешь бросать, дай мне номерной и вали.

Сэкура Юмия знает, кто этот питчер в худи. Знает и то, что скрюбол, вылетевший сейчас из его правой руки, говорит о возвращении его былой силы. «Убьет. Останусь здесь, он

точно меня убьет», — говорила интуиция, и Сэкура Юмия, прикрывая странно искаженную левую руку, сбежал.

Брошенный, словно с желанием разнести, серебряный сотовый телефон. На нем номер аса, он — держава величайшего питчера. В этом городе нет никого, кто больше него подошел бы на это звание.

— Я тут сам приберусь. Чего уж там, достаточно отнести на соседний завод, и можно спрятать их так, что никто не найдет. Ты можешь пользоваться всем этим бейсбольным инвентарем. Теперь он тебе пригодится для мести, а?

Мести? Он недоуменно наклоняет голову.

Он не до конца восстановился. Свое имя он вспомнил лишь тогда, когда взялся за мяч в роли питчера.

— Запомни: твой выключатель — гнев.

Он уходит из долгостроя. В спину несет обычный, невыразительный голос мужчины:

— Даже если сейчас это неявно, когда проявится — не подавишь... Ты вспомнишь однажды, малец. Твой гнев направлен не на кого-то конкретно. Это — злоба на невнятное, лишенное формы общество.

Напоследок он спросил имя мужчины.

Долетевшее в ответ слово было еще более распространенным, чем черты его лица, самым обычным именем.

Он — Игурума Казуми — начал сезон мести еще через несколько дней. Все еще не вспомнив своего имени, слонялся по городу, а как только заметил юношу, что когда-то ломал ему локоть, — родился Синкер.

В дикой тридцативосьмиградусной жаре.

В этот день он снова проснулся от пронизывающего мороза.

Убийство за убийством. Один к одному собранные телефоны — в беспорядочном парке среди деревьев. Сжигающее тело солнце середины лета и бесцеремонно вопящий, создавая эхо, раздражающий телефонный звонок.

...Поблизости звонит телефон. Двинул рукой — заткнуть, понял, что не то что рукой двинуть, а даже дышать нормально не может.

— А... а...

Сосредоточил возможности всего тела, стараясь просто дышать.

Еле-еле, придал телу слабое тепло.

...Половина кожи на его теле из-за искажения синдромом А выгорела. В результате потерялась львиная доля функции дыхания кожи. Снижение температуры тела — бьющий его ненормальный озноб — происходил от отторжения атмосферы.

С огромным трудом восстановив дыхание, проверяет нервы правой руки... Пока не двигается. Она стонет от жестокого обращения. Так и первого иннинга не выдержит.

Такая ирония... Она должна была без проблем восстановиться всего за недельку отдыха, но он не может столько отдыхать. Не «не хочет», а «не может».

Занудный вой сотового в роли будильника прочно захватил блекнущее сознание.

Он видел какой-то сон...

Казалось бы, это было час назад, но на самом деле — память примерно двадцатидневной давности. Самая свежая память хранит что-то другое, злое. Девятый бьющий.

Вклинившийся мужчина в черном плаще. За шажок от убиения отпущенный, пришел сюда и тут же вырубился.

— Х-х...

Неважно. Это неважно. Он выравнивает дыхание.

Сейчас важнее его собственное тело. Оно в страшном состоянии. Настолько, что отклик, который, как он думал вчера, хуже не бывает, сейчас кажется здоровой нормой. Кончики пальцев словно отморожены. Холодно. Просто холодно. Солнце так близко. Снаружи тела так жарко. Но голоса с трибун далеки. От жестокости брэнного мира мутит. Совсем немножко поспал, а теперь куда ушло то былое лето?

«Естественно. Если ты не будешь планово играть, ты исчезнешь».

...В тот день мужчина в шляпе рассказывал Сэуре Юмии, как все устроено, его слова мечутся в голове. Что жизнь в них, одержимых, поддерживают демоны. Что если демона не кормить, то, естественно, погибнут оба.

А посе́му — храни упорство, мстительность. Находи силы жить. Повторяй, как дозу кайфа, смертоносную игру...

«Отобьют — умрешь. Именно об этом речь. Как только проиграешь, твой жар, твоя мечта остынет».

Да... Телом его движет уже только упорство, только злоба.

Как только он потеряет этот жар, он перестанет функционировать.

— Х... а, а-а!..

Нервы правой руки стыкуются. Безрассудная злая жажда продолжать броски стартует его двигатель.

Остался один. Все нормально, еще есть кому давать подачи. Еще остаются заданные цели, предметы мести, убеждает он себя.

— Еще, только, один...

Но что делать, когда мстить будет некому? Мерзкий рингтон сбивает его с рассуждений.

Сможет ли он бросать и дальше? А ведь как только бросит, узнают, что он одержим, и

придется убивать, затыкая рты. Ведь ясно из самого поединка, что он убьет противника.

Даже пусть сегодня он выживет, как быть с этой рукой, что завтра, может, вовсе откажет?

Есть ли при всем этом смысл бросать?.. Естественно. Если никак иначе, остается только продолжать убивать бьющих. Лето не кончится. Пока есть место и есть спортсмены — не кончится. Он не может сам закончить на этом.

— Да... Я буду...

Пусть тяжело, но должен бросать всегда.

Но ради чего, вообще-то?

Он сломался. Давно оступился.

Ни собственного имени, ни этой вот причины не вспомнить. Ясно одно — броски. Покуда хватит жизни, он просто будет убивать вот этой рукой.

...Протягивает руку к упорно орущему телефону.

На дисплейчике число — восемнадцатое августа.

Звонящий — бьющий, золотой четвертый.

Ему почудилось, что он услышал последний гудок к началу игры.

(18.08)

В деле о маньяке имя Игурумы Казуми подняли в качестве подозреваемого утром. Кирису Яитиро по заказу Исидзуэ Арики раздобыл товар, договорился, чтобы доставили в указанное место, и теперь шел по полям на окраине Сикуры.

Бессмысленное время. Тупо топая по полевым межам, скучающий Кирису опустил взгляд: — Все, теперь это вопрос времени.

Арест Синкера.

Разрыв кармической связи с Игурумой Казуми.

Возможно, запоздалый, однако все еще не опущенный финальный занавес.

Каким местом это вопрос времени?

Не в состоянии уверенно ответить, крутя мысли вхолостую, Кирису направляется к лесу на окраине.

Туда, куда однажды приводил его Исидзуэ Арика. По лесу непонятно, но остановка послужит ориентиром. Он находит в лесу куб, открывает дверь. Тьма, пролегающая до подвала, навеивает иллюзию, что если присмотреться, увидишь гору трупов. Насильно подавив инстинкт, что взывал об опасности для жизни, вступает во тьму. Закрывает дверь, теперь совсем темно. Как другое измерение, отрезанное от внешнего мира. Исидзуэ Арика, который может ходить сюда каждый день, как нефиг делать, ненормален, думает Кирису. Его друг давненько позиционировал себя толстокожим, но от такого низкоуровневого беспокойства, казалось бы, нельзя спастись.

Но и этот путь, вызывающий такое неизъяснимое беспокойство, в разы терпимее, чем то, что за ним, думает Кирису и затаивает дыхание. Озноб по-настоящему пробирает именно от комнаты. Колыхающаяся в рассеянном солнечном свете подземная комната и красивое человекообразное на кровати. Кирису не может выразить словами, какие чувства в нем пробуждает эта картина, но сия красота ему настолько поперек горла, что и сравнить не с чем.

— Прошу прощения...

Стучится. Ответа нет. Делай что хочешь, но голос оттуда не ответит, вспомнились слова Исидзуэ Арики.

Собравшись, открывает дверь.

Из темноты предстает сад света.

В затмевающих глаза контрастах, на кровати с балдахином лежит и отдыхает это прекрасное *нечто*.

Протезы только на руках. В океане потолка маячит что-то рыбоподобное. Упомянувшейся собаки нет.

— О? В чем дело, Кирису-сан?

Хозяин подземной комнаты встречает Кирису с улыбкой.

— Да к тебе-то дела нет... Арика сказал ждать здесь. Вроде по работе было.

— Гм-м... А-а, вот оно что... Вот дурачок. Почему он только о чужих делах думает всерьез?

Красивая улыбка — захотелось отвернуться.

Вот таким хозяину подземной комнаты кажется ход мыслей Исидзуэ Арики, который позвал сюда Кирису Яитиро:

— «Я умываю руки» — это прямо про него. С таким грязным нутром как можно ухаживать за красивым... а-а-а, нет сил терпеть! Такое... чрезмерное сострадание, хочется взять и смять, да?

Кирису не понимает, о чем говорит хозяин.

Но ему смутно показалось, что этот силуэт похож на Исидзуэ Арику. Они смотрят на разное, считают хорошим разное, но их глубинные чувства вроде похожи.

Кирису отогнал от себя странную фантазию и сел на софу. Не подумав, как это прилично. Потому что для Кирису силуэт на кровати — жуть, которую не стоит видеть.

— Чел. А что с твоей левой рукой?

Не выдерживает тишины и задает несущественный вопрос.

Прошлым вечером Исидзуэ Арика носил протез. Потом он вроде не приходил в это подземелье. «А если так, что за протез сейчас у хозяина?» — смутно подумал он.

— Это простая заглушка, Горе (правая нога) поделилось. Это просто формы рук и ног. Действительно полезные конечности носят другие люди.

Кирису не понимает слова Карё Кайэ. Словно тот читает по книжке с картинками. Язык вроде человеческий, но близко к тому шуму, что мозг пропускает мимо себя.

В разговоре здесь нет смысла.

Он не может терпеть молчания, но обмениваться словами еще противней... Наверно, все-таки не стоило приходить, решает Кирису и поднимается с софы.

Он не собирается полагаться на это *нечто*, но ведь если силуэту стукнет в голову, он может спасти одержимого! Становится стыдно за себя, что такой нетерпеливый. И вообще, он уже с этим никак не связан! Кирису поворачивается, чтобы уйти...

— А Кирису-сан, оказывается, гениальный Слагер?

...Но не успевает сбежать, как в шею впивается аркан.

— Надо же... Это Арика рассказал?

— Нет. Я еще тогда знал, что есть такой человек. Арика только имя назвал. Вот этот бандит, мол, который тут только что стоял. С его обычным неодобрительным взглядом, да с такой гордостью, что даже мне стало неловко.

Прекрасная тень задорно улыбается.

Наверное, Кирису подтолкнуло то, что это не обычная улыбка нечеловека, а такая, что всем людям хорошо знакома.

— Ах он гад... Зазнался, теперь я у него бандит?

Постоянный озноб притих, Кирису ответил легко, понося друга за спиной.

— А что сейчас? Вы уже не слагер?

— Не-а. Это было давно. Я уже в бэттер-боксе не стою. А что? Тебя вряд ли касается, каким я был бьющим.

— Разумеется. не касается. Но кое-что просто не дает покоя, и я решил спросить вас кое о чем, когда увижу; можно?

Уже который раз задаваемый вопрос... Пред ликом когда-то богоданного Слагера его хором задают все подряд. Почему он бросил бейсбол? Кирису приуныл, что и здесь его услышит.

— Скажи. Почему тебя *тошнит от хоумрана*?

Вопрос не в бровь, а в глаз, он даже вскинулся.

На Кирису смотрят чистые перламутровые глаза. Тот теряет чувство равновесия и плюхается обратно на софу. ...Нет, его сознание пошатнулось не из-за взора Карё Кайэ. Сам его вопрос был грехом Кирису Яитиро, от которого тот не мог отвернуться.

— Причины, по которым вы с ним продолжали и бросили, скорее всего, слабо связаны, но от них кое-что прояснится. Так что? Возможно, посредством истории Кирису-сан мне придет в голову, как спасти Игуруму Казуми... А может, *разнеся головы десяткам человек*, кое-кому не хватает мужества на простое чистосердечное признание?

Рассудок прерывается. От одного слова мысли человека, бывшего Кирису Яитиро, стираются.

«Убил десятки человек». Этот бред, о котором знал только сам Кирису, явно радуется вот этот силуэт.

— Вы же с этой мыслью пришли? Иначе не подошли бы и близко к такому подземелью. Да, эту наглость я прощаю. Скольких людей ранила твоя бесчувственность, ты наверняка первым ощущаешь... Ну же. Лучше расскажи интересную историю!

Почему Игурума Казуми продолжает бросать мяч.

Почему Кирису Яитиро бросил бейсбол.

— Эти две причины абсолютно непохожи, но родились из одного и того же. Это все, что я хочу знать. Ни твои грехи, ни правосудие мне неинтересны.

Я просто хочу услышать твою историю, говорит демон.

...Слишком долго скрываемое давление, а может, он подумал, что этому демону не грех рассказать что угодно.

Завороженный мужчина тихонько, как на исповеди, начал повесть о финале своей юности.

Кирису Яитиро познакомился с Нисино Харусуми осенью, когда учился в первом классе старшей школы.

Кирису уже всерьез увлекся бейсболом, но в другом месте окружение возлагало на него большие надежды.

В средней школе он, без горячности к бейсболу, жил жизнью трудного подростка, и по поступлении в старшую не оборвал приятельских связей с той стороны. Для него бейсбол — главная линия, но это не значило, что он легко смотрел на заигрывания с этими ребятами.

А «старшим братом» одного старшеклассника Кирису Яитиро и был Нисино Харусуми. Старшеклассник его просто представил Кирису как «старшего старшего», но с этого дня Нисино положил глаз на парня, как на «полезного младшего братика». Видимо, почувствовал выдающийся талант, прирожденную звездность. Ему не нравился этот пацан, но он точно пригодится. Школьный набор кадров по форме якудза.

Кирису, член бейсбольного клуба, играл с городскими друзьями, но никогда не переступал черту. Сколько раз Нисино и команда его зазывали, столько раз он складывал ладошки, как монах: не трогайте, пока я в бейсболе! — и избегал необратимых шагов. Этот баланс нарушился, когда Кирису только-только стал второклассником.

Когда он узнал о тогдашнем старшом Нисино Харусуми, Аояги Масаси.

Ветвь семьи Седа, группировка Нанасэ. Силовая группировка широкого профиля, главенствующая в Сикуре.

Все, кроме главы группировки, приняли бокалы верности молодому боссу... практически директору компании, но молодой босс, его присные и все их младшие в сумме составляли организацию из около четырехсот человек.

Нисино Харусуми выделялся из младших боссов. Он еще десять лет назад лично контролировал наркотики — странный тип. Это потому, что в начале девяностых группировка получала с наркотиков недостаточную прибыль, и это дело называли низами из низов. Какая-то даже не халява, а работа, когда много суеты, а денег чуть. Даже для них, хулиганов, кто был вынужден помимо наркотиков возиться с продажей подпольных видеозаписей, это была третьесортная работа. Речь идет о тех временах, когда денежный оборот и недвижимостью еще приносили легкую прибыль.

И вот над этим тогдашним парией, Нисино Харусуми, шефствовал Аояги, истари снабжал группировку деньгами с финоборота и был «вором по учебнику».

Отношения этих двоих были явственно натянутыми, понятно почему. Аояги считал, что Нисино — низкосортный тип, которого надо только ругать, а Нисино Харусуми считал Аояги несправедливым старшим.

Впридачу, что для Нисино было неудачной обстановкой, группировка Нанасэ, клятвы которой он держал, являлась силовым формированием старого образца. В ней

придавалось значение, разумеется, наживе, но еще больше — жизни «по понятиям». Ее кредо — силовой подход превыше барыша, и олицетворял это кредо Аояги Масаси. Но с их развитием эти «понятия» приходили в упадок. Эпоха обязывала для продвижения группировки больше думать о современном стиле жизни, чем о преданности былому. И вот Нисино Харусуми набрал мощь, и его выход на равный уровень с его старшим, Аояги, стал лишь вопросом времени.

Если Нисино был соответствующим эпохе вором, то Аояги был вором, оставленным позади. Эпоха, когда они грудью встречали ветра, бросая насмешливый вызов обществу, закончилась. Даже в самих «понятиях» силовых формирований наметился сдвиг на общегосударственном уровне, а они удерживали позу старых лет. Даже не чувствовали необходимости что-то менять.

...Прямо скажем, Аояги Масаси был из того сорта людей, что одержимы силой. Для него приоритетным был не барыш предприятия, но грубая сила от его избыточности.

Этот человек, ведший счета незаконного финансового предприятия, промышленял ростовщичеством не ради денег, а чтобы загонять в угол заемщиков. Он намеренно раздавал деньги людям, очевидно неспособным к отдаче, и последовательно издевался над ними. Под его рукой разрушались жизни; немало заемщиков с ними расстались.

Нисино Харусуми — тоже дуб дубом, но по сравнению с Аояги Масаси еще как-то по-человечески разумен.

Он понимал, что через несколько лет организация группировки изменится, понимал, как скидывая цены на наркотики по мере роста сети распространения, надежно и уверенно извлекать прибыль, и специально впрягся в синекуру, которую все в группировке недооценивали.

Рожденного с душой задиры Аояги все это невероятно раздражало. С тех пор похитровански собиравшему мелочь Нисино много раз доставались пинки и унижения. С тех пор как их позиции начали меняться местами, все неуклонно шло к худшему. Нисино не раз и не два был на грани смерти. Еще через год смена позиций стала очевидной. Но этот год он мог и не протянуть; в то время это было, можно сказать, величайшим беспокойством Нисино Харусуми.

Однако одновременно с ухудшением отношений с Нисино Аояги души не чаял в его младшем, Кирису Яитиро. Возможно, человек, рожденный для грубой силы, видел своего в сложении и мышцах рук Кирису.

Аояги многожды зазывал Кирису в подопечные, но тот упрямо отказывался. Аояги хоть и был откровенно, незамутненно отвратительным типом, но, видимо, мог быть внимательным к тем, кого признавал. Он кивал, как будущий старшой, на слова «вот закончу школу», водил Кирису по ночному городу, много раз приводил к себе на работу. Таким было его расположение, наверное. В этом, с точки зрения Аояги, стоящем рабочем месте для любого вора Кирису вдруг увидел знакомую женщину.

Женщину с тонкими чертами и глазами крайне уставшего от жизни человека. «Это жертва, чисто для веселухи», — весело сообщил будущий старшой.

Если существует такая штука, как водораздел жизни человека, для Кирису Яитиро этот момент стал им.

Аояги был пропащим человеком.

Этот мужик бил слабых, пинал лежачих, все в нем постоянно рычало — «спасения нет», никакой жизненной ценности не выказывал.

Женщина была должна финансовому предприятию под влиянием Нанасэ, и каждый месяц возвращала опасный минимум. Кирису тогда был во втором классе старшей школы. Видимо, она, не полагаясь ни на чью помощь, никому не будучи обязанной, в одиночку выплачивала долг. У нее был сын. Чтобы не отвлекать его, которого в кои-то веки начало принимать общество, она отчаянно трудилась — это было ясно.

На самом деле, при опасной невеликости ее ежемесячных выплат, в таком темпе она бы полностью расплатилась еще через полгода. Группировка предполагала через пять лет выжать расплату, но выплаты были, придраться не к чему. Просто доход обещал полную расплату за год.

Но Аояги это не нравилось. Не то что процент был ниже задуманного. Просто слабое существо, которому бы всю жизнь мучиться, нагло собиралось спастись, и это выводило его из себя.

Можно сказать, сводило с ума.

«Чего-о?! Ты че мелешь, я не понял! Ты же сор, пыль, хер ты станешь как все! — он пнул принесшую выплату женщину, ударил в голову, схватил за шею. — Да у тебя прав нет заикаться про будущее! Какой нахер сын? У тя че, щенок зазнался, а? Он че, лучше меня, а? Он же сор и из соряхи вылез, он че лучше меня, а ну отвечай!»

Ее кровь и пот, казалось, подстегивали безумную психику Аояги.

И вот он, по единственной причине — «не в духе», — сказал, что обрекает не ее жизнь, а жизнь ее сына.

...Невозможно выразить, в каком состоянии тогда пребывал Кирису Яитиро.

Его мысли в тот миг совершенно застыли. Мозг как будто осыпался с темени вниз, и зримый мир подернулся белой искрящейся завесой.

«Твой щенок уже не сможет мячик держать!..»

Голос распаленного собственным криком, взбесившегося Аояги эхом раскатывается по опустевшему черепу Кирису Яитиро.

Был уговор.

Был уговор, о котором он с детства не забывал.

Был друг, по личному недосмотру сваливший свою жизнь под откос. Тот говорил, что не стоит больше помнить, но он все равно хотел выполнить этот уговор.

Кирису поспешил с выводом.

Два дня спустя. Готовый на многое, Кирису Яитиро вломился в офис Аояги Масаси, где старшой находился один.

Потеряно все-все. Предано любимое. Но есть то, ради чего и это не жаль, то, что необходимо удержать, повторял он себе.

Если говорить о просчетах, их было два.

Один — когда все было сделано, появился Нисино Харусуми.

Еще один — у Кирису Яитиро была слишком хорошая память.

Что стало с Аояги Масаси, как все утрясалось — Кирису не знает. Он вроде еще дышал, но Нисино Харусуми принял дальнейшее на себя.

Аояги — и для Нисино ненужный человек. А вдруг он спасется, нехорошо, хохотнул Нисино, и далее он и Кирису стали хранить общую на двоих тайну.

Почему в ту ночь в офисе Аояги Масаси, который должен был находиться там один, появился Нисино, почему он прикрыл Кирису?.. При любых совпадающих интересах, Нисино, на чьего старшого напали, не мог там же стать сообщником Кирису. А если мог, то не потому ли, что с самого начала их цель была одна? Еще бы день... еще бы часом позже решишь на это Кирису, а может...

В любом случае, все кончено. По указанию Нисино Кирису с тех пор и до окончания лета третьего класса школы сосредоточился на бейсболе.

Но через сколько-то дней он сам осознал странность.

Обычайший тренировочный матч. Как и всегда, он встал в квадрат бьющего, сделал обычный встречный мах — и тут же не поверил своим глазам.

То, что было мячом, стало ненавидящего вида живой головой, и при ударе по мячу ухо ясно уловило тот звук.

Хрясь.

Ощущение разбивания человеческой головы.

Мерзко расплескавшиеся брызги мозгов на скуле.

Вдруг Кирису понимает, что его стошнило в бэттер-боксе.

Мяч по красивой дуге вылетает за поле. Возгласы с мест болельщиков. В бэттер-боксе — разбитая голова Аояги. Голоса со скамьи орут про хоумран. Под чистым, без пятнышка, синим небом, с окровавленной битой — он сам.

От чрезмерной греховности этого деяния Кирису Яитиро потерял сознание.

...И вот так этот образ каждый раз привязывается к нему при хоумране и не отпускает. Растущая гора трупов. Каждый хоумран повторяющий воображаемое убийство маньяка... Для него игра под названием бейсбол навсегда перестала быть гордостью и интересом. Вот такое спасение, запятнавшее бейсбол. Кирису принял это как естественный результат и обрек свою спортивную жизнь после третьего класса школы.

По идее, следовало бы бросить сразу же, но у него — драгоценный уговор. Выполнение этого обещания уже греховно для самого Кирису, но есть партнер, и он ждет. Ради него, друга, он будет продолжать до конца лета пятнать бейсбол — вот финальные титры Кирису Яитиро.

Такова история одного гениального слагера, что украдкой опустил занавес.

Признание торжественно завершилось.

Со стороны никому не познать состояния души Кирису Яитиро. Тем более лишенному нормальных эмоций Карё Кайэ. Есть только непоправимый результат.

Этот спортсмен не бежал из бейсбола, а опустил занавес. Положил конец всяческим сожалениям и радостям, и одаренный таким блистательным талантом мастер — не потому, что его кто-то пожурил, — сам закончился.

— Понимаешь, для меня бейсбол — просто приятная штука, без доводов.

Убежденность, что покажется заносчивостью тому, в ком ее нет.

— А с того дня стало не так.

Но слишком простая вера, которую вовсе не поймет тот, в ком ее нет.

Тихий финал человека, что не ставит победу и поражение во главу угла.

Кирису Яитиро начал бейсбол для развлечения, защищал уговор ради себя и бросил бейсбол ради себя же. Вот и вся история. Он сказал достаточно.

— Да. А что по этому поводу думает Игурума Казуми?

— Про Аояги знаем только я и братец Нисино. Придется вдвоем унести это с собой в могилу... Хотя я тебе выболтал, но ты разве нормальный человек. Всяко лучше, чем как с этим, принцем с ослиными ушами, да?

— Грубиян, да еще и ловкач!.. Ну вот. После такой метафоры меня хоть режь, не смогу рассказать.

Владелец подземной комнаты мягко улыбается. Похоже, ему понравилось вымученное сравнение Кирису.

— Ну, что теперь?.. Появились мыслишки?

Прошное-травма Кирису Яитиро. Владелец подземной комнаты сказал, что если Кирису расскажет ему причину, по которой бросил бейсбол, то можно будет предложить средство спасения Игурумы Казуми.

— Да. Благодарю за значимый рассказ. Не в качестве решающей меры, но у меня теперь зародился новый вопрос. Прошу не путать. Я просто интересуюсь, что между вами, но не

интересуюсь, спасти или не спасать. Я примитивно озвучу свое мнение об услышанном, а вы просто примете это к сведению.

Да, Карё Кайэ говорил, что не собирался заниматься отпущением грехов Кирису Яитиро. Владелец подземной комнаты — та дивная птица, что слушает речь и повторяет.

— Ну да, да. Ладно, все равно говори.

— Тогда приступим... Скажите, Кирису-сан. Я уж было решил, что он знает причину вашего отказа от бейсбола. Но, думаю, этого не может быть. А значит — ему с вами *нет нужды осторожничать*, так?

— Это ты к чему?

— Я же говорю, к тому, почему Игурума Казуми все еще продолжает. Вы примирились с завершением мечты, так почему он не может, не задумывались?

— Ну...

Это потому, что Игурума Казуми оставляет место для дуэли с Кирису Яитиро. Их до сих поручение связывает старый уговор.

— Да. Я тоже уже об этом думал, когда слушал вашу с ним историю. Но тогда почему он к вам не заявится? Не зная обстоятельств, Игурума Казуми не чувствует к вам никакой неловкости, Кирису-сан. Сейчас он снова питчер, и раз понимает, что уже не сможет решить дело на подпольной арене, то должен бы прийти бросить вызов, пока не перегорел, так?

— Ну... потому что я не в участниках.

— Казуистика. Он бродячий маньяк! Это неестественно — не нападать на неспортсменов. А раз так, то он не одумается... у него есть какая-то другая причина продолжать матчи. Действительно, может быть, он хочет матча с вами, но это так, смутная надежда, нечто похожее на грезы. Детское обещание? Едва ли. Тут не все так хорошо. Синкера породило что-то более грязное. Вообще-то вы должны знать, что.

И говорить нечего; он знает настоящую причину Игурумы Казуми. Нет, но незачем затягивать уже, решает Кирису и отворачивается.

— Да. Синкер родился потому, что кое от чего еще никак не может отказаться. Но это уже не сбудется... После того, что я слышал, преступления Синкера выглядят так — он их совершает, чтобы закрыть глаза на это. Потеря причины, подмена повода. Может, увиливание от ответственности. Вообще, Арика много знает о таком. У одержимых самая главная причина куда-то девается, а сами они отчаянно называют какую-нибудь другую. Делают вид, что все у них в порядке, и строят самозащиту на основе шатких оправданий. Это общее для многих людей. Просто в их случае такая подмена стремится к грани забвения.

— Все в порядке...

Кирису слышал похожую фразу.

Что там говорил Исидзуэ Арика, который непринужденно объявил, что на него напал Синкер? Частичная потеря памяти. Нарушение памяти, удобное для больного.

— Да ну...

Так не может быть, защищается Кирису, но не в силах отмахнуться от этой идеи. Нет, даже если так, то...

Это невероятно, но что, если Игурума Казуми не понимает, что случилось зимой, в декабре?

— Что за бред!..

Лицо Кирису застывает. Он поражен результатом своего предположения. Тогда выхода нет. И спасения нет. Синкер продолжит убивать, пока не умрет, будет маньяком-убийцей, что бросает мяч — и только.

— Это бессмысленно. В том, что он делает, нет никакого смысла... Он не может это бросить? Если ему объяснить...

— Одержимому нельзя объяснить, Кирису-сан. Если хотите остановить Синкера, нужно это сделать по его правилам. Страйк-аут — и бьющий умрет. Но отобьют — и умрет питчер. Разве не на этом условились?

Укоризненный голос словно поет.

Звук ощущается чрезмерно близко. Кирису почти перестает замечать, сидит ли на софе нет ли.

— В который раз повторяю: я не собираюсь спасти никаких одержимых. Сам управляйся. Но если скажешь, что не для себя, а ради него хочешь моей помощи...

«Спасения нет». Столько раз так отрубавший демон шепчет прямо в душу.

— Все просто. Достаточно сменить видение ситуации. Что ты сможешь сейчас, Кирису-сан? Если в любом случае умирать, какую смерть ты подаришь, как он сможет беззаботно исчезнуть? Ты ведь хотел дать ему такое, человеческое, спасение, Кирису-сан?

— Я... ну...

Неподвижен, словно душу вынули.

Это и было делом, над которым он последние несколько дней ломал голову...

— Просто отбей.

Если бы он мог, бросил бы бесполезные убеждения и встал в бокс, как было бы легко...

— Тогда он погибнет. Так или иначе, ему осталось несколько дней. Опять же, ты не ударишь его. Просто отобьешь. Этого достаточно. Так не добраться до причины Игурумы Казуми, но это прекрасный финал для убийцы-Синкера.

Но...

Если он это самое простоотобьешь не сможет.

Если не сможет даже коснуться мяча, как он падет духом...

— Не выйдет... Я не смогу отбить. И вообще, что за бейсбол такой, до смерти...

Кирису Яитиро не отдаст жизнь за бейсбол.

Не «не сможет», а «не будет». Бейсбол, в который играют на жизнь и смерть, — не тот бейсбол, что он любил. Предательство. Но если говорить о предательстве...

— Именно, Кирису-сан. Ты изводил себя такой простой задачей.

Демон хихикает ему в лицо.

Красота не от мира сего застит глаза.

«Отбей без жалости».

Зрение сошло в туннель, в точку; он снова слышит голос, как в тот день.

Верно. Если бы он послушал просьбу Игурумы Казуми, до такого бы не дошло, да и, главное, он сам ***, чтобы это повторилось.

— Если считаешь, что не отобьешь, могу предложить свою помощь. Если отдашь мне свои локоть и глаз...

Слишком соблазнительный голос.

«Над его мечтой нужно опустить занавес».

Верно. Для этого можно еще раз предать то, что любил. Может быть, второго спасения и нет, но если так придем к развязке...

— Верно. Я... бы...

Горло Кирису Яитиро дрожит.

Он сжимает веки и почти соглашается с так естественно брошенными демоном словами...

— Не говори ерунды. Это на тебя не похоже, бездельник. И вообще, смысл такую хрень отбивать?

...и приходит в себя от звуков голоса наконец добравшегося до подземной комнаты Исидзуэ Арики.

— А ну-ка, в сторонку. Он тебе не фейковый демон-самозванец, а настоящий. Поверишь — с костями сожрет.

Тяжело топая, Исидзуэ Арика входит в комнату. От его слов Кирису вдруг снова обретает дыхание, а силуэт на кровати недовольно дуется.

— Что ты так не вовремя... Ты в такие решающие моменты спасаешь и спасаешься, Арика! Люди стараются, хотят, чтобы давняя мечта Кирису-сан сбылась, а ты...

Карё Кайэ говорил донельзя обиженно. Солнце с потолка пряталось за тучкой, но до недавних пор заполнявшая подземелье атмосфера огражденности рассеялась, как дым.

— Чего? Мечта? Какая еще?

— Речь о моей расстановке точек над «ф». Тебя не касается.

Возможно, желая отвлечь внимание от своего безобразного поведения, Кирису грубо и резко отрезает в адрес Исидзуэ Арики.

— Хе. Ох и унылость вы тут обсуждали... Но да, мечты там, точки и прочую сладкую вату отложим на потом; не желаете ли приятных известий?

Исидзуэ Арика — все еще на службе в полномочиях посредника. Изолировать Сэкуру Юмию, в случае одержимости оного — провести экзорцизм. А также привлечь к ответственности послужившее тому причиной третье лицо. С настойчивым пожеланием не препоручать эти два пункта закону, но прооперировать его средствами Карё Кайэ. В блокноте Исидзуэ Арики записано: третье лицо, прооперировать. Экзорцизм убийцы Синкера было необходимо для выполнения работы.

— Ты хочешь, чтоб я помог тебе с этим, с экзорцизмом?

— Ага. Игра до смерти, не отобьешь — будешь убит. Тут ты бы очень выручил, если выступил бы приманкой.

Кирису получает объяснения внезапным обстоятельствам и задумывается, как быть, как отреагировать. То ли разозлиться, то ли лицом об руку... Если бы не вот этот парень выдал ему такое, он бы тому уже врезал, но поди ж ты.

— Недавно я попросил Мато-сан дать мне переговорить с клиентом. Тот сказал: если отдадите дело полиции, то вот столько. Если экзорцизм — вот столько. Что мыслите, Кирису-сан? Лично я думаю, такая сумма со скрипом, но оправдывает риск для жизни! Исидзуэ Арика сначала выставил один палец, а потом растопырил все пальцы и руки, и левого протеза. Для Кирису деньги не были проблемой, но все-таки такая сумма заставила его расширить глаза.

— Десять пальцев... Это каждый по сотне?

— Ессено. Делим пополам. А-а, и тебе не обязательно отбивать. Синкер с головой увлечется дуэлью, а я подойду сзади, а псина потом как-нибудь сама, — и похлопал ладонью по черному протезу.

Голос Исидзуэ Арики такой беспечный... впрочем, поздно. В этот момент Кирису наконец уяснил суть слов друга.

Можно не отбивать.

Можно не отбивать.

Да. Этот парень с самого начала и до самого конца не произнес: «Отбей».

То есть — если не сведет счеты, то тоже хорошо.

То есть мечта — такая штука, что кончается, не исполнившись. Нормальные люди готовы к этому, и нечего стыдиться сожалений, что мечта кончилась бесплодно.

Таково заключение Исидзуэ Арики. Именно поэтому Кирису страдает. Ведь он — счастливчик, которому выпал шанс разобраться; как его доля должна быть завидна для друга?

— Слышь, Исидзуэ-семпай.

— Кончай меня семпайть, говорю. Я не собираюсь тебя заваливать всеми этими прошлыми разборками и обещаниями. Гм, мне вообще-то сомнительна такая помощь. Работу делают, чтобы жить. Это просто бизнес, Кирису. Ты ради денег укрыл Сэкуру

Юмию. Ты знал, что он пустил жизнь Игурумы Казуми под откос, но взял заказ. А этот ты, типа, отклоняешь?

Чтобы жить — это значит движение вперед.

Не чтобы избавиться от сожалений о прошлом. Избавься просто от того, что тебе сейчас мешает, говорит он.

«В конце-то концов — тебе что важнее, что было раньше или что сейчас?» — добавляет он разочарованным тоном.

На ум приходит фраза, брошенная перед уходом Нисино Харусуми.

Дежурная фраза, которую практически не могущий жить по мафиозным понятиям мафиозо говорил со всей драматичностью.

И — разочарованный, мол, ты же был проще, самый запутанный и чудной друг в жизни Кирису, в этом мире.

— Пф... Я на тебя положился потому, что совсем зашился. Мне это дело не осилить.

Рукой махнул, типа, да пусть идет как идет, и так-то впутал тебя. В итоге-то под конец всегда как-то в эту сторону устаканивается.

— Кирису, не пополам, а семь и три. Знаешь, такие честные мысли думать — думай, но держи при себе... Итак? Берешься? Нет?

Молча улыбается.

Кирису Яитиро от души смирившимся, словно рукой махнувшим, тоном, наконец пробормотал:

— Ага, сделаю правильно. Все так и есть, Арика. Если кто портит твою малину, надо его без разговоров уложить.

Кивнул в знак начала игры.

Нижеследующее здесь как собаке пятая нога, но раз уж выросла...

— Может, достаточно, господа?.. Хоть и неудобно прерывать вашу жаркую дискуссию.

Или не неудобно. Или нужно рассердиться, потому что задело... Хм, как это, такое, кажется, впервые, я не очень понимаю...

Крутя головой на своей кровати, Карё Кайэ прервал беседу.

— Слушайте. Какое там «отбить — не отбить». Вы собираетесь Кирису-сан, живого человека, ставить против него? Это и так уже Синкер, гандикап, а тут у бьющий годами не играл — он же будет убит самое худшее после трех мячей.

— Ну, он сам виноват, придется тебя просить вернуть ему чутье. Хотя достаточно продержаться три мяча. Ну, а я просто ради собственной безопасности хочу тихонько подползти сзади.

— Все испортил.

— Вот-вот! Такое можно думать, но лучше держать при себе, Исидзуэ-сан.

В противоположность смотрящему из-под тяжелых век Кирису Яитиро, Карё Кайэ неожиданно повеселел.

— Да вы спелись... Но, собственно, бэттинг не заржавел, может, все будет хорошо, а, Кирису?

— Кирису-сан вроде бросил бейсбол.

— Бейсбол — да. Он каждый день битой машет до одури, по нему видно. И вообще, кто сказал, что не стоя на боксе, битой не машут?.. Раз он взялся, то не бросит дуэль. Такой уж забавный характер.

— Хе. Чья бы корова мычала. Ты говоришь, что будет страйк-аут, и отбиваешь лайнер; говоришь, что тебя не касается, и лезешь очертя голову в бой.

— Мели-мели. Раз решили, то ловим момент. Начнем сейчас, Кирису. Нечего ждать ночи. Закончим, пока страшная тетенька не скрутила Синкера.

— Ну да, но... ты-то как его позовешь? Придется ждать ночи...

— На, забирай взад, Кирису. На меня Синкер нападал, но его прервали, так что страйк-аута не было. Остается еще одно право участника.

Исидзуэ Арика протянул золотой сотовый телефон.

Все устроено безукоризненно.

Кирису Яитиро, проклиная действия друга, который замечает все и вся, кроме того, что будет с ним самим, признательно искривил губы.

— Ладно... Взамен у меня условие. Я буду махать битой всерьез, а ты, пока результат не будет ясен, держись подальше.

— Лады. Если Синкер пробивает страйк-аут, я его жахаю сзади.

— И еще одно. Не стану уж говорить, чтоб ты жизнь спасал, но после матча, если Синкер будет жив, дай ему явиться с повинной. Если ты согласен на оба, я устрою этот придурочный бейсбол за жизнь и смерть.

— Ну хорошо. Но первое понятно, а вот второе... поймет ли Синкер?

— Я-то нормальный, так что хоть это упомяни. Я и так иду против двухступенчатого синкера. Такая фора фигня по сравнению.

Исидзуэ Арика кивнул на предложение Кирису: ладно, черт с тобой.

С его точки зрения и то условие нелегко будет скормить, но, как и сказал Кирису, это матч нормального и одержимого. При переговорах этим козырнуть — может и сойти.

— Черт. Чтобы навыки общения с одержимыми даже здесь пригождались... Никогда не знаешь, какие в человеке зарыты забавные таланты.

Исидзуэ Арика, с благодарностью к отсутствующей здесь Томе Мато... каковой благодарности, конечно, ни капли не чувствует, так что просто на словах, поворачивается к Кирису Яитиро.

— О'кей, Слагер, я подготовлю тебе насколько возможно честную площадку. Эх, правда, как славно, что не вышло все зря.

— Подготовишь? Чем?

«Ниче не понял», — говорили расширившиеся глаза Кирису и Кайэ.

Исидзуэ Арика взглянул на них...

— Ну я же сказал, спецплощадку, устроенную против двойных синкеров. Ой, или не сказал?

...с еще больше ошарашенным видом.

9/Sinker VS Slugger.

Это лето было жарким.

Только что миновал полдень. Температура воздуха превысила 36С, город стал натуральной сауной, появились даже миражи над асфальтом.

В противоположность этой сковородке из земной поверхности небо — бездонно-синее, вытянувшиеся всюду колонны кучевых облаков трубят триумф лета в выси.

Восемнадцатое августа, ясно.

Крайне жаркая, предельно пригодная для бейсбола погода. На размеченном под стройку участке на окраине промзоны Нодзу было их последнее игровое поле.

«Нельзя одолеть двухступенчатый синкер. А если и можно, то как остановить изменение траектории после одного раза?»

Таков вывод Исидзуэ Арика о противостоянии Синкеру.

Это уже понимал и Кирису. Дело в том, что заблокировать второе изменение невозможно. «Ага, защититься от второго изменения никак. Поэтому накроем первое».

После этого, обговорив за пять минут условия, Исидзуэ Арика проводил Кирису Яитиро. Не рядом со стройкой — внутрь. В смежный с открытым участком, метров в тридцать в поперечнике, длинный-длинный окружный коридор.

— Ты... это серьезно?

Понятно и то, что Кирису лишился слов.

Загнутый буквой L коридор. На углу установлено большое трехметровое зеркало. В нем, поставленном так, чтобы было видно часть коридора за углом, виднеется питчерский холм. Вот такое место Исидзуэ Арика заготовил для игры. Бэттер и питчер — за углом друг от друга, бейсбол «ход конем».

— Как видишь, правого коридора, от питчерской пластины до угла, — примерно шесть метров. От угла и дальше по левому коридору — вот, мы. До бэттер-бокса где-то десять метров. Поворот под прямым углом, да, но вполне приличное поле. Так мы автоматически отменяем первое изменение траектории, согласен?

Если не блокируется второе изменение, заблокировать первое.

Это значит — практически ограничить скрюбол.

При матче на таком вот поле Синкер с обязательным условием должен будет бросать крученный так, чтобы первый поворот был направо.

Здесь речь не о страйке, боле или бинболе, а о необходимости «шута» с правым поворотом в соответствии с пространством, чтобы мяч просто долетел до бэттер-бокса. Разумеется, так получается не бейсбол. Бьющий должен видеть питчера и состязаться с ним — вот бейсбол. Этот недостаток Исидзуэ Арика превзошел зеркалом. «Лево» и «право» не просто перевернулись, само расстояние нормально не оценить, но, видимо, считается, что к такому минусу игроки за мяч-другой приносятся.

Бьющий, питчер — оба странно связаны через зеркало с тем, чтобы видеть друг друга, чтобы сражаться из-за стены.

Бредовый «фомб», позволенный только Синкеру, чье оружие — второй поворот, использующий кровь для вторичного ускорения.

Вот поле для решающего сражения обычного человека и одержимого, что приготовил Исидзуэ Арика...

— Не, надо выбирать слова. Ты не то что «серьезно», ты не в себе.

Но это интересно! Кирису Яитиро взмахивает битой.

Надев перчатку, выпрямившись — концентрирует внимание, чтобы сделать этот неказистый коридор своей территорией.

Проход достаточно широк. Во внешней стене — большие окна, и света вполне хватает, чтобы видеть мяч. Это неопишное игровое поле, но условия — по минимуму, на грани — соблюдены.

Стройка безлюдна, поблизости совершенно никого нет.

Город далеко, и нет шумов, сбивающих с концентрации.

Блям-м-м! — доносится только иногда с окрестной стройки эхо металлических ударов, сообщающая о положении дел снаружи.

«Я сведу тебя с самым сильным Четвертым».

Такими словами голос из трубки телефона «докричался» до *этого*.

Не бежит, не прячется. Сам предлагает матч. Взамен согласись на пару условий, — что за бредовая дипломатия. Если *это* может бросать, *оно* согласится на любые условия. Ему вообще недостает рассудка, чтобы оценить их.

Это, изгибаясь всем телом, точно призрак, отправилось к указанному месту.

Безлюдная стройплощадка.

Залитое белым-белым солнечным светом прямоугольное недостроенное здание.

Пейзаж, имеющий все шансы появиться в кино про конец света, вылепленный лишь из высоких стен и солнца.

Это вошло в него; и даже *это*, увидев назначенное место игры, ошарашенно застыло на месте.

«Ты на месте. Пластину видишь ведь? Там твой холм, Синкер».

Голос, раздающийся из сотового телефона.

Зеркало, стоящее в углу L-образного коридора, отражает невидимое иным путем пространство дальше, за углом.

Там — спортсмен с телефоном в руке.

Расстояние, хоть и не по прямой, действительно шестнадцать с лишним метров. Это, похоже, и есть «специфическая форма игрового поля», упомянутая спортсменом на телефоне.

«Ты-то ведь вполне дотянешься, да? Неудобно? Так и мне неудобно. Потому что придется подстраиваться под летящий по коридору мяч».

Питчер не сможет послать мяч за угол — тот не долетит до домашней базы.

Бьющий обязан среагировать за те 0,3 секунды, пока внезапно появившийся из-за угла мяч долетит до него. С точки зрения реализма невозможно играть питчеру. С точки зрения пусть реального, но невозможного — бьющему.

При виде такой бредовой игры *это* улыбнулось: интересно!

В безрассудном состоянии *это* ощутило, что такие вбрасывания близки к игре со ставкой величиной в жизнь.

«Разогрев тебе нужен?»

Крутит головой: нет.

Сторона пластины наканифолена, чтобы не скользить, и — чего же ждут от этого матча? — заготовлено больше двадцати мячей.

— Ха...

Он выдохнул, все еще в затуманенном сознании, улыбнулся. Понадобится ли в этом матче столько? — похихикал в сторону оппонента, и...

...туман в сознании начисто вымело.

— Ну так начнем, Синкер. Как договаривались, против тебя — самый сильный четвертый номер.

Только это и объявил человек с телефоном и покинул коридор.

Был ли второй за пределами обзора зеркала? — он, недаром прозванный Слагером, входит на бэттер-бокс.

Подняв биты, словно упираясь в небо, он этим медленным движением опускает ее до уровня левого плеча.

Ощущения, как от скалы, давления и незыблемости этой высокой фигуры.

Эта на первый взгляд неподвижная поза, но чуть покачивается, считает дыхание питчера, все только чтобы отбить.

Он хорошо знал эту фигуру.

Ни имени оппонента, ни какой он бьющий — не знает, но хорошо знает его самого.

Память теряется, но его правая рука помнит.

В отличие от предыдущего, болтливого, человека, бьющий держал рот на замке.

«Говорить не о чем». Через зеркало смотрит орлиный взор, видит питчера насквозь.

Взгляд, что красноречивей всяких слов.

Ощущение подъема, что разогревает смерзшуюся атмосферу.

— Ха...

Вырывается смешок.

Головная боль — как белый шум.

Этот противник — особенный, дрожат разлетевшиеся клочки опознавания.

Восторг и страх.

Радость стоять перед выдающимся бьющим и опасность стоять перед богатырем, несущим крах, возбуждают мозг Синкера.

— Годится... Я сыграю с тобой, Слагер!..

Правая рука взмывает.

В кровавой косметике по белому выпущен первый мяч.

Бьющий рассчитывает тип мяча по «форме» питчера.

Верно и обратное. Питчер читает образ мышления бьющего и пускает мяч в самое трудноотбиваемое место, выбивающимся из категории предугадывания курсом. Оба они, видящие друг друга через зеркало, были вынуждены уже с этого этапа вести не укладывающуюся в обыденном сознании битву.

Их фигуры сменили «право» и «лево». Их оппонент — за углом коридора. Кому труднее?

Можно сказать, питчеру.

Выделить страйк-зону чересчур сложно, да и вообще — попадет ли хоть в середину?

Полагаясь лишь на образ в зеркале, повернуть мяч за угол — а затем пробиться через страйк-зону.

В обычном смысле — полная ерунда. Просто удачно обогнуть угол и направить на бьющего мяч — уже на уровне чуда. Но имя питчера — Синкер. И первый, разогревочный мяч угрожал груди бьющего.

«Х-х!..»

Мяч, на скорости за сто тридцать километров в час, влетающий в верхнюю часть внутреннего угла. Мяч появился, обогнув угол по дуге, и за ничтожное время пролетел перед носом Кирису.

Ни отвернуться, ни двинуть битой. Можно сказать — питчер стоял за десяток метров.

Сражение через зеркало оставляет бьющему мало шансов.

Но.

«Ага. Этот вымах рукой — самым краешком бол...»

Осознает ли Синкер, что бьющий не то что не смог среагировать на безумный первый мяч, но просто не ощутил в этом нужды?

Счет — ван-бол.

Словно выработав после первого мяча Синкера контрмеры для такого правила, Слагер с первого мяча всецело отдавался планировке победоносной комбинации.

— Что это... было...

Он что, сознательно пропустил?

Синкер выбросил бредовую мысль из головы.

Сейчас он и бросал мимо. Проверить физическую дистанцию и способности бьющего. В воображении Синкера бьющий бы как-то среагировал и задергался от неблагоприятности постановки этой дуэли.

— Да ладно. Он знает мою форму?..

Эта форма была для броска в четыре пятых силы. Подготовительный мяч, чтобы прочитать бьющего рефери, текущую влажность воздуха. И все это... тот бьющий просек на ступени формы, что ли?

Тот, что в зеркале, легко крутнул плечами и сильно изменил стойку. Поза без сгибания рук, дающая локтям свободно играть. Форма бэттинга, откровенно целящая во внешний угол.

— Ах ты гад...

На каком-то втором мяче ему сделан вызов. Нет, он вовлечен во взаимодействие. Эта стойка. Словно самурай, готовый к рубке. Кто с мячом к нам придет... Нередко и питчеру, и бэттеру ясен исход событий через две секунды. Все тренировки и опыт результируют в симуляции явственной разницы в силах бойцов. Пусть не точное предзнание, но с большой вероятностью готовое сбыться предсказание смерти.

...Это и ощущалось от второго мяча. Обычный питчер с достоинством самоустранился бы или не имел бы выбора, как бить во внутренний угол. Поза, даже ему дающая предощутить, что если он сделает как положено, мяч будет отбит. В воображении всплывает, как он теряет контроль, промахивается и прямо во внешний угол, где одним махом его шею... нет, голову разбивает.

— Возомнил о себе...

До сих пор молчавшее раздражение. Синкер подавляет смутную нервозность и берет второй мяч.

Коридор без посторонних шумов. Молчаливое пространство. Рассчитанный на концентрацию, холодный для него холм.

Никаких потерь контроля.

Для него нет никакой причины быть скованным каким-то «придется повернуть под прямым углом».

Первый мяч он остановил на одной ступени.

Но второй... Нет жалости к бьющему, что учинил ему сеанс чтения мыслей.

И потом, этот взгляд его жутко раздражает.

Смотрящие прямо сквозь него глаза, читая питчерские способности, казалось, одновременно видят и что-то другое. Казалось, они говорят о чем-то другом.

Что: «В (...).»

Этот взгляд примешивает Синкеру белый шум в жажду убийства. «Эти глаза!..»

Что «прекрати».

Белый мяч становится крапчатым.

Делая правую руку багряной, с желанием уж на сей раз встряхнуть цель, мастер демонического мяча воздел ногу.

После того как он пропустил первый бол, бьющий молча принял достоинства и недостатки данного игрового поля.

«Ну и дела. Даже притом, что второй поворот вроде заблокирован, все равно...»

Де-факто — он потерял вариант читать мяч по форме питчера. Все, что можно по ней понять, — мяч до поворота за угол. С момента поворота по коридору мяч становится иного типа, нежели тот, что задала форма.

Ощущение, близкое к тому, как если бы на первом этапе изменения питчера подменял второй, «невидимый».

Бьющий начинает бэттинг, подстроившись под движения питчера, а никак не с момента, когда мяч уже выпущен. Движения подстраиваются в миг, когда питчер поднимает ногу.

На этом этапе чтение типа мяча надо заканчивать, но в этом бою такое чтение ограничивается духовной плоскостью. Остается читать тип мяча не по форме, но из тактики в голове у питчера. Из формы можно понять разве что скорость.

То есть время на просчет типа мяча со второй ступени изменения траектории, начиная в момент первой ступени, сократилось с обычных 0,5 секунды на принятие решения до 0,3 секунды.

Это уже мир утиной охоты.

Придется изменить бэттинг с удара по прочтении на удар по взгляду. Да еще в сжатом континууме 0,3 секунды. Нельзя объять необъятное. Это из той серии, что зовут Провидением. Кирису так не может.

А значит...

«Теперь только самому навязывать курс».

Если остается лишь полагаться на чутье, то долг бьющего — спланировать все так, чтобы чутье угадало.

Кирису бросает внутренний угол и меняет хват биты на направленный на внешний.

Предельный перескок на внешний угол. Осторожный питчер бросит во внутренний, а чувствующий победу — примет вызов внешнего угла.

Синкер... все-таки последний. Из столько лет не виденной формы вброса устремляется второй мяч.

Демонический мяч сворачивает под прямым углом и налетает на бьющего на ста сорока километрах в час. Кирису без стеснения направляет битку навстречу. Чтение верно, и скорость свинга подобрана. Но не попадает. Потому что проскользнувший и упавший в нижнюю часть внешнего угла страйк-зоны мяч подлетел вверх прямо перед бэттером.

«Вот ты какая, вторая ступень... Надо же, какое расстояние, когда следишь взглядом».

Ван-страйк, ван-бол.

Кирису прикладывает руки с битой ко лбу. Словно ломающий жест. Слишком тихая концентрация. Все еще промах на шесть сантиметров?

— Слышь, бьющий...

Второй мяч был его полной победой.

Возможно, ему хотели навязать внутренний угол, и курс был как-то ограничен, но психологические трюки — не про Синкера.

Обычно двухступенчатый синкер меняет направление на десяти и четырнадцать метрах, но коридор обусловил поворот направо на семи метрах, и дальше остается в какой-то момент подлета к бьющему поджечь на мяче кровь.

Таким образом, в запасе всего одно изменение, и все же нет бьющих, кто бы мог среагировать на вторую ступень на таком расстоянии.

Только что сделанный бросок это продемонстрировал.

И тем не менее.

— Что, опять заманиваешь во внешний угол?..

Головная боль.

Взгляд по ту сторону зеркала не боится Синкера ни вот на столечко. Глаза бьющего смотрят насквозь, вызывают жуткое головокружение. Это все, наверное, холод. Это просто озноб вызывает мигрень.

Сдерживая раздражение, протягивает руку к третьему мячу. Белый пар дыхания. Не обращая внимания на вновь возникшую боль в правом локте, Синкер делает замах, словно бросая «блинчик» галькой по воде.

Забавно, эта самоуверенность — натуральная? С таким легким предвкушением он еще раз отправляет демонический мяч во внешний угол.

Только на этот раз — слайдер. Бьющему-левше он влетит от внешнего угла во внутрениий; адский бросок, который трудно отбить с такой стойки.

«Считаем, что внешний».

Нет смысла предвидеть форму мяча.

Кирису Яитиро внимательно смотрит только на одно — на единственную особенность, оставшуюся у Синкера.

С таким коридором в любом случае нет никаких форм мячей. Только в какую часть страйк-зоны этот питчер постарается пробить. Только на этом он фокусирует интуицию и прозревание сути.

Форма мяча по ту сторону зеркала.

Сильное, гладкое без нареканий движение всем телом. Но не до былой красоты. Это происходящее в пределах секунды от тэйкбэка движение записывается на подкорку в раскадровке на десятки, и траектория поворачивающего за угол мяча анализируется в реальном времени.

По вращению мяча похоже на «шут» вскользь внешнего угла.

Но воля-форма питчера отрицает это.

Отбивающая за 0,3 секунды тугая воля-бита.

Мяч зацепился за верх биты, отскочил назад от бьющего и пропал.

Поправка суммарно на 6 сантиметров. Естественный эффект ранее проведенного свинга.

И, после броска, на который обычный человек и среагировать бы не успел...

— Как-то странно не просматривается... Изменения снаружи внутрь мне пока не отбить нормально...

Выдохнув так, чтобы не выпускать телесного жара, Кирису Яитиро снова повернулся к питчеру.

В старшей школе он говорил, что бьющий сжигает сотню дней тренировок в один миг. Да, так и есть. Этот Слагер вкладывает всю душу в каждый мяч.

Словно подражая питчеру с его проклятием: отобьют — умрешь. Потому что концентрацию, выжигающую целую жизнь за один мяч, он вызывал в себе три года, словно это обычное дело.

— Коснул... ся...

Синкер видел это через зеркало.

Дрожь по позвоночнику.

Не от мороза, терзающего тело. Его трясло от неистового, огненного исступления.

— Эй ты... Это всего лишь третий мяч, ага?

Уголки рта кривятся вверх.

Смеется. Ни с чем не сравнимое раздражение и помутнение, взгляд, пронизывающий его с другой стороны зеркала, и отвратительные приступы тошноты. Что это? Что с этим типом? Разве допустимо такое жульничество? В таких условиях — и попал? Всего лишь третий мяч. Нет, всего лишь второй «двухступенчатый синкер». И с этим одним он уже среагировал? Такой бред разве бывает? Как нелогично. Как гениально. Раздражающе нереальное, на уровне животного «чувство отбоя».

— Ах ты...

Чудовище. Такого монстра и за две жизни не встретишь!..

— Ха... Х-х-ха-а-а! А! А!

Встряхивает от бури эмоций.

Температура тела поднимается.

Мигрень на порядок усиливается.

Странно. Слыша в этом затихшем мире некий смутный шум, Синкер тянется за четвертым мячом.

Счет — два страйка, один бол. Подавляющее преимущество на стороне питчера. Но этот мяч не станет решающим. Это он сам недооценивал противника. Этот монстр анализировал третий мяч, и остальные мячи в счете выдадут монстру его с потрохами.

— Х... ха-а...

Глубоко вдыхает. На краю зрения маячит ящик, в котором аж двадцать мячей.

Действительно, дуэль будет долгой.

Локоть не выдержит и одного матча, как он раньше решил, но без разницы.

Он не может проиграть, он должен бросать и бросать, во что бы то ни стало. Демон сказал, что энергетика дуэли и есть его жизненная сила. Это так. Тело жалуется, но его температура понемногу растет.

...Сжимает четвертый мяч. Режущая боль из правого локтя опять крушит нейроны в мозгу.

Храня в правом локте ни капли приятного, а только страдания, Синкер повернулся к отражающемуся в зеркале бьющему.

...Дуэль повторяется.

Шум нарастает, торит дорожку.

Шестой мяч. Седьмой мяч. Восьмой мяч... Уже десятый.

«Чипуя» каждый мяч, пролетающий на самом пределе внешнего угла, стоит до сих пор не сломленный, незыблемый четвертый номер.

Взгляд из зеркала все спрашивает одно и то же.

Мое дыхание все ближе возвращается к норме.

Я вытираю пот залитой кровью правой рукой.

Я замечаю, что ступни давно залиты кровью.

Красный цвет освежает замутненный разум.

...Парк на закате.

...Бейсбольное поле под огненным небом.

...Место тренировок на исходе зимы.

...Свисающее с потолка...

Вдруг я увидела череду образов, которых в памяти не было.

Мне кажется, во мне всегда был гнев.

Мне удавалось продолжать бейсбол, бывший мне только пыткой, только потому, что оставалось немного.

Но чем больше злишься, тем меньше удовольствия; и мне стало страшно, что я от души возненавижу эту игру.

— Дос...

Вдыхаю всем телом.

Он тоже вкладывает всю душу в каждый мяч. Всего десять мячей, но чуть отвлечешься — уже, кажется, сбился со счета.

Негодующий взгляд в зеркало — хреново то, что и противник такой же!

Бьющий слегка сбился с дыхания. В пальцах, охвативших битую, заметна усталость. У меня получится... Этот мяч заставит битую махнуть совершенно впустую. Но тот не умер. Глаза бьющего совершенно не изменились с самого первого мяча.

Безотрывный взгляд спрашивает красноречивее слов.

Ради чего.

Ради чего ты продолжаешь бросать мячи?

— ...та-а-ал!

Уже полный счет. Траектория мяча не прощает ошибки.

Бьющий с каждым ударом едва-едва касается битой поворачивающего снизу в верх внешнего угла демонического мяча.

— Ты опять попал!..

Ощущение, будто бьющий мелко издевается, распаляет гнев.

Видимо, осознав, что чистый отбой невозможен, бьющий ограничивается простыми попаданиями.

Он изначально не хочет отбить. Касается битой, копит счет фаул-чипами, ждет усталости и промашки питчера. Это стратегия.

Серьезно, достал. Вот так вот просто попадать — этого не позволяли демонические мячи, а он не пропускает ни одного, продолжает «резать»!..

— Убью...

Пылающая жажда убийства словно сжигает все тело.

Болит голова. Болит локоть. Где-то после шестого мяча локоть перестал успевать восстанавливаться. То есть осталось несколько мячей. Нет, следующий бросок может перейти черту. Да. Хватит уже, надо просто завязать на этом. Прямой поворот и «шут» мимо внешнего угла бьющего. Снова чип. Определенно. Всего два миллиметра ошибки, но он ближе к точному отбою, чем раньше. Я скрежещу зубами. Если бы не этот коридор, а нормальное место битвы, он давно бы уже срезался...

— Нет. Просто одинаково. И этот, и я — в одинаковых условиях...

Опасно отдать ему еще больше мячей. Опасно заикливаться на внешнем углу. Значит, внутренний. Если при этих предельных играх на внешнем вклеить мяч во внутренний, исход решен. Но хватит ли этого? По идее, ко внутреннему его глаз еще не привык.

Получится. Нельзя. Для внутреннего отбоя этот бьющий просто сгибает руки и поворачивает бедра. Даже из текущей стойки со свингом он успеет.

Знаю. Ведь это его банальный метод. Разбито сердце бьющих, с самого начала победный бросок закрепляющих за внутренним углом и не любящих внешний. Поэтому нельзя. Во внутренний я не могу бросить. Потому что я чувствую, что его он отобьет. А-а, впрочем... откуда я это знаю?

— Кто он?..

Раздражение застилает глаза. Дешевенькое зеркало. Лицо бьющего словно в тумане, не видно. Когда не видно лица, не выходит реально передать готовность убить.

Но — как давно такого не было! Больше, чем гнев, больше жажды убить в сердце колет напряженность. Мне хочется орать в голос, насколько же будет легче, но я терплю, скрываю. Победно вскидывать кулак еще рано, пока не срежу этого восхитительного бьющего — м-да. С каких это пор из моей памяти пропало это ощущение?

— Ладно же. Если так хочешь отбить «шут» во внешний...

Тринадцатый, чертова дюжина.

Синкер еще сильнее сгибает ноги. Сменяя стойку с бокового на нижний, ощущает неопределенную резкую боль.

— Уй... Х-ха.

Опять чего-то недостает под темечком. От одного лишь, давно родного, мелкого смещения центра тяжести по всему телу словно расходятся трещины.

— Гх... уф, хре, ново.

Пошедшие вразнос сухожилия и мышцы доставляют смертельную боль.

И пусть. К чертям проблемы локтя. Откладывание подачи расценивается как затягивание. Ничего, немного отдышусь и начну. Покажу ему, почему «sinker» значит «отправляющий на дно».

Словно оценив решительность, дыхание бьющего затрепыхалось сильнее.

Пронизывающий взгляд уплотнился. Странное дело: я же не вижу его лица, так почему я чувствую этот взгляд?

Похоже, он из тех, что на убийственный настрой отвечает им же. Как же он мне по душе.

Цель все еще выражает волю отбить из внешнего угла и бросает мне тот же вопрос.

Ради чего.

Ради чего ты.

Продолжаешь эту бейс-боль?

...Две стрелы глаз уверяют.

Что все кончилось не по моей вине.

Но все кончилось. Занавес той мечты намертво опущен. Не лезь под занавес, на экране все равно ничего не показывают.

— Х-х-х-а-а-а, гр-р-р-р!..

Я не хочу это слышать.

Было же так тихо, почему я слышу этот раздражающий звук.

...Когда-то в кинотеатре подняли опущенный занавес.

Стена, на которой ничего нет. Титры, которые прошли. Разочарованное и в то же время сожалеющее лицо старого друга, и это был...

— Да что ты...

Локоть болит. Словно следом за ним, поднимается жар. Я слышу белый шум. Разнесенная в клочья память, которую мне и не больно хотелось иметь, возвращает меня к себе.

— ...понимаешь!..

Поднимается левая нога. Делаю шаг прямо к бэттеру в зеркале, изгибаю правую половину тела веером.

Миг – и...

Меня окутала разрушительная, выжигающая нейроны боль.

/

...Фух! — и сознание внезапно возвращается.

Я поднимаюсь по длинной дороге на холм.

Тяжелая тележка с грузом. Тащит одинокая женщина. Воспоминание о слишком злом лете.

...Мне уже столько раз приходилось на это смотреть. Тележка остановится на половине пути, встанет на месте, и никто не поможет.

Только стрекотание цикад — цепочка, связующая нас и мир людей. Только это — больше ничего нам не позволили разделять с обществом.

В нашем бедном доме не было гнева. Только жалкое существование, печаль, и все.

Ребенком мне хотелось просто дать волю чувствам, плакать, что я не хочу, чтоб так было.

Однако до этого моим глазам предстало нечто слишком уж грустное.

Женщина еще до меня, тихо, без голоса, плакала.

Бесполезный сын. Никчемный я. Невыполнимое нежелание давать восьмилетнему ребенку ощутить несчастье той жизни. Бессилие ничего не могущей матери. Все это угнетало женщину, и она даже не выронила и слова проклятия.

Не проклиная свою несчастье, не срывая зло на разницу с окружающим миром. Просто думая, почему ее жизнь стала такой... На себе ощутившая, что ей никто не поможет, женщина отбросила надежду опереться на несуществующего «кого-то» и, словно ища спасения, тихо сломалась одна. Честно говоря, я подумал — ну вот, она успела первой. Раз уж случилось так, что я ее такой вижу, мне поплакать не остается времени.

Ну да. Поэтому пусть я... пусть.

Ради чего я продолжаю бейсбол, а? И говорить нечего. Я не думаю, что кто-то поймет. Я не «позаимствую» чью-либо поддержку, я никому не доставлю хлопот. Так что оставь меня в покое, ладно? Как задолбали мешать жить только потому, что человек слаб. Как задолбали деклассирующие только по кошельку. Если я не протяну руки, вы же тоже не протянете, а? Вот и прекрасно. Сломали локоть — сочту за славный урок. Не таю зла. Мне вообще некогда этим страдать. Кто нашел время ныть, тот лучше пусть его на лечение локтя потратит...

«Нет же, нет! Ты не понял, что уже не можешь быть питчером?»

Смех мне привычен. За труды праведные да воздастся. Я знаю друга, который вытащил себя таким образом в питчеры первого звена.

«Да чо там, у него мать вообще...»

Достали. Достали. Достали. Почему кого-то так волнует то, что никак не касается; почему те, кому повезло настолько, чтобы совать нос не в свое дело, могут завидовать другим? Не складывается. Сытый алкает. Да у вас головы жиром заплыли, и -

«У семпая же нет друзей? Поэтому мы с семпаем повеселимся».

...Вот так. С того дня я так давно не возвращался домой. Да, я каждый день уставал, но перед коридором от входа менял настрой. Я умолчал, что мой локоть сломан. Сейчас надежды нет, но когда-нибудь я точно заставлю его работать. Поэтому пока промолчу. С этими мыслями я не мог даже на эти несколько месяцев ее опечалить, открыл входную дверь и крикнул «привет». Над чайным столиком было непривычное украшение. Словно крутящийся ветряной колокольчик. Поутру, глядя на меня, машущего рукой, женщина -

с извиняющимся передо мной лицом — оборот — оборот — оборот.

Закрываю дверь. Заговариваю с соседкой. Это добродушная женщина с не подходящим обманчиво-беззаботным голосом.

«Ой, а ребята ушли? Как редко заходят к вам друзья. Все с бейсбольными штуками! Это твои товарищи по клубу?»

Это было не из-за младшеклассников. Те вправду просто приходили повеселиться. Они только посмеялись над жизнью женщины, пошпыняли, напоследок рассказали по доброте душевной, в каком состоянии сейчас ее сын, и все. Все ясно как день. Она и так была на пределе. Поэтому, устав от жизни, с ощущением вины перед сыном ушла на покой. Мол, прости, что даже мечте твоей конец.

Кажется, это было в декабре.
Теперешний я не очень понимаю, что почем.
Видимо, все это меня никак не касается.

/

— Кх, хах-х...

В этот миг.

От разрушительной боли, выжигающей нейроны, воля Синкера вернулась.

— Кх, гр-р-а-а-а!

Беспричинный гнев приютил демона в правой руке.

Насильственно поддерживает тело, трескавшееся от жажды убивать.

Гнев. Гнев. Гнев. Бесформенный гнев. Не направленная на кого-то конкретно ярость — его стимул.

Крученный на скорости в сто сорок километров в час на этот раз уж точно пролетит мимо биты.

По внешнему углу, снизу вверх, ныряет «синкер». Не сравнивая с ранее задевающими внешний угол понизу мячами разница высот.

Тихий звук «чипа».

Действительно самым краешком, но — этот бэттер все же коснулся мяча.

— Эй!.. Ты вообще уже, Слагер!

Мутнящие сознание гнев и радость!

Две эмоции взорвались и разлетелись.

Эпичен. Этот бьющий эпичен. Неоспоримый слагер. Он из другого теста, нежели куча уже убитой мелкоты. Раздражает. Как же раздражает. Как такой до сих пор не вылезал из норы? Не делал милости? Черт. Черт. Черт. Теперь еще больше раздражает, хочется материться. Ар-р, ну правда, почему... не мог раньше появиться, пока я не стал таким позорным питчером? Непонятно. Неважно. Сейчас есть только гнев и радость.

Враждебность к бэттеру, коснувшегося лучшего мяча, и заразительный восторг к его таланту.

С другой стороны — я уже живой труп. То, что я сейчас не сделал страйк, смерти подобно.

Но тем более — эта дуэль за ним...

— Готов...

Своими глазами видел. Этим свингом бьющий повредил правый локоть. Теперь тупик. Следующий демонический мяч — страйк-аут. Услышим звук ломающегося черепа восхитительного Слагера.

— Х-х, а-а...

Кровавая правая рука тянется к теперь уже последнему мячу.

— Э... ой? Черт, ты чего?

Мяч не взят. Нет, не то что не берется, а что-то ящик с мячами в тумане, не видно.

Еще один мяч. Еще один мяч все решит, но почему ничего не видно? А, солнце в глаза.

Надо было кепку надеть. Капюшон от света не защищает. Хотя в жизни никаких кепок себе не мог позволить.

— Уф-ф-ф... во.

Чуть не падая сам в ящик, берет мяч.

Перерасход крови. Спад кровяного давления, сопровождающийся утратой зрения, проходит мимо внимания. Он вообще сейчас не может даже дышать, не напрягаясь всем телом. Разные функции организма в отключке.

Теперь тупик — понял он.

И это чистая правда. Его разваленный рассудок уже не осознает, кто именно перешагнул предел.

Головная боль с примесью белого шума.
Порванное тут и там мясо руки. Уже бесформенное правое плечо... Потрескалась и уже следующим броском развалится кость локтя.
— Да знаю я... Но получится.
Тело горит.
Высокий звук удара по металлу пробуждает мертвеющее сознание.
Хреново? Да всегда хреново. Всю жизнь терпел ради мечты, которой надо сбыться.
Но ради чего сейчас?
Непонятно. Потеряв зрение и смысл, Синкер начал сетап для последнего мяча.

Это были кричащие спидболы.
Пятый мяч. Шестой мяч. Седьмой мяч.
С каждым разом мячи Синкера набирают резкости и одновременно ранят самого питчера.
«Кх, ха-ах...»
На взгляд питчера — неколебимый четвертый номер.
Но сам Кирису шел по тонкому льду.
Поворачивающие в десятке метров от него, на ста сорока километрах в час едва касающиеся страйк-зоны демонические мячи.
Просто реагировать на такое уже стоит не года жизни, но десяти.
Сорок процентов внимания — на внешний угол, сорок — на приманку-внутренний.
Остальные двадцать — на ловлю мячей, опасных потерей контроля.
Этот питчер не задействует убийственного мяча до страйк-аута. Это понятно, но дикие подачи от потери контроля неизбежны. Однажды рука сорвется, и прилетит дикий.
«Гьфу... Хрень в голову лезет».
Там уж — удерешь или нет.
Если прилетит в голову, точно смерть на месте. Увернуться на расстоянии в десять метров от поворачивающего спидбола не выйдет. Неважно, как там бита, уже входящая в мах, но тело на приказы движения с такой скоростью не среагирует.
Это — бэттер-бокс по соседству со смертью.
Если страйк-аут, Синкер пустит последний мяч на убой.
Если дикий мяч — не увернуться и насмерть.
Синкер с каждым мячом шагает к могиле, но и Кирису с каждым мячом теряет шансы.
Остановись. Быстрее остановись, безумие.
Остановить бы. Срочно остановить бы эти вбрасывания.
Страх на подкорке сбавляет глубокое дыхание.
...Все сознание нужно направлять не только на зрение, но и сосредоточивать на других чувствах, иначе за такими мячами не успеть.
Слух особенно близок к зрению, и с мозгом эти два чувства взаимодополняют. Данные от слуха и от зрения не раздельны, они поступают в связке. Пространственное ощущение, логическое мышление повышены. Мозг сочетает сознание с левым ухом, и в заведующее образами правое полушарие информация вбивается напрямую.
Кирису не планирует измотать Синкера, срезая мячи. Все свинги направлены на отбой. Он всего лишь не попадает. Человек, ни разу еще не пропускавший бол, если только его видно, уже седьмой мяч ловит и не успеваает.
...Если Синкер и суетится, то суетливость Кирису еще больше.
Двое, которым не позволены ни страйк-аут, ни хит. У обоих еще не было противников, кого нельзя было бы победить так, как диктует воображение.
«Ага, это, ну...»
Страшно. Слагер запоздало ощущает, насколько напряжная штука бэттер-бокс.
Завершить бы. Завершить бы за наименьшее число мячей.

Уже нет настроения отбить и покончить с этим. Пусть форбол. Дикий мяч или бол срезать не станет. Пропустит как есть, а дальше пускай Исидзуэ Арика что-то делает. Восьмой мяч. Резковат. «Шут» во внешний угол, судья бы засчитал страйк. Осознав это, начинает махать битой на полной скорости.

Бэттинг задействует тело от щиколоток до запястий, являясь самым длинным для тела последовательным движением. Спираль, где каждое звено вращается по очереди. Но поворот для всего не начинается с первичным «пинком». Все движения целиком прибавляют к скорости. От ноги к бедру, от бедра к спине, от спины к плечам. И каждый раз скорость растет, и бита, на самом конце спирали, вмиг разгоняется до ста сорока километров в час.

«Кх, ах ты!..»

Упускает попадание. Видит эти считанные сантиметры, но не успевает. Это предел человеческой реакции... Если будет опасный или внутренний, сознание расползается, и если зажать одни внешние траектории, он едва-едва успеет.

Но не может этого. Такая резкая смена стойки изначально была для заманивания мяча во внутренний угол. Если прилетит туда, касание, может, и будет неполным, но все равно приходится оставлять выбор для внутренних.

Бэттинг начинается с ограничения мышления питчера. Если сейчас сделать нейтральную стойку, смысла в подготовочной части не будет. Легким увеличением свободы выбора противника матч проваливается.

Питчер держит следующий мяч.

Думать некогда. Сконцентрировав сознание, он прикидывает форму броска.

И каждый раз...

«Игурума...»

...гнев этого питчера доходит до него через зеркало.

Почему все так обернулось? Мы же просто хотели играть в бейсбол. Я не виноват. А виновато общество, не давшее даже свободно поиграть с мячом. Тот, кто был слаб, выбился вверх, вы обиделись и для развлечения в свободную минутку подставили ему подножку...

Так кричит правое плечо питчера.

С каждым мячом расползающаяся форма. Но живость растет, и мячи чудесным образом набирают резкости.

Среди этого: презирая бьющего как предателя, навек изменившиеся глаза ребенка.

«Я попробую кинуть боковой. Пусть скорость плавает от размера тела, но крученые зависят только от тренировок...»

...Хоть и нет времени на сантименты.

Эта необратимо искаженная фигура упрямо накладывается на образ старого друга.

Детство, когда все-все было иначе.

Единственное общее — любовь к бейсболу.

Нет... Изменилось и это.

Они просто смотрели в одну сторону, а видели такие разные вещи.

Именно Кирису, не замечая этого различия, и загнал в угол друга более жестоко, чем кто-либо иной.

Девятый мяч.

Разбрасывающий искры мяч влетает под таким острым углом, словно ругает Кирису — «предатель».

Страдающая правая рука Синкера. Кто угодно посмотри — это предел. Человек бросает мяч, подавляя боль, превосходящую воображение. Это Игурума Казуми делает шесть лет подряд. Радости в бейсболе он не увидел ни на миг, этот король в пустыне.

Его вид был слишком ярким для Кирису.

Питчер вопит.

Ты легко бросивший бейсбол предатель.

Ты незаурядно талантлив, но не отдал бейсболу все, недопырок.

Так и есть. Естественно, что Синкер зол на Кирису Яитиро. Но если задаться вопросом, кто из них прав, Кирису и сейчас ответит с гордостью:

«Ага. Дык я молодость бейсболу посвятил.

Но я же не ты, я не разменял на него жизнь».

Поэтому и не дошел до ручки.

Он в любом случае не смог стать таким нездоровым героем, что разбрасывается жизнью за то, что любит.

«Знаешь, последнее время матушка улыбается. Рада, что меня все хвалят...»

Десятый мяч.

Фастбол, каттер, пущенный из формы, что словно дышит огнем.

Чей страх смерти больше?

Бэттера от холостого маха или от смерти за доли секунды от дикого мяча?

Питчера, свалившегося после вбрасывания на пределе нечеловеческого знания?

Страх Кирису больше...

Неимоверный гнев этого питчера подавляет страх.

...То, что уже закончилось. То что уже не сбудется, движет уже мертвым телом.

Питчер не осознает. Он даже не замечает, что уже давно харкает кровью, что покрыл весь «холм» кровью.

«Гх...»

Невыносимое зрелище. Но отводить глаза нельзя.

Что можно сделать сейчас – так это положить конец.

Быстро и неважно с каким результатом положить конец этой игре. Готовый и к этому, Кирису не может нанести удар.

Тайминг уже совпадает. Этот питчер не любит мячи во внутренний угол. Теперь остался только один мяч, нужно привязать сознание питчера ко внешнему углу в момент выпуска мяча, и исход решен, это понятно, но Слагер все продолжает дуэль.

...От страха плохо соображаешь. И вот Кирису отвел глаза от собственных мыслей, и — тринадцатый мяч.

Синкер первый привел дуэль к исходу.

Взамен бокового — дающий еще большую нагрузку нижний. Жалкое, напоминающее раненного и бьющегося в агонии лебедя, но завораживающее и свежее движение броска. Если прежние прямые были плюющимися огнем скрюболами, то сейчас налетает синкер, который рассыпает молнии.

«Кх, о-о!..»

Взлетают все девятьсот граммов тяжелого, как жизнь, товарища-биты. Атмосферу взрывает звук «чипа».

«Дх-р-х-х!..»

Тупая боль в награду. Он только потому успел за этой разницей высот, что не шла в сравнение с прежними мячами, что уже несколько раз видел такой мяч и принял в дар опыт, что кончился простым граундером. Слишком дикая поправка по вертикали. Кое-как попав по мячу, правый локоть Кирису все же начинает щипать нехорошая боль.

«Потянул, что ли?.. Хреново...»

Порвал что внутри?

Как бэттинг, так и питчинг — филигранная работа, и легкая нестыковка запросто портит тело. Это гонка мяча на скорости в сто сорок километров в час и отбоя за 0,3 секунды.

Плечи, локти, кончики пальцев получают мгновенную нагрузку в сотни килограмм.

«Смазал. Значит, тронул, и остался один мах...»

Причем ситуация с внутренним углом отчаянная. Судя по локтевой боли, отбой на согнутых руках обречен на провал. Но что-то не верится, что отобьет такой бросок во внешний угол еще раз.

То есть — поражение.

Следующий мяч убьет Кирису Яитиро.

«На этом конец?.. Офигеть, эта дуэль не так кончится...»

Слагер поворачивается к питчеру, чтобы закончить дуэль иначе... Но питчеру в зеркале было хуже, чем Кирису.

Ощупью находит мяч.

Даже не отдышавшись, делает сетап.

«Балда, ты же так...»

Влепишь дедбол.

Весы поражения вмиг качнулись обратно.

Откровенный дикий мяч. Даже повернув под прямым углом за угол, без вторичных изысков влетит бьющему напрямик под ноги. И это победа. По состоянию питчера видно, от мяча можно увернуться.

Кирису достаточно отпрянуть и пропустить.

Счет — четыре бола. По правилу взятия базы победа за бьющим.

И этот вот описывающий некрасивую траекторию мяч бьющий отбил специально.

Мяч отлетает в стену. Ненужный фаул-бол.

Видя это, в потрясении он наконец осознал. Свое сожаление о несбывшемся. То, чьей же мечтой был этот матч.

«Слышь, Кирису, ты помнишь, как я тогда ляпнул ту дурь?.. Если помнишь, давай забудем о ней...»

«А-а... точно».

...Он даже в страхе смерти продолжил матч — оно это и значит.

Если подумать, как же тогда было весело!

Мечта о потерянном лете. Уговор, что нарушил сам.

Гремящая по Сикуре, дающая смущающее звание гения, его дуэль один на один с Игурумой Казуми.

Это свершилось прямо сейчас. Еще бы не было весело. Как можно легко закончить ее.

«Хочу еще!» — не мог не думать он.

«Однако да. Раз осознал, надо уже кончать...»

В то же время ему было грустно как раз потому, что было весело. Этот сказочный сон, что так долго беспокоил, сейчас некому смотреть.

Издали — звук удара по металлу.

Бам-м, бам-м. Практически безлюдная стройка. Куда там до воплей болельщиков этому высокому металлическому шуму. А потом — бездумный и наивный комментарий.

«Бейсбол — он в том, хорошая была дуэль или нет, верно? Победы, поражения я бы не стал...»

...Гнусно. До чего же это жестокая отмазка.

Жестокая мечта эгоистичного гения.

Искренняя мечта того, кому не дано.

Жил опустившись, бросил бейсбол и даже на дне проstack — как раз Кирису.

Мечта Игурумы Казуми не была простецкой, но человек может ею гордиться.

Вот и вся история. Больше всего одержимым бейсболом был не Синкер, а он сам.

«...Я буду таким питчером, что никто кроме тебя не отобьет. И ты тоже стань таким бьющим, чтоб ничей мяч, кроме моего, не пропустил. И давай тогда мы в один прекрасный день...»

Такой жестокой истории больше не будет.

Он все это понимал. Изначально обездоленному и одаренному не понять друг друга.

Параллельные прямые не пересекаются.

Но... они видели одно и то же. Хотели прийти к одному и тому же. Просто когда выбирали цели, это не сбылось, вот и все. В самом истоке — когда они невинно играли в мячик, Кирису Яитиро почему-то не смог принять, что его мечта давно сбылась. Почему?

«...Ага. Ты, наверно, думал быть со мной номерами один. Но я-то, честно сказать, мечтал о большем».

Но Кирису предал. Кирису предал раньше. Первым забуксовал он сам. Не на втором году старшей школы. В тот самый момент, когда он пожалел чувства друга, разные факторы хаоса потрясали его битой, заставляли друга опускаться. Кто знает, насколько это ранило того самого друга.

...Может, хоть сейчас он успеет?

Пьеса без зрителей.

На серебряном занавесе, где не проецируется фильм, что-то осталось.

Перехватив битку обеими руками, вытягивает руки.

После такого глубокого вдоха и выхода, что выпустил весь воздух из легких, Слагер возвращается в бокс бьющего.

За шестнадцать метров от него на холме — маньяк-убийца. Но не так, а по старому прозвищу к нему обращается Кирису.

— Йо... Прости, что так долго, Синкер.

Ностальгия. Знак начала матча, что не выходил из его уст десятков лет.

За внутренний угол не волнуется.

Дуэль решит один мяч. Точно во внешний угол — нацелясь на козырь Игурумы Казуми, синкер, Слагер поставил жизнь на последний бэттер-бокс.

Очнулся от набегающей на уши волны звуков.

В сознании и глазах — белый туман.

Кто он, что он делает? Ради чего бросает? Не вспомнить.

Словно привидение. То, что зовут Синкером, стало простой машиной, которая довольно неловко тянется к мячу.

Дуэль еще не решилась.

Бэттер стоит в стойке. Ясно, что не убив этого бьющего, домой не вернуться — сказала навязчивая идея, и она одна запустила дыхание. И тут...

— Прости, что так долго, Синкер.

Первыми в беззвучном мире он услышал слова друга, которым в детстве восхищался больше всех.

/

...Он вспомнил причину.

Высокие горы облаков. Гоняющий мурашки по коже стрекот цикад. Бессильно рыдающая женщина.

В то лето он увидел нечто слишком невыносимое.

Он увидел неизбывную, тихо рвущую сердце грусть.

Поэтому он поклялся, что станет ей спасением.

Плывать, что он беден. Плывать на свое веселье. Он нашел то, что куда важнее, он понял, что надо делать.

— Точно, я же...

Ради этого вытерпел все.

Продолжал неприглядно оттачивать питчерскую траекторию.

Причина желания стать профессиональным бейсболистом. Потому что любит. Потому что хотел бежать от нищенских проблем. Потому что хотел смотреть людям в глаза... Нет. Не поэтому он взял в руку бейсбольный мяч. А просто ради того, что увидел в тот день.

Просто ради женщины, чья жизнь была горькой, лишенной всякого смысла. Он хотел дать ей гордость тем, что она родилась на свет...

...Он наконец вспомнил. Эта мечта — мечта не Игурумы Казуми. Мечта о матери, судьбу которой он хотел изменить.

А матери больше нет.

Единственной причины, по которой он поклялся продолжать бросать мяч.

Детская решимость защищать, даже будучи изгнанником из Эдема.

Однако...

— Точно... эта мечта уже кончилась.

Его лишенная спасения жизнь, над которой опустился занавес восемь месяцев назад, в декабре.

/

Сознание возвращается.

Зрение очищается от дымки.

В уши впивается металлический звук.

...Даже дышащее с трудом, полностью измотанное — его собственное тело.

— Ну да... Полный счет.

Без жалости отбей.

Когда-то давно он был готов сломаться и заговорил со старым знакомым. Потому что все плохо. Он попытался всего раз сбежать от своей клятвы.

Но были и веселые времена.

Точно. Он, наверное, не бросил как раз потому, что бывало и веселое. С мальчишкой, чье имя никак не припомнит, он столько раз играл до самого захода солнца.

Чье это воспоминание?

— А-а...

Слышен звук.

Здесь очень плохо.

Как на горячей сковородке.

В аду цвета воды я и сейчас стою одна.

...Воспоминания нахлынули.

Я слышу звенящие металлические удары.

Я слышу далекие, мелкие, эхоподобные крики болельщиков.

Значит — надо бросать мяч.

Получится?

Конечно, получится. Зима уже кончилась. Лето такое жаркое, что трудно дышать.

Выжигает легкие. Туманится бейсбольное поле... Колотится сердце. Это сводящее с ума лето еще раз вернулось в мою правую руку.

В зеркале бьющий стоит один.

Кто этот бьющий?

Не вспоминается. Но надо бросать. Для кого-то по имени Синкер, чтобы исполнить давнее обещание, я брошу соответствующий мяч.

Вытираю мешающую кровь, правой рукой об одежду.

Почти сломанная рука простирается по ветру.

Самый лучший в жизни скрюбол.

И вот... Напоследок он услышал звук, извещающий о финале.

Летит белый мяч.

Не давая заляпаться кровью, я бросаю его бьющему, который отражается в зеркале.

Поджидает стена для демона. По сворачивающему под прямым углом коридору отскочит какой угодно мяч.

Мяч, что не должен бы свернуть. Последний выстрел, что не должен долететь... Это прекрасно. Описав кривую, словно взлетающий лебедь, величайший скрюбол осиливает поворот.

Больше под углом он не свернет.

И он не так быстр, чтобы вмиг долететь.

Именно поэтому глаза так застилает пелена.

Это не то, что мучает одержимых демоном. У демона есть семя и есть финт. А это — просто гений человеческий. Делать чудеса, до которых знакомым далеко, — с давних пор роль богов.

Следовательно, этот мяч вовсе никакой не демонический.

Только здесь, на поле без зрителей, палит жар этого лета, где исполняется уговор.

Два страйка, три бола.

Протянулся и падает во внешний угол последний мяч; бьющий чуть приподнимает правую ногу, делает свинг в такт дыханию...

Х/Наше время (2004-й, лето)

Вот так планы на лето вернулись к *tabula rasa*.

Они и так-то были на эту самую *tabula* похожи, а когда дело о грозе перекрестков, серийном убийце подошло к финалу в последний миг, вернулась скучная обыденность, какой она и должна быть.

Слухи о серийном маньяке-убийце Синкере остались слухами и пропали. Изоляцию Игурумы Казуми полиция осуществила без огласки; и в итоге все свели к преступлениям на почве наркотической зависимости от имевшего хождение в июле препарата.

Поэтому дело о гротескных деяниях носителя синдрома А, одержимого, развернули и разгласили в чуть более поздних событиях.

— Эх, перескок прям на заглядение. Когда настолько досконально делаешь, оно уже не столько освежает, сколько мороз по коже, как считаете?

Спрашиваю вполоборота парочку за спиной, ноль реакции.

Вторая половина августа, пережаренным дням конца не видно, мы — на спортивной площадке Сикурской общей старшей школы №1. Когда я переехал и разбирал коробки, вдруг обнаружил ключ от задних ворот и решил заодно, раз все равно назад нести, вытащить Кирису с Цурануи проветриться. Время заплывень.

Кирису даже не уполз в тень дерева, расселся, скрестив ноги, прямо под солнечной шкуросжигательной микроволновкой;

Цурануи развлекается, плескаясь водой на пустынной истоптанной площадке.

— Хм... Насколько после нашего выпуска тут все пасторально, надо же. Я надеюсь, бейсбольный клуб они в том году не закроют, не?

— Э, кто их знает. А я слышал, хотят разбить состав. Ну, времена вообще меняются. Похоже, бейсбол уже стал продуктом вкуспрома.

— А-а, как страшно жить...

Унылые вести, хочется взять и плюхнуться на землю. Но я как бы вырос из этого, и кататься по земле не стал. Вот такая вот жизнь после двадцатника.

— Так что, Кирису, ты правда собираешься у меня вписаться?

— Хм? Не, если в напряг, я поищу. Но че тебе, пустующей комнаты жалко? И недорого. И сподручно, если что-то такое опять случится.

«Что-то такое» — это про Синкера.

Я вроде сделал работу гладко, но другая сторона соглашения изволила быть недовольна выручением и передачей клиента полиции, и потому моя зарплата была ограничена минимальной суммой.

Конечно, это все равно была немаленькая сумма, но Кайэ-то уговорил половину, и...

— Чего? Синкера утихомирил Кирису-сан, не так ли? А ты, Арика, нич-чего не делал, так что я нич-чего тебе не дам. А, и вот это специальный бонус за настольный бейсбол. Не следует ли тебе на будущее купить хотя бы битую? А то нападет неизвестный киллер, и что тогда?

Вот так надо мной бессовестно издевался мой демонический наниматель. Вот бы он завязал так скряжничать при своих деньгах. «Я богат потому, что скряга» — это про уровень мелких богачей. В его случае уровень совсем другой, так что от моря мог бы и уделить бухточку.

— Ты чего такой унылый? Ты разве не забываешь, что днем было?

— Содержимое кошелька не ресетится. Я даже первоначального оклада еще не получил, между прочим.

— Мало денег — напросись еще поработать. Тот малец же говорил, для тебя работы завались, если нужно.

— Да брось... Хренушки я еще полезу возиться с одержимыми.

Именно так. Величайшей моралью прошедшего дня стало: не связывайся с экзорцизмом. ...К счастью, экзорцизм Синкера имел место днем и в памяти не сохранился. Но вот что было вечером... Заглянул к нему домой, и соседка Игурумы Казуми мне про его семейку такое рассказала, поди забудь. Даже краткие записи в блокнотике не то чтобы особенно приятны.

Да... Видеть такое тяжело. Особенно не хочется связываться с такими ребятами, как Игурума. У них с головой что-то неладно, если сливают смысл и средство жизни воедино.

— Пф... Арика, ты глянь. Цурануи надоело играть с водой, так она теперь дверь клуба пинает, дура. Я считаю, три минуты до пробоя по центру.

— Эх, молодость! Поделилась бы секретом своего вечного двигателя, серьезно. Сегодня плюс тридцать восемь, если что! В такой температуре земляне не могут функционировать. Бормочу под нос с надеждой: собственно, не она ли сильнейший персонаж Сикуры? Мы умолкаем. Я думал, он похихикает.

Вопреки пророчеству Кирису, Цурануи где-то через минуту успешно открыла дверь бейсбольного клуба. Видимо, заметила, что не заперто.

— Кстати... Это же ты заставил того шатенчика три раза кряду бросить мяч по одной траектории, да?

— Гм, так ты просек?

— Когда мы уже закончили. Так нормальные люди не делают. Очевидно ведь, балбес ты перекачанный.

— Злой ты. Я все-таки научился строить козни, хоть по мне и не скажешь.

Еще больше неожиданно. Когда человек сам себя считает злодеем, он пожизненный добряк. Мир просто разделен на истинных злодеев, злых добряков и добрых добряков.

— О, вышла... бли-ин, вот дура девка. Сплетни любит, а?

Цурануи позаимствовала из клуба мяч и стала играть в мячик со стенкой. Похоже на питчера.

Причем специально что-то типа боковых, ну не сыпь соль на рану, а?

Несколько минут мы смотрим на девушку.

— А-а, вон как. Вбросы-то может один человек, — внезапно каким-то бессильным голосом пробормотал Кирису.

— Угу... А что?

— Да не, ниче. Когда был мальчишкой мелким, ага. Я и забыл, почему предложил играть вместе. Ну да. Одиночных игр других и не было.

Отвлеченный тон голоса.

На этом диалог прервался, и мы любуемся умилительными питчерскими формами Цурануи.

Беру свои слова обратно. Она никакую не соль сыпала, а вовсе молодец.

— Однако делать не фига.

— Угу...

Чем-то знакомый летний полдень.

Кирису сидит скрестив ноги, я все стою, и мы смотрим на горы облаков...

— Значит, так. Давайте устроим бейсбол!

Не получается ответить на эту внезапную идею.

Кирису лениво, театрально вытягивает руки.

— Ты чего, Арика? Почему нет, делать же нечего? И вон той дурочке не терпится.

Ну да. Вот так. Вот к чему все шло. Я криво улыбаюсь.

— Раз решили, сразу и начнем. Э-эй, начинаем бейсбол, Цурануи-и! — ору.

Цурануи подхватывается: дождалась! — и напрямик в клуб. Кирису медленно поднимается.

...В этот момент краем глаза я увидел на его лице выражение не в тему.

С таким смотрят вдаль, провожают навеки уходящий поезд, в общем, не в тему.

— Пошли, Кирису.

Сделаю вид, что не заметил. Он как всегда заносчиво кивнул своей немолодой физиономией.

Здорово, что сейчас день. Я смогу и эту грусть к ночи забыть. И похожее на преждевременную радость ощущение счастья, и неуместная печаль для меня не имеют смысла... И то, что вообще-то обязательно надо бы запомнить, становится воспоминанием, что только на сейчас.

— Семпа-ай! Быстрее же, сегодня мы уж разделаем эту гориллу под орех! А ты вообще с какого счастья у него живешь? Назло? Ведь назло, да, семпай? Так, ты мне не по нраву, если еще придешь ко мне, можешь фэйт май бразерз, которых что-то маловато!

Цурануи взмахивает битой и рукавицами и отправляет в полет до Кирису.

На этом завязываю беречь раны. Треп о воспоминаниях цвета воды окончен. Бейсбол только втроем начинается — весело, без какой бы то ни было боли.

Разумеется — и говорить нечего, кто встал в бэттер-бокс.

／S.VS.S.end

Игра *Sinker vs. Slugger* закончилась.

По безлюдной стройплощадке проносилось отдаленное эхо звуков стройки.

Брошенное в коридоре зеркало разбито.

Бьющий, то ли от последствий тщательного удара, а то ли выйдя из крайней степени нервного напряжения, потерял сознание. Просто сознание, угрозы жизни нет.

Питчер как стоял, так и повалился в коридоре. В его случае сознание на месте, но жизненные силы теряются с высокой скоростью, и гарантировать выживание нельзя.

Можно выразить и иначе — не теряется; это то, что вселилось в его правую руку, крадет у него силы. Видимо, оно старается придать своему существованию приоритет выше, чем у жизнедеятельности организма-носителя. Этот паразит — родителеубийца как он есть, но я смиряюсь — дык, демон и есть демон.

Итак. С момента моего поворота на питчерскую сторону и ожидания исхода матча за пределами здания прошло двадцать минут.

Вроде бы мало, но долго, и терпеть это время было сопряжено с жуткой усталостью.

Звучно шагаю по коридору. Зеркало разбито, я сам себя не вижу. Совершенно естественно. Постоянно видеть себя — утомляет. Особенно я рад сейчас.

— Это ты...

Он среагировал на звук шагов, лежа на полу. Гаснущее зрение направил в коридор.

Может, вечер, а может, закрыли окна. Проход позади него был страшно темный.

— Ну-ну, не теряйся, Игурума. Заснешь — не проснешься, как в ужастике. Надо собраться, надо пойти в полицию и галантно сдаться властям.

Не отвечает. У него уже нет на это ни сил, ни причин. Полностью измотанное тело уже считает смерть легким путем.

— Мы так не договаривались. Если проиграл — сдаешься. Такое правило.

— Не стоит. Я...

— Стоит-стоит. Я тоже не хочу, чтоб ты так просто и легко улетучился. Поступим... ну, Арисима Сего⁷ был моим приятелем, младшеклассником. Нужно, чтобы ты за него по возможности ответил.

Темнота перемещается.

Звук шагов приближается.

Он мутно смотрит на присутствие рядом нечто ужасного.

— И у тех, кому ты мстил, тоже были свои истории. Знать их нет нужды, но надо хотя бы задумываться, что они есть.

Потому что ты не вечный ребенок.

Овеществленная ненависть раззявила гротескно кривую огромную пасть.

Отчего рождается ненависть?

Здесь те двое, один напротив другого, кому давно ясно.

По коридору бурлят волны эмоций. Слишком далеко для его брызг.

Это направлено не на него, лежащего посреди коридора. Это то чувство, когда так много всего чувствуешь, что не описать, что именно.

Радость и гнев.

Грусть и злоба.

Это то, что изначально — маленький человек, неопределенный, несущественный, подающий ни с чем не совместимые электросигналы. Он смотрел на это — мутно, нарушенным зрением.

— Так и думал... Это, наверное, тяжело.

— Что?..

⁷ Друг Арики с прозвищем Поступим (в оригинале Симасе – Арисима Сего).

Шаги останавливаются. Досадно... Вообще, совершенно, ни на вот столько непонятное бормотание.

— Что именно так и думал?

— Я боюсь тебя видеть.

— Почему боишься?

— Потому что... ты — самый чокнутый.

Я вслух обижаюсь и сбрасываю протез. Словно открыли ставни — коридор окрашивается под белыми лучами солнца.

— Ну налетай, псина. Все не жрать, а то будут проблемы. Вот по сих, твое любимое. Счас выну, погоди.

Отсутствующая левая рука. Фантомные ощущения выделяют из его правой руки фруктообразную опухоль. Черный пес шумно нюхает и увлеченно кушает.

Отсечение — не тогда, когда демон внутри тела, а после извлечения его наружу. Это не тот обряд экзорцизма, что одолевает и изгоняет демоническую сущность — этот ее взымает силой, «эксторцизм»⁸. Ничего-ничего не разрешилось. Моя противная роль.

И это — первый эксторцизм.

Наконец-то доведенное до конца, уже не оставшееся в памяти, первое поручение.

/S.VS.S.cut

⁸ От слова extort – вымогать.

3.

/FOMALHAUT.

disconnection.

isorder

2

Неудержимость сама по себе была показателем скорости.

Не сравнить с животным, куда им.

У кого изначально другие способности — с тем охотником нельзя равняться.

А главное, потеряно наше единственное преимущество.

Чрезмерная бессмысленность. Неистощимое многообразие. Нестабильное слабоволие. Мы бежим по пятам, разбрызгивая всевозможные беспорядочные мысли.

Врожденные способности оскорбляют волю?

Значит, пусть послерожденная безумная воля помогает их подавлять.

Сжимать время нет смысла.

В самой этой мысли нет шансов на успех.

Обгоном ничего не добьешься.

Просто тебя станут толкать сзади, и ты скатишься.

Целью были догонялки до обрыва.

Вечный побег в омут смерти.

Не переставая ускоряться ни на миг.

Всеми своими отточенными способностями встретить безгранично растущего зверя, встретить удар ответным ударом.

...Ты кипятишь изотермальную кровь.

О, ты, что потешаешься над бессмертием; палящая скорость — Фомальгаут.

1/Незадолго до того (2004-й год, ноябрь)

Хиномори Сюсэй, что пишется, как «берегущее солнце осени светило», — перестроенный человек.

У него пока нет имени.

Длинные волосы, словно сажа. Выделяющийся черный плащ. Зеркальные очки, скрывающие глаза. В его руке острый предмет, выражение лица зверское, ухмылка — «подойдешь — зарежу». При такой отличительной внешности он до сих пор без псевдонима; все считали его одержимым, но кличку пока не дали.

— Что за?.. Ты почему еще жив?!

— М-м...

На вопль полностью покрытого кровью юноши лет пятнадцати-двадцати Сюсэй бездумно хмыкнул.

Довольно-таки задолго до этого, в оживленном деловом и магазинном районе, время за девять вечера. Хиномори Сюсэй стукнулся плечом о прохожего, сам не заметил, как согласился на драку, и вскоре увел его в проулочек, куда никто по доброй воле не ходит. И в раздумьях, чем бы поужинать и прочем таком только что сделал из паренька решето.

— Ты же умер два года наза-ад!

— Хм, мгм.

Хиномори Сюсэй впервые видел этого жалкого паренька, который так и сыплет словами да без обиняков.

Парень собирается сбежать, но как только он срывается с места, в его бедро непринужденно врезается труба в руке безжалостного бандита.

В боевом искусстве говорят: «сэн но сэн», самое-самое. С такими речами он в лучшие времена мог бы запросто стать заминструктора в какой-нибудь городской кэндо-школе.

— Не, если на то пошло, то три года назад — ты тогда с крыши небоскреба... Не, не-не-не! Вообще-то, четыре...

Хотелось ответить: «Ты определись уже». Может, он устал от чрезмерно стереотипных фраз юноши? Хиномори Сюсэй недовольно цыкнул, вытащил из бедра бедняги трубу, и завистливо обронил:

— Клево. Держишь типаж, парень, — а потом воткнул ее юноше в левое плечо.

Изо рта того выплеснулся вопль. А это центр людного района. «Что, что такое?» — набежали на шум в темную улочку зеваки и стали подглядывать, но мужчина бросил им через плечо: «Все в порядке». Юноша был в тени Хиномори Сюсэя, и народ, ничего не увидев, благоразумно оценил подозрительную личность в черном плаще и разошелся.

— Хм-м, последнее время как-то просто. В девяностых было не то: если поорать в городе, так набежала бы толпа студентов-качков. Индифферентность делает людей слабее, но и в чем-то сильнее, согласен?

— Т... т-ты...

— А, да, насчет того, почему я живой. Я ждал, ждал такого вопроса! Все-таки не бывает героя без фирменной фразы! Тем более отрицательного! Ну что, поехали? На сей раз я все обдумал и уверен в себе. ...Да. Ибо я — неуязвим. Пока во мне эта страждущая кровь, я буду возрождаться вновь и вновь...

Юноша молчит.

— А, э-э, не понравилось?.. Ну, ладно, я сам понимаю, что слабовато... М-м, это, как бы, похоже на трансформацию от одной бездумно сказанной фразы. То есть без такого

вообще никто за бесплатно в зверские убийцы не подается. Эх, вот бы кто дал приличное имя...

Глаз юноши вспыхивает красным.

«Черный плащ отвлекся, не пропустить!» — и без преувеличения, без иносказания, целиком окрасив глазное яблоко кровью, юноша командует человеку перед ним:

— Смотри, смотри мне в глаза-а!

— М-м?

Прядется волокно толщиной в десятую долю миллиметра.

Генерируемые и испускаемые глазом юноши нервы пронизывают глаза Хиномори Сюся. Солнечные очки бесполезны. Незримое волокно вьется по стеклам, как лоза, изгибается, устремляется напрямиком к главному яблоку.

— Связал!.. Давай, глуши!..

Вид замутняется одновременно для обоих. Вломившись в зрение, нерв злодейски фальсифицирует изображение, отпечатывает картинку в памяти, этот ущерб восприятию вымарывает даже ее поля.

За это юноша-одержимый прозван Бельмом. С помощью своей силы он легко проворачивал мелкие ограбления. В основном денежный грабеж в круглосуточных магазинах. И каждый раз он вторгался в нервную систему человека, приблизившегося к нему на пятнадцать сантиметров и встретившегося взглядом, и выжигал в его глазах неунничтожимую, непоправимую «картину» на тридцать процентов поля зрения.

Награбленного набралось пока не больше двух миллионов иен, но это хулиганство стоило испорченного зрения уже восьмерым.

Жертвы Бельма не могли выносить ужасных картин и сами лишали себя глаз, но Бельмо жег до самого мозга, и даже слепота не мешала видеть эти образы.

В результате люди повреждались рассудком, становились выжженными изнутри, даже лишали себя жизни.

Не особенно свежо, но иначе как сатанинским деянием это не назвать. Один раз нанесенный и продолжающий существовать в голове до остановки мозга видеонаркотик. Однако...

— Ого, это что за порнуха?! Эй, ты для подростка слишком развращен! Мал ты еще снафф-сцены показывать! Эй, ну да, ты же ребенок! Ну правда, нельзя так. Но что добру пропадать, закину на задворки памяти! Пусть останется на уме — главное, в сознание не пускать. Это же как кабельное!

— Что... Что-о-о-о-о?!

Юноша распахивает глаза.

Что он сейчас сказал? Не обращает внимания? Обычное вперивающееся в сознание «не имеющее никакого отношения» изображение ему по фигу? Это ненормально. Если бы этот мужик отклонил «бельмо» какой-нибудь способностью одержимого, то еще понятно. Но чтобы получил, но выдержал — так не может быть.

— Эй, ты псих?! Ты же огреб, лежи и корчись! А то меня от тебя стошнит!

— Э-э? Ну почему сразу псих, я просто терплю. Как же там, коготок увяз — кобыле легче? Или нет... Хорошая мина при терпении и труде, да?

— Я не про это, придурок! Для нейтрализации яда нужен иммунитет! Чтобы с самого начала можно было терпеть! А у тебя вообще иммунитета нет, и ты принял смертельный яд — и он действует! Так почему ты еще жив?! Ты должен умереть, какое еще страное терпение?!

— О-о. Складно врешь. Разница как между бродячим трупом и ожившим трупом, хм. М?.. Что, нет? Да ну, надоело. Короче, это ты уже зря, малец. Такое не то что до восемнадцати, а до восемнадцати тысяч надо запрещать! Вот послушай доброго совета, завязывай! Если в юности до такого доходить, то через десяток лет либо помрешь, либо станешь беспросветным мелким бандитом. А-а, хотя ты, вообще-то...

Он ощерил губу, выставив хищный ряд острых зубов.

Юноша чувствовал, как от пробившей его плечо трубы растекается какое-то невыразимое холодное зло.

— Ты, вообще-то, и минуты не проживешь, м-м?

Громкий крик парня эхом рассеялся по переулку.

Оглушительный звук агонии. До этого вопль означал страх перед болью. По сравнению с ним, последний крик принадлежал существу, стоящему на краю гибели. Тут уж самые индифферентные прохожие не могли отвернуться. Зеваки обернулись сердобольными горожанами и рванули в улочку.

Там лежало тело человека.

Только покрытое рваными ранами, но не пролившее и капли крови, словно копченый труп.

— Да мне-то что. Ты ведь болван.

Переместимся на двадцать метров над уровнем трагедии, на крышу офисного здания. К подпрыгнувшему и теперь стоявшему, что твой горный козел, на стене Хиномори Сюэю обращалась женщина лет двадцати.

В охотничьей кепке, такие носят киношные детективы, и очках в крупной оправе. В великоватом ей бежевом дождевике с высоким воротником.

— М-м. Пусть я и сознаю, что болван, но слышать от других это весьма неприятно. В особенности такое искреннее признание, с легким презрением и большой жалостью!.. А, но все же, что именно тебе неважно, Маки-тян? Этот парень или мой стиль?

— И то, и другое. И невезучий ребенок, попавшийся под твои очки, и твоя манера убивать, когда ты плюешь на всех вокруг — я уже привыкла. Если каждый раз буду хвататься за голову, то с места не сдвинусь... Ты закончил? Тогда я пойду. Найду еще что по теме — позвоню.

— Я на тебя рассчитываю! А-а, только где ты сейчас живешь? Маки-тян, сколько у тебя нор?

— Сейчас — три. В квартале Нодзу, в дешевой ночлежке в промзоне Сикуры и, для прослушки телефона, в помещении рядом с полицией. И я теперь могу накапливать до трех лиц для маскировки.

— Ого. М-м, а она в окрестностях Сикуры не бродит? Та самая девочка, ее не поищешь?

— Ее я скоро выманю. Она клюет только на тридцатилетних и старше мужиков, и я уже поняла, какие ситуации она любит. Не знаю уж зачем, но ее захватывает охота. Могла бы я становиться мужчиной, все было бы проще, но...

— Ох ты. Ты можешь натягивать только женскую шкуру?

— На данный момент да... Послушай, Сюээй. Девочка, которую ты ищешь, на вид была очень сильной. Когда найдешь, ноги можешь не унести.

— Хм-м... Это еще больше показывает, что все сходится, — мужчина с самоиронией кривит угол рта.

Обычная общительность прячется в тень, и истинная черствость высовывает язык.

— Неожиданно. Ты веришь моим выводам. А опускал-то — и убивать меня выгоды нет, и запах не манит, и обаяние самки отсутствует.

— Этому радоваться надо, Маки-тян. Именно потому, что ты несущественна, тебе удалось убедить не убивать тебя. К тому же, между тем, что в тебе нет женского шарма, и твоей немного механичной аналитичностью никакой связи ведь нет? У тебя наметанный глаз. Как только ты меня повстречала, сразу подумала — «этого и я убью» да?

— Ну...

— Да ладно, ладно, в любом случае мы сходились не на жизнь, а на смерть, я не парюсь! А все-таки нечасто одержимые могут так реагировать. В массе своей они либо сбегают, либо не видят этого. Твой анализ всегда верен, Маки-тян. Поэтому тот, кого я ищу, точно способнее меня.

— Но ты его найдешь и убьешь? Ты тоже охоту затеял? Смотри, станешь жертвой.

— Жертвой, говоришь? Ну да, тут у нас хобби-охота, а там — дело-охота. Разница — как небо и земля! Кстати говоря, Маки-тян...

— Что? Если снова какой-нибудь бред, лучше не начинай. У меня нет столько лишних сил, как у тебя.

— Да не дуйся ты так. У тебя сегодня что-о, типаж не наигравшейся девочки? Хорошо тебе, там, всякие цвет второго игрока, цвет третьего. А у меня такого нет. Ну не странно ли? Я так бодр и энергичен, но у меня нет даже звучного прозвища!

— Да есть у тебя прозвище. Два года уже зовут Вампиром, да и сейчас слухи ходят.

— Гм-м, а это... Вообще-то это неправда... Не люблю такие простые. Хочу, чтобы хоть думали перед тем, как ярлык клеить. Лень — начало маразма, блин.

— Ты сам постоянно в маразме. Впрочем, и вправду банальный ты, Сюсэй. При таком лихом виде Вампиром называть скучно.

«Вот-вот», — опускает плечи Черный плащ.

Хиномори Сюсэй может похвастаться тем, что дольше всех одержимых продержался на воле, а еще самым длинным списком наделанных дел.

Этот мужчина, да не будет увиливаний и оправданий, — ужасный преступник, но, на удивление, городские байки не сошлись еще ни на одном «имени».

— Может, харизмы не хватает?

— Зато уж дурости до краев. Ладно, мне пора. А не то другие жильцы станут подозревать. Очкастая женщина утыкается носом в ворот плаща и поворачивается к выходу с крыши. В отличие от Хиномори Сюсэя, она не такое чудовище, чтобы без оборудования спускаться по стене здания.

— А, мне тоже кое-что не дает покоя. Хиномори Сюсей. Мальчик, который орал, что ты по идее умер, — уже шестой такой.

— Ага. А что?

— Ничего. Даже детям не старше пятнадцати доводилось узнать, кто ты, причем где они с тобой знакомились — несущественно. И то, сколько лет назад ты умер и почему жив, тоже неважно. Похоже, ты не умираешь, когда тебя убивают.

— Именно. То есть никаких вопросов нет?

— Я что хочу сказать. Мужчины, женщины, дети, взрослые. Все они ничем не связаны, так почему они говорят одно и то же?

И только шум ветра.

Стоявший на краю крыши Черный плащ и остановившаяся перед дверью женщина в очках. За десяток метров они всматриваются в лица друг друга.

— Ну что ж... Как минимум, эта информация устарела. Дяденька знаменит, хоть и не именит. Ты была в Ольге и не в курсе, но здесь, на этом свете я — «сильнейший одержимый». Ребята тоже такое наверняка слышали.

— Хе. Да и ты не знаешь, что происходит внутри клиники. Сильнейший одержимый? Да, забавная шутка.

Дверная ручка поворачивается.

Женщина в очках уходит с крыши.

В спину ей доносится:

— Ладно, отлично поработали сегодня. Но осторожнее там, Маки-тян. Страшна не только сила государства! Не слишком доверяйся своей хитрой мимике, налегай на расследование. Не хочу считать тебя врагом. А то запарюсь искать и убивать!

Веселый, бодрый голос Вампира.

Хиномори Сюсэй.

Около двух лет назад, в феврале 2003-го, в городе Карэно, что в самой южной точке префектуры С, этот носитель синдрома А устроил инцидент и был схвачен. Он — тот молодой человек, которого молва считает первым одержимым Сикуры, и он же — перешагнувший двадцатую отметку по человекоубийствам, крупномасштабный преступник.

В 95-м Хиномори Сюсэй получил диагноз носителя синдрома А, после чего был помещен в общественную больницу Кинуи. После трех лет процедур его решили перевести в подготовленную к приемке клинику им. Ольги; в то же время его следы теряются. С тех пор он числился пропавшим, всплыв в начале 99-го как подозреваемый в деле о попытке массового самоубийства на станции Карэно, при участии полиции был схвачен инспектором округа Карэно в начале 2003 г.

Конвоируемый к клинике им. Ольги, насильственным путем лишил сознания инспектора по имени Того Кисара и нанес несовместимые с жизнью ранения водителю и помощнику водителя конвойного автомобиля, после чего бежал. Далее его следы вновь теряются, и его личность нельзя установить.

Однако вероятность пребывания Хиномори Сюсэя в добром здравии крайне низка, как свидетельствует водитель другого конвойного автомобиля. Он наблюдал происшествие сзади, на расстоянии десяти метров, но видел все довольно четко.

После внезапной остановки автомобиля он слышал два звука, похожие на выстрелы. Затем дверь конвойного автомобиля открылась, и подозреваемый Хиномори Сюсэй неуверенной походкой вышел наружу, однако сразу же из машины послышался очередной выстрел, подозреваемый зашатался и упал.

Поскольку колонна остановилась на мосту, подозреваемый упал в реку и не вышел на берег. Позже в окрестностях реки велись поиски, но улики, которые можно было бы приписать подозреваемому, не обнаружилось. Инспектор Того, ехавшая с подозреваемым, настаивала, что Хиномори Сюсэй жив, и довела расследование до родины преступника, города Сикура в северной части префектуры С, но зацепок не нашла.

Полгода спустя штаб расследования был распущен. Хиномори Сюсэй, находившийся в масштабном розыске, был списан как возможно скончавшийся, и хоть расследование продолжается, на данный момент задействовано недостаточно людей, и фактически оно зашло в тупик.

Этот мастер появляться из ниоткуда и пропадать в никуда, то ли живой, то ли мертвый убийца был замечен в префектуре С в августе 2004-го.

Его здоровье подтвердилось в связи с автотранспортным происшествием на кольцевой линии, однако полицейское управление Карэно ограничилось простой материальной поддержкой расследования и не оказывает значительного содействия.

А тем временем с целью арестовать Хиномори Сюсэя штаб расследования организует управление Сикуры, впрочем, поджигаемое повторяющимися с октября массовыми самоубийствами, ввиду чего оно выделило двенадцать подведомственных сотрудников и двух сотрудников из центрального офиса.

Пассивное расследование привело к протестам со стороны управления Карэно, но управление Сикуры в данный момент отмалчивается.

Исидзуэ Арика не ездит на экскурсии, на это у него есть причины. Нехватка средств, а также то, что его наниматель, Карё Кайэ, натуральный хикикомори, не позволяют ему покидать Сикуру.

А посему, если нацелить на него камеру, получится только крайне малобюджетная домашняя драма. Хиномори Сюсэй в том числе и за это окрестил его «соленным братом», и для мужчины, исходившего всю префектуру, малоподвижность Исидзуэ Арики не поддавалась логическому объяснению.

С — префектура немаленькая.

Ее общая площадь — 5000 км². Располагается она на востоке Канто, на равнине, и в ней около 60 городов, а население насчитывает до 6 миллионов человек. Сикура находится на самом севере и чуть-чуть восточнее центра, заведует единственным международным аэропортом в С, и добираться на работу до центра столицы экспрессом оттуда — два часа, что указывает на благоприятное расположение. Это совершенная глубинка — по мере приближения к аэропорту пейзаж превращается в сплошные сады и поля, — но время не обходит город стороной. Со столицей прогресс можно сравнить так: пониже Токийского 23-го района, но повыше его мелких городков; серединка на половинку, конечно, но все же.

Короче говоря, на востоке раскинулась природа, горы и рисовые поля с аэропортом посередине, а если двигаться к столице, на запад, — увидишь подобающий городу прогресс. Между прочим, рядом с аэропортом живет знаменитый будда и шаман, туда в праздники стекается на поклон аж до двух миллионов человек. Это редкая земля, где спокойно промарширует такая орда паломников, словно разверзлись адовы врата. С другой стороны, здесь же есть людный квартал горячих источников, открытый в любое время, кроме зимних праздников, и порой даже инспектор Тома Мато и Исидзуэ Арика проводят там ночь, решая очередное жуткое дело. А иногда и Исидзуэ Арика узнает истинное лицо или намерения окутанной тайной Тома Мато, но это уже совсем другая история.

Так вот. Еще западнее Сикуры и даже столицы — западный край префектуры С. Одиннадцать часов вечера. Верхушка железного моста, выстроенного через реку, разделяющую С и Токио.

На выгнутой, как лук, растянутой металлическими тросами арке стоит Хиномори Сюсэй с катаной в руке. На тросе за десяток метров от него горбится зверь ростом с человека.

Конечности вцепились в трос, алеют глаза, смотрящие на охотника с недоверием, струятся длинные черные волосы. «Зверь ростом с человека» — просто гипербола. Точнее сказать — тварь из человека, принявшего форму зверя. Четырнадцать метров в высоту.

Стоят оба на жалких сорока сантиметрах металлоконструкций.

Ветер сильный, можно упасть на рельсы внизу, а может, и еще ниже, в широченную реку.

С развевающимся черным плащом и длинными волосами, Хиномори Сюсэй был весь в порезах. Плащ исполосован, словно с ним развлекалась огромная кошка. Смертельных ран нет, но еще чуть, еще три сантиметра вглубь — порвались бы артерии и наступила бы смерть от кровопотери.

Напротив, схватившаяся за опору тварь невреждена. Вот и сейчас она изучает охотника, ждет, чтобы он раскрылся, блестит когтями, готовится к прыжку.

— Эх, не везет. Все как Маки-тян говорила. Печаль, печаль.

То ли блеф, а то ли превозмогание обстоятельств.

Изгибая рот в улыбке, Хиномори Сюсэй выставляет катану.

Как бы в ответ четвероногая тварь подскакивает в темноту.

Ступая по натянутому металлическому каркасу, разбрасывая диффузные блики, набрасывается на Черного плаща.

Чтобы уж на этот раз...

Воет: чтобы на этот раз наверняка порвать в клочки эту неловкую дичь.

— Фью!..

И летящие с нескольких направлений атаки зверя стоящий на еле видимой грани Сюсэй выдерживает.

Где увернуться — увернулся. Где не защититься — подставил руку, ногу, сберег важные органы. Встречную атаку катаной вымахал вовремя, остановив противника.

Налетающий зверь трехмерный, а Хиномори Сюсэй противостоял ему, будучи лишь точкой.

Стороннему наблюдателю это показалось бы глухой защитой. Односторонней игрой, когда прорыв защиты, пух и перья — вопрос времени.

Но почему эта ситуация тянется уже почти пять минут?

— Ха, а-а-а-а!

Наконец зверь подал голос.

Не вой, человеческий голос. С воплем милой девочки она прыгает из-под ног Сюсэя, целясь в голову.

— Приветик.

Избегая когтей зверя на волосок. Непринужденно — нет. Именно на волосок. На уровне звездного часа в жизни, на исключительном везении избегающий смерти, близкий к чуду маневр.

Дело в том, что у маневрирующего на холодеющая кишки ужасом волосок от смерти Хиномори Сюсэя стальные нервы.

— Хм-м, шестеренки натикали, да? Тут меня должно порвать в клочья? Не вышло. Жизнь давит, что ли, что так подтормаживаешь? За таким телом еще бы дух успевал. Где искорка в глазах, моя фея?

— Х, х-х!

Атака зверя еще яростней.

Одной рукой не хватит силы. Перехватив катану двумя, Хиномори Сюсэй выживает и в этот раз.

Почему это игра в одни ворота? Просто Сюсэй устраивает такой цирк. Можно притворяться, но скорость, энергия и ярость у зверя выше. Поэтому хватит устраивать с противником представления. То есть он с самого начала не собирался состязаться в способностях.

В эти три секунды, казалось, застыло время.

Сотрясение от несущейся внизу электрички.

Вновь не убив кажущуюся такой доступной добычу, девочка-зверь в ярости увеличивает дистанцию на пятнадцать метров и приземляется на опору.

— Ты чего?..

Тяжело дыша, зверь отчаянно, даже искренне составляет слова. Хоть и страшно трудно столько воли облечь в буквы.

— Хм... Я?.. А что я...

Сюсэй наклонил голову вбок, думая, что бы такое ответить.

Ситуация следующая.

Начало ноября, когда уже со всех сторон запахло жареным. Добровольная помощница сообщила, что искомый человек найден, и в тот же день мужчина зарядил ловушку,

вытащил девочку и теперь бьется с ней насмерть. Цель — именно убийство, поэтому тут объяснять уже нечего. А раз так, осталось объяснить, кто он сам такой. Вот только...

— Гм-м. Ну, я это...

Сюсю не пришло в голову пригодной красивой фразы.

Назваться Хиномори Сюсэем он упустил момент, а «так, прохожий бессмертный вампир» — недостаточно витиевато. «Я возрождаюсь вновь и вновь» — поэтично и очень хочется вернуть, но эта девочка видит его впервые. Ей что вновь, что сразу...

— Ну, в общем... Я неважно чего, а вот ты кто? Мне недавно сказали, что сначала называются сами, а потом с других требуют!

Так он тянул время.

— Я — Газонокосилка.

Пылко, как молитву, девочка продолжила:

— Я зверь такого вида.

Она выразила словами-как-клыками свою волю быть такой.

— Ни фиги себе...

Наверно, так и появилось выражение «пелена с глаз упала».

Это был первый и последний раз, когда Хиномори Сюсэй зауважал избранного врага — одержимую.

Честно, прямо на месте бы преклонил колени.

Газонокосилка же! Ну да, ее когти — орудие поражения, разрывания в клочья и рассечения. Жуткое, как если бы пропеллерные лопасти стали ножами. Понятно, так вот почему газонокосилка. *Вр-р* — и фарш во все стороны, а не ботва, так что прозвище пусть и очень натянутое, но укладывается.

Да еще и самопредставление превосходно. Режущее. Полно и весомо, передает сильнейшее стремление. А теперь сравните с этим:

«Ибо я — неуязвим. Пока во мне эта страждущая кровь, я буду возрождаться вновь и вновь...»

...С этим убожеством.

— Уйя-а-а-а-а! Да что за ад тако-ой! — Сюсэй даже задергался.

Зло. Вот зло. Срочно куда-нибудь спрятаться. Был бы утес, а тело жирное найдется. Вот бы еще один дротик долетел до середины «яблочка». Свой, конечно. Залечь на дно как есть, обнесенной желтой полицейской лентой зоной, забытой и ушедшей городской байкой. Для Хиномори Сюсэя, умело игравшего в маньяка-убийцу, это оказалось настолько сильным ударом, что подобное всепоглощающее чувство стыда было само собой разумеющимся.

— Черт... Что это за ощущение, это что за ощущение, м-м... Зависть?

Внезапно срывается в бег.

Нет, в полет, как снаряд.

Последовавший скачок девочки был решительным и точным.

До сих пор неповоротливая добыча вдруг обнажила клыки. Причем, опять же, с до сих пор качественно иной скоростью. Моментально почуять опасность и отпрянуть удалось лишь благодаря двухлетнему охотничьему опыту девочки.

Но она не успевает. Точнее, она успела, но на ничтожную долю секунды добыча оказалась быстрее.

В воздухе перехлестываются две тени.

Девочка взмахивает когтями, но приближение черного плаща — чуть быстрее.

На задворках рассудка девочки возникает странная неуютность. Такой скорости она противостояла уже много раз. Но сейчас замешкалась. Что-то не так. Скорость этой добычи, казалось, отличалась принципом начала движения.

Все еще не понимая истинной причины, девочка ударяет занесенными когтями в сторону надвинувшейся лицом к лицу добычи. И снова на волоске разницы взлетает катана. И вот Вампир уже атакует с плеча.

Он так близко, что мог бы впиться зубами ей в шею.

Однако, кусачесть — звериная привилегия. В момент, когда клыки девочки почти рвали его глотку...

— А-а-ай?!

Незавершенный пинок от выставленной ноги Черного плаща подбрасывает тело вверх.

Согнутым коленом, крученный, подобный ракете удар ногой.

Девочка отлетает далеко от металлического моста и неотвратно падает в реку. Все в той же позе удара за этим наблюдает Черный плащ, который...

— А-а... Беда, я тоже не могу восстановиться.

...наверное, слишком далеко замахнулся вслед отпрыгнувшей назад девочке.

Потеряв равновесие, он упал в чернеющую реку.

— Как хочешь. Ты же у нас дуралей, который всерьез нацелился на целый мир.

На значительном удалении от металлического моста, на берегу реки.

К спокойно выползшему на берег Хиномори Сюсю обращалась женщина, называемая им Маки-тян. Только впечатление от нее было совсем другим, словно подменили. Красное мелирование, ушной пирсинг, черные кожаные штаны и куртка. Манера держать себя тоже неуловимо изменилась, и ее можно было принять не за женщину, а скорее за мальчика-подростка.

— Держи полотенце. Так и думал, что так будет.

Мокрый, как курица, Черный плащ вытирает напитавшиеся водой волосы.

— Та девочка сбежала на другой берег, если что. Ты за ней?

— Нет, оставлю Цукири-тян в покое. Сначала я думал, что угадал, но выходит, она и раньше была того.

— Ясно. Зря трудился...

— Ну нет, минус один подозреваемый — это прогресс. К тому же теперь у меня кончились идеи, и можно наконец заняться основным делом.

— Я про себя. Я стараюсь, ищу, а ты портишь доброе каким-то пинком. Не надо так.

Знаешь, смотрю я на нее, и зло берет... или нет, а кажется, что она в глубине души насмеялась... Ладно, не суть. Сюсэй, ее зовут не Цукири.

— Правда? Но ведь пишется два раза «луна»⁹ и «верста»¹⁰?

— Да, и читается Томори. И фамилия у нее читается по той же логике — Таканаси, хотя и маленькая-птица-играет¹¹, думаю. Горы такие, что маленькая птичка может играть, ведь орлов¹² нет¹³. А тут — такая гладкая верста, что луну видно, потому нет гор, вот.

— Гм-м. Это вообще не звучит. — Черный плащ покивал. — То-то я не мог ее найти. Ну ладно, пасибки за инфу. Однако обидно. Теперь мне тебя не о чем просить, Маки-тян. Что дальше будешь делать? Пока останешься в Сикуре? Ты одна из считанных одержимых, способных сбежать из префектуры, не хочешь насладиться прелестями чужих стран?

— Да нет. Где бы я ни была, меня не найдут, так что можно и здесь прятаться.

— Ого. Что, в Сикуре кто-то запал в душу?

— В... вот пристал, какая разница!.. А у тебя самого-то что? Ты ведь тоже здесь.

⁹ 月月 - tsukitsuki

¹⁰ 里 - ri

¹¹ 小鳥遊

¹² taka

¹³ nashi

— Ну, тут как. Все кажется, что Сикура — то самое место. Цукири-тян я искал заодно, а так у меня другие заботы, я же сказал. И вот тут — идеальное место! И другом обзавелся — тоже причина, наверно? Хоть и соленый, но слушает слово — услышит десять, да еще и прикинется, что пять не заметил, чтоб легче общаться, клевый же. И надежный без кривляний... о, понял, спрошу у него насчет имени! Без друзей никак, верно говорят! Так что защита покоя Сикуры за мной не заржавеет, Маки-тян!

Черный плащ звучно хлопает женщину по спине, на что диковато смотрят проходящие по дамбе простые горожане.

Поправка. Эти двое, как ни смотри, — тронутые на голову братцы-рокеры, бесконечно подозрительные и раздражающие, но не настолько, чтобы добрых простых горожан довести до доносов в полицию.

— Даже страшно... Чтоб у тебя да друг, это какой же он моральный урод? Он человек? Быть с тобой рядом и не унывать... у него не все винтики на месте?

— Хе. Просто есть на свете, Маки-тян, такие дивные люди, что ты и подумать не можешь. Лан, я пойду. Если будут еще просьбы, свяжусь!

Оставив женщину, Хиномори Сюсэй пересекает сухое русло поперек.

А потом случается незаметная заварушкой между одержимыми, о которой они не знали. И так, неуловимо связанные в неизвестном им обоим месте, двое немотивированных убийц — Яманаси Томори и Хиномори Сюсэй — встретились и расстались.

Через два месяца, тридцать первого декабря в шестнадцать часов Яманаси Томори будет подвергнута формальной охоте со стороны Тома Мато, но конец этой нити к Хиномори Сюсэю уже отношения не имеет.

— Однако худо пришлось. Если бы на ровной земле столкнулись, ничего бы с ней не вышло. Она бы меня лицом к лицу-то силой задавила и разрежала, как пить дать. Видимо, чистый и правильный одержимый полон талантов.

На обратной дороге.

Расставшись с Маки-тян, Хиномори Сюсэй одиноко и печально шел по дороге назад. Глубокая ночь, автострада. Раз в пару минут пролетают автомобили, но в остальном совсем тихо, безлюдно, как и положено часу ночи.

— Итак. Где будем встречать рассвет? Для сна под открытым небом сезон уже не тот... Придерживая одной рукой длинный тряпичный сверток с мечом, свободной рукой разминает себе плечи.

В полностью расслабленном настроении роняя фразочки, Черный плащ топает в ночи. Да оно и понятно. Как сказали бы в боевых искусствах, после значимой дуэли его наконец отпустил скопившийся стресс.

Это и для обычного человека, и для одержимого неизбежная мини-передышка. Так же, как подготовка к следующей битве, новое противостояние требует полноценного сна.

В этот неизбежный промежуток, в тот момент, когда, возвратившись туда, где смерть не дышит в затылок, каждый сбросит с плеч тяжелый груз, и явилась эта напасть.

— М-м, как всегда, вломиться в случайный жилой дом? Если спать, скажем, в зале, почему-то никто не находит. Не, иногда обмениваешься любезностями с хозяйкой, ранней пташкой, о...

Точно сзади — безжалостный удар. Тело с улыбкой вспомнившего старинные «экстремальные» будильники эффектно взмывает в воздух.

Внезапное ДТП.

То ли водитель не справился с управлением, то ли что, но на скорости больше шестидесяти километров в час в него врезалась легковушка. Сдернутый под колена передней частью машины, на том же импульсе ударившись о ветровое стекло, перекатившись по крыше салона, он падает наземь. Оборот, еще один, *плюх*. Со всей трагичностью выброшенного мусорного пакета.

Черный плащ словно обломки, скрутился на обочине без движения. Очевидно, мгновенная смерть. Каким бы ты ни был суперменом, а от случайного бампера в спину не сбежишь. Да еще впридачу...

— Хиномори!

Если это было предумышленным происшествием, то на добивание.

Дверь легкового автомобиля открывается. Появляется водитель, но не подбегает к сбитой жертве, а вынимает из кобуры пистолет — автоматический S&W — и разряжает обойму по Черному плащу.

Контрольный.

Черный плащ не убегает и получает прямые попадания. Разумеется. Ведь было непонятно, жив ли он вообще.

Водитель быстро закрывает дверь, втаптывает газ и скрывается с места происшествия.

Все было сделано за какую-то минуту. Случайно заметивший происшествие работник круглосуточного магазина, приправивший — хотя речь идет о супе быстрого приготовления, так что просто высыпавший пакетики — свой одэн, бросил готовку и поспешно позвонил в полицию.

Десять минут спустя, когда на место прибыл патруль, он нашел только стрелянные водителем гильзы и кровь, предположительно принадлежавшую потерпевшему мужчине, на существовании которого настаивал продавец.

2/R.HF (Антракт: Исидзуэ Арика)

— А-арика-кун! Давай развлека-аться-я!

Как-то ночью, когда только-только наступил декабрь, как всегда незваным гостем появился Сюсэй-сан.

— В общем, я вхожу!

Не через дверь. Через окно.

Окно моей находящейся на четвертом этаже муниципального общежития комнаты, разумеется, проделано в стене за дюжину метров от земли. Без всяких там балконов. И без иных выступов, за которые можно уцепиться. Но при этом он неведомо какими средствами без проблем влез через него. В самый-то первый раз его появление сопровождалось разломом оконной решетки против самоубийц. Это уже не просто несанкционированное проникновение. Это целый террористический акт.

— Как похолодало-то. А, окно? Пусть для вентиляции и тэ пэ побудет открытым. Или закрыть?

— Закрой снаружи. И иди, откуда пришел.

— Ну ты чего-о. Я тут гостинцев принес, а ты совсем мне не рад. Я последнее время зарабатываюсь, дай хоть чуток расслабиться...

Черный плащ говорит и одновременно ныряет на софу, та воет. Такого даже перевозбужденный школьной поездкой ученик не делает, а этому хоть бы хны.

— Сюсэй-сан, ты же не работаешь вовсе. Просто развлекаешься. Это не «зарабатываюсь» ни разу... Что там за гостинцы?

— М-м, да ты небось уже попробовал. Ну, как труба, на которую, не отрываясь, смотрел мальчишкой, сунув палец в рот... Или как десятилетней давности первый диск певицы с автографом... Или как оформленная мечами гитара, которую в память об уходящей юности цапнул на ебее и которая вообще-то не очень играет... Вот где-то такое бесполезное и грустное нечто...

Вот. Теперь он явно клюет носом.

— Похоже, что это не еда. Бесполезное или немодное нечто... а, может, карта леса?

— Верно. Я, конечно, не знаю, но, в общем, все вышло из тиража. Нашел через знакомую девочку, лоб расшибал... Ей, похоже, и самой было интересно. Я сказал, мол, хочу карту где-то 80-го года, а она мне — да вот лежит. Может, она карты собирает. На, короче, забирай, Арика-семпай. Хотя она не оригинал, копия, не попонтуешься.

Забираю копию карты.

Лист — формата А5, что само по себе любопытно. Осматриваю — да, как и думал, большая часть карты отличается от новой.

— Вот это домище у него был... И вокруг, кажется, были другие постройки. Как там оказались эти дикие поля и леса?

— Ты про лес вокруг холма Сикура? Вообще да, люди там жили породистые... А вокруг, судя по всему, были дома прислуги и родни. Но какие-то странные там связи. Либо у тебя имя с птицами, рыбами и прочими животными иероглифами, либо не брали на работу. Может, мизантропы?

Сюсэй-сан ржет.

При этом на скопированной карте таких подробностей нет.

Только масштаб самого поместья Карё совпадает с где-то виденной раньше картой.

Правда, там он значился просто как частная земля, но эта карта в разы подробнее, размечены основной особняк и пристройки.

Подземелье, где теперь живет Карё Кайэ, не было частью особняка, оно больше походило на что-то вроде склада.

Больше по карте ничего не ясно. Если я хочу узнать про старое поместье Карё, придется искать людей, заставших те времена.

Видимо, это все. Мне просто интересно, на что был похож его дом. Незачем всерьез затевать расследование. По крайней мере, пока.

— Ну и? Как тут последнее время? Говорят, в Нодзу пахнет жареным?

Так спросил тот, кто сильнее всех в префектуре С «пах жареным», беззаботно переводя тему на Сикуру.

Хиномори Сюсэй. Подозрительный малый, с которым я познакомился в августе, оказался действующим на крупной территории маньяком-убийцей, но это я понял только в начале октября.

О, на полицейской будке постер с музыкантом! То ли решимость не прогибаться под закон, то ли манифест «мы дружим с законом» — в любом случае смело! Присмотрелся, а это про него объявление о розыске.

В общем-то, и до этого мы трепались в таком духе, и уже как-то неловко ему говорить, что киллеры могут быть свободны. С ноябрьским происшествием в метро я узнал, почему этот парень занимается убийствами, но просто проигнорировать и выгнать его не мог, с чем мы и приходим к текущему моменту.

— Индустриальный район Нодзу все больше замыкается. Жителей нашей кооперативной многоэтажки нередко линчуют прямо на дороге, теперь на улицу страшно выйти. Да ты знаешь, нормально жить можно только в ней. Продукты завозят на грузовике, на рабочие места ездят исключительно автобусом. А у подъезда дежурит патрульная машина. Я мельком видел, но это явно инспектор.

— Неприятно. Промзона Нодзу — наверху холма. Трасса государственного значения всего одна. И теперь ее собрались прикрыть?.. Хе. Это уже почти укрепления, — лежа на софе, горько усмехнулся Сюсэй-сан.

В промзоне Нодзу странности начались к концу сентября.

Понеслись какие-то пустые слухи, что здесь живут одни одержимые, я лишь успел заметить, как местные жители почувствовали себя неуютно, и к декабрю — то есть сейчас — все уже считали эти слухи правдой.

Слух, который еще раньше расползся по району — что в одном здании у всех обитателей одинаковые лица, — все рос и рос, а теперь повзрослел и стал страшилкой про весь район.

— А по-моему, район всегда был полон страшилок. Только почему-то на сей раз это обернулось серьезной проблемой...

— Да уж, наверное, потому, что искры от этого огонька долетели до соседей. До сих пор страшилки про Нодзу заканчивались в пределах района. Наружу слухи не выходили, и все вокруг пропускали их мимо ушей.

— А-а... ясно. Соображаешь, Арика-семпай.

Сюсэй-сан ловко сделал полуперекат. Как пантера или вроде того.

— Гм, кстати, а что Кирису-кун?

Тут, видимо, с запозданием вспомнив про Кирису, эта пантера вскочила и принялась заглядывать к соседям.

— Нет его. Сказал, что пошел к случайной женщине. Денег у него нет, он, поди, еще и чек принесет.

— О как. Вообще, такие обеды и за деньги не купишь... Гм-м. Однако к случайной — это нехорошо. Кирису-кун бабник?

— Думаю, не совсем. К развлечениям он относится всерьез. Разве что влюбчивый, это есть. По-моему, он просто неразборчиво влюбляется во всех милашек.

— Охо. Настоящий мужик.

— Думаешь? Впрочем, если смотреть с обратной стороны, ему не попадают серьезные девушки. Его романтизм — не пронзительный лазер, а, скорее, мультилазер. Все нравятся, но никак не найдется та, единственная, как-то так.

При всем этом, если он встретит девицу, в которую влюбится всерьез, я их от души поддержу и помогу на правах старого приятеля. Такие парни сбрасывают старую шкуру,

когда делают класс-чейндж в домашнего муженька. Потому что внутри он набит чувством ответственности.

— Ага. А ты, парень, что? Есть подружка?

— Не уверен. Вроде была, а вроде нет. Если не против слащавых излияний, могу рассказать. Будешь слушать?

— Хм, мне интересно, но воздержусь. А то меня от твоих историй жаба задушит, если понятно, о чем я... Не, так не бывает, чтобы обычно угрюмый тип заухмылялся и разговорился! Да и что это за аура хэппи энда?! Типа ты уже давно забил гол! Черт, не терзай меня своими браками на небесах!

Черный плащ машет руками и ногами с моей софы.

Он выглядит раздраженным и при этом радостным — видимо, ему весело.

— Ладно, ладно, и будешь уходить — вынеси мусор, который раскидал. А ты сам что, Сюсэй-сан? Дурак или нет, а когда молчишь — все-таки можешь сойти за мужика.

— Хм...

Словно раскрутилась пружина — механизм махания хиномориконечностями застыл.

Он распрямил сгорбленную спину:

— Трехмерными женщинами не интересуюсь, — изрек, и тут же: — И вообще женщинами не интересуюсь!

С этим воплем он опять повернулся к стенке.

— Так...

— Постой. Зачем ты сейчас отъехал вместе со стулом в угол комнаты?

— Чтобы не заразиться ничем противным. И вообще, на кой ты пришел?

Я пристально смотрю на него. Сюсэй-сан хмыкнул, придал лицу строгое выражение и переключился из режима валяния на софе в режим сидения на софе, скрестив ноги.

— Ну... Вообще-то я рассчитывал на твой совет.

Похоже, правда пришел за советом.

Отвлекусь: его «заявление о незаинтересованности в женщинах» несет другой смысл. Это мне впору завидовать. Он просто так много думает об одной конкретной женщине, что остальных не воспринимает как противоположный пол.

Так вот.

В этот день Хиномори Сюсэй пришел ко мне за советом по, как обычно, дурацкому поводу.

— Ах, ты прозвище хочешь?

— Ну да, да. Может, ты, Арика-семпай, сможешь придумать? Какое-нибудь клевое.

Извращенец уставился на меня исполненными надежд и ожиданий глазами.

Все потому, как пояснил Сюсэй-сан, что он и раньше очень-очень хотел фирменную фразу, а недавняя одержимая сказала пару прикольных слов, и теперь его еще больше раззадорило получить кличку с изюминкой.

Как бы тут сказать... Я оплакивал насмешку Фортуны, которой стала моя жизнь, но в этот вечер сожаление перешло в практический опыт... Сейчас ведь полночь. В каком из миров в такое время к обычному человеку вваливается фантом и требует презентаций?

А раз до этого дошло, и у меня есть время проклинать свои несчастья, самое лучше вместо этого — придумать ему имя и отправить восвояси. Можно сказать, я воспрял.

— Так у тебя уже есть Вампир и Неуязвимый. Ну и хватит. Достаточно.

— Но звучит-то жалко-о. Не хочу быть таким клишированным, хочу быть поконкретнее.

Псевдоним какой-нибудь.

Псевдоним... Вымышленное имя. Хм.

— М-м. Тогда как насчет Зофу Сукуму — Кишкодер? Вроде круто.

— Гхах?! Э-это круче, чем я ожидал, сразу такие заявления!.. Но, братец, давай чуть в другую сторону это дело направим!

— В какую другую?..

Своих идей нет, зато придирается всегда пожалуйста.

Получается, сходство с людским именем ему не по нраву?

Значит, осталось символическое, чтобы выразить особый набор черт Хиномори Сюся. — Особенности Сюся-сан, хм... Так ведь что внутри, что снаружи — фантом-черный плащ... А. Кстати, я давно тут думаю. Сюсэй-сан, почему ты не умираешь?

Самопровозглашенный бессмертный вампир.

Так говорят... то есть он сам так говорит, и да, это его особенность. Даже побитый до ужаса, он на следующий день появится живой-здоровый. Неуязвимый — пожалуй, перебор, но необычно крепкий.

— Нет, вообще-то, я умру, как обычно. Сердце или голову срубить, хрен там выживешь... А-а, вон как. Ну да, неумирающий, даже если убить — это не то же самое, что неубиваемый, даже если умерщвлен. Угу. Только тебе скажу, парень. Я просто *стараюсь во что бы то ни стало не умереть*, и все.

— Что?

Еще больше запугал. Звучит, будто он излагает обычный спиритизм, но в его случае это становится реальностью.

Вытолкнутый в спину в метро, оказавшийся перед набегающим поездом, разметанный в фарш по станции; на следующий день его «ха-ай» и физиономия в окне чуть не довели меня до инфаркта.

— Ну же-е. Я не неуязвимый, а неумирающий. Я могу безо всякой неуязвимости доказывать бессмертие! Что бы ни случилось, я не умру — это ведь бессмертие?

— Ну же-е, я и прошу с этого места поподробнее. Ну да, ты верно говоришь, Сюсэй-сан. Пока не умираешь — ты бессмертен. Но человек, попав под машину, слетев с крыши, становится фаршем. Глупо отрицать?

Ага, кивает убийца. Этот товарищ одержим, но на самом деле не очень серьезно. В Ольге он бы попал в корпус В или С. Из его ран течет кровь. Если она вытечет вся, он погибнет. Как с таким близким к норме телом он умудряется заявлять о бессмертии?

— Вообще-то все не так сложно. Животные вообще с трудом умирают. Так что речь тут о скорости, Арика-кун. Например...

И тут, как обычно, Хиномори Сюсэй огласил свою личную теорию бессмертия.

Этой способности выжить в любом тупике.

Этого стиля жизни похваляющегося неумиранием, самого быстрого в мире одержимого.

— Такие дела. Ведь кто угодно так сможет, да?

Конечно, нет. Стиль жизни Хиномори Сюся был буквально смертным бегом, сжигающим мозг. Он говорил так, что хотелось назвать его трудягой, но для него это слово слишком серо.

Нет, проблема не в телесной сфере, а в связанных с ней моментах. Каким путем прийти к такому способу? На каком основании можно считать эту формализацию стабильно применимой на практике?.. От попыток заставить воображение работать на эту тему мне становится неуютно, я хочу полностью забыть все с этим связанное.

— В общем, дело в изотермальной крови... М-м, изотерма и Сюсэй в сумме дадут...

Всплывает пропорциональная судьбоносная согласованность. В одном креационистском мифе бог огня был заключен в духовную темницу посредством знаменитой накаленной неподвижной звезды, как я помню.

— Слушай. Ты вот эту историю знаешь?

Мне бы бросить, но одно слово потянуло другое.

И через несколько минут крайне довольный Хиномори Сюсэй протянул мне руку — на том и порешим!

— Совершенство. О да, вот теперь супер, Арика-семпай! Все о'кей, по мелочи я сам додумаю! Нет, вот это имя, оно за меня победит! Как минимум, оно победит Цукири-тян!

— Это точно все? Старовата она, эта манера.

— А это как раз в точку. Поза — такая штука, которая и должна слегка смущать!

«Ну все, пока», — с этими словами и в отличном настроении Сюзэй-сан вышел в окно.

Закрывая створку, я заодно выглянул наружу, но фигуры в черном плаще нигде не заметил. При всем сказанном он все-таки фантом, скачущий по крышам домов.

Однако...

— Даже не знаю. Лично по мне, Вампир ему больше подходит...

Вот. Разойдется ли придуманная нами этой ночью кличка или нет, будет зависеть от его дальнейших действий, но, если честно, его действия при каком угодно раскладе — просто убийства. Я не поддерживаю, я отмахиваюсь, но с моей бессильной позиции могу только молиться, чтобы это безумие закончилось как можно скорее.

3/Настоящее время (2004 год, исход декабря)

В полицейском участке города Сикура Тому Мато принимают крайне деликатно. Не потому, что она такая деликатная, а потому, что тронь не так — и взорвется. Такая хрупкая, такая готовая все вокруг без лишних вопросов разломать... в общем, деликатная. В штабе ей назначили должность помощника полицейского инспектора, но была ясна как день вымученность такого назначения. Выходец из второго отдела общественного порядка... опыт работы с трудовыми конфликтами и акциями ультралевых... это все про нее, но Имай Ацуси из первого отдела расследований в отделении Сикуры даже на это резюме смотрел с подозрением.

Явная карьеристка. Томе Мато нет и тридцати. Стать при этом помощником инспектора возможно только через чистый карьеризм. Обычно бывало так — все на дежурствах в участковом местном отделе для учебы, и после примерно года углубления знаний их приписывают в то же отделение патрульным. Затем выпускник через год-другой проходит сержантские экзамены и, если победит в конкурсе из нескольких сот человек, становится сержантом полиции. Обычно к этому времени человеку уже около тридцати лет. Помощник инспектора — ранг еще выше, но карьеристы уже с момента прихода в офис — помощники инспектора.

Поэтому помощник инспектора Тома Мато — несомненно элита, но если на время допустить, что она особо отметилась на прошлом месте, то ее сущность станет еще менее понятной. Она не просто карьеристка. Без немалого человеческого щита за спиной такие полномочия не получают.

А рассказ о ней из уст начальника полицейского участка Сикуры начался и закончился этим: «Если попадешься на глаза поминспектора Тома, просто сдайся».

— Да кто же она такая?..

Еще студентом пошедший дорогой полисмена с подачи друга, не успев и сам заметить, ставший офицером первого отдела Имай в свои 29 лет видел в Томе Мато не то чтобы небожительницу, а летящую валькирию... или чудовище... или даже еще выше.

— Следователь Имай. Не принесешь мне дела о сбитых на дороге с ноября?

Несчастливую свою участь быть подчиненным этой женщины Имай Ацуси до сих пор не прочувствовал до конца.

У Томы Мато есть приведенные (приведенные!) ею четыре сослуживца, которые день и ночь копошатся в своем подозрительном штабе расследования.

Ее четверо «слуг» пахнут так же, как безопасники из второго или даже инспекторы из четвертого, — крепкие, агрессивные. Собственно, они с теми, что в четвертом, друженько едят ланч и тому подобное.

Томе Мато их одних показалось мало, и она зачем-то присовокупила плывущего по течению Имай Ацуси в свою команду.

Его буквально продали. От шефа патрульной службы ни предупреждения, ни прощального «со щитом или на щите» не было. Он понял это, только когда Тома Мато остановила его со словами: «Слышь, парень. Доверяю тебе машину водить. А то я не привыкла к „краунам“».

— Ну да, можно сказать, следы нарезки ствола в целом похожи. Для следственного решения это просто бонус, но материала уже набралось достаточно. Имай-кун, нужны записи о применении пушки, принадлежавшей Того Кисаре, свяжись с управлением в Карэно.

— Хорошо. Но, думаю, сегодня ответ запоздает. День такой.

— Ну хоть так. Это просто ради записи о запросе. Тем удобнее, если их ответ запоздает. Помощник инспектора Тома Мато отвечала за несколько штабов расследований.

Один — штаб расследований, связанных с синдромом А, известный как «Похоронное бюро», там она была главой. Разумеется, название дали с сарказмом. Львиную долю их «клиентов» привозили в клинику в несовместимом с жизнью виде, вот и прилипло. В остальные, приличные, штабы она заглядывает в качестве штатного сотрудника. Где она узнает — непонятно, но при любом намеке на носителей синдрома А она тут же уносится. Подведомственных детективов это напрягает. Даже начальники отделов теряют надежду и кидают ложки в стены. Стрессы и антипатия в самом цвету. И вот тогда, полагает Имай Ацуси, он и был выбран наводчиком мостов — нет, даже смазкой — между подозрительной бывшей инспектором общественного порядка и добропорядочными инспекторами участка Сикуры. В общем, когда Тома Мато разбрасывается подведомственными ресурсами, его роль — быть у нее на побегушках за материалами и ордерами. — Госпожа Тома, разрешите?.. Вы сейчас действуете как помощник инспектора — в рамках розыска Яманаси Томори? Вы ведь расследуете дело о переезде машиной, случившееся два месяца тому назад? — Ну да. Я тоже хочу ограничиться основной работой. Но от твоего начальства набежало лишних задач. Похищение в Нодзу, слышал? Говорят, мол, наверняка это по твоей части, дайте хоть двоих. И всем головная боль! — Ага... Что из этого следует? — Надо быстро закрыть дело. А, когда будешь говорить с управлением в Карэно, не забудь спросить координаты старшего патрульного Того Кисары, если у них есть... То есть нет. Бывшего старшего патрульного. Поднявшись, Тома Мато деловито покинула первый отдел. «Быстро закрыть дело» — ее присловье из тех, что не хочется слышать. Тома Мато, говорящая «закрыть дело», перестает быть полицейской. Становится военным. Состояние, которое Исидзуэ Арика называет «штурмовой Томат» и быстро сматывается. — О-у, вот бы исчезнуть... Наверняка завтра придется быть свидетелем такой сцены преступления, что глаза на лоб, да еще и документировать ее. Оставленный Имай Ацуси, поглаживая сжавшийся живот, тем не менее, осознавал, что эти рабочие дни идут веселей, чем раньше. Подняв взгляд, он увидел, что пейзаж за окном стал снежным. Было тридцать первое декабря, девять часов утра. Зарядивший с раннего утра снег давно перекрашивал весь город в монотонный белый.

— Да. Офисное здание Коала-кадзака. Там еще здания Нисигути и Хаяси стоят. Где-то в них скрывается. Смотри за ними, если будет движение — звони. Потому что другое дело срочное, но я по возможности быстро с ним разберусь, жди меня. А, и еще эта бодрячка. Цурануи-сан? Ее тоже возьми. Будет прекрасным талисманом от сегодняшнего пациента. Вот, надеюсь на тебя. Что ни говори, если ты помрешь в последний день года, мне будет неловко. Как ночь кончится, разрешаю поздравить меня с Новым годом — не теряй шанс, не выделывайся. Тома Мато прервала звонок и снова воззрила сквозь бинокль. Туманный в падающем снегу, в окулярах высился трехэтажный центр развлечений. Тридцать первое декабря, после полудня. Удаленность от наблюдаемого трехэтажного здания — пятьдесят метров. Из квартиры десятиэтажки по ту сторону аж шестиполосной автострады Тома Мато с двумя подшефными наблюдала за виновным в деле одного похищения. — Шеф. Поступила информация, что ордер на обыск дома Того Кисары дан. Мне связаться с ответственным следователем?

— Прямо сейчас? Брось. Если скажут, что не надо, останавливаться уже будет поздно, плюс сюда сейчас лучше не подтягиваться. Больше народа пациент заметит. И начнется полная осада! Каждый раз для всех будут делать специальный следовательский отдел — год сменится, пока захватим. И вообще, от Карэно сюда два часа. Пока засланный народ вернется, моя троица уже остынет.

— Значит, ничего не делать?

— Прозвучит нагло, но мы и сами управимся. Заноситься не стану, но и это наши харчи. Ну да, оно не в нашей компетенции, но все-таки похищенные правда могут оказаться одержимыми. Руки чешутся.

Тома Мато с подчиненными настигала подозреваемого в похищении людей. Нет, точнее сказать, наблюдала. Как ни крути, приказа об аресте пока не было. Сегодня ровно в полдень должны дать, но и ждать бумажки ситуация не позволяет — подозреваемый в одиночку захватил жителей промзоны Нодзу и утащил их в бездействующий парк развлечений.

— Однако... и этот какое-то бредовое место выбрал. На минус первом этаже — подземная автостоянка, на первом книжный, на втором и третьем — гейм-центр; все этажи сквозные. С верхних видно нижние. То есть, если он на третьем, то видит, что в магазине творится. Уступчатая структура этажей. По форме напоминает горные плантации.

Этот парк развлечений прилегает к скоростной автомагистрали государственного значения, жилых кварталов вокруг не видно.

В ответвлении от шестиполосной трассы, где только автомобили снуют, выстроились крупные шопинг-центры. Но половина из них сейчас закрыта. Работают только мелкие отделы, а персонал салонов масштаба этого парка ушел на выходные еще вчера.

Учитывая близкое прилегание к скоростной трассе, расстояния между зданиями — метров по тридцать-пятьдесят, а то и под двести. В разы шире зданий раскинулись автостоянки, что было особенностью застройки западной части префектуры С.

И вот в центре пустой плоской окружности радиусом в пятьдесят метров торчит здание парка развлечений, заодно служащее логовом преступника.

На стоянке на его территории припарковано несколько транспортных средств, заносимых снегом. По запросу владелец здания сообщил, что его личными являются стоящие на подвальном этаже открытый седан, фургон и еще шесть транспортных средств. Его знакомые по дружбе паркуются там же, поэтому даже в безлюдье сколько-то машин там будет.

Автомобиль скрывающегося в здании преступника стоит на наземной парковке, поэтому захватить ее легче легкого, но стоит бандиту переместиться вниз, он найдет себе сколько угодно колес. Скорее всего, наземные машины — приманка, а подземные — основная ставка.

Вот только сегодня небо за нас. Валящий с утра снегопад затруднит вождение, а выезд с подземной парковки все больше зарастает сугробами.

— Уже пора, наверно. Он один. Одна оглушающая граната, и он подавлен.

— Шеф, запрос подтвердили. Инспектор Нодзу, — действительно старший патрульный Того Кисара. Она часто фальсифицировала инспекции промышленного района Нодзу с целью проникновения, были очевидцы ее пристрастных допросов нескольких местных жителей. Захваченных граждан она сразу помещала в машину и развозила по различным местам преступлений.

— Надо же, раньше было раз в неделю, а под конец года — по человеку в день. Поняла, что может пользоваться тем магазином, и начала собирать толпу — интересно зачем? В этом ключе будет работа после задержания. Так, — продолжила она. — Как я понимаю, там четверо гражданских, вы что думаете?

— Мы тоже не заметили больше четырех.

— И я. Рабочий вариант — пятеро, включая подозреваемого? В таких наблюдениях вас некому обойти, Тома-сан.

Поглядывающая в бинокль Тома Мато помрачнела.

Как и говорят ребята, она наберет восхитительные баллы по самым разным профилям, но лучше всего ей удастся... то есть даже, наверное, дано от Бога, одно — выяснение обстоятельств локации посредством бинокля. И сама Тома Мато нет-нет, а буркнет, какой у нее унылый особый навык. Прочие умения она накопила с оружием в руке, поэтому сложно назвать их природными.

— А все-таки, шеф, зачем Того Кисаре жители Нодзу? Она — инспектор Карэно. Ей нечего делать в Сикуре...

— Она бывший инспектор. В течение октября постоянно бегала в самоволки и забросила обязанности старшего патрульного. В отделе Карэно ей потом это аукнулось бы, и вчера ее предупредили считать себя уволенной по собственному желанию с октября. Похоже, она достучалась до того вампира, но перед тем, как ей схватить пациента, ее дочка была убита. И теперь она антизащитник из радикальных.

Антизащитники. Движение тех, кто считает носителей синдрома А не больными, а прирожденными преступниками и не признает их защиту в смысле юридического наказания. Активисты антизащитников пытаются устранить одержимых и упрямо призывают к насильственным мерам.

— Мечь носителям синдрома А? Но все равно это не имеет отношения к гражданам Нодзу.

— Имеет. В Нодзу ведь все одержимые, так? Ну, насколько Того Кисара в это верит — вилами по воде писано, но ведь ловила, доставала оружие и тыкала им в затылки, а это уже работа плюс мечь. Вот только...

— Странно, правда? Она бы и дальше могла похищать и убирать их по одному. Зачем собирать четверых одновременно, да еще в таком месте?

— Ага, прямо как заложников. Только тут террористы не заявляют о причастности. Может, это дракон не из тех, на кого нам копьё подн...

Голос Тома Мато похолодел.

Убрав бинокль, она сразу начала надевать бронезилет.

— Хм? Что такое, Тома-са... ого! Ч-что это там за Черный плащ?! Куда он прет через фойе?! Понятно же, что магазин закрыт!

— Что, гражданский?! Как не вовремя... поминспектора, что дума...

— MP5 мне. Вы ждите тут. Что не так — докладывать от начала до конца.

Закрепив бронезилет, сверху Тома Мато надела одежду.

Протянула руки к кейсу, не теряя ни секунды пошла ко входу.

Она, совсем недавно говорившая об одной оглушающей гранате, обронила, что «беретт» в карманах достаточно. Но теперь все не так. От одного вида фигуры, беспечной походкой топающей в безлюдный парк развлечений, по спине бежит холод. Значит, без этой высококлассной брони было бы крайне опасно. Значит, только Береттой М-92 разницу в способностях не покрыть.

Она ничего не знает о том, кто этот безымянный человек в черном плаще. Просто ли прохожий, сообщник ли преступника. На этот момент не понять, враг или друг.

Понятно только, что этот человек — неопикуемый преступник. Видимый через линзы злодейский изгиб рта говорит шестому чувству Томе Мато, что число его жертв двузначное.

— Черт, все-таки безопасная тактика отпадает!..

Помещение, занятое для наблюдения, стояло слишком далеко от целевой локации.

Выходить из многоэтажки, да еще обходить двухсотметровым тротуаром просто нет времени. По три полосы на направление, по дороге всего шесть, придется пересечь прямым.

Сейчас мы на шестом этаже. Три минуты, чтобы выйти, минута, чтобы обойти здание, минута, чтобы добраться до парка развлечений, нет, если вспомнить про снег, еще плюс минута — времени слишком уж отчаянно в обрез.

Кровь за кровь.

Мсть за мсть.

Таков девиз Хиномори Сюсэя. И вообще естественная человеческая эмоция. Так куется цепь ненависти.

Хиномори Сюсэй вовсе не держит зла за переезд машиной и контрольные выстрелы.

Просто если и дальше будут такие помехи, в работе случится задержка, а это надо бы исключить. По этой крайне роботообразной причине он и пришел в парк развлечений.

— Ну, молодец Маки-тян. Все, что про сикурских одержимых, узнает раньше всех.

Заносимый снегом гигантский могильный камень.

Шириной в пятьдесят метров, высотой в пятнадцать, из бетона, трехэтажный. В темном, не освещенном электрическим светом проходе убийца в черном плаще вытащил длинный меч.

— Итак, достопочтенные леди и джентльмены, шоу начинается. Как одержимый, считаю необходимым преподать урок зарвавшемуся собрату.

Широкий замах катаной. Хиномори Сюсэй наносит по нерабочим автоматическим дверям удар, рассекающий их пополам... но не рассекающий, поэтому он коротко разбегаются, разносит обеими пятками дверь, поднимается и становится посетителем парка развлечений.

Стена со входом вся стеклянная, поэтому в здании все равно светло. К сожалению, из-за снегопада солнечный свет очень тусклый, но он все же рисует умиротворяющий пейзаж в стиле industrial decay.

Первый этаж, книжный магазин. Людей особо не видно. Вверх по сделанной в центре лестнице, ко второму этажу, заполненному крупногабаритными аркадными автоматами гейм-центра. От «крана» с мягкими игрушками до собирающих до десяти игроков карточных игр и гонок — в любой тени ждешь затаившегося убийцу. Здесь тоже без приключений. Значит, выше, на третий этаж. Лестница на третий — в углу этажа, проходит по небольшой дуге и вверх.

Дойдя до самого верха, Хиномори Сюсэй присвистнул.

Третий этаж, автоматы с файтингами и шутерами даже сейчас светились экранами критических боевых моментов.

За стеклом — полностью укрытый снегом умиротворяющий пейзаж.

Зато сам этаж представлял собой иллюстрацию жестокого обращения с детьми.

— Ты почему живой?

И там, с автоматическим пистолетом в правой руке и взывающим о спасении десятилетним ребенком с заплаканными глазами и кляпом во рту, стояла бывший офицер Того Кисара (ж., 35).

В постскрипту: по углам этажа — у каждой не прилегающей ко входу стены — связанные трое детей. От Хиномори Сюсэя они были прямо, слева и справа.

— Сколько лет, сколько зим, Кисара-тян! Когда мы последний раз встречались так, лицом к лицу? Когда ты среди конвоя пристрелила водителя и заодно попыталась пристрелить меня, да? Ты так сурово выместила злобу, что я уж было думал, она в тебе кончилась и ты работаешь, как приличный офицер...

— Верно. Я тоже собиралась так поступить. Если бы этим летом не прослышала, что ты еще живой, конечно.

Полный ненависти голос.

Ребенок в левой руке Того Кисары скорчил болезненную гримасу.

Оно и понятно. Того Кисара, схватившая его за шею, ногтями безжалостно пропоролла кожу до крови.

Впрочем, кровь текла не только там — на рубашке Того Кисары даже издали были заметные бурые пятна.

Схваченный ей ребенок и те трое, что связаны по углам, — у всех распухшие лица, на губах кровавые следы, рука одного в особо плохом состоянии, грубо перетянута бинтом. Видимо, она слишком разошлась, а после, поняв, что смерть может дорого обойтись, на всякий случай замотала рану.

— Жестоко. Детей-то за что?

— Одержимые не люди. Они все чудовища. Как и ты.

— Совсем жестоко. Ну гляди, все же смотрят на тебя и боятся, Кисара-тян! Как рабы, ожидающие, когда хозяйка сменит гнев на милость! Это не на пользу воспитанию! Честно, это переходит все границы. Они все того же возраста, что и твоя дочь!

— Заткни пасть!

Пистолет Того Кисары выплевывает огонь.

Пуля задевает рукав Черного плаща. То ли от ярости промахнулась, а то ли вовсе увернулся. Скорее первое.

— Ой. Ты все еще принимаешь близко к сердцу? Ох эти женщины, ужас. Ладно тебе, Кисара-тян, это ж не ты умерла. Ну да, я соболезную насчет дочери, и? Я ей голову снес, и? Она уже не живая же, ну и? Что теперь, постоянно вспоминать о том, что два года назад было? Мы же не ремейк аниме смотрим.

— Ах ты...

Скрип зубов.

Пойманные и связанные дети, вспомнив жестокости, которые терпели двое суток, задрожали в ожидании худшего.

— Прямо здесь!.. Прямо сейчас я тебя убью!

Дуло смотрит на Черного плаща...

Но выстрела не происходит. До выстрела Того Кисара отпустила пойманного ребенка.

Пнула его в спину, к Хиномори Сюсэю.

Вправду ли женщина считает детей одержимыми, нет ли, а Хиномори Сюсэй уж точно одержимый.

Раз так — что он сделает с ребенком? Даже если не спасет, должен хотя бы думать о нем как о соплеменнике.

И в этот момент она выстрелит. Схватит ли Хиномори Сюсэй ребенка, бросит ли и прыгнет на Того Кисару — неважно.

В момент этого лишнего действия она отправит ему пулю в лоб. С таким планом получить преимущество она кладет палец на спусковой крючок.

За эти две секунды...

Ищущий опоры ребенок. Болезненно крепко примотанный кляп. Воспаленные, кровоточащие, вспухшие уголки рта. Покрасневшие из-за целой ночи слез глаза.

Лишенное, конечно же, какой-либо еды слабое тело.

Хиномори Сюсэй обнимает ребенка.

Нет. Кажущимся объятием, насадив на меч, он сбрасывает его на второй этаж.

— Что?!

Ну разумеется. Потому что в руке ребенка — нож, и он вдруг рванулся, стремясь проткнуть брюхо Хиномори Сюсэя.

— Ты что — демон?!

Вынудившая ребенка сделать это, чтобы побережься самой, Того Кисара стреляет и отступает.

Все это было неважно. Можно было спасти, можно плюнуть. Даже лучше было бы, если бы плюнул. Пробежавшему мимо Хиномори Сюсэя ребенку удар в спину удался бы лучше. В изумленного Хиномори Сюсэя она бы выпустила всю обойму. Таким был первый план Того Кисары.

Но он не сработал. Да, как ни трудно поверить. Этот парень в тот же момент, как протянул руку к руке ребенка, сжимавшего за спиной нож, безжалостно проткнул его плечо. Хорошая реакция? Не об этом речь. А о том, как он, казалось, среагировал на то, чему еще предстояло произойти.

Его чутье на опасность приближено к предсказанию будущего. Вот и сейчас он, неспешно расхаживая, то уворачивается от пуль Того Кисары, то принимает на меч...

— Почему, почему ты не сдохнешь?! И тогда тоже, и тогда, и тогда!.. Вогнала в тебя пулю, сбросила с моста, переехала машиной насмерть!.. И опять ты, ну вот сейчас, вот сейчас я думала тебя наверняка убить, а ты!..

— Не, это не наверняка. Тот раз ты сбила меня и сбежала, но я же просто подпрыгнул и спружинил. И пули ею вот отбил. И что, что сбросила сверху, блин, подрыгаешься — переживешь. А уж на этот раз твоей огневой мощи не хватило даже на поперчить. Хиномори Сюся нельзя остановить. Пули давно кончились. Как он и говорил, безотказный в принципе метод расстрела в упор из огнестрельного оружия так же безотказно был аннулирован.

— А... а.

Это невозможно. Этим методом его не убить. Потеряв волю к бою, Того Кисара вынесла решение.

Вяло опустив пистолет, она отсутствующе смотрела на топавшего к ней Черного плаща.

— С... пасит...

— Э-э, сдаешься? Хм-м. Ну да, Кисара-тян же у нас не одержимая, если сдается, можно бы и домой двинуть... но тебе не повезло. Нет, наверно, повезло? Похоже, этот ребенок правда был одержимым.

«Где-то горит огонь», — подумала Того Кисара.

На втором этаже?.. Слышится треск и запах горящего мяса.

— Не убива...

— Ты зря собирала от меня заложников. От лишней жестокости стала врагом, Того Кисара. Твоя кровь уже заражена.

Вампир медленно подходил к упершейся спиной в стену женщине. Похоже, свыкшись с ужасом, Того Кисара визгливо...

— Вперед!.. Не хотите умереть — делайте как велено, мелюзга!

...дала команду остальным детям.

На этот раз эффект неожиданности сработал.

Как же она их запугала?.. Три ребенка, все еще связанные, побежали на Хиномори Сюся. Разумеется, Черный плащ от души замахнулся катаной. Но...

— О?.. А ты-то не того.

Остановил замах.

Рот Того Кисары злорадно скривился. Спрыгивая на второй этаж, она включила заготовленный переключатель и запустила ловушку, которую можно назвать главной. Так, чтобы Хиномори Сюсэй не заметил, она оставила в невидимом для него уголке взрывчатку. И сдетонировала ее.

Парк развлечений содрогнулся.

Яркий, мешающий видеть зеленовато-синий свет. Весь третий этаж окутывается огнем, который поглотил Хиномори Сюся и детей.

Она увидела чудо.

В длившемся менее десяти секунд аду девочка своими глазами видела пляшущего в огне вампира.

Взрыв, поглотивший троих детей.

Вмиг закрывший поле зрения красный дым.

Скачущие, как живые, в бешеной пляске кожухи игровых автоматов.

И — ставшие осколочными зарядами, превращающие их тела в ошметки, осколки мебели. Все это Черный плащ пропустил мимо себя.

На глазах девочки проплакавший всю ночь ребенок был превращен в невыносимый взгляду кусок жареного мяса. Пролетая, стул ударил его в плечо, и необратимо потерявшую форму плоть слизали языки пламени.

К счастью, глаза и уши девочки засветило вспышкой и оглушило грохотом взрыва.

Жуткая сцена стала какой-то размытой. И сразу вслед за тем — возможно, не миновало и секунды, как девочку окутал Черный плащ. Завернутая в плащ, несомая на руках, защищенная.

Что было дальше — она знает только по ощущениям. Ощущения твердили, что ее катают на «американских горках». Ведь глаза девочки были закрыты, и что происходило снаружи плаща, она не видела.

Однако в той тьме она точно увидела его.

Силуэт без колебаний подхватившего ее, полностью уберегшего ее от взрывной волны вампира.

Из его ран течет кровь.

Если она вытечет, он погибнет.

С таким вот близким к норме телом он на сей раз был не готов к внезапной атаке извне.

Лучшее, что он мог, — так быстро, насколько позволяют способности, пользуясь своей близкой к предсказанию будущего чувствительностью к ситуации, прорваться через этот ад, через игольное ушко, созданное сотнями объектов.

Вампир, похваляющийся неумиранием.

Лежащая в его основе логика слишком проста.

«...Все не так уж сложно. Животные вообще с трудом умирают. Так что речь тут о скорости, Арика-кун».

Хиномори Сюсэй улыбнулся юноше, живущему из всех, кого он знал, наиболее — диаметрально — наоборот.

Гибель, к которой сам делаешь решительный шаг.

Спонтанно проявляющаяся, вылетающая из-за спины обыденного, иррациональная угроза. Надо понять, что для тебя это — одно и то же.

Даже сейчас, при разговоре, он думает о смерти, ждущей через 0.2 секунды.

«Поэтому, когда один раз испытываешь на себе что-то жуткое, оставайся в этом состоянии.

Ну, когдаходишь во вкус, когда тебя машина чуть не переехала, тело же вскидывается, да? Вот если это постоянно поддерживать, можно в любой момент реагировать на опасность».

Он предполагает худшее.

Не так. Он воображает резню.

В ад, куда однажды низвергся, возвращаться он и не думает.

«Например, возьмем падение с обрыва в машине за 5 баллов. По сравнению с этим атака катаной — так, 2-3, правда? Хоть во сне увернешься.

Просто непрерывно поддерживай, как ее, тревожность? Взвинченность? По сравнению с такими заурядными людьми, как мы, у уроденных монстров максимальная скорость до обидного выше... Поэтому в честной гонке я бы проиграл. Но это не значит, что я не могу победить. Начальная скорость гения и максимальная скорость заурядного человека в общем-то могут и потягаться».

Разминка для деятельности. Первый удар рассудка, подбирающий расслабленную психику. Вот к чему он пришел четыре года назад... Хотя и в голове не укладывается, через какой ад он прошел, но мужчина оставил позади всего здравомыслящего себя, накопленного за двадцать с лишним лет.

«Ага. Правильному человеку даже поединок не светит, а раз так, то хоть скорость я не потеряю. Раз перешагнув грань, я ни за что не расслаблюсь. Выжигая кипящую кровь до смертного часа, я буду поддерживать максимальную скорость всю жизнь».

Иными словами, это...

«Это и есть скорость избегания угрозы. Понимаешь, почтенный Арика, это моя скорость — я никогда не остановлюсь».

Даже рассказывая, он был никем иным, как потерявшим здравый рассудок психом. В его мозгу закручиваются запредельные сцены. Предаваясь безумию, он поддерживает наивысшую скорость.

Выкипающая, накаленная кровь. С телом на пределе, с психикой на грани краха, не ведая конца, он встречает ответным ударом акселерировавших монстров. Не успевают они достичь максимальной скорости, как он вбивает в них свой предел способностей.

Следовательно, и внезапные нападения на него не увенчаются успехом. Наоборот. Потому что это он постоянно совершает внезапное нападение.

Против всех, кому нужен первичный импульс, — его изначально максимальная скорость.

Не физические возможности, но разрушенная ментальность выстроила эту наичеvidнейшую теорию неумирания.

Так вот прост оказался неумирающий вампир — Хиномори Сюсэй.

— Йа-а-ах. Хотя, конечно, от такого обычно умирают, да, — с беспечным зевком роняет Черный плащ, стоя на полностью выгоревшем, превратившемся в поле черных руин третьем этаже.

Его непотопляемость все же базируется не более чем на менталитете.

Его личная особенность, новообразование одержимого, как и у Яманаси Томори, направлено в сторону способностей тела как единого целого. Он не так звероподобен, как она, но сам Сюсэй насчитывает трое-пятикратное превышение механического качества тела относительно взрослого мужчины.

— Однако какой-то унылый финал. Я верил, что она хотя бы дымовуху, что ли, к спине ребенка прилепит. Ну, вот и все, натерпелась ты, — он разворачивает плащ вокруг девочки. — Остальным троим не повезло. Забывать их жалко, поэтому лучше запомни, как ты с ними дружила.

Он поправил сползшие солнечные очки.

В глазах девочки, смотрящей снизу вверх на монстра в черном плаще, нет изумления. Она не боится, даже наоборот.

— Дяденька, огонь...

В благодарность за спасение она проявляла заботу о мужчине с дымящимися спиной, плечами, левой ногой. Для Хиномори Сюсэя это мелочь.

— О... Опять помеха.

Он почувствовал присутствие человека со стороны входа. Слух, обоняние и нервы кожи совместно передали ему это знание.

Это не прыгнувшая на второй этаж Того Кисара. В парк развлечений зашел кто-то еще. Хиномори Сюсэй перевел взгляд с девочки на то, что было снаружи. Посмотрел на разбитое окно.

— Так, ладно, тут мы расстанемся. А, но только не подумай, что я тебя спасал, потому что ты хорошая девочка, ясно? Интересно, повезло ли тебе больше, чем остальным.

Ступивший на пол первого этажа — женщина. На ней суровая экипировка. Лифт застыл на этаже В1. Сюсэй вполне контролирует ситуацию.

— Но да, у тебя спасенная жизнь. Теперь пользуйся ей умело. Дядя тут нехорошей тете прочитает за упокой и пока-пока.

Черный плащ пробежал по все еще горящему этажу. Всего лишь трехметровый разгон. Внезапно резкий прыжок. Не пользуясь лестницей, он спрыгнул из разбитого окна на землю.

Разминувшись таким образом с женщиной.

Перед ним, приземлившимся с длинным хвостом все еще исходящего от него дыма, лежал уклон к подземной автостоянке.

Тяжело дыша, Того Кисара выпрыгнула из лифта.

Какими-то двумя минутами ранее — спрыгнув с третьего на второй этаж, убедившись, что Черного плаща охватило пламя, лифтом она бежала до подземной стоянки.

— Хах... ха-ха, ха!..

Чувство вины за убийство вместе с заложниками.

Возбуждение от разрушения здания.

Восторг от стирания с лица Земли этого неубиваемого одержимого.

Заглушая огромные, чуть не разрывающие ее на части эмоции, Того Кисара помчалась к заготовленным «колесам».

Да. Мертв. Умер. Фактически убит. На этот раз наверняка. Тот, кого уже сколько раз не брала даже смерть. Это чудовище, что воскресало из могилы, на этот раз сгорело дотла-а-а!

— Ура... ура, ура, ура!

Эти три года в ретроспективе — как кошмар.

Когда дочь на ее глазах была убита этим низким киллером, она, тем не менее, умоляла его сохранить ей жизнь. Сожаление и стыд. Страх и ярость. Жалкие дни, когда хочется умереть, просто зная, что он жив. Все это наконец в прошлом. Кому надо отправлять его в клинику Ольги? Не отправив его своей рукой на тот свет, Того Кисара не смогла бы возобновить путь. Не смогла бы дать свежий старт своей жизни. С тех самых пор она жила ради мести. Застрелить водителя «воронка», застрелить Хиномори Сюсэя, свалить все на убийцу — таким был план. Только после планового расстрела Хиномори Сюсэя — он выжил. Когда отделение полиции в Карэно распустило штаб расследования, она чуть не обезумела. И хотя она сказала себе, что этот парень больше не появится, и жила, словно шла по канату, — Хиномори Сюсэй возродился со всей определенностью. Но до Сикуры ей было не дотянуться. То же было верно и для Хиномори Сюсэя, поэтому она понимала, что можно было молчать и быть в безопасности, но, увидев его, уже не могла остановиться. Он был как комар под потолком: невыносимо терпеть и хочется прибить. В доме просто не живет, пока от него не избавишься. Подумать только, как разбилась ее жизнь после потери дочери. Живет отдельно от мужа, потеряла смысл жизни — словно живой труп. И все это, накопившись, вылилось на Хиномори Сюсэя... нет, точнее, на одержимых. Похищать жителей Нодзу, заставлять их молить о спасении и пристреливать было совершенно, полностью неприятно. Тошнотворно даже. Потому что она не хотела и пальцем трогать одержимых. Но если не подстегивать себя хотя бы так, она не выполнила бы свой долг. Ведь она осознала, что пока не станет убийцей сама, то не сможет убить монстра.

Сметая прочь здравомыслие, добродетели, она заготовила эту ловушку. И в финале наконец, наконец-то этот...

— Прошу прощения. На этом занавес опускается, Того Кисара.

— Поч... е... му-у...

Этот. Вот сейчас стоящий перед ней черный демон, как она думала, пал.

— Почему. Почему.

Он настоящий — на этом последняя духовная поддержка Того Кисары рушится.

Он убийца без прикрас и купюр.

Пусть он и не бессмертный, но если всякий раз избегает смертной косы, то это настоящее бессмертие тела.

— Почему... ты еще жив?!!

Вытаскивает пистолет и спускает курок.

Пистолет она перезаряжала. Она все восемь патронов отстрелила без осечек. И от всех них до сих пор горящий парень ушел.

— Последний в жизни вопрос. Будет справедливо ответить. Итак, почему я не умру...

Вмиг куда-то делась его живость.

В зеркальных темных очках отражалась совсем уже неприглядная, уродливая, чужая Того Кисара, которая тяжело вздохнула...

— Аз есм Бог Пламени, Колыбель Раскаленная — Фомальгаут.

Покуда кровь Моя не выйдет вся, Я возрожусь вновь.

...Величественно.

Звук услышала она — от искаженного кола, пронзающего ее сердце.

Третий этаж парка развлечений огонь охватил как раз тогда, когда Тома Мато пробралась через парковку.

— Тома-сан, третий этаж взорвался! Это ужас, там за пару минут все выгорит! У клиентки с головой-то совсем плохо!

— Сама вижу! Быстро принял меры от пожара, балбес! — сжимая в руке ручку кейса с пистолетом-пулеметом, проорала она в передатчик. Разумеется, даже в таких обстоятельствах бег Тома Мато не сбился с ритма.

Она с силой бежала по навалившему под двадцать сантиметров снегу на асфальте.

До места ровно шесть минут. Со скоростью, заставившей бы покраснеть атлета, удобно наперекрест аж шестиполосной трассы, пробежав двухсотметровую парковку, она прибыла ко входу в разрушенный кем-то парк развлечений.

— Я вхожу. Две минуты записывайте связь.

Вынимая из кейса пистолет-пулемет, она за несколько секунд собрала его. Проверять нет времени.

...Трудно поверить, но на взорвавшемся третьем этаже кто-то был.

Может, Того Кисара, а может, недавний незванный гость. Как ни крути, а пока не зайдешь, ничего не узнаешь.

От тени к тени. Тома Мато сконцентрировалась и с великой осторожностью, но быстро, перебежала из укрытия к укрытию. Первый этаж, лестница с первого этажа, с лестницы на второй этаж.

До лестницы на третий этаж было несколько метров. По прямой вперед, на третьем — цель. Пробираясь по теням пострадавшей от взрыва ступенчатой структуры в обход, она достигла лестницы на третий этаж.

Послышался голос. Осмотрительно и вместе с тем проворно добравшись до конца лестницы, Тома Мато направила дуло пулемета в сторону помещения. И именно тогда, словно дождавшись ее прибытия, некто черный и человекоподобный с разбега выпрыгнул наружу.

Очень хотелось тут же рвануть следом, но на третьем этаже было лицо, нуждающееся в спасении. Тома Мато оприходовала раненую девочку, провела где-то до середины стоянки и наказала дальше идти одной:

— Вон до того тротуара дойдешь, там есть полицейские. Беги и не оборачивайся. На этом развернулась и сама рванула обратно к парку развлечений. Недавнего черного человека не было видно. Они разминулись, но все-таки не прошло и двух минут. Он никак не мог просто исчезнуть. А значит... этот незванный гость направился вполне понятно куда, не о чем и думать. В подвал парка развлечений. На автостоянку, где преступник предположительно оставил свою машину. Вход на подземную автостоянку находился с восточной стороны. Следы одного прошедшего человека. Пройдя по ним до въезда, на цыпочках она спустилась под землю. И там, когда Тома Мато охватила взглядом подземную стоянку около пятидесяти метров шириной...

На очередной шаг ей оставалась лишь секунда.

В глубине подвальной автостоянки, среди выстроившихся автомобилей, стоит мужчина, он один. Посторонний в черном плаще. Точно спиной ко входу — к Томе Мато. Перед ним горит огонь. Распластавшийся человек. Скорее всего, Того Кисара. Ее тело в огне. Тихо, словно коптится. Огонь колышется, словно свеча в форме человека. После секунды, за которую она это все увидела... нет, это было за полсекунды... Тома Мато выдернула из напоминающего баллончик с краской предмета на ее поясе чеку и метнула под ноги человеку. Тридцатиметровый бросок. Она тут же ушла в тень автомобиля, отвела глаза, прикрываясь рукой. Через секунду... По подземной стоянке пронеслись выжигающее сетчатку сияние и сокрушающий барабанные перепонки грохот. Оглушающая граната. Применяется при осаде преступников, против террористов. Ручная граната, лишает цель зрения и слуха. Мощный свет ослепляет глаза и лишает противника зрения. Свет наносит вред не только зрению, но даже мозгу, вызывая тошноту и дезориентацию. Да еще звук. Звуковая волна, реально ощутимая кожей как удар, нейтрализует слух, и следующие несколько минут цель погружается в полную тишину. Это оружие подавления лишает преступника возможности оказывать сопротивление, обеспечивая безопасность заложников. Совмещенная свето-звуковая атака, от которой неопытный противник почти теряет способность сражаться. Удостоверившись в ее потрясающем эффекте, Тома Мато высунулась из-за машины и направила пулемет на мужчину...

— Кх!..

... в тот же миг заметив, как он прикрыл глаза одной рукой. Тома Мато не знала об этом, но Черный плащ Хиномори Сюэй носил зеркальные солнечные очки. Сжав веки, защищенный очками, он вдобавок укрылся от света рукой. Удар светом по зрению минимален. Но в противовес — он не смог бы защитить уши. С катаной в одной руке, защищающий глаза другой, он не может заткнуть уши. Оглушающий снаряд сбивает его слух и полностью лишает способности слышать. Человек, погруженный в полную тишину, теряет способность выносить здравые решения. Не потеряв зрения, он потерял слух. «Этого должно хватить», — решает Тома Мато и жмет на спусковой крючок пулемета.

Диаметрально противоположно гранате, у него тихое действие. Но несомненно превосходящая ее по поражающему эффекту физическая атака впиивается в черный плащ МР5. Также контртеррористическое оружие подавляющего назначения, известное как «полицейский стандарт», пистолет-пулемет. Первоначально помещенное ввиду большой скорострельности из категории «попади пулей» в более рабочую категорию «попадись пуле», тем не менее, сделанное допускающим прицельный огонь, превосходное автоматическое оружие. Точность, меткость для поля боя недостаточны, однако в данном наборе сценариев — захвативший заложников преступник, захватившие здание вооруженные криминальные элементы — оно проявляет огромную силу.

И вот оно изрыгнуло пламя.

Девятимиллиметровые пули — десяток за секунду. При физически небольшой разрушительной силе этого более чем достаточно, чтобы превратить лишившуюся слуха человеческую цель в пчелиный улей. Славящийся превосходной точностью огня МР5 и навыки стрельбы Тома Мато не дают промахов. Да и вообще, Тома Мато не из тех, кто жмет на спусковой крючок, когда промахивается.

Но он уклоняется. Даже от этого Черный плащ увернулся.

Перед тем, как перестать верить глазам, Тома Мато посылает еще несколько пуль вдогонку убегающей, как в кошмаре, цели.

Тра-та-та-та. Отбившие живой темп двадцать выстрелов — и преследуемый ими, но невредимый монстр.

Каким путем он почуял внезапную атаку полицейской?.. Черный плащ, на волосок увернувшись от пуль, по прямой запрыгнул в укрытие припаркованного автомобиля. — Черт...

Тома Мато сдвинула палец со спускового крючка и посмотрела на автомобиль, за которым укрылся Черный плащ.

Пострелять наобум, чтобы выкурить укрывающегося преступника — такой ерундой она не занимается. Крупнокалиберным оружием она бы, может, и развлекла себя, но сейчас это и не нужно.

Она стоит так, чтобы перекрыть выход из подземной парковки. Противник держит какое-то длинное подобие меча, но огнестрельным оружием не обладает. В данной расстановке сил можно и продержаться. Подавление — вопрос времени. Еще через пять минут придут ее подручные. Тогда его и прижмут. Брать добычу без ствола втроем — это, пожалуй, даже скучно.

Еще минута. Скорее всего, слух Черного плаща восстановился, и Тома Мато восклицает: — Эй там, забыла сказать, это полиция. Так что я все-таки предлагаю тебе сдаться, если угодно. Прямо сейчас я в порядке исключения просто прострелю тебе ноги.

Совсем не подобающее полиции заявление.

Что он подумал о полицейской, даже не помыслившей о всяких там правах хранить молчание и позвонить адвокату?..

Хиномори Сюсэй, спрятавшийся в укрытии кабриолета, ухмыльнулся — так вот какой у нас противник!

— О'кей! Раз так, поиграем-ка!

Сидевший на земле Черный плащ распрямился.

— Ха.

Зловеще улыбаются друг другу.

Хиномори Сюсэю любопытна негуманность Тома Мато,

Тома Мато интересно нахальство принявшего ее вызов Хиномори Сюсэя.

Град пуль.

Отправленная в полет, как дротик, длинная катана.

— Кх!..

Тома Мато мгновенно пропустила мимо себя пущенную точно в сердце катану.

Используя эту неполную секунду как преимущество, Черный плащ бросился в атаку.

Все по плану. Еще легче целиться — и Тома Мато выпрямляется, поправляет прицел... — Ах-ха-ха! Давно хотел это сделать! — проорал веселый голос с кресла водителя, и перед утопившим педаль газа, атакующим ее самой машиной монстром зрачки женщины сжались в точки.

— А...

Налетающий кабриолет. Расстояние — двадцать метров. Похоже, он замкнул зажигание, пока прятался. Движок подхватился. Сколько секунд до разгона? Нет, таких чокнутых водил надо стрелять!..

— Пардон, но это не сработает!

— А-а?!

Кресло пропадает. Черный плащ совсем раскрыл откидную спинку и вольготно разлегся в салоне. Да, так действительно трудно попасть в водителя, как ни целиться.

Живчик-монстр одной ногой давит на газ, другая на руле. Сиденье все так же разложено.

Ногами к мишени, чуть приподняв лицо, он бросает взгляд на Тому Мато:

— Ну-с, поехали, сейчас-то вы сможете напирать мне по ногам, да?!

— Чедурак?!

Таки дурак. Кабриолет, «американ стайл», в каких сейчас даже пьяные торчки не катаются, зловеще помчался вперед. Через несколько секунд эта огромная тысячекилограммовая туша наверняка размажет полицейскую.

0 секунд. Мысли текут прерывисто. Остановить машину. Как? Наобум по капоту, попасть в движок, взрыв. Невозможно. С MP5 трудно. Если повезет — попадет, но тут не прицелишься. Значит, нереально. В водителя тоже никак. Тут MP5 — просто багаж.

1 секунда. Отскок. Уворот и сразу сбоку. Боков нет, сзади поучить его, пока магазин не кончится. Невозможно. Зачем нога на руле. Он вырулит, куда ни беги. Назад, в стороны, самоубийственно. Значит...

2 секунды. Осталось десять метров. Решено. Если так стоять, через две секунды на шестидесяти километрах в час случится удар. Но сейчас, если набежать самой, атака будет на скорости до шестидесяти!..

— Ах, ты-ы!..

Бросив MP5, Тома Мато на бегу влетела в наезжающий кабриолет.

Оставшиеся десять метров превратила в оставшиеся пять.

В полете пнув капот, женщина прыгнула.

Красивое и вместе с тем сильное боковое сальто. С капота как опоры переход в группировку в воздухе и поворот. Как ни странно, точно так же Хиномори Сюсэй избежал попадания под машину Того Кисары.

Однако в случае Тома Мато добавился гимнастический элемент «извлечение «беретты» из кобуры вверх ногами».

— Что за?..

Пора стрелять. Женщина открыла огонь в воздухе по разлегшемуся, что твой шах, на кресле водителя дураку.

— Тетенька, вы чего?!

Выпрыгивающий из кресла в положении лежа Черный плащ. Он рванулся, наверное, только усилием рук, но неподражаемое движение выглядело так, будто в его спине была пружина.

Потеряв водителя, кабриолет с маху врезался в стену.

Приземляющаяся с «береттой» в руке офицер полиции и падающий туда, куда бросил катану, убийца.

Тома Мато — в глубине стоянки. Хиномори Сюсэй — спиной ко въезду.

Рокировка.

Сбить монстра, не убитого из пистолета-пулемета, одним выстрелом «беретты»

немыслимо. «В прошлый раз на холме Сикура — дробовик. На сей раз — оглушающая

граната и автоматика. Все-таки я хочу оружие поэффективней». Тома Мато от души заскрипела зубами.

И тут... Глядя на эту, ломающую себе голову над недостатками оружия вместо шмоток, женщину под тридцать, Хиномори Сюсэй озарило. Сжимая катану в руке, он с ухмылкой заговорил:

— А. Я ж читал. Ты Тома-сан, да?

— Да. Откуда знаешь? — бросила Тома Мато, целясь из пистолета.

Менталитет у нее не тот, чтобы говорить с преступником на равных, но вопрос Черного плаща что-то в ней задел.

— Ну. «В Сикуре есть страшная фараонша, любого одержимого вмиг порежет-посечет и котлету сделает, смотри не напорись», как мне кто-то сказал. Гм, кто же это был? Не, это я не могу сказать! Ведь мой информатор строго-настрога запретил выдавать его имя! Хиномори Сюсэй все такой же, как всегда, и впервые видящей его Томе Мато кажется обычным пьянчугой. «Нет, скорее наркоманом», — всерьез определяет она.

— Так. Ну, я не знаю, кто это, но он — сообщник. Еще раз встретишь — передай от меня привет.

— Еще? Какое еще, м-м? Неужели будет-таки еще раз?

— А ты пойдешь со мной и не сбежишь, одержимый?

Молча противостоящие орудия убийства в руках.

Пройдет еще какое-то время, прежде чем эти двое узнают, как живет второй.

Недавно Тома Мато сражалась со сверхчеловеком, чьи способности превосходили людские, и показательно одержала победу.

Эта личность в черном плаще — его дворецкий... нет, демон, обладающий способностями сразу двоих.

— Гм-м... Очень хочется с тобой погулять, но вам, тетенька, хочется другого. Пострадать ни за что ни про что желания не имею, так по возможности нельзя ли меня отпустить? А, кстати, наверну не я взрывал. Хотя да, с детишками не сложилось.

— Но один выживший был. Говорила, ее спас черный дядя.

— Дык, человек человека должен выручать. Вы ведь тоже по работе спасаете тех, кого и спасать неохота? Это то же самое. Убить, не убить — эмоции роли не играют. Хорошо бы Кисара-тян тоже в этом смысле соображала, м-да.

— Ты знакомый Того Кисары?.. Ясно. То есть ты — Хиномори Сюсэй. Дело о сбитом машиной два месяца назад. Это тебя Того Кисара побила автомобилем?

— Так точно. Но я не поранился особо, не стал заявлять.

— Хе... Ты хочешь сказать, что убил ее не из мести?

— Конечно. Я вообще пришел попросить ее не мешать. Но так уж сложилось, что мы стали убивать друг дружку.

— Понятно. Думала, ты просто киллер, а ты с уклоном. Я тоже просматривала доклад о вампире-убийце... Хиномори. Твоя цель — «Н», Heartless?

— Хатлес? В смысле?

— Это носитель синдрома А, чье новообразование в сердце. В том же корпусе D еще более особенных пациентов зовут «неты». Ну, кодовое слово на ту тему, что первоначальной человечности в них уже нет. Пока что так зовут троих. Хартлесс, Бессердечный — один из них. Вообще-то он — один из немногих пациентов, приговоренных к корпусу D до клиники Ольги...

— Хм-м. Неплохо таки у него имя для слухов... Насчет этого предлагаю догадаться. Или от разговоров ты начнешь мне содействовать?

— Еще чего. При любых обстоятельствах я тебя порежу-посеку, в сумку суну и в Ольгу отошлю.

— Ура, мирные переговоры провалены! М-да, от остальных жди только помех. Ну, подытожим. Я позволю себе откланяться, лады?

Разумеется, не лады, но Тома Мато может только сверлить его взглядом.

Так, как есть сейчас, она не может захватить Хиномори Сюсэя. В конце концов, численность и амуниция брались в прикидку на арест Того Кисары. Вот если бы Тома Мато все еще загораживала выход, она могла бы его удерживать до прибытия полиции. Но...

— Вали. Но следующего раза не будет, вампир.

— Тю. Не так, Тома-сан. Мое имя — Фомальгаут. Ну, как бы, словом, колыбель бога огня и, да, раскаленный Фомальгаут... вот такой ник...

Хиномори Сюсэй говорил как-то неуверенно.

Тома Мато бесстрастно посмотрела на него.

— Хм?.. Что это я, совсем не смотрюсь?! Не может быть. О, стыд! Что я так смущаюсь?!

Ай, нет, не смотри на меня! У-у, вот только что так естественно говорил — что же, это было минутное чудо, достопочтенный?!

Тома Мато молча смерила взглядом обхватившего голову Черного плаща.

— Блин, привыкай, тут надо привыкать! Вот увидишь, тетенька, когда мы еще встретимся, все будет иначе, ожидай перерожденного меня с нетерпением!..

Бросив через плечо этот бред, Хиномори Сюсэй удрал. С бредовой же скоростью. Черный силуэт пропал в глухом снегопаде.

— Что это было... Такого хрен поймаешь и втридцатером. Если я правда хочу его взять, нужен спецотряд против него лично, — со вздохом она опустила оружие.

Преступник упущен, но текущая работа сделана.

Оприходовать останки Того Кисары, погасить возгорание парка развлечений — сплошная головная боль, но, к счастью, у нее есть знающая свое дело — дело уборки после нее — поддержка.

— Тома-са-ан, вы где-есть?

Помяни черта. Один из подоспевших подручных вбежал на подземную парковку.

— Ага, забегайте. Уже можно. Девочку уберегли?

— Там Ива-сан. Сказал – верх, фиг с ним, найти поминспектора. А вы опять тут неплохо развернулись! А что Того Кисара? Что стало с Черным плащом?

— Вон те останки — это Того Кисара. Черного плаща я упустила.

— Как?.. Н-не может быть! У-у-у, упустили, это правда?! Тома-сан?! Точно не выпустили с целью измотать?!

— Ты кем меня считаешь? Хотела бы измотать — поймала бы сначала. Кто был этот Черный плащ — потом как-нибудь расскажу... Однако, Фомальгаут, ишь... — задумчиво промышчала она.

Для Томы Мато, холодно и безразлично относящейся ко всему, это было редкостью.

— Фоу... как-как?

— Знаменитая первая звезда осени. Кажется, это значит «рот рыбы».

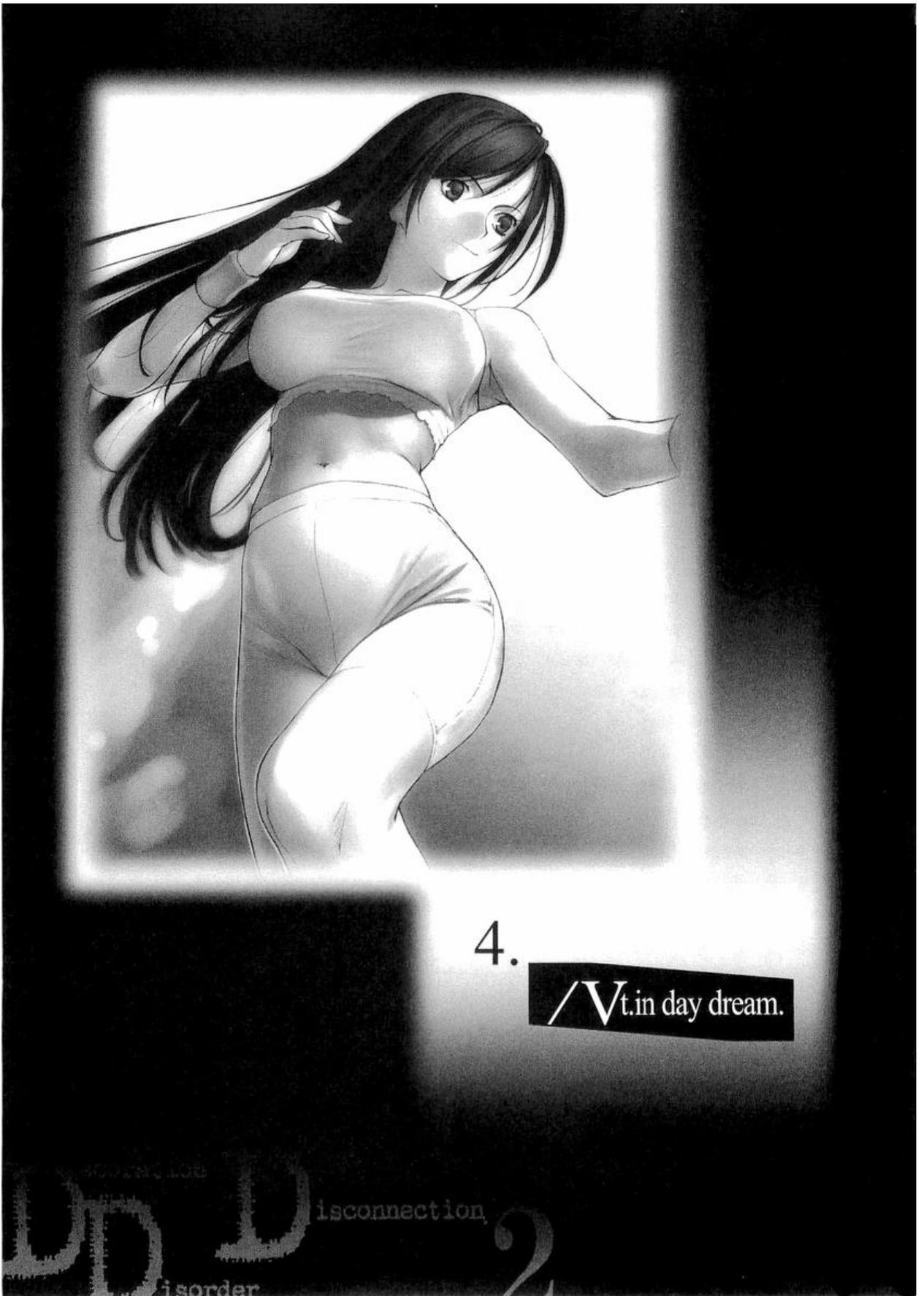
С ладонью у рта, витая в облаках, смотрит куда-то в землю. На въезде валит снег.

Вспоминая об исчезнувшем в нем черном плаще...

— Хе. Не хочется признавать, но неплохо. Враг врагом, а имя-то со вкусом.

...Тома Мато бормочет восхищенные фразы.

Как и у Хиномори Сюсэя, ее вкусы застряли где-то в 80-х.

4.

/Vt.in day dream.

disconnection
disorder

На календаре — четырнадцатое февраля.
Карнавал, Пасха — выбирай, что приятнее на слух.
Преврати благодать и радость в цветы,
что лепестками на ветру взовьются.
В знак наивных решений посыпь кулич алых сахаром.

— Так... Ну что, проведем генеральную уборочку?..

Она улыбается и вырывает железную дверь.
Для нее четырнадцатое февраля — день физкультуры.
День без стеснения, без сострадания,
как велит сердце, как раскрывается душа.
Но от вторжения — гибель славной смертью.
От переполненного сердца — толкотня поломанных вещей.
Что за карма? Почему?.. Словно сглаз трехлетней давности.

Разумеется, этот год — не исключение.

Фантазия по окончании истории.

Постскриптум, увиденный одной девушкой в непримечательном сне, где она была
с Арикой.

／ **Vt.in day dream.**

0/ (14 февраля 2005 г.)

Сигнал тревоги из госпиталя им. Ольги поступил в третьем часу быка, когда даже деревья спят. Произошло все в три с лишним часа пополуночи, где-то за три часа до рассвета. Тома Мато, принявшая звонок (не в качестве инспектора, а как консультант отдела контроля общественного порядка клиники), срочно подготовила вертолет и полетела в горные окрестности префектуры N, где и находилась клиника. Тринадцатого числа в двадцать два часа среди пациентов с агонистическим расстройством произошел выброс агрессии.

Начало буйствам положило незначительное дисциплинарное нарушение среди пациентов корпуса С, но вскоре вспышка распространилась и на корпус В. Словно спланировав загодя, пациенты одновременно взбунтовались. Удостоверившись в сплоченности действий больных, персонал госпиталя ретировался из корпусов В, С и D, неизбежно отступив к корпусу А. В ноль часов четырнадцатого числа пациенты оккупировали центральный корпус А ровно по третий этаж, но с введением в действие отряда безопасности положение полностью изменилось. Беспорядки приписанных к корпусам В и С пациентов были незамедлительно подавлены.

Однако... Время сыграло свою роль, и подстрекатели бунта — пациенты корпуса С — сняли запоры с корпуса D. Появление из самой глубины этого корпуса девушки коренным образом изменило ситуацию.

Три часа утра следующего дня.

Временный выброс агрессии пациентов вылился в массовые убийства без разбора и без средств противодействия.

Поэтому сейчас в гористой части префектуры N, на высоте двух километров...

— ...Вот такое положение. Сегодня в порядке исключения даю разрешение на оружие. Защити себя сам.

Мы сидели в дребезжащем и ревущем вертолете, и Мато-сан передала мне маленький пистолет.

— Стоп, мы не об этом говорили! Почему?! Почему я вообще здесь?! Ведь ни при чем, ведь на этот раз я абсолютно ни при чем!

Я махал головой изо всех сил, отрицая свою причастность, но, увы, ремни крепко держали оба моих плеча. Seriously, какой в этом смысл? Я, Исидзуэ Арика, минуту назад страстно жаждавший отоспаться, по какому-то кармическому беззаконию был брошен рукой Мато-сан вне очереди прямо в ад!..

— Да ладно тебе, Сёдзай. Когда я сказала, что давно не бывала в таком луна-парке, ты же сам предложил как-нибудь сходить. Вот выдался неплохой случай... Ну, да. Мне тоже кажется, что лаборатория в горах для первого свидания не очень-то подходит.

— Я же пошутил! Это была ирония! Мне не интересны ни крысы, ни кошки! Ну же, Мато-сан, здесь ведь нет американских горок?! Это ж Ольга, там вообще развлекаться невозможно!

— Ха-ха-ха. Да брось, наверняка будет интересно! По крайней мере, нам дали сто очков возбуждения.

Самые невеселые сто очков в мире.

— Что за бодрая улыбочка?.. Что, так не терпится утащить меня в корпус D?!

— Э... Ну не злись ты так. Честно сказать, помещения Ольги — тайна под семью замками. Своих мне туда долго протаскивать. Ты — все, что я смогла найти за полчаса. Извини, что втянула.

— А... Л-ладно.

От неожиданности у меня спутываются мысли.

М-Мато-сан извиняется с таким серьезным видом... У меня что-то голова закружилась.

Только это не от ужаса, а словно от мысли: «Ох, я ж завтра женюсь!..»

— И тут нам почти пора. Слушай, в этой пушке ампулы с транквилизатором. Главное — примерно попасть, а оно сработает. Я, конечно, не жду от тебя прицельной стрельбы. *Но если тебя обхватят — дави крючок.* Яда там достаточно, чтобы оно сдохло на месте. Потому что по вчерашним данным батрахотоксин не испытывали. Иммуитета пока что быть не должно.

— По-моему, это уже не «транквилизатор», Мато-сан... И потом — что, если враг *не обхватит*?

— На этот случай смажь ласты клеем... Так! Спускаемся. Ты у меня первый козырь. Никуда не отходи.

Вертушка зависла над центральным корпусом клиники Ольги.

Мато-сан взяла два комично огромных автоматических пистолета, которые еще более комично положила дулами на плечи. Откровенные такие противотанковые базуки.

Присмотревшись, я заметил, что это были не ее обычные «беретты», а гордо носящие имя самых больших в мире пистолетов «пустынные орлы».

— Хм-м...

Нет-нет. Такие стволищи в двух руках просто невозможно таскать. Даже Мато-сан держит их скорее как топоры; может, смотрится это и круто, но ни о каком прицельном огне не может быть и речи.

Я уже хотел тяжело вздохнуть — то ли она хочет столько огневой мощи, то ли просто пироманьяк — но через крышу мы уже проникли внутрь центрального корпуса, и я был вынужден признать, что мера оказалась оправданной.

Коридор жутко изменил свой вид. И пол, и стены, и потолок — все было изукрашено человеческими телами.

Какие — разбросаны кусочками, как еда.

Какие — разделаны штабелями, жалкие останки персонала и пациентов.

Скорее всего, даже самые большие счастливчики из восьмисот человек, загнанные сюда, не смогли выбраться на крышу и были кем-то убиты.

БУ-РУ-М-М.

Локальное землетрясение сотрясло центральный корпус.

Если прикинуть, что это происходит на нижних этажах, вооружение Тома Мато обретает еще больше смысла.

— Мато-сан... А живые здесь вообще есть?

— Биолокатор дает семерых. Один — точно из этих. Вот тут светимся мы с тобой. Еще один в С, один в В, один в D. Ну и еще...

О последнем и говорить нечего.

На нашем самом верхнем двадцать пятом этаже в конце извилистого коридора появилась подозрительная тень.

Мужчина в одежде пациента корпуса D улыбался во весь рот, встречая прибытие новой дичи.

— Курамицу Мерка!..

«Пустынные орлы» Мато-сан мгновенно заплевались огнем.

Легко превосходящие «беретту», одним касанием лишаящие всего тела Магнумы 44 калибра разрядились в пациента из корпуса D Курамицу-сан.

...Куда ни кинь взгляд — море крови.

Металлический квадратный коридор. На полу — широкое болото, ноги уходили в него по лодыжки.

Рдеющая поверхность, напоминающая скользкое желе. При таком количестве крови невозможно было разглядеть ничего похожего на человеческие тела. Все выглядело так, будто кровь натекла из какой-то комнаты и залила весь пол корпуса D.

На этом красном ковре стоит Исидзуэ Каната.

Как шикарная роза, как изящная хризантема, как яркий подсолнух, девушка была безукоризненно гармоничным контрастом. Прекрасная, как цветок, — нет более подходящей метафоры. Сегодня ее семнадцатый день рождения. Два года назад, будучи еще наивной девочкой, сейчас она оформилась в прекрасную женщину. По крайней мере, на сторонний, телесный взгляд.

Где-то за пять метров от нее находилась девушка, очень на нее похожая.

Ее имя — Хильмия Рузель.

Больше всех остальных пациентов корпуса D ненавидевшая Исидзуэ Канату, она пыталась убежать в центральный корпус, но была окликнута и теперь являлась прискорбной жертвой девиза «ни один не уйдет».

— Это бред. Ты серьезно хочешь убить всех до единого?

Горделиво, с исполненным ненависти и отвращения взглядом, Хильмия Рузель вопросительно поднимает бровь. Она мечется в беспощадном урагане мыслей, рассчитывает, надо ли продолжать бегство и быть убитой или встать лицом к лицу опасности и выжить.

— О-о. Какие ты чудесные слова говоришь, Хильмия-сан. Четыре года тут прожила, а твои суждения ни капли не изменились. С этим, наверное, тяжело жить, а?

Исидзуэ Каната беззаботно улыбнулась. В этом море крови она и Хильмия Рузель — на разных полюсах: в позиции, в способностях, в способах мышления.

Можно назвать их охотником и жертвой.

В отличие от старающейся как-то выкрутиться и выжить Рузели, Каната не испытывает особого дискомфорта. Только некоторое недовольство. Она одета в тренировочный костюм, похожий скорее на нижнее белье. Все случилось очень внезапно, и у нее было не так много времени. Ведь на самом-то деле она хотела быть в приличном платье, когда настанет день бешенства.

— Не равняй меня с собой. Я в своем уме. Не считай меня какой-то дешевкой, которая так легко съезжает с катушек.

— Ах, извините, пожалуйста. Только я тоже в своем уме, ага? Я спокойно и осознанно прикинула, что одна смогу перебить всех. А иначе я бы не начала этот бой! Лезть в драку без единого шанса на победу — по-моему, это ты здесь без башни.

— Именно поэтому ты психопатка!.. Одной перебить всех? Серьезно? Тебе, которая может играть лишь мышцами?.. Не смейся. Да, ломать — лучше тебя мастеров нет. А вот играть — ты мне даже в подметки не годишься. Как и все остальные. Ты себе и представить не можешь одержимых корпуса D. Может, тех, что в C, ты и осилишь, но нас...

— А-а. Поняла, ты не в курсе. Извини, Хильмия-сан. Здесь из живых уже остались только я и ты, — прощепетала она, улыбаясь до ушей.

— А!..

Еще бы Хильмии Рузели не лишиться слов.

Пациенты D — с ними обходились как с монстрами. Показавших A-симптомы людей считали «больными», но даже работавшие с ними врачи клиники бросили их на произвол судьбы. Их синдром выходил за рамки медицинской науки, и таких людей без прикрас звали «одержимыми», монстрами. И вот из этих четырнадцати равных по смертоносности существ остались только они?..

Нет, здесь были и те, кто просто находился в тяжелом состоянии и даже пальцем не шевельнул. Из сорока набралось ли хотя бы десять таких, как Каната, кто мог играть роль массового убийцы?

Тем не менее, именно поэтому они были избранными из избранных. Они были теми, кто без стыда носил звание «одержимый». Они были чудовищами, которых боялся персонал Ольги. И их больше нет? А тот полный потрохов бассейн, на который становилось тошно смотреть? А мужчина, который так замкнулся в личном пространстве, что можно было назвать это пространство другим измерением? А ребенок, который заставлял тела мгновенно гнить и становиться подобием супа? А то существо, сознание которого пришло в такое помрачение, что оно превращало в бред все вокруг него?

И всех их голыми руками истребила эта женщина?

— **Исидзуэ...**

— О, решила-таки? Вот и славно. Вот теперь я тебя заберу и облизнусь. Опять же, такой шанс бывает раз в жизни. Было бы расточительно так и не попробовать всех вас на вкус, верно?

Каната пригибается, выставляет ногу чуть вперед, готовясь метнуться к цели.

От одного этого движения рождается сотрясение, по красному ковру проходит рябь.

— **Каната!!!**

Голосовые связки Рузели сотрясают воздух.

Даже будучи таким монстром, за скоростью звука не успеть. Взметающую багровые брызги Канату встречает ответный удар «новообразования» Рузели. Звуковое внушение на частоте биоволн. Испускаемый ее телесными биотоками электроимпульс вторгается в человеческий мозг. Он действует на расстоянии тридцати метров.

БУХ-Х.

Их двухсекундное столкновение закончилось. Выставленный правый кулак непринужденно бежавшей Канаты взрывает стену за спиной Рузели.

Металлическая стена прогибается с жалобным визгом. Будь этот удар прямым попаданием, он бы перемолол органы Рузели в труху, но он отклонился в левую сторону, прошел мимо. Это не Рузель увернулась, но Канату подвел глазомер.

Меткое движение Канаты невероятным образом ушло в «молоко». Девушка не поняла, почему она промахнулась. Она тут же перевела взгляд на свою цель, но сбоку...

— Что, а-а-а?!

Каната пораженно смотрела снизу вверх на ту, что была меньше ста шестидесяти сантиметров ростом. Ростом теперь таким, что приходилось смотреть снизу вверх — на вытянувшуюся вдесятеро фигуру. Фигуру настолько гигантскую, что темнело в глазах. — Хи-хи... Добро пожаловать в мой мир. Вот теперь игра окончена, марионетка!.. Разумеется, дело было не в том, что Хильмия Рузель стала великаншей. Таких противоречащих законам физики акселераций не бывает. А значит все наоборот. Исидзуэ Каната за каких-то несколько секунд сжалась до десятой доли своей величины? Разумеется, это еще более маловероятно. Атомарное притяжение не допустило бы такой бредовой компрессии живого существа.

Здесь вопрос не в физике, а в рассудке. Просто мировосприятие Исидзуэ Канаты породило аномалию. Ни пространство не расширилось, ни она не ужалась, но масштабы зримой картины и воспринимаемые мозгом видения взяли и запредельно сошли с ума, не спросив ее мнения!..

— Ой. Это все на самом де...

Это не реальность. Нет, реальность, но лишь в пределах широты восприятия мозга. Даже с пониманием этого все ее чувства воспринимали гигантский мир очень уж реалистично. Для теперешней Исидзуэ Канаты красная лужа стала озером, доходящим до ключиц.

Хильмия Рузель.

С ранних лет живя со зрительным расстройством, она постоянно и безысходно заявляла: «На меня давит все вокруг». Ее слова не доходили до родителей. Ее, сжимающуюся в комочек в углу комнаты с плотно сжатыми веками, бездумно считали очень застенчивой, неспособной приспособиться к обществу.

И все же мир на самом деле виделся ей гигантским. Легкое нарушение зрения и тяжелое расстройство восприятия. Через восемь лет безумные шестерни сцепились, наконец, в действующий аномальный механизм. Она не могла ощущать расстояние до предметов. Девочка продолжала кричать об ужасе когда огромного, когда далекого искаженного мира, но, как и прежде, никто не понимал ее и она оставалась одна.

Диагнозия — нарушение познавательной способности, непонимание истинного масштаба мира. И вот эти одинокие времена вселили в нее демона. Не для того, чтобы исцелить аномалию. Она создала новообразование, чтобы заставить остальных понять свой кошмар, о котором никто до сих пор даже слышать не хотел. Она желала показать свою боль.

— А. Это «Double Bind» — одержимость, способная вселять в других свою диагнозию...

— Верно. Сначала дело ограничивалось совместным ощущением, но сейчас все иначе.

Ведь общностью можно убить только кого-то одного! Чтобы сделать весь класс инвалидами, такую растрату допускать нельзя.

Великанша Рузель подняла ногу.

Будь здесь кто-то третий, это движение показалось бы ему обычным шагом вперед. Вот только Канате сейчас казалось, что она занесла над ней истинный, великий кошмар.

— Я могу не только делиться своим ощущением, но и подменять чужое. Я же сказала тебе, деточка? Ты хорошо умеешь разрушать, но играть с разумом я умею на порядок лучше!

— Кх!

Галлюцинация падающей пятидесятитонной массы.

Каната сделала сильный уклоняющийся скачок назад, но расстояние между ними совершенно не увеличилось. Подвижность тела была ограничена сжатым сознанием.

Сейчас она действительно собиралась прыгнуть на десяток метров, но на самом деле ее тело отступило на какой-то десяток сантиметров.

Да, такое трудно вынести.

Она не понесла никаких телесных повреждений, но у нее, затянутой в этот многочасовой кошмар, начинал плавиться рассудок.

— Долго ли ты сможешь бегать? А то, если угодно, могу добавить еще масштаб.

Ошибка восприятия.

Властительница безумной перспективы занесла ногу. Ей не уйти. Восприятие Канаты, только что способной избежать удара Рузели, уже считало масштаб окружающего мира за истину.

Идущая электромагнитными импульсами, действующая прямо на мозг психическая зараза. Промывка мозгов несравненной силы. Исправить это может только стороннее вмешательство и депрограмминг.

А еще... Девушки не могли о нем знать, но есть такой одержимый, который, подвергаясь подобной атаке, действовал даже нормальнее.

Он — одержимый с противоположным Рузели знаком. Хиномори Сюсей и Каната встретятся совсем скоро.

Каждый из них по-своему преодолевал такие ментальные вмешательства.

— Нет, уже хватит, Хильмия-сан. Да, мне действительно требовалось время... но все-таки подобные грезы я год назад уже пробовала.

Ей не убежать от Хильмии Рузели. То есть ей нет нужды убегать. Для Исидзуэ Канаты это новообразование — уже дела давно минувших дней.

— Что?..

Озноб по позвоночнику — да что там позвоночник, дрожь доходит до самого мозга.

Хильмия Рузель поднимает глаза к источнику голоса — который находится высоко над головой.

Она не может понять... Она бы так никогда не смогла! Там высится Исидзуэ Каната, задевшая бы головой облака, если бы они были.

— И знаешь что? Извини, но это совсем не смешно.

Словно пало небо.

Не иллюзия, порожденная сжавшимся восприятием, но и в реальности топчущая Рузель правая нога — небрежно — опускается совсем рядом.

БУХ-Х.

Удар сотрясает багровую жидкость, проход, да и все здание. Для Хильмии Рузели, получившей свою усиленную дисгнозию обратно, этого хватает, чтобы стерся в порошок ее правдивый мир, чтобы настал ее конец света.

БУХ-Х.

После жаркого сражения Курамицу Мерка рухнул ветошью под «пятью ударами по срединной линии» Мато-сан. Chest¹⁴!

— Повезло... Просто я знала состояние болезни Курамицу. Да и одержимость его — если знать, где центр, то можно легко справиться. Если бы он был того же типа, что и «Лишнекишки» Ясики Докема или «Фризия» Еругути Сисия — пришлось бы положиться на него.

¹⁴ Термины из кунг-фу и кендо.

Мато-сан кивнула на реактивный гранатомет на плече. Я — первый козырь, а за второй, значит, выступает он.

Бросив тело бывшего жильца корпуса D Курамицу Мерки, Мато-сан направилась к лестнице. То ли свет отключили, то ли кто-то сжег проводку, но лифт стоял на месте.

БУХ-Х.

Центральный корпус снова заходил ходуном от загадочного землетрясения. Источник толчков — явно на первом этаже. Вон как долбит, аж на двадцать пятом чувствуется. Вниз совсем не хотелось, но Мато-сан машет мне — иди быстрее сюда.

— М-м, вопрос, Мато-сан. Не по теме, правда.

— До третьего этажа жизни не видно. Ладно, можем пока и поболтать. Задавай уже свой вопрос.

— Да. В общем, вы сейчас что-то странное говорили про линкишинки и фризью, или как там?.. Это что, клички пациентов?

— Ну-у, да... Только имей в виду, я тут совсем ни при чем! Ну как бы это... Когда они поступали на учет, так их от лишнего рвения и записывали, вот, — она передала мне листик из блокнота.

Знакомые буквы... Несколько раз я такие видел, когда брал задания... Ну, точно, была одна любительница выдавать клички. Тогда ей было четырнадцать, а, нет, пятнадцать. Почему бы и нет, в конце концов? Хотя эти переходят всякие границы. Но, наверное, хорошо, когда у человека есть фантазия.

БУМ-БУ-РУХ.

Однако... Центральный корпус тряхнуло еще сильнее и злее.

Мы прошли двенадцатый этаж. Чем ниже спускались, тем удушливей становился запах крови.

Двенадцатый был еще вполне человеческим. Хотя здесь уже давно царил ад. Стены цвета розовой органики. Воздух вроде сладкой патоки. На каждом этаже разрушения всех мастей, а на двенадцатом — я глянул мельком — восточная стена стерта начисто. Разве что бульдозером можно было бы так основательно все разнести. После этого я решил, что не удивлюсь, если *это* внезапно стало гигантских размеров, да к тому же умудрилось сохранить форму. Слишком уж игнорировался закон сохранения энергии.

— М-м-м-м-сан. Думаете, эти ракеты на ней сработают?

Сим вопросом я высказал, можно сказать, самую суть моего беспокойства.

Если ответит «не сработают» — начну марафон в обратном направлении. Хоть режь, а вернусь на крышу и знай себе буду смотреть за великим финальным боем с чудовищем с трехкилометровой высоты.

— Пока сработают. Хотя это «пока» еще минут на пять... Если оно за эти шесть часов испытает такую смерть, что ее на кусочки разорвет, наш дружок станет бесполезен.

— Чего? Объясните попроще.

— Говорю же. *Оно* — одержимый с иммунитетом ко всему на свете. Я только что сказала

— теперь просто так убить не получится... В самом начале произошел небольшой несчастный случай. Персонал ошибся с количеством нервнопаралитического газа и хорошенько *это* убил.

— Имею замечания к докладчику по разным пунктам, но продолжайте.

— Угу. Инцидент печальный, но что сделано, то сделано. Мы уже начали вскрытие тела, как *оно* вдруг ожило. Что самое бредовое — тело было полностью мертвым, но мозг, похоже, функционировал независимо. Потом тот же газ на *это* уже не действовал. Тело больше от него не умирало. Догадался, что было дальше? Персонал нервничал и ликовал

одновременно. Их можно понять. Гибель от яда — а затем, спустя какое-то время, выработка нейтрализующих антител. Короче, можно было проводить смертельные эксперименты всего на одном субъекте. Идеальная экспериментальная модель.

БУХ-Х.

Монструозный пульс потихоньку приближался.

— Но через месяц все пошло наперекосяк. Разумеется, у *этого* в теле происходили уже не человеческие химические реакции. Нельзя было применять науку. Данные сотен экспериментов ничего не дали, но, как ни прискорбно, *это* выработало иммунитет к тем же сотням разнообразных смертей.

ТА-РА-РАХ-Х!

Мы — на пятом этаже.

Жуть. От исходящего с нижних этажей запаха крови туман в глазах.

— Сечешь? Препаратами из запасов Ольги *это* теперь не убить. Конечно, есть сколько угодно других способов. В крайнем случае, можно сунуть *это* под пресс или, как сейчас, задействовать взрывчатку.

— Но... если *это* все равно оживет, что дальше? — продолжала она. — Если оживут кусочки мяса, это уже не к нам. У нас кончатся методы с точки зрения физики. И персонал Ольги испугался этого «если». Они не имели права своими руками создать финальный вариант. Ведь если они смогут однозначно убить *это*, а потом такой мощи не хватит для полного уничтожения, гипотеза «мы еще сможем убить» исчезнет. Самая несбыточная мечта обывателя — телесное бессмертие — оживет в чудовище. В конечном счете, они решили: «Нам нельзя больше убивать». Сейчас еще есть вероятность наличия смертей, которых *это* не испробовало. А поскольку она есть, *это* не бессмертно — так они из всех сил скрывали свои действия. Но *это* взрослеет день ото дня. Нельзя вечно держать дверь на том же замке. Полгода назад корпус D надстроили именно потому, что боялись *этого*. Ведь есть вероятность и того, что *это* скоро умрет естественной смертью, так давайте умудримся и продержим *это* взаперти до этой самой смерти, тогда вопрос ответственности исчезнет сам собой! Так они недооценили проблему и...

ТРАХ-ТА-РА-РА-РАХ!

Мы пришли на третий этаж. Жуть. Задница. Хреново. Что хреново? Ну, на третьем этаже начиналось озеро. Невероятно, но в огромном количестве крови потонули второй и первый этажи. Мне это очень не понравилось. Не столько из-за вопроса, откуда взялось такое количество крови, но больше из-за того, что нечто с таким запасом красной жидкости уже умерло от руки *этого*!..

— В корпус D придется идти с третьего этажа. Так, где-то тут была пожарная лестница... В отличие от меня, Мато-сан и бровью не повела.

Вид у нее героический — смотрите, это же и вправду та, у которой в словаре отсутствует слово «опасность»!

— Мы не пройдем! Давайте прямо сейчас вернемся в Сикуру, Мато-сан! Не сработает же, наверняка не сработает козырь номер два!

— Дуралей, не кати бочку на ракетницу! Она наземные укрепления и даже танки девяностой модели сносит на раз — для пехотинца это произведение оружейного искусства! От такой не загнется разве что «Тиран»!

— Ни фигя себе!

Я... только сейчас заметил! Мато-сан паниковала, она же давным-давно вся как на иголках!
— Идем, Сёдзай. С тобой как-нибудь управимся. Знаешь про парадокс?
Тома Мато схватила меня за ворот и издала боевой клич.
А потом побежала по залитому кровью коридору третьего этажа. Я пытался бежать обратно. И тут... весомый, самый высокий и сильный

БУ-БУХ

сотряс центральный корпус.
— Что?!
— Вот оно...

Какое еще «вот оно»...
Стена за десяток метров перед нами разлетелась в пыль. Судя по удару, в стену вцепился самосвал.

Брызжущие струи крови и омытая светом только-только занимающейся зари черноволосая девушка.

Два года прошло...
Кровавого платья уже нет. Она устроила невероятную резню, но на ней не было ни пятнышка, ни одной красной капельки. Некогда потерпевшая поражение от Тома Мато, добитая ударом Исидзуэ Сёдзая, она была совсем не той, что стояла сейчас здесь и торжествующе улыбалась:
— Давно не виделись, старушка. Я ждала этого часа два года. А это у нас с таким лицом, словно в кучу наступил, мой добрый брат?
Определенно не в меру развившись и умственно, она поприветствовала нас.
А между прочим... вообще-то я уже видел в том ролике... гм, по-моему, она уж слишком выросла.
— Сёдзай!
Но мои впечатления от встречи никак не касались Тома Мато. Взаимное, давящее различие боевой мощи.
Нельзя себе позволить и лишнего слова — выносят решение инстинкты Мато-сан, отточенные до квинтэссенции бойца.

Беспредельно возросшие способности.
Беспредельно натренированная выносливость.
Да. Подобных ей «чудовищ» просто нет.

Ни единого шанса на победу, если бежать – то только в этот миг. Тома Мато выставляет ракетницу так, чтобы защитить Исидзуэ Сёдзая...
— Брось. Поздно, старушка.
Чудовище одолевает десять метров менее чем за секунду, женщина слышит его голос. Ее правый кулак обрушивается, словно свайный копер.
Дробящий десятисантиметровую стальную стену кулак безжалостно...

— Вперед, Сёдзай-щит!

...пробивает мне грудь посередине. **Г-ха!**..

— Черт, я и не думала!.. — восхищенно растягивает губы Исидзуэ Каната.

Тут взрывается козырь номер два. **Г-хо!**..

Вон как, вот теперь я, **к-ха**, понял, почему козыри ши в гх-таком, поряд-**к-хе**, **г-ха**, **г-хо-кхо**, **г-ха!**..

Две тысячи пятый, четырнадцатое февраля, семь часов утра.
Я в непередаваемом настроении. Бездумно разлепил глаза.

— Приснится же...

Это был сон. Худший из кошмаров.

Ну, да, местами он был странным, и намеки для веток сюжета торчали как стразики, отчего он был вроде бы и легким... Но я хочу сразу отмазаться – я тут совершенно ни при чем.

— Каждый год, каждый год что-то приключается... Похоже, четырнадцатое февраля для меня уже психологический якорь...

Поглаживая грудь, в которой недавно раскрылась огромная дыра, я живенько согнал себя с постели. Умывшись и смыв путы кошмара, в улучшенном настроении включил телевизор.

Погода — облачно. До невероятности прекрасный рассвет из сна на самом деле вон какой.

— Хм?

Зазвонил сотовый. На экранчике — «Томато-тян». Нормально записал... хотя если она увидит, то убьет. Поскольку Мато-сан — надзиратель над выписанным из госпиталя им.

Ольги Исидзуэ Арикой, она должна звонить вот так раз в четыре дня.

Обычно после этого она составляет мне компанию в походе в Марион, что перед заведением.

Но чтобы поесть за ее счет – об этом не может быть и речи.

— Да, алло. Доброе утро, это Исидзуэ.

— А, Сёдзай. У меня дурные вести. Расслабься и слушай.

Голос в трубке серьезный, но в то же время спокойный. Так Тома Мато говорит, когда стоит на краю пропасти. Меня начало подташнивать от невыразимого дежа вю.

— Сегодня утром была разрушена Ольга. Все отделения в руинах. Сейчас ищем пациентов и персонал, но для остальных выживших положение отчаянное. Если повезет, найдем одного-двоих. Камеры слежения показывают, что все это дело рук единственного больного. Подозреваемый истребил дотянувших до последнего беглецов. Потом прорвался через вестибюль и, скажем так, *выписался*.

Меня будто током ударило. «Так, где мой загранпаспорт?» — думаю я, встаю с дивана, но мне, с которым обращаются как с больным А-синдромом, даже водительскими правами нельзя пользоваться.

— Понимаешь?.. Подозреваемого сейчас ищут изо всех сил, но личность еще не смогли установить.

Так. «Ольга» — отдельный от материка остров. Снаружи никто не зайдет. Любое бедствие в этом учреждении обязано происходить внутри. Разрушение клиники — это словно кнопка самоуничтожения.

Поэтому единственный выживший равняется действительному преступнику.

— Сёдзай. Исидзуэ Каната еще объявится.

Значит, это был никакой не дурной сон.

Это был сон в руку — с вкраплениями действительности. Неизбежный для Исидзуэ Арики.

Его неистребимая головная боль.